

22/1006 - 491
24/1008 - 404
25/1008 - 1244
25/1008 - 340
28/1108 - 160
10/1103 - 180
11/1108 - Кис.
1/11 - 210
11/11 - 115
21/11 - 115
18/11 - 40
20/11 - 48
12/11 - 685
11/11 - 926
20/11 - 1452

Николай Чулков

ДОМОДЕДОВО

история края в лицах

8/11

Домодедово
1999

Чулков Н.А. Домодедово: история края в лицах. – Домодедово: комитет по культуре, делам молодежи и спорту администрации Домодедовского района, издательство «Компания «БМС», 1999. – 224 с. ил.

В книге повествуется об исторических, знаменитых, легендарных, известных и рядовых деятелях, связанных своей жизнью или своим подвигом с Домодедовской землей в разные исторические периоды прошедших времен, начиная с XVI века и до сегодняшних дней. В издании – 33 очерка, иллюстрации. Книга написана на основе исторических, архивных материалов, часть очерков подготовлена по личным встречам автора, по воспоминаниям родных и близких героев издания.

ДОМОДЕДОВО

история края в лицах

© Автор – Н.А. Чулков
ЛР № 065777

Дорогие друзья!

Нынешний год юбилейный – Домодедовский район отмечает 30-летие со дня своего образования. Конечно, в масштабах истории три десятилетия – это песчинка времени. Хотелось бы уточнить: эта дата имеет отношение лишь к образованию новой административной территориальной единицы в Московской области. Сама же домодедовская земля имеет глубокие корни и уходит в далекое прошлое. Предания старины глубокой доносят до нас сведения о древних поселениях, о причастности давних предков домодедовцев к истории российской, к истории старинной Московии. Вместе со страной переживала наша земля события последних столетий. Интерес к этому трудно переоценить, поскольку любовь к родному краю, знание его истории – та основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Поэтому считаю выход новой книги «Домодедово: история края в лицах» нашего известного краеведа Николая Александровича Чулкова знаменательным событием в жизни домодедовцев. Уверен, что она встретит большой интерес у жителей района.

Желаю автору новых творческих успехов!

Глава Домодедовского района

Л.П. Ковалевский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Земля Домодедовская! Земля Московская! Земля исконно Русская!

На этой исторической земле со времен вятичей прошли своей чередой многие поколения русских людей, оставивших на ней свой след и выдвинувших из своей среды великих личностей, которые просияли в свой век добродетелями, деятельностью и всей жизнью...

В книге повествуется об исторических, знаменитых, легендарных, известных и рядовых деятелях, связанных своей жизнью или своим подвигом с Домодедовской землей в разные исторические периоды прошедших времен (XVI – XIX веков и в наш XX век). Повествуется о людях, уже ушедших из земной жизни и оставивших по себе память многими плодами добрых и героических дел на благо потомкам, своему народу и своему Отечеству.

Каждый человек уникален по-своему. Нет одинаковых людей. Каждый человек несет в себе особые черты внешности и внутреннего содержания. Сколько людей – столько и различных образов и характеров.

Жизнь человека проходит в бесконечной борьбе за свое существование и спасение себя, своей семьи, своего рода и своего народа. Эта борьба проходит в постоянных трудах, бдениях, молитвах, а потому каждый человек несет в себе определенный смысл жизни и рассчитывает на помощь Бога.

Духовный писатель, протоиерей Иоанн Восторгов (1864–1918) в день 100-летнего юбилея рождения А.С. Пушкина («Вечное в творчестве поэта») говорил: «Человек – это личность, и как личность он не может возникнуть для того, чтобы исчезнуть бесследно. Отлившись в законченный духовно-нравственный образ, определив себя здесь, в земной жизни, оставив в ней заметный или малоприметный, но все ж тот или другой след, он продолжает жить и после смерти и развиваться в области иного бытия, для изображения которого у нас нет ни слов в языке, ни красок, ни образов в воображении. И современники и потомки могут забыть умершего; имя его может изгладиться быстро, не переживши и холмика земли на его безвестной могиле; но будет о нем память пред лицом Бога, для Которого нет мертвых, а все живы (Лк. 20:38); будет о нем память в молитвах Церкви, которая до скончания мира содержит в лоне материнской любви своей всякую верующую душу как богосозданную и богоискупленную, ни одной из них не считает ничтожную, и за каждую и за всех умоляет Божественное милосердие».

Наш выдающийся русский историк Иван Егорович Забелин писал: «Всем известно, что древние, в особенности Греки и Римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших, передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи... Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, т.е. историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала».

А протоиерей Иоанн Кронштадтский (Сергиев) писал: «... весь храм представляет мне священную историю в лицах, чудным глаголом дел Божиих в роде человеческом. Тут я вижу историю в лицах и нашего падения, и восстановления чудным домостроительством Божиим...»

В книге 33 очерка о героях России, родившихся, живших или бывавших на домодедовской земле. Каждый из персонажей всей своей жизнью, и своей деятельностью, и своим служением показал героизм – героизм великое ли, большое ли, малое ли, но героизм!

Жизнь каждого героя представлена в очерках на основе изучения исторических

Чулков Николай Александрович родился в деревне Заборье Домодедовского района Московской области в 1929 году. В 1947 году окончил в городе Домодедово среднюю школу №3, в 1952 году – Московский инженерно-строительный институт. В 1961 году защитил в МИСИ кандидатскую диссертацию, с 1963 года – доцент. По специальности им написаны научные работы, учебные пособия, монография (1971), главы справочника (1992).

Первый очерк «Не теряя ни одного часа» опубликован в газете «Московский комсомолец» в 1950 году. В Домодедове в 1995 году издана книга Н.А. Чулкова «Из истории земли Домодедовской», а в следующем году – книга «Записки краеведа».

Николай Александрович Чулков – член Союза писателей России.

документов, воспоминаний, свидетельств родных и близких, друзей и многих летописцев: объективных, справедливых и противоречивых, а поэтому из множества источников мне приходилось, оценивая их, выбирать и использовать, как мне казалось, наиболее достоверные.

В написании некоторых очерков использованы «Воспоминания» героев, а также воспоминания о них друзей.

Часть очерков написана по воспоминаниям родных, сподвижников и близких, а героев очерков «Дядя Федя – изобретатель телевизора», «Он очищал историю от пыли», «Комсомолец двадцатых годов», «Профессор российской истории», «Где память предков берегут», «Лейтенант сражался на рубеже Ржев – Сычевка – Вязьма» я знал лично и написал во многом по их рассказам и воспоминаниям родных.

Для написания очерков о знаменитых исторических деятелях использованы сочинения знаменитых русских историков: В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова и других.

Героиня очерка «На землях погоста архангела Михаила» Маргарита Михайловна Тучкова на Бородинском поле в 1818 – 1820 годах построила на свои средства первую церковь – церковь Спаса Нерукотворного на месте гибели мужа генерал-майора А.А. Тучкова-4-го.

Ф.Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» сообщил: «Под сводом этого, на левой стороне, стоит памятник Александру Тучкову, в нем сохраняется икона Божией Матери. С этой иконою был он во всех походах до Бородинского сражения, и во всех походах сопровождала его супруга, до смерти верная и по смерти с ним неразлучная!»

А графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская в селе Михайловском на свои средства воздвигла собор Архистратига Михаила в 1822 – 1823 годах.

Скингумения Фамарь (в миру Тамара Александровна Марджанова) основала на домодедовской земле Серафимо-Знаменский скит (женский монастырь).

Участник Великой Отечественной войны, педагог, краевед Олег Степанович Кузнецов положил основание в Домодедове Историко-художественному музею и со дня открытия его был хранителем фонда, постоянно пополняя музей экспонатами.

Добрим словом следует помянуть Василия Васильевича Виноградова, который создал на базе старого известкового завода современный завод строительных материалов и конструций и возглавлял его полтора десятка лет, ушедшего в мир иной 13 июня 1998 года.

Помня слова, сказанные известным государственным деятелем России, писателем Авраамом Сергеевичем Норовым (1795–1869): «Если нет деятелей, то нет и истории: все доблести тонут в пучине забвения, и всякое одушевление подражать этим доблестям исчезает», – автор осуществил работу по написанию книги о деятелях земли домодедовской.

Автор полагает и надеется, что читатели, особенно молодые: школьники, студенты, знакомясь и изучая очерки с жизнеописаниями земляков, героев и патриотов России, откроют для себя некоторые страницы истории России и родного края.

Просим строго не судить за качество некоторых фотографий, поскольку прижизненных изображений некоторых героев просто не существовало, другие иллюстрации – давних времен и в ветхом состоянии, но они дополняют книгу.

Автор сердечно благодарит главу Домодедовского района Леонида Павловича Ковалевского, председателя комитета по культуре, делам молодежи и спорту администрации Домодедовского района Нину Васильевну Воробьеву, редактора районной газеты «Призыв» Евгения Владимировича Москалева, издателя и редактора этой книги Михаила Ивановича Панфёрова за активную, искреннюю и деятельную помощь.

ПАХРИНО – ЦАРСКАЯ ВОТЧИНА

Федор Алексеевич Романов
(1661–1682)

Село Пахрино, исчезнувшее в начале двадцатого века, было вотчиной царя Федора Алексеевича Романова, старшего сына «тишайшего» царя Алексея Михайловича.

Сюда, в Пахрино, расположенное на землях дворцовой Домодедовской волости, царевич Федор приезжал со своим отцом, будучи мальчиком. Царевич Федор полюбил село и его окрестности: реку Пахру с мельницей, от которой слышался шум мельничных жерновов и журчание вод, старинное село Старофурловский Ям с конюшнями и постояльми дворами, ближайшие деревеньки, утопавшие в вишневых садах и сиреневых палисадниках, и, конечно, дворцовое село Ермолино с монастырем «Ермолинские рощи».

В 1676 году, с начала своего царствования, царь Федор Алексеевич, всей душой любивший Пахрино, сделал это село своей загородной вотчиной и подолгу здесь жил. В 1676–1677 годах в селе Пахрино по повелению царя Федора Алексеевича строится каменная церковь во имя Троицы Живоначальной с приделом святого Феодора Стратилата (праздник великомученика Феодора Стратилата отмечается 8 февраля ст. ст.). В праздник Феодора Стратилата царь Федор Алексеевич непременно приезжал на Божественную литургию в Пахрино. В день своих именин царь испытывал необычайную радость, под звон колоколов родственники и приближенные поздравляли царя с днем Ангела. Торжеством веяло от белоснежных полей, от яркого солнечного света.

Село Пахрино было расположено на возвышенности близ села Ям, на расстоянии нескольких сот сажен от реки Пахры, на правом ее побережье.

История села Пахрино уходит в глубокую древность, село упоминается в завещании великого князя Ивана Даниловича Калиты в 1341 году. Оно было почти ровесником Москвы.

В 1614 году, к началу царствования царя Михаила Федоровича Романова, было записано: «Пустошь, где была деревня Пахрино на речке Пахре, вотчина Троицы Сергиева монастыря, по данной вдовы Марьи Ивановны, дочери Ивановой, жены Палицына». А в 1627–1628 годах по писцовым книгам сельцо Пахрино записано «за окольничим князем Алексеем Михайловичем Львовым, что он купил из Троицы Сергиева монастыря, в вотчине сельцо Пахрино на речке Пахре, а в нем двор вотчинникскв,

двор коровий, да под сельцом мельница на речке Пахре, а в ней два жернова, колеса немецкие, а писана за ним, князем Львовым, та вотчина по купчей архимандрита Троицы Сергиева монастыря Дионисия и келаря старца Александра 1623–1624 гг.». В 1646 году по переписной книге известно, что «в сельце Пахрине был двор боярский князя Алексея Михайловича Львова с деловыми людьми».

Во второй половине семнадцатого века Пахрино находилось в дворцовом ведомстве, в селе был двор великого государя.

В дозорных книгах за 1680 год говорится: «...августа в 13 день князь Иван Андреевич Шелеспальский, приехав Пехрянской десятины в государеву дворцовую Домодедовскую волость, в село Пахрино на речке Пахре, а в том селе, по наезду, церковь новокаменная во имя Живоначальной Троицы, да в приделе Феодора Стратилата, у церкви, что каких приходских дворов того неведомо, потому что попа в то время дома не было, а переведен тот поп с погоста Архангела Михаила, что на Булавах, а земля у той церкви взята великого государя в десятинную пашню, и ныне та церковь стоит пуста, а та церковь без дани».

По указу великого государя 30 марта 1682 года «велено в селе Пахрино около государева двора огородить забором в скобель набело с обе стороны, а в звено класть по тридцати бревен».

У царя Алексея Михайловича от Марии Ильиничны Милославской – супруги от первого брака – было пять сыновей и восемь дочерей, но в живых осталось восемь детей: два сына и шестеро дочерей. Старший сын Федор родился в 1661 году, он рос болезненным мальчиком, с трудом ходил. Слаб физически был и младший сын Иоанн. Из дочерей княжна Софья отличалась от других своих сестер крепким здоровьем и силой духовной.

Царь Алексей Михайлович Романов любил охотиться в Ермолинских рощах, окружавших село Ермолино. Село принадлежало московским дворянам братьям Михаилу и Ивану Ермолиным, затем перешло к Никите Ивановичу Романову – двоюродному дяде царя, а после его кончины село Ермолино с обширными землями было отписано на государя и вошло в состав дворцовой Домодедовской волости. 26 ноября 1658 года государь с приближенными охотился в Ермолинских рощах. Рано ступившие сумерки застали охотников в роще, и государь приказал ставить теплые шатры для ночевки. «Ночью, когда тихий сон смежил усталые царские очи, вдруг показалось ему, что шатер его осветился необыкновенным сиянием, и пред ним предстала дева ангельской красоты, облаченная в белую, как снег, одежду». Царь узнал ее: это была святая великомученица Екатерина.

Дева сказала: «Не ужасайся, царь. Я явилась, чтобы сказать тебе, что Господь в эту ночь разрешил от бремени супругу твою и даровал тебе дочь на утешение».

Царь Алексей Михайлович, объятый удивительным видением, с радостью приказал будить своих приближенных и объявил о чудном видении. Царская свита снялась с места, и у села Коломенское ее встретил гонец, который сообщил царю о рождении дочери.

Царь дал своей дочери имя Екатерина. В благодарность за это событие царь Алексей Михайлович приказал построить на месте отдыха мужской монастырь.

Монастырь был построен в 1665–1666 годах и первоначально был назван «Екатерининские рощи», а впоследствии – «Свято-Екатерининская пустынь». Строил монастырь известный зодчий Иван Кузьмич Кузнецик, стрелец полка Артамона Матвеева.

На строительство монастыря камень доставляли крестьяне из села Колычево. В наши дни снова ожил Екатерининский монастырь, на Пасху в 1992 году в Екатерининском храме была совершена первая Божественная литургия.

Царь Алексей Михайлович часто посещал села Пахрино, Домодедово, Старофро-

ловский Ям. В дворцовом селе Домодедове, принадлежавшем царю с 1654 года и являвшемся до этого вотчиной двоюродного дяди царя Никиты Ивановича Романова, Алексей Михайлович бывал в Никольском храме на Божественной литургии.

В январе 1676 года царь Алексей Михайлович Романов почувствовал упадок сил – болезнь неумолимо надвигалась. Предчувствуя кончину, царь Алексей Михайлович 28 января 1676 года благословил на царство своего старшего сына Федора, а царевича Петра, родившегося у царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной, супруги царя по второму браку, поручил деду его, Кириллу Нарышкину, вместе с князем Петром Прозоровским, Федором Головиным и Гаврилою Головкиным. Царь Алексей Михайлович перед кончиной причастился святых тайн, соборовался. Он умер 29 января 1676 года в 9 часов вечера.

Три удара в колокола Успенского собора возвестили народу о смерти «тишайшего» царя.

Царь Федор Алексеевич был благословлен на царство в 14 лет.

Патриарх, присутствовавший при кончине царя Алексея Михайловича, знал, что царь благословил на царство сына Федора, а Юрия Долгорукого назначил опекуном. Долгорукий с боярами, не слушая увещаний Артамона Матвеева, говорившего, что надобно избрать царем Петра, стремятся к покоям Федора, в то время больного ногами, и несут его и сажают на престол, и подходят к нему с поздравлениями на царство.

С восшествием на престол царя Федора – сына Милославской – изменились отношения в царской семье: царица Наталия Кирилловна с детьми не могла ждать ничего хорошего.

Царь Федор вступил на престол спокойно, каких-либо перемен не было. Матвеев оставался в том же сане. Изменения произошли позже, особенно после воцарения царевны Софьи.

С. М. Соловьев писал: «Итак, говоря о правительственной деятельности Федора Алексеевича, царя очень молодого и болезненного, мы обязаны постоянно иметь в виду людей, его окружавших, сначала Милославских, потом, особенно с 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына...»

Царь Федор Алексеевич унаследовал от отца три трудные проблемы внешней политики: это дело с Дорошенко, отклонение притязаний Польши на буквальное исполнение андрусовских статей и турецкую войну.

Царевич Федор был воспитанником западнорусского монаха Симеона Полоцкого, который уделял внимание церковному воспитанию царевича, изучению польского языка и писанию вирш. Сам Федор был любознателен, любил читать книги, вникал в дела типографии.

Известно, что Симеон Полоцкий переложил псалтирь на вирши, а перевод псалмов 132 и 145 приписывали царевичу Федору. В царствование Федора Алексеевича в политике государства господствует западнорусское направление.

Патриарх, заподозрив, что это направление неправославное, опирается на греческих учителей.

В конце правления царя Алексея Михайловича в России начались новшества, что привело к массовому народному движению. В народе носилась идея второго пришествия Христа и кончины мира. Начатое дело преобразований в России продолжалось и при царе Федоре Алексеевиче Романове.

Первым делом в преобразовании явилась необходимость обучения народа грамоте, стали приглашаться учителя, преимущественно из православного духовенства.

Русский монах Тимофей, побывавший на Востоке, вернувшись в Россию, рассказал царю Федору Алексеевичу о греческой церкви, ее бедствиях и о печальном состоянии наук.

Царь Федор Алексеевич для поддержки Православия дал указание устроить в России училище на 30 учеников при типографии. Монах Тимофей был назначен начальником училища, а два грека стали обучать учеников греческому языку. К вселенским патриархам направили послов просить о присылке учителей, испытанных в Православии, при этом заготовили царскую грамоту. В начале грамоты царь Федор говорит, что он, царь, вступив на престол юношей, подобно Соломону, ни о чем не хочет так заботиться, как о мудрости, царских должностей родительнице и всяких благ изобретательнице и совершительнице, с которою все блага от Бога людям даруются. Как Соломон устроил семь училищ, так и он, царь Федор, подражая Соломону и древним греческим царям благочестивым, намерен устроить в Заиконоспасском монастыре храмы чином академии «и в оных семена мудрости, т.е. науки гражданские и духовные, начиная от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия, учащей вешей божественных и совести очищения, постановить. При том же к учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам, ими же целость академии, сиречь училищ составляется быти». «На содержание открытой академии и учителей по царскому указу даны монастыри: Спаса в Китае-городе близ Неглинных ворот (Заиконоспасский); Иоанна Богослова в уезде Переяславля Рязанского, ибо Иоанн Богослов почерпнул мудрость небесную от источника премудрости; Андреевский на Москве-реке, ибо этот монастырь основан Ртищевым для ученого братства; монастырь Данилов, также на Москве-реке, для пребывания приходящим из-за границы ученым людям и еще четыре монастыря со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями; кроме того, царь от себя дал Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей в разных местах. Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикам. Блюстителю и учителям должны быть благочестивые и от благочестивых родителей рожденные и воспитанные в православной восточной вере российский и греческого народа. Но от греков могут быть допущены только те, которые принесут от вселенских патриархов достоверное свидетельство о крепком утверждении своем в восточной вере...» (С. М. Соловьев. История России..., книга VII, том 13).

В первые годы своего царствования Федор Алексеевич всецело находился под влиянием бояр, врагов Артамона Сергеевича Матвеева – воспитателя царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной. Сестры царя Федора Алексеевича ненавидели мачеху Наталию Кирилловну.

Самой видной и строптивой из них по уму, силе воли и характеру была царевна Софья. Царевны были окружены Милославскими – родственниками с материнской стороны. Слабость царя Федора позволила Милославским с боярами Долгоруким, Куракиным и Стрешневым взять верх. Боярин И. Б. Милославский, призвав 11 июля 1677 года А. С. Матвеева с сыном в съезжую избу, объявил ему, что царь приказал лишить его боярства, отписать все поместье и вотчины к дворцовым селам и сослать его в Пустозерск. Вслед за ним были отправлены в ссылку двое братьев царицы Наталии Кирилловны: Иван и Афанасий Нарышкины.

Царица Наталия Кирилловна, продолжая жить с детьми в селе Преображенском, находилась постоянно под страхом, что отразилось впоследствии на характере царевича Петра.

В церковных делах всем управлял патриарх Иоаким. Царь Федор не в силах был воспрепятствовать ему притеснять низложенного Никона. Близкий к царю Федору духовник Савинов был обвинен в безнравственных поступках и сослан в Кожеозерский монастырь. Царь не мог предпринять каких-либо мер по его спасению.

В царствование Федора Алексеевича Русское государство переживало трудности. Это отношения с Турцией, Чигиринские походы, в 1679 году постоянное ожидание

нападения татарского хана. Поэтому все вотчины были обложены особым налогом на три года по полтине со двора на военные нужды.

В селе Пахрино царь Федор Алексеевич находит себе отдохновение, посещает Божественные литургии в храме Троицы Живоначальной. Царь продолжает строительство монастыря «Свято-Екатерининская пустынь», что в Ермолинской роще, и прибывает на освящение храма в монастырь: «В 1679 году октября в 11 день Великий государь Федор Алексеевич изволил с Москвы идти в село Коломенское, а из села Коломенского в Екатерининскую рощу по освящению церкви; а за ним, Великим государем, бояре: князь Василий Васильевич Голицын, Михаил Григорьевич Ромодановский, окольные: Григорий Никифорович Сабакин, Иван Тимофеевич Кондырев, разрядный дьяк Федор Шекловитой».

Семнадцатилетний царь Федор Алексеевич в 1679 г. приблизил к себе двух любимцев: Ивана Максимовича Языкова и Алексея Тимофеевича Лихачева. Языков был назначен постельничим. Молодые люди Языков и Лихачев стали самыми близкими к царю и самыми влиятельными на дела правления в государстве. Третьим человеком, оказавшим сильное влияние на царя Федора, был молодой князь, боярин Василий Васильевич Голицын. Это был высокообразованный, с широким взглядом и умением человек западного мышления. Князь В.В. Голицын с выборными из разных чинов служилыми людьми по царскому поручению рассуждали о необходимости ратных преобразований.

С возмущением Федора Алексеевича заметнее стало усиление правительственной деятельности. Царским указом было запрещено впредь отдавать по духовным грамотам вотчины мимо прямых наследников, дарить их в чужие руки. Поместное право почти исчезло и переходило в вотчинное. Сын мог просить правительство дать ему поместье или какую-нибудь награду, следовавшую его отцу за службу, если отец не успел ее получить.

Все дела по управлению на местах передавались в ведение воевод. Правительство, таким образом, имело целью упростить правление, избавив народ от содержания многих должностных лиц.

В царствование Федора Алексеевича был заключен мир с Турцией и Крымом, были приняты многие законы и постановления нравственного характера.

В 1680 году был принят закон, запрещающий отсечение рук и ног, и заменен ссылкой в Сибирь. В мае 1681 года было принято постановление об отобрании крестьян-христиан от татарских мурз, и если последние принимали христианство, то крестьян оставляли.

Инородцев, принимавших крещение, поощряли деньгами. В июне 1681 года царским указом были уничтожены откупа на винную продажу и на таможенные сборы. В марте 1680 года царем было принято постановление о межевании вотчинных и помещичьих земель, а помещикам было предписано сообщать о числе имеющихся у них крестьян.

Летом 1680 года во время крестного хода царь Федор Алексеевич увидел девушку, которая ему понравилась. Он поручил Языкову узнать о ней, и тот сообщил царю, что она дочь Семена Федоровича Грушецкого – Агафья. Царь, не нарушая дедовских обычаев, приказал созвать толпу девиц и выбрал из них Агафью.

Милославский пытался расстроить этот брак, но безуспешно. 18 июля 1680 года царь вступил с избранной невестой Агафией в брак. Царица происходила из незнатного рода и к тому же, как говорили, по происхождению – полька. При царском дворе и моду стали входить многие польские обычаи. Сам царь Федор Алексеевич знал польский язык, читал на польском языке книги.

Иван Языков и Алексей Лихачев – любимцы царя – были возвышены. Языков

получил сан окольничего, а Лихачев – постельничего. В конце царствования Федора Алексеевича Иван Языков был пожалован в бояре. Получил возвышение и близкий к царю князь Василий Голицын.

Через год после венчания жизнь царя омрачилась трагедией: 14 июля 1681 года у царя умерла супруга – царица Агафья, а вслед за нею умер новорожденный сын-младенец, крещенный с именем Илия.

Царем Федором Алексеевичем важные преобразования были совершены в церковном строительстве. Был создан церковный Собор – важный в русской Православной церкви. Собор постановил открыть новые епархии. Большое внимание было уделено вопросам борьбы с раскольниками и старообрядцами.

На церковном Соборе было принято постановление: риза Господня, присланная при Патриархе Филарете и разрезанная на кусочки, которые хранились в разных местах, должна быть собрана в один ковчег в Успенской церкви. Также на церковном Соборе был принят ряд законоположений, имеющих нравственное начало: обязать монашествующих жить в монастырях по уставу, в женских монастырях управление отдавалось назначенным от правительства старикам, дворянам.

На Соборе было принято постановление об уничтожении местничества. Царь представил этот вопрос на обсуждение Патриарха с духовенством. Духовенство признало местнический обычай противным христианству. Было приказано собрать все разрядные книги. На основе приговора духовенства царь приказал все разрядные книги сжечь, дабы служилые люди не могли возноситься службою своих предков и унижать других. Книги были преданы огню в сенях царской передней палаты. Вместо разрядных книг велено держать родословные книги и составить новую книгу, записав в нее те роды, которые не были записаны в прежней родословной книге.

С тех времен боярам, окольничим и думным людям давались разные названия, в зависимости от того, какого города наместниками они были.

В ноябре 1681 года состоялся царский указ о созыве Собора служилых людей для «устройства и управления ратного дела».

Собор собрался в январе 1682 года. Было введено европейское разделение войск на роты вместо сотен под началом ротмистров и поручиков.

В январе 1682 года царь объявил своей невестой Марфу Апраксину.

Состояние здоровья царя Федора Алексеевича ухудшалось, но ближние его поддерживали в нем надежду на выздоровление. Царь вступил 14 февраля 1682 года в новый брак с Марфой Матвеевной Апраксиной, девушкой незнатного происхождения, родственницей Языкова.

Артамон Сергеевич Матвеев был признан невиновным и освобожден вместе с сыном.

Молодая царица Марфа примирила царя с Наталией Кирилловной и царевичем Петром.

Последние месяцы своей жизни царь Федор проводит в Кремле и в Пахрине. Из Пахрина царь с царицей Марфой выезжает в вотчину Апраксиных – селение Стрелково, что на реке Пахре несколькими верстами выше по течению села Пахрино, вблизи села Подол.

Царь Федор отдыхал душой в своем Пахрине. Отсюда с холма открывались прекрасные дали: река Пахра с долиной и селами Старофроловский Ям, Домодедово и деревнями Павловское, Киселиха, Камкино, Новленское, Съяново, а вокруг поля и таинственные леса.

Не случайно первым делом еще в начале своего царствования царь Федор повелел в 1676 году построить в Пахрине каменную церковь во имя Троицы Живоначальной с приделом святого Феодора Стратилата.

С молодой женой Марфой Матвеевной Апраксиной царь Федор Алексеевич прожил недолго: 27 апреля 1682 года царь Федор Романов скончался.

Тетка царя Федора Татьяна Михайловна, благочестивая и влиятельная княжна, после ослабления влияния Милославских внушила племяннику, что нехорошо обижать бывшего патриарха Никона. По ее же указанию царь Федор ездил в недостроенный Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим). Царь пленился величественным монастырем, принял непосредственное участие в довершении постройки монастыря и предложил патриарху Иоакиму перевести Никона из Кириллова монастыря в Воскресенский.

Но этому не суждено было сбыться. Бог судил иначе: бывший патриарх Никон в дороге занемог и вскоре скончался.

После краткого правления Софьи наступила эра Петра Первого. Царевича Петра крестил сам Патриарх, а воспреемником (крестным отцом) был старший брат – царевич Федор.

Дворцовое село Пахрино будет впоследствии вотчиной царя Петра Первого, который подарит село князю А.Д. Меншикову, а потом село снова причислят к дворцовой волости.

В 1829 году в селе было 7 крестьянских дворов, к 1912 году останется 3 двора, а к 1917 году будут снесены и последние дворы.

С падением царской династии Романовых (не символично ли!) исчезнет село Пахрино, закроется церковь Троицы Живоначальной и прекратятся богослужения. Но еще двенадцать лет, вплоть до 1930 года, церковь будет одиноко стоять на холме, сверкая своим голубым куполом и сияя крестом.

Старожилы из окрестных деревень вспоминали и рассказывали мне о снесенной церкви.

Осенью 1950 года по заданию редакции газеты «Московский комсомолец» я готовил очерк для рубрики «Вести с полей» и побывал на полях колхоза имени Горького. С председателем колхоза Н.И. Скокиным я ходил по картофельному полю на том самом холме, где стояла церковь Живоначальной Троицы, и не знал тогда, что места эти священны для каждого русского человека.

Хорошо было бы поставить на том благословенном месте крест в память о церкви Живоначальной Троицы и царе Федоре Алексеевиче Романове.

Воеводы вручают царю Иоанну Грозному трофеи, взятые у Девлет-Гирея в 1572 году.

ВОЕВОДЫ ДОМОДЕДОВСКОЙ ЗЕМЛИ XVI–XVII ВЕКОВ

С домodedовской землей своей жизнью и своим служением были связаны родовые династии Колычевых, Телепневых и Чулковых, из которых вышли многие московские воеводы.

Отдельные представители из рода Колычевых владели селом Колычево, расположенным на берегу реки Пахры, из рода Телепневых – селом Битягово, расположенным на берегу Рожайи, а из рода Чулковых служили на сторожевой заставе, бывшей на месте современной деревни Заборье. Деревня Заборье существовала до татарского нашествия крымского хана Девлет-Гирея. В 1571–1572 годах Заборье было разорено и превратилось в пустошь. Возрождение деревни началось вновь спустя почти целый век.

Все поселения Южного Подмосковья подвергались бесконечным нашествиям и набегам. С 1539 по 1552 год шла непрерывная борьба русских с татарами, набегавшими на Москву. Походы русских войск на Казань в 1548–1549 годах были безуспешны, и только походы 1552 года принесли победу.

Колычевы происходили из знатного и древнего боярского рода. Родоначальником Колычевых был Федор Александрович Колычев, живший в конце XIV века. Вотчина Колычевых – село Колычево – на домodedовской земле впервые упоминается в 1406 году в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича. Уже в то время село принадлежало Колычевым, которые владели и жили в нем в течение нескольких последующих поколений.

Во время правления Елены Глинской Колычевы держались стороны князя Андрея (брата великого князя Василия), и трое из них с падением князя Андрея были казнены.

Известно, что митрополит Филипп (в миру Федор Степанович Колычев), приходивший из младшей ветви рода Колычевых, в молодые годы служил в ратных войсках. Родовые вотчины в Подмосковье принадлежали старшим ветвям рода Колычевых, а митрополит Филипп родился в поместье на Новгородской земле – в Деревской пятине – 11 февраля 1507 года.

Дядя митрополита Иван Умнои-Колычев, служивший у опального князя Андрея Старицкого и сохранивший ему верность, попал в тюрьму. А его троюродные братья Андрей Иванович и Гаврила Владимирович за отъезд к Старицкому были казнены.

Федору в 1537 году пришлось бежать на Онежское озеро, а затем на Соловецкие острова. В тридцатилетнем возрасте Федор Колычев удалился от мира, постригся в Соловецком монастыре с именем Филипп и через 10 лет во время царствования Иоанна Грозного стал игуменом Соловецкой обители.

Игумен Филипп вел монастырское хозяйство расчетливо, твердо руководил общиной, осуществил много построек. Соловецкий монастырь стал центром духовного развития, переписывались сочинения писателей XVI века. В их числе были Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, позднее Андрей Курбский.

Филиппа Колычева царь Иоанн Грозный видел, будучи еще мальчиком, и, когда встал вопрос о назначении митрополита, царь выбрал Филиппа. Игумен Филипп прибыл в столицу, явился к царю и, узнав о причине вызова, сказал ему: «Я повинуюсь твоей воле, но оставь опричнину, иначе мне быть митрополитом невозможно...»

Филипп после долгого раздумья, наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке. Филипп был поставлен митрополитом 25 июля 1566 года. Став московским митрополитом, Филипп увещевал царя Иоанна Грозного, и на некоторое время царь действительно воздерживался от своей кровожадности.

Митрополит не требовал уже больше уничтожения опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных. Царь оправдывался, говоря, что кругом его тайные враги. Вскоре царь не взлюбил настойчивого митрополита и не стал допускать его к себе. Однажды, когда царь Иоанн Грозный подошел под благословение, митрополит Филипп не благословил его. События развивались быстро. Митрополит Филипп был низложен и оказался в заточении в Отрочь-монастыре. По царскому приказу на него надели колодки и кандалы. Царь в назидание казнил племянника митрополита Ивана Борисовича Колычева. По царскому приказу в 1569 году в Отрочь-монастырь прибыл Малюта Скуратов и там собственноручно задушил митрополита, при этом монахам объявил, что Филипп умер.

В царствование Алексея Михайловича Романова в 1652 году митрополит Филипп был причислен к лику святых.

В царствование Иоанна Грозного в битве при взятии Казани отличился Никита Борисович Колычев. Он был убит 20 октября 1552 года.

В 1781 году императрица Екатерина II удостоила село Колычево «имени прав и преимуществ города» под названием Никитск в честь героя Казанской войны Никиты Борисовича Колычева.

При царе Борисе Годунове опала на Колычевых снова повторилась, некоторые из Колычевых поплатились своей жизнью.

Телепневы в истории России известны с XV века. В 1492 году записано: «Того же лета месяца августа послал князь великий Иван Васильевич воеводу своего князя Федора Телепнева-Оболенского с силою ратною на город Мченск...» В 1518 году было известно о князе Федоре Васильевиче Оболенском-Лопате и князе Иване Федоровиче Оболенском (Телепневе).

В 1530 году в истории зафиксировано: «...в передовом полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок-Засекин...» А тремя годами позже, в 1533 году: «...тогда воеводы по указу великого государя послали за реку (Оку!) воеводу князя Ивана Федоровича Оболенского-Овчину: много татар побили и к великому князю прислали в Коломенское». В 1535 году «наместник стародубский князь Федор Васильевич Телепнев, вышед из града, с литовскими людьми бился и многих побил...»

Телепневы в документах XVI века писались: Телепнев-Оболенский, Телепнев-Овчина, Оболенский-Лопата-Телепнев (Лопатин), Оболенский-Овчина-Телепнев.

Н. М. Карамзин писал, что главными вельможами в России в 30-х годах XVI века были Глинский и Телепнев: «...старец Михаил Глинский и конюший боярин князь Иван

Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленой». Глинский, как пишут, «смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели...»

Н.И. Костомаров сообщает, что «Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, которому совершенно отдалась Елена Глинская, вдова великого князя Василия, был человеком крутого нрава, не останавливался ни перед какими злодеяниями. Брата покойного великого князя Юрия засадили в тюрьму и уморили голодом. Другой брат, Андрей, испугавшись той же участи, убежал, но был схвачен и задушен».

Михаил Глинский, дядя Елены Глинской, был обвинен в нелепом замысле овладения государством, посажен в тюрьму и уморен голодом.

«Во внешних же делах Телепнев, – по Костомарову, – поддерживал достоинство Московского государства. Открывшаяся, по истечении перемирия, война с Литвою ведена была счастливо и окончилась в 1537 году новым перемирием на пять лет с уступкою Москве двух крепостей: Себежа и Заволочья, построенных на Литовской земле. Татарские нападения были отражены. Такие успехи еще более возвышали любимца Елены, но это возвышение ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апреля 1538 года».

К власти в 1538 году пришел боярин Василий Шуйский, при нем Ивана Телепнева уморили голодом, как он сам уморил Глинского.

О воеводе Даниле Чулкове, жившем и служившем в России в XVI веке в царствование Иоанна Грозного, писали все знаменитые историки: В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев. Личность воеводы Данилы Чулкова примечательна: был близким человеком к царю Иоанну Грозному, участвовал и руководил войсками во многих главных сражениях своего века, одерживал блестящие победы и явился основателем города Тобольска – столицы Сибири.

Для истории год рождения Данилы Чулкова остался неизвестным, но первое упоминание о воеводе известно – 1554 год, когда царю Иоанну Грозному было 24 года. Предположительно Данила Чулков родился в начале 20-х годов (1520–1525). Род Чулковых вел свою родословную от легендарного Ратши. Герой из дружины Александра Невского Гаврила Алексич был правнуком Ратши, а внуком Гаврилы Алексича был Григорий Пушка, прямой предок А.С. Пушкина. «Между тем родословное древо Ратшичей помимо ствола Пушкиных включает и другие ветви, давшие России крупных полководцев, дипломатов, общественных деятелей, инженеров, юристов, писателей и поэтов. Среди них – родовые династии Курчевых, Рожновых, Товарковых, Хромых, Чоботовых, Свибловых, Бутурлиных, Давыдовых, Желебиных, Чулковых, Челядних, Мусиных-Пушкиных и Бобрищевых-Пушкиных» (И. А. Ратшич. Дворянство – по делам. «Русский вестник», №11 1992 года).

В истории России в начале XVI века был известен, – как писал Татищев, – воевода князь Иван Михайлович Чулок-Засекин (Засекин-Чулков).

Во второй половине XVI века, в царствование Иоанна Грозного, важную роль в России играл воевода Данила Чулков. Историки называли его «стрелецкий голова», «письменная голова», «казачий атаман».

На рубеже XVI–XVII веков воеводами были: Чулков, Корнил (Гавриил) и Чулков Федор (сын Данилы Чулкова). Они отличились во время смуты при изгнании поляков из России.

Проследим за судьбой воевод по историческим записям.

В 1524 году великий государь сентября в 15-й день «возвратился из Новаграда с братиею на Москву, послав рать к Казани...» В этой рати были «Василий Андреевич Шереметев да Федор Семенов, сын Колычев, а в правой руке князь Петр Иванович

Респин да Дмитрий Бутурлин; а в левой руке князь Иван Федорович Овчина да князь Андрей Кропоткин, а в сторожевом полку Иван Васильев, сын Лошакова, да Чулок-Засекин». В тот год (1524) было большое сражение, в котором погибло русских до 25 тысяч, а татар до 42 тысяч.

А в 1530 году «князь великий... послал в Казань рать свою... а в конной рати в большом полку князь Михайла Львович Глинского, Василий Андреевич Шереметев; в переднем полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок-Засекин...»

В этой битве хан Саип-Гирей, видя гибель города, собрал крымских татар в числе 5 тысяч и бежал из города, пробился сквозь русские полки, оставив две тысячи, и только с тремя тысячами бежал в Крым.

В походе воевод великого князя в Литовскую землю в 1535 году были «...а в передовом полку боярину своему конюшему князю Ивану Федоровичу Телепневу да князю Никите Борисовичу Туренину... А из Новаграда Великого и Пскова тако же послал князь великий на Литовскую землю и велел идти на Опочки...а в левой руке наместнику ж псковскому Дмитрию Семеновичу Воронцову да Федору Семеновичу Колычеву, а в сторожевом полку князю Федору Михайловичу Курбскому да князю Ивану князю Михайлову сыну Ивановича Засекина...»

«И воеводы великого князя Михаил Васильев Горбатый с товарищи начали воевать королевскую область от Смоленского рубежа...и воевали до Вильни верст на 50, а инда и за 40. Поворотясь же оттеля к Полярным местам, пошли к немецкому рубежу, жгучи, воюючи, секучи и в плен смлючи. И вышли воеводы великого князя на Опочку к Псковской земле – все здравы с великим полоном, а пришли из Литовской земли на Опочку 11 марта, в первый день в 4-ю неделю поста».

В войсках великого князя Василия Ивановича воеводами были Федор Семенович Колычев, Иван Федорович Телепнев-Оболенский да Иван Михайлович Чулок-Засекин. В 1555 году в России была организована впервые регулярная охрана из стрельцов.

В 1566 году из 94 дворян первого ранга на службе в России оказалось только 33 из старых княжеских родов.

В 1539 году татары вторглись на Московскую землю, сын Саип-Гирей Иминь с шайками своих разбойников «грабил в Коширском уезде по Оке». А в 1541 году десятилетний царь Иоанн «с братом своим, Юрием, молился Всевышнему в Успенском храме пред Владимирскою иконою Богоматери и градом Св. Петра митрополита о спасении Отечества; плакал и вслух народа говорил: «Боже! Ты защитил моего прадеда в нашествие лютого Темир-Аксака: защити и нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а государство требует от нас спасения!»

При Иоанне Грозном в 1550 году вышел новый «Судебник», который получил название «Вторая русская правда».

В России 1552 год вошел в историю царствования Иоанна Грозного как год взятия Казани.

К войне с Казанью шла большая подготовка: «Уже полки стояли от Коширы до Муром; Окою, Волгою плыли суда с запасами и пушками к Нижнему Новгороду...»

В Коломне ожидали государя новые вести: крымцы шли к Рязани. Иоанн немедленно сделал распоряжение: велел стать большому полку у Колычева...»

В 1554 году «пришли воеводы на Переволочу, что к Дону с Волги в 29-й день, отпустили наперед себя князя Александра Вяземского да Данилу Чулкова, а с ними детей боярских и атаманов с казаки астраханских людей поискать языков (подобить) и князь Александр встретился со астороханцы выше Черного острова, а они гребут в

укшулях проповедывати про рать царя и великого князя, а в головах из них был Сакмак. И князь Александр на те люди пришел, и Божиим милосердием и царя и великого князя щастиями тех людей побил наголову. И не ушел от тех ни один человек, а самого Сакмака жива взяли и инных многих и к воеводам встречу тех привели. И языки воеводам, Сакмак с товарищи, сказывали, что их послал Емгурчей-царь про рать московскую проведати, а сам Емгурчей царь стоит ниже города Астрохани 5 верст...

И астороханцы из города побежали, и всеильные Бога помощью, и Его Богоматери, и великих чудотворцев молением, и царя благочестивого, и великого князя Ивана Васильевича вся Руси благородством, и твердыми свирепостию разума его наукам, и его царским щастием воеводы его князь Юрья Иванович Пронский с товарищи Астороханское царство и город взяли, и людей наших разгоняли, и многих побили, а инных живых поимали. И взят город Асторохань июля 2-го на праздник Пречистые Владычице наша Богородицы Положение честные ризы, иже во Влахерны.

В 1556 году «Данилу Чулкова да Ивана Мальцова послал государь вниз по Дону проведать про крымские вести...», и прислал к государю царю с Поля «Данилко Чулков девяти татариноров крымских, а... на Дону близ Азова 200 человек крымцев и побил их наголову...»

С.М. Соловьев в своей «Истории...» писал об этом событии так: «В Серпухов прислан к царю (Иоанну Грозному. – Н.Ч.) гонец от Чулкова, начальника того отряда, который и плыл Доном для вестей, Чулков писал, что встретил близ Азова 200 человек крымцев, побил из наголову и узнал от пленных, что хан в самом селе собрался на Московские украинны...»

В 1557 году снова «на Дон государь послал Данила Чулкова да Васью Хрушова, да с ними атаманов и казаков, а велел их искать и побити их, и дяку Ржевскому велел на них послати казаков к Азову, да итти от Азова вверх Доном имать их». А в 1558 году «отпущен в Черкасы, на Казань да на Астрахань судном, и с Черкас им итти ратью мимо Азова. Да со князем Дмитрием же брать отпустил Игнатия Заболоцкого с жильцы, да Ширяя Кабякова с детьми боярскими, да и Данила Чулкова, да Юрья Булгакова... А с казаки велел государь оставить Данила Чулкова да Юрья Булгакова...» (Следует заметить, что село Битягово в начале XVII века находилось во владении за стремянным конохом Дмитрием Кузьминым, сыном Булгакова.)

Как сложилась дальнейшая судьба воеводы Данилы Чулкова с 1558 года и до 1587 года в истории освещено весьма слабо, известно, что в последние годы он служил головой в Рязске.

В 1584 году умер царь Иоанн Грозный.

На исторической арене воевода Данила Чулков появляется вновь уже в почтенном возрасте, в царствование Бориса Годунова. В 1587 году Разрядный приказ решил послать за Урал письменного голову Данилу Чулкова.

Разрядный приказ решил повторить в Сибири опыт Казанской войны: воеводы добились успеха только тогда, когда построили на Волге крепость Свияжск. Опираясь на эту построенную крепость, воеводам удалось сокрушить Казанское ханство.

Вот тут и понадобился опыт такого мудрого военачальника, каким был воевода Данила Чулков. Чулкову была поставлена задача: построить крепость в непосредственной близости от «Старой Сибири».

Перед отправкой в Сибирь воеводе Чулкову не велено было штурмовать Кашлык. Его войска снабдили всем необходимым для постройки крепости. В Сибирь Данила Чулков привел несколько сот стрельцов. Отряд Даниила Чулкова спустился по Туре и Тоболу на Иртыш и, выбрав место на высоком мысу в 15 верстах от Кашлыка, построил за один сезон деревянный острог-крепость, названный Тобольск. Воевода Чулков не только построил острог, но и укрепил его и воздвиг церковь во имя Живоначальной

Троицы в том же, 1587 году.

После изгнания Кучума из Кашлыка в Сибирском ханстве началась междоусобная борьба. Сеид-хан продолжал удерживать столицу ханства, опираясь на поддержку татарских феодалов и правителя казахской орды.

Султан Ураз-Мухамед, племянник казахского хана Тевекеля, постоянно находился при Сеид-хане с воинами.

Старый хан Кучум уповал на поддержку бухарцев, которые помогли ему в былые годы захватить Сибирь, и ждал своего часа.

Сеид-хан, поглощенный борьбой с Кучумом, избегал столкновений с русскими и пытался завязать переговоры с воеводами в 1587 году, когда они появились у стен ханской столицы. Чулков, воспользовавшись благоприятным моментом, пригласил хана и его приближенных в Тобольск на пир. Хан принял приглашение. Однако татары приняли меры предосторожности. В сопровождении Сеид-хана было 500 отборных воинов. Данила Чулков располагал меньшими силами, а потому, когда гости явились к воротам Тобольска, Чулков согласился впустить в крепость не более 100 человек и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком, крайне осторожным, но, увидев малочисленность русских, согласился на все условия. Когда Сеид-хан, Карача и другие татары заняли места за столом, они столкнулись лицом к лицу с казаками атамана Ермака. Едва ли можно было предположить, будто воевода Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего события развивались под влиянием стихийных сил и предыдущих битв. Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольца и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом, а ханская свита была переби-та.

Но самое трудное предстояло впереди. У ворот острожка стояли во всеоружии 400 отборных воинов. Началась борьба казаков с противником, обладавшим большим численным перевесом.

В кровопролитном бою погиб «Великий атаман Матвей Мещеряк», возглавлявший казачью экспедицию после гибели «Великого атамана Ермака». Пленение Сеид-хана было последним большим событием, в котором казаки Ермака участвовали как воины. Сеид-хан был увезен в Москву и определен на царскую службу.

Русское казачество, как организация и военная сила, участвовало во многих военных кампаниях и закладывало новые крепости.

Судьба одного из участников казачьих экспедиций, Гаврилы Иванова, показательна. Он, вернувшись в Сибирь с отрядом воеводы Сукина, ставил крепость «Тюмень» и ставил деревянный Тобольский городок с головой Данилой Чулковым, участвовал в бою с гвардией Сеид-хана, затем ставил Пельымский и Тарский городки и громил Кучума уже на Оби. Гаврила Иванов был назначен атаманом конных казаков в Тюмени и был одним из немногих соратников атамана Ермака, оставшихся в живых.

Начавшаяся вскоре опала на промышленников Строгановых коснулась многих воевод – участников Сибирских походов. Дьяки Разрядного приказа записали в дворянские списки данные о гонениях на сибирских воевод. Василий Сукин оказался «у пристава в опале», его помощник – тюменский воевода Иван Мясной попал под стражу. А основатель Тобольска Данила Чулков, согласно записи, угодил «в тюрьму».

Сибирские воеводы, добившиеся крупных успехов в военном деле, основавшие несколько крепостей, занявшие ханскую столицу Кашлык и пленившие Сеид-хана, пострадали вместе со Строгановыми.

Правительство не могло обойтись без услуг Строгановых, и в 1590–1591 годах царь Федор пожаловал Никите Григорьевичу Строганову помилование и вернул его

вотчины с «городком Орлом, слободой, и с варницами, и с деревянными, и с починками со всеми к ним угодья владеть по-прежнему...»

Дальнейшая судьба воеводы Данилы Чулкова неизвестна. В годы смуты начала XVII века отличился его сын воевода Федор Данилович Чулков.

Князь Скопин в 1608 году «послал шведов наперед к Старой Руссе, и они очистили Старую Руссу. Потом был бой у шведов и русских с поляками. В Торопецком уезде, селе Каменках, где поляков побили и, Торопец взяв, оставили воеводу Федора Чулкова...»

А другой воевода, Корнила (Гаврила) Чулков, участвовал в битве за Торжок. «По отправлении шведов к Руссе послал же к Торжку Корнила Чулков с русскими людьми, и оной вскоре Торжок взял и укрепился...» «К Торжку послал Шуйский... Гаврилу Чулкова со многими новгородцами. И оный, по невеликом сопротивлении Торжок взяв, укрепился. Во Твери же поляки, уведав оное, послали к Торжку войско, а Шуйский, получив известие, послал в помощь к Чулкову Семена Головина, тако же и Горну велел туда наспех итти... Чулков вышел со всеми людьми в помощь, а Головин с поля подоспел, и поляков с великим уроном отбили, по котором они отступили во Тверь».

Из родовых русских династий Колычевых, Телепневых и Чулковых вышли многие известные воеводы, которые служили на славу Отечества в XVI–XVII веках. Воеводы принимали участие во многих исторических сражениях, строили крепости и церкви.

Воскресить память о них, напомнить читателям о героических страницах Русской истории – такова цель написания очерка.

ВЛАДЕЛЕЦ СЕЛА БИТЯГОВО

Василий Васильевич Голицын
(1643–1714)

Одно из самых древних сел на домodedовской земле – село Битягово, расположенное на берегах реки Рожайи. Оно упоминается в духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты в 1339 году. Село возникло на месте древнейшего поселения славян-вятичей, вблизи сохранились их древние курганы.

Существующее ныне село Битягово расположено на левом берегу реки Рожайи и построено после татарского нашествия 1572 года. Древнее село Битягово было расположено на правом высоком берегу Рожайи.

В 1627 году село Битягово – место церковное, помещичье, крестьянских дворов не было. В 1646 году в селе Битягово было уже 12 дворов крестьянских, в которых жили 28 человек, а в 1678 году насчитывалось 18 дворов.

В 1638 году церковные земли села Битягово числились на оброке у Телепневых, а с 1646 года село Битягово – вотчина Степана Васильевича Телепнева. С.В. Телепнев – сын известного государственного деятеля России, заведующего Оружейной палатой, стольника Василия Григорьевича Телепнева.

Иван Степанович Телепнев – внук В.Г. Телепнева, в 1670–1671 годах построил в селе Битягово каменную Церковь Воскресения Христова, существующую до наших дней Церковь Воскресения Христова с приделом во имя Казанской Божией Матери, была освящена в 1680 году в царствование Федора Алексеевича Романова. Задержка в освящении была из-за постоянных разъездов храмоздателя – стольника, заведующего Оружейной палатой Ивана Степановича Телепнева.

После кончины Ивана Степановича Телепнева, согласно его завещанию, село Битягово в 1687 году было продано душеприказчиком князю Василию Васильевичу Голицыну, известному государственному деятелю России.

Князь Василий Васильевич Голицын-Великий (1643–1714) принадлежал к первой ветви рода Голицыных. Его отец Василий Андреевич являлся праправнуком родоначальника рода Михаила Ивановича Булгакова по прозвищу Голица.

Родословная первой ветви по возрастающей линии выглядит так: Михаил Голица – Юрий (ум. 1560) – Иван (ум. 1603) – Андрей (ум. 1607) – Андрей (ум. 1638) – Василий (ум. 1652) – Василий Васильевич (ум. 1714).

У Василия Васильевича Голицына было четыре сына: Алексей, Петр, Иван и Ми-

хаил. Старший сын В.В. Голицына, Алексей Васильевич (1665–1740), императрицей Анной Иоанновной был прозван Кислицыным. Он был спальником царя Федора Алексеевича Романова, потом стольником, а у будущего царя Петра I Алексеевича в 1682 году – комнатным стольником, в 1687 году – боярином, главой Новгородского приказа, членом Посольского приказа, в 1688 году он стал наместником Новгородским и Великопермским. 11 ноября 1689 года вместе с отцом он был лишен боярства и всех званий, кроме княжеского, и отправлен в ссылку, оттуда возвратился только в 1726 году после смерти царя Петра I.

Василий Васильевич Голицын родился в 1643 году; в девять лет он остался без отца. Голицын получил прекрасное домашнее образование, свободно говорил и читал на греческом, польском и немецком языках, в совершенстве владел латинским. Князь В.В. Голицын был одним из образованных людей XVII века, человеком книжным, начитанным в богословии, философии, истории, литературе, медицине и астрономии. Его московский дом в Охотном Ряду был устроен на европейский манер. По своему идейному и духовному устремлению Голицын: западник, он ставил в своей деятельности основную задачу – более тесное сближение со странами Западной Европы. Он ратовал за посылку русской молодежи для образования за границей, всячески стремился к созданию и открытию российских посольств в европейских странах.

В.В. Голицын был приверженцем реформирования России, содействовал и покровительствовал приезжавшим в страну иностранцам. Голицын имел богатую домашнюю библиотеку по разным отраслям знаний.

В своей государственной деятельности Голицын ставил задачу освобождения крестьян от крепостной зависимости, ратовал за религиозную свободу.

В царствование Алексея Михайловича Романова В.В. Голицын в 1658 году стал стольником и чашником, а в 1666 году – государевым возницей.

В 1667 году двадцатичетырехлетний молодой человек Василий Голицын был направлен на Украину для обороны южных границ Русского государства, где пробыл целое десятилетие.

В 1676 году В.В. Голицын – главный стольник, боярина, в 1676 – 1680 годах был начальником Пушкарского и Владимирского судного приказов.

С конца 1679 года в правление царя Федора Алексеевича Романова В.В. Голицын оказался вблизи царского трона, как Долгорукий, Лихачев и Языков. Будучи близким приближенным царю Федору Алексеевичу, он получает крупные земельные пожалования. По указанию царя Голицын участвует в Чигиринских походах, улаживает конфликт в среде Украинской старшины. В.В. Голицын в 1680–1681 годах участвует в обороне южных границ России. В 1682 году возглавляемая князем Голицыным комиссия выборных дворян предложила отменить местничество.

В.В. Голицын сыграл значительную роль в борьбе с московскими бунтовщиками осенью 1682 года, собрав и возглавив дворянское войско под стенами Троице-Сергиевой Лавры.

После Стрелецкого восстания 1682 года В.В. Голицын, будучи сторонником Милославских и фаворитом правительницы царевны Софьи Алексеевны, сосредоточил в своих руках важнейшие государственные дела и до 1689 года возглавлял различные приказы.

Царевна Софья осенью 1682 года стала регентшей двоих своих братьев – 16-летнего Ивана и 10-летнего Петра. Главой правительства при царевне Софье фактически стал князь Василий Васильевич Голицын. Царевна Софья именем двух царей управляла государством семь лет. Все эти годы князь В.В. Голицын – любимец Софьи.

Самым важным событием в правление Софьи было заключение в 1686 году мира с Польшей, прекратившего распри из-за Малороссии и как следствие этого мира –

поход в Крым Василия Васильевича Голицына.

В 1683 году В.В. Голицын добился подтверждения Кардисского мирного договора 1661 года со Швецией, а в 1686 году, обладая большим дипломатическим искусством, содействовал заключению выгодного для России мира с Польшей – Вечного мира. По этому договору Киев навсегда отходил к России. Россия за это вступила в антитурецкую лигу – Союз государств: Австрии, Речи Посполитой, Венеции и России, направленный против Турции и Крымского ханства.

Многие иностранцы из западноевропейских стран отдавали должное выдающимся способностям князя Голицына, его знаниям, его культурному общению, его манерам.

Князь В.В. Голицын в осуществление положения мирного договора предпринял и возглавил два похода против крымских ханов – в 1687 и 1689 годах. Походы были малоудачными, до военных столкновений дело доходило, но они оказали косвенную помощь союзникам России и помешали татарам выступить против них.

В 1687 году Голицын возглавил стотысячное русское войско против Крыма. Однако этот поход не удался – крымцы поджигали степи, солдаты гибли и от голода, и от жажды. На этот поход Московское государство склоняли Австрия и Польша. Весной 1689 года Голицын возглавил 112-тысячное войско с 350 пушками, повторив поход против Крыма. Русское войско дошло до Перекопа – границы Крыма, но Голицын не решился перейти на полуостров. Русские воины разгромили крымские отряды в степи, в низовьях Днепра. К Голицыну примкнул гетман Мазепа со своими казаками. Итогом этой кампании стало впоследствии появление русских в Крыму.

События 7 – 8 августа 1689 года отразились на судьбе князя В.В. Голицына.

9 сентября 1689 года В.В. Голицын с сыном Алексеем был призван в царский дворец. В.В. Голицына и его семью от крутой расправы спас его двоюродный брат Борис Алексеевич Голицын (1654–1714) из третьей ветви Голицыных-Алексеевичей, пользовавшийся уважением и любовью царя Петра I. Б.А. Голицын – боярин с 1689 года (последний, получивший это звание из рода князей Голицыных), был одним из главнейших инициаторов провозглашения царем Петра после кончины царя Федора Алексеевича, а в 1689 году активно способствовал победе Нарышкиных над царевной Софьей Алексеевной и приходу к власти Петра I. Впоследствии он управлял всеми делами Московского государства во время заграничного путешествия Петра.

Б.А. Голицын предпринял все, чтобы спасти от смерти В.В. Голицына, дабы это не легло пятном на весь род Голицыных. Ходатайство помогло.

Думный дьяк прочитал В.В. Голицыну приговор, в котором было сказано: князь вместе с сыном Алексеем и семьей сослан в Каргополь. Напрасно В.В. Голицын написал в свое оправдание длинное объяснение из 17 пунктов. Царь его не читал.

После дворцового переворота 1689 года и прихода к власти правительства Петра I князь В.В. Голицын был лишен боярства, вотчин, поместья, всех привилегий, но не княжеского достоинства. В.В. Голицын был с семьей сослан в Архангельский край.

С письмом Петра I в Москву приехал боярин Троекуров с приказом Софье переселиться в Новодевичий монастырь. В конце сентября 1689 года Софья Алексеевна выехала в монастырь. Падению царевны Софьи косвенно послужил неудачный поход в Крым русского войска под водительством В.В. Голицына.

По указу царя Петра I село Битягово в 1689 году было отписано у князя В.В. Голицына и приписано к дворцовому ведомству, в этом же году село Битягово было пожаловано в Высокопетровский монастырь.

В описных книгах, составленных 29 сентября 1689 года подьячим памятного приказа Романом Ряховским по указу царя, подробно указано все, что имелось в селе Битягово и церкви Воскресения Христова.

Для князя В.В. Голицына и его потомства эпоха Петра I наложила свой отпечаток: первая ветвь рода Голицыных-Васильевичей не смогла дать в дальнейшем ни одного видного представителя.

Князю Василию Васильевичу Голицыну в 1689 году было 46 лет. В ссылке князь Голицын прожил 24 года и умер в 1714 году в возрасте 70 лет.

Семь лет – с 1682 по 1689 год – в правление Софьи Алексеевны князь Василий Васильевич Голицын был фактическим правителем России.

С.М. Соловьев писал: «Но и в Малороссии, и в Польше скоро узнали, что московская смута прекратилась, что новое правительство, хотя и странное по своей форме, довольно сильно благодаря лицам, на которых опирается царевна правительница. Шакловитый крепко держал в руках московских стрельцов, но виднее Шакловитого, человека нового, худородного, поднялся Вас. Вас. Голицын, первое лицо в правительстве после царевны. 19 октября 1683 года Голицын получил титул, который носили Ордин-Нащокин и Матвеев – «царственные большие печати и государственных полевских дел оберрегента». Главною обязанностью Голицына стало теперь блюсти интересы России в сношениях с чужими державами – обязанность трудная при тогдашних отношениях, но Голицын умел выполнять ее с честью и пользою для государства».

В мае 1684 года при переговорах в Москве между Голицыным и послами Жировским и Блюмбергом, которые просили помощи против турок за отнятые Крым, была поставлена задача относительно Киева. Голицын отвечал, «что Киева в польскую сторону никак отдать нельзя и отдан не будет, потому что у малороссийского народа с поляками за утеснение веры и за другие обиды великие ссоры и никогда между ними эти ссоры успокоенными быть не могут; малороссийский народ и имени польского слышать не хочет...»

Французский иезуит, побывавший в то время в Москве, о князе В.В. Голицыне написал: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе Московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них замечал, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя».

1689 год – трагический год в жизни Голицына. Второй крымский поход В.В. Голицына, совершенный в феврале 1689 года, стал неудачным. Голицын подошел к Перекопу и в половине мая 1689 года встретился с ордами. Орды внезапно и стремительно ударили по русским войскам, но встреченные пушками, ушли и не возобновляли больше нападения.

Отбив хана, В.В. Голицын поспешил послать известие в Москву о своем торжестве, он писал правительнице Софье Алексеевне, чтобы она помолилась о его благополучном возвращении. Царевна Софья ответила: «Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки, здравствуй, Божию и Пресвятые Богородицы, милостью и твоим разумом и счастьем победив агаряне! Подай тебе, Господи, и впредь враги побеждать!..»

В.В. Голицын «стоял у Перекопа: надо было брать крепость, а войско уже двое суток было без воды; спешили к Перекопу, думая, что тут-то будет конец лишений. И что же увидели? С одной стороны – Черное море, с другой – Гнилое. Везде вода соленая, колодцев нет...»

С.М. Соловьев о Голицынских походах писал: «Но нельзя было сказать, что походы эти были совершенно бесполезны».

Конец XVII века. Наступали времена строительства новой России. Старая Россия заканчивалась. Наступала эпоха царя Петра I. Нужно было обезопасить Россию от

татар, тревоживших русские земли в течение многих столетий. Нужно было строить корабли и плавать по Черному (Русскому) морю. Нужно было строить крепости, поднимать торговлю, нужно было богатеть духовно и материально...

У князя В.В. Голицына как государственного деятеля было много и друзей и недругов. Его всячески поносили за Крымские походы. Его – реформатора русской армии, создателя полков нового строя.

Его мудрость, медлительность и осторожность считали за нерешительность и слабость как военного деятеля, что и привело к падению Софьи.

В конце жизни В.В. Голицын говорил: «Друзей и недругов у меня было много!»

В историю России князь Василий Васильевич Голицын вошел как выдающийся государственный деятель, о нем оставили свои записи все крупные историки разных времен.

А мои домодедовские земляки должны помнить, что на домодедовской земле, в селе Битягово, бывал и ходил Василий Васильевич Голицын, им оставлены следы на берегах реки Рожай.

СПОДВИЖНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Александр Данилович Меншиков
(1673–1729)

«Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество; и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего. Эта запись о России дана всякой смущенной и вопрошающей русской душе...»

И. А. Ильин

Самое знаменитое село на домodedовской земле – дворцовое село Домодедово – с 1710 года по царскому указу Петра I стало вотчиной князя Александра Даниловича Меншикова. Ему принадлежали и многие другие вотчины на Московской земле, в том числе село Ермолино, состоявшее в дворцовой Домодедовской волости.

В том же, 1710 году, А. Д. Меншиков объехал свои южные московские владения. Через село Коломенское он со свитой приехал в свою вотчину – село Ермолино, а затем направился в село Домодедово, где осмотрел пожалованные царем земли. О чем думал 37-летний граф и князь Александр Данилович Меншиков – вельможа в первом колене, посещая свою вотчину – село Домодедово? Думал ли он, простолудин, как счастливо складывалась его судьба, сведшая его с царем Петром I? Он войдет в историю как русский государственный и военный деятель, фаворит Петра I и Екатерины I.

Александр Данилович Меншиков родился в Москве в 1673 году. Место рождения его отца осталось неизвестным: по одним данным, он уроженец Литвы православного исповедания, по другим – уроженец берегов Волги. Безусловно только одно – Данила Меншиков из простого звания, поселившийся в Москве в молодости. Он служил в гвардии.

Двенадцатилетний Александр Меншиков в 1686 году был отдан отцом в услужение к московскому пирожнику, который поручил мальчику продавать на улицах пироги. Мальчик Саша Меншиков был бойким, остроумным и смелым, своим балагурством он привлекал и заманивал к себе покупателей.

Однажды проходя мимо дворца знаменитого в то время Лефорты, он привлек его внимание. Лефорты, увидев забавного мальчика, призвал Сашу Меншикова в свой дом

и спросил: «Что возьмешь за всю свою коробку с пирогами?» Бойкий мальчик ответил: «Пирожки извольте купить, а коробку без позволения хозяина я продать не смею».

Ответ мальчика понравился всевильному Лефорты, и он предложил мальчику: «Хочешь у меня служить?» – «Очень рад, – ответил мальчик, – но только надобно отойти от хозяина».

Лефорты купил у Алексашки (так звали на улицах Москвы Александра Меншикова) все пироги и сказал: «Отойдешь от пирожника, тотчас приходи ко мне».

Пирожник с неохотой отпустил Алексашку к знаменитому французскому Лефорты, понимая, что не отпустить мальчика ему нельзя. Лефорты – это царский вельможа.

Александр поступил на службу к Лефорты, а тот его одел в ливрею. Веселый, сметливый, шустрый Алексашка пришелся по вкусу Лефорты, пришелся, как говорят, ко двору. Сам Лефорты, отличавшийся веселым и добрым характером как француз, часто шутил с Алексашкой и восхищался его остроумными выходками, хотя Алексашка был малограмотный и невежда.

Значение Лефорты в Московском правительстве царя Петра I все время возрастало. Однажды царь Петр I, находясь в доме Лефорты, увидел Алексашку. Бойкий мальчик очаровал царя, а Лефорты рассказал Петру I о природных качествах мальчика: живости, сметливости и верности. Царь Петр I тут же пожелал взять Алексашку к своему двору.

На царской службе Александр Меншиков был простым лакеем, потом зачислен в число потешных и, наконец, получил должность камердинера. Царь Петр I, ложась спать, приказывал Алексашке спать у его ног на полу. Чрезвычайная исполнительность и понятливость Алексашки расположили к нему царя Петра I. Алексашка всегда угадывал желания царя, и, даже когда царь ругал и бил его, он не обижался, а безропотно и терпеливо переносил царские немилости.

Царь Петр I настолько привязался к Меншикову, что без него уже не мог, чувствовал потребность в постоянной близости его. Царский двор скоро заметил и увидел, что Александр Данилович Меншиков стал царским любимцем, и начал обращаться к нему с ходатайством и заступничеством перед царем.

Александр Меншиков служил в Преображенском полку с самого его учреждения, получил офицерский чин и с 1695 года неразлучно сопровождал царя в поездках и походах по России и за границей. Меншиков – участник Азовских походов 1695 – 1696 годов, а в 1697 – 1698 годах он был в Великом посольстве – выполнял важные поручения. Он участник Нарвского сражения и военных действий русской армии в Ингрии.

Меншиков был горячим поклонником царского устремления преобразования Русского государства на европейский иноземный лад, которому противились многие князья и бояре. «Боявшие угрозе господства на Руси иноземцев».

Меншиков стал верноподданным и особо близким царю, когда Петр I, собираясь в заграничное путешествие, узнал, будучи на пиру в доме Лефорты, что «тайные враги готовили ему внезапную гибель» и человек, узнавший о заговоре, был Меншиков (ему об этом сказала одна девушка, дочь участника заговора).

А. Д. Меншиков сопровождал царя Петра I в первом путешествии за границу. В Голландии А. Д. Меншиков вместе с Петром I работал на Амстердамской верфи, выполняя тяжелые работы по кораблестроению.

Меншиков, находясь еще в России, стал учиться говорить по-голландски и по-немецки и достаточно сносно стал говорить на иностранных языках, будучи за границей. Из Голландии Петр I переехал в Англию. Там Меншиков удивительно быстро вошел в аристократические придворные и дипломатические салоны. На обратном пути из Англии Петр I прибыл в Вену, где царя принял во дворце император, и Меншиков

довольно легко освоился с этикетом приема. Вернувшись в Россию, Петр I первым делом стал расправляться с мятежными стрельцами, дело доходило до рубки голов. А.Д. Меншиков ревностно хвалил петровские затеи: бритье бород, ношение иноземного платья и другие новшества, привезенные из-за границы. Царский двор не терпел Меншикова, считая, что он отрицательно влиял на царя. В 1699 году Меншиков получил чин генерал-майора и стал командиром Драгунского полка. В 1700 году перед началом Шведской войны Александр Данилович Меншиков женился на Дарье Арсеньевой. Ему было тогда 27 лет.

Меншиков сопровождал царя Петра I на Северную войну, находясь при царе неразлучно.

Фельдмаршал Шереметев 24 августа 1702 года взял город Мариенбург, а после взятия Шлиссельбурга А.Д. Меншиков получил звание губернатора Ингерманландии, Карелии, Эстляндии и всего того края. При непосредственном участии Меншикова была взята и уничтожена шведская крепость на Балтике. Шведы, выславшие против русских свои суда, были отбиты. Трофеем стали два шведских фрегата. Участник этих боев Меншиков был награжден орденом Андрея Первозванного.

В присутствии А.Д. Меншикова 27 мая 1703 года на празднике Дня Святой Троицы, в Пятидесятницу, была совершена закладка города Петербурга.

Царь Петр I часто уезжал в Москву, и Меншиков оставался полновластным правителем в Петербурге. Позже он стал первым губернатором Санкт-Петербургской губернии. Когда Петр I чувствовал потребность в общении с Меншиковым, он вызывал его в Москву. Однажды Петр I увидел во время пирушки в доме своего любимца придворную по имени Екатерина, которую Меншиков подарил своей жене. Екатерина была пленницей и носила имя Марта. Она была передана Меншикову полковником Балька.

Екатерина понравилась царю Петру I, и он взял ее к себе в дом. Она освоила русский язык и приняла православную веру. Екатерина была кроткой, безропотной, веселой и стала сердечной привязанностью Петра I на всю жизнь.

А.Д. Меншиков все чаще и надолго отбывал из Москвы в Петербург, где начали строить Кронштадт, корабельные верфи на Неве и Свири, предназначенные царем для строительства военного флота.

Строя Петербург, Меншиков не забывал и о своих интересах: воздвигал себе в Петербурге большой дворец, а в пятидесяти верстах от города строил дачу, названную Ораниенбаум. А в Москве во дворце продолжала жить жена Меншикова, не любившая Петербург.

С 1702 года А.Д. Меншиков – граф. С 1707-го – светлейший князь Ижорский. В 1705 году Меншиков носил титул графа Римской империи, он кавалер ордена Святого Андрея Первозванного и польского ордена Белого Орла. Во время Северной войны 1700 – 1721 годов А.Д. Меншиков занимал видные военные посты и командовал крупными военными силами пехоты и конницы, он лично отличился в осадах и при штурмах крепостей, проявляя отвагу, хладнокровие и бесстрашие.

В 1705 году Меншиков был в Литве, где служил помощником фельдмаршала Огильви, начальствуя над кавалерией. А в 1706 году, будучи капитаном гвардейских бомбардиров и командиром двух полков, А.Д. Меншиков стал главнокомандующим целого корпуса войск численностью 12 – 15 тысяч человек, посланного Петром I на помощь Августу в Польше и Саксонии. Меншиков одержал победу над шведским генералом Мардефельдом при Калише.

В 1708 году Меншиков командовал в битве при Головчине. Когда шведский король Карл двинулся вперед, оставив позади себя корпус Левенгаупта, Петр I приказал Меншикову вести передовой отряд русских войск.

28 сентября 1708 года под Лесным произошло сражение, где Левенгаупт потерпел поражение, потеряв половину своего войска. Меншиков праздновал победу. В том же году Меншиков напал на Батурин и взял его приступом.

В Воронеже вместе с Петром I Меншиков присутствовал при спуске на воду построенных судов.

В Полтавском сражении 27 июня 1709 года А.Д. Меншиков командовал левым флангом и разбил корпус генерала Росса.

Этот успех предрешил победу русских в Полтавском сражении. Меншиков, не допустив взятия шведами Полтавы, при бегстве Карла XII со шведским войском преследовал его до Переволочны. Одержав там победу, Меншиков взял в плен генерала Левенгаупта. 30 июня 1709 года шведы капитулировали.

За полтавскую победу А.Д. Меншикову присвоили чин генерал-фельдмаршала.

В 1709 году Меншиков присутствовал на торжествах, устроенных Петром I в Москве в честь полтавской победы. В 1710 году Меншиков по указу царя покорял Ливонию и выполнил это указание блестяще, а осенью, в ноябре, того же года Меншиков снова в Петербурге. В его дворце совершилась пышная свадьба Анны Иоанновны и курляндского герцога.

Два события конца 1710 года омрачили Меншикова: сначала умер его молодой сын, а через две недели и молодой супруг Анны Иоанновны. А в Москве в мае 1711 года сгорел дворец Меншикова.

В 1712 году Меншиков снова возглавил русские войска в союзе с Данией и Саксонией, в Померании при ведении войны едва не попала в плен к шведам жена Меншикова. Ее спас генерал Бауер.

В начале 1713 года царь Петр I оставил командовать войском Меншикова, который должен добывать шведского генерала Штенбока в Шлезвиге. Осада длилась около года, в результате которой в сентябре 1714 года шведский комендант капитулировал.

Это было последнее участие Меншикова в военных действиях. А.Д. Меншиков вернулся в Петербург.

В 1711 году Петр I узнал о злоупотреблениях Меншикова при сборе государственных доходов. В январе 1715 года царь Петр I произвел розыски пропавших казенных денег. Были обвинены Меншиков, Апраксин и Брюс. Дело об обвинении видных людей длилось несколько лет. На Меншикова пришлось большие взыскания. Царь Петр I велел списать с Меншикова большие суммы казенных денег. Помогло следующее. Русские войска в Финляндии испытывали недостаток в провианте. Меншиков стал снабжать войска мукой и крупами из своих запасов и тем самым заслужил благодарность царя. Но было известно, что Меншиков увеличивал свое состояние всякими незаконными средствами (взятками), отнимал смежные с его именными земли помещиков, закрепощал украинских казаков.

С 1711 года Меншиков до конца царствования Петра I находился под следствием и судом, но, несмотря на раскрытие злоупотреблений следственными комиссиями, расположение Петра I к Меншикову не лишило последнего власти.

Личная привязанность Петра I к Меншикову и заступничество Екатерины, питавшей к Меншикову самые теплые чувства, так как именно он был «виновником» ее возвышения, не являлись главными причинами нахождения Меншикова у власти. Царь Петр I дорожил одним из наиболее даровитых и преданных ему сподвижников, так как деятельность Меншикова была связана с реформами Петра и делала его противником партии приверженцев старины.

В 1718 году при учреждении коллегии Меншиков был назначен президентом Военной коллегии, ему был пожалован чин контр-адмирала Белого флага.

А в Верховном суде продолжали разбирать злоупотребления в государстве, были установлены виновники в кругу важнейших государственных деятелей, в том числе был и сам Меншиков. Упросив царя, Меншиков в виде штрафа возвратил казне 100 тысяч червонцев. Помогло и заступничество Екатерины перед царем.

В феврале 1722 года Петр I издал закон о новом способе престолонаследия, который поддержал Меншиков.

В том же году царь Петр I отправился с государыней в Персидский поход. В Петербурге во главе правительства был оставлен А.Д. Меншиков.

По возвращении в Москву царь опять обнаружил растраты казны, за Меншиковым открылись противозаконные дела, Петр I принял к Меншикову крутые меры: отписал его имение в Малороссии, а в казну Меншиков заплатил двести тысяч рублей штрафа. Мало того, царь Петр I побил Меншикова. И опять Меншикова спасло заступничество Екатерины.

В марте 1724 года царь Петр I с Меншиковым приехал в Москву, где в мае того же года совершил коронацию своей жены в сан императрицы. При торжествах А.Д. Меншиков шел с правой стороны царя и раскидывал золотые и серебряные монеты.

Когда Меншиков вернулся в Петербург, он опять подвергся царской опале: лишен губернаторской должности (вместо него был назначен Апраксин).

Но перед своей кончиной Петр I допустил Меншикова к своему смертному одру.

27 января 1725 года Петр I во время болезни пожелал написать распоряжение о престолонаследии. Ему подали бумагу, и царь успел написать только два слова: «Отдайте все...» Больше писать он не смог. Позвали его дочь Елизавету Петровну, чтобы она записала слова отца, но, когда царевна подошла к нему, царь не смог произнести ни одного слова. Царь Петр I скончался 28 января 1725 года в четвертом часу ночи.

По кончине Петра I в царском дворце разразился спор о царском престоле. Царские вельможи Меншиков, Толстой и Апраксин указали на Екатерину, носившую императорскую корону.

Но окружавшие Петра I люди, дорожившие древними обычаями, указали по престолонаследию на маленького Петра, внука царя.

Приверженцы Екатерины наводнили дворец гвардейскими офицерами, а у дворца поставили два гвардейских полка. Собранные во дворце сенаторы провозгласили Екатерину императрицей, и был издан манифест от имени правящего сената, святейшего синода и генералитета о государыне императрице Екатерине Алексеевне.

В правление Екатерины I всем стали заправлять А.Д. Меншиков и вельможи, угрожавшие ему. Все ненавидевшие его затаились, надеясь дожить до расправы с ним.

Однако Меншиков со своими приверженцами учредили указом от февраля 1726 года новый государственный орган – Верховный Тайный Совет. Членами совета стали генерал-фельдмаршал Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, государственный канцлер граф Головин, вице-канцлер барон Остерман, граф Толстой и князь Дмитрий Голицын. Сенат и Синод потеряли правительственные места.

По просьбе Меншикова Екатерина I согласилась на брак малолетнего 12-летнего Петра Алексеевича с дочерью Меншикова Марией. 25 мая 1727 года Меншиков обручил Марию с внуком Петра I – Петром II Алексеевичем.

В апреле 1727 года императрица Екатерина I внезапно заболела и 6 мая в 9 часов вечера скончалась.

После смерти Екатерины Меншиков как нареченный тесть императора Петра II стал всемогущим правителем.

Петра II, которому было 11 лет, Меншиков взял к себе в дом на Васильевский остров.

13 мая 1727 года Меншиков получил чин генералиссимуса и стал верховным главнокомандующим всего русского войска.

Меншиков в послепетровскую эпоху стал самодержцем, все исполняли его волю, все устраивали его. Но продолжалось это недолго.

Хотя Меншиков и был умен, но не был проницательным, его окружали хитрые и ловкие приближенные. Он очень доверял Остерману, которому поручил воспитание императора Петра. В это время Меншиков заболел и не стал уделять внимание Петру II, а Остерман воспитывал Петра в духе противления Меншикову. Ленивый и не любивший учиться, Петр чувствовал поддержку Остермана.

Однажды на распоряжение Меншикова никому не выдавать казенных денег Петр II закричал: «Я покажу, кто у нас император – я, или Меншиков!» Вскоре государь приказал опубликовать указ не слушать ни в чем Меншикова.

Петр II всецело попадает под влияние Остермана, к власти в России приходят представители старой аристократии – князя Голицына и Долгорукова.

8 сентября 1727 года Меншиков был обвинен в государственной измене и хищении казны, и на следующий день последовал указ о ссылке его со всем семейством в его имение Раненбург.

Но, после того как было найдено подметное письмо в пользу Меншикова, последовало указание сослать Меншикова в Березов. 11 сентября 1727 года Меншикову приказали со всем семейством под конвоем ехать в Березов. В обозе, состоявшем из четырех карет и сорока двух повозок, Меншиков с женой, свояченицей, сыном, двумя дочерьми и братом княгини Арсеньевым и прислугой уезжает в Раненбург под конвоем в 120 человек гвардии под начальством капитана. Отъехавший от Петербурга несколько верст обоз догнал курьер и приказал Меншикову отдать все иностранные ордена. Меншиков отдал все со шкатулкой.

Когда обоз достиг Твери, его догнал новый курьер с приказом высадить Меншикова и всю его семью из экипажей и везти в простых телегах.

Меншиков сказал: «Я готов ко всему, и чем больше вы у меня отнимете, тем менее оставляете мне беспокойство. Сожалею только о тех, которые будут пользоваться моим падением».

Меншиков говорил своим родным о спокойствии, ободрял их и убеждал с христианским терпением покориться воле Божией. Пересиливая душою свое горе, Меншиков физически слабел – начались приступы болезни.

А в Петербурге о Меншикове разносились всякие сплетни – и были, и небылицы; ему ставили в вину очень многое.

У Меншикова были конфискованы 90 тысяч крепостных крестьян и многие города и села, капитала – 13 миллионов рублей, из которых 9 миллионов хранились в иностранных банках, кроме того, на миллион всякой движимости и бриллиантов плюс золотой посуды более 200 пудов.

Село Домодедово было отписано у Меншикова в 1728 году и приписано по-прежнему к дворцовому ведомству.

В дороге ослепла жена Меншикова и «не доехавши до Казани умерла». Меншиков сам похоронил ее.

В Тобольске, куда прибыл обоз Меншикова, губернатор выдал Меншикову царские жалованье – пятьсот рублей. Меншиков приказал закупить различные продовольственные запасы: зерно, крупу, мясо, а также хозяйственные товары: пилы, топоры, молотки, лопаты и вещи для детей. Часть денег он раздал бедным людям.

Из Тобольска Меншикова повезли в открытых телегах, подвергая путников опасности заболеваний в суровом сибирском климате.

В обозе Меншикова кроме семьи и приближенных было восемь слуг, согласив-

шихся разделить судьбу своего господина в изгнании. В Березове (месте ссылки) они строили для семьи Меншикова дом. В строительстве участвовал и сам Меншиков, который хорошо владел мастерством плотника.

Дом Меншикова в Березове состоял из четырех покоев: в одних жил Меншиков с сыном, в других – дочери, в третьих – прислуга, а четвертые служили кладовкой.

Рядом с домом Меншиков построил деревянную церковь.

Старшая дочь Меншикова, Мария, бывшая невестой императора, занималась приготовлением пищи на кухне, а младшая – Александра – мытьем белья; помогали им две прислужницы.

В заточении у Меншикова отняли все приличное платье, одели в сермягу, простой тулуп и баранью шапку.

Из вельможи, избалованного долгим счастьем, изобилием, Меншиков превратился в чернорабочего, простого русского человека с примерной твердостью духа и христианским смирением. Через полгода ссылки и заточения в Березове новое горе постигло Меншикова: скончалась от оспы старшая дочь – семнадцатилетняя Мария. Александр Данилович Меншиков сам читал псалтирь над покойницей и пел погребальный канон. Похоронили ее в построенной и освященной церкви. Во время похорон Меншиков указал место, на котором пожелал быть погребенным – близ своей дочери, наказав это сыну. Но напасти на Меншикова продолжались – заболели оспой сын, а потом и дочь. Отец спас своих детей – выходил их, и они выздоровели, но сам Меншиков заболел.

А враги Меншикова не давали ему покоя и в изгнании. В Петербурге долго раздавались разные обвинения в адрес Меншикова – и справедливые, и несправедливые (вымышленные). 12 ноября 1729 года Александр Данилович Меншиков скончался. Его дети: 15-летний сын Александр и 17-летняя дочь Александра, остались сиротами. В царствование Анны Иоанновны они были возвращены из ссылки и получили права русского дворянства.

Александр Александровичу Меншикову, сыну А.Д. Меншикова, высочайшим указом было возвращено княжеское достоинство в 1731 году. А.А. Меншиков жил недолго – умер в 50-летнем возрасте в 1764 году. А его сестра Александра прожила всего 24 года, скончалась в 1736 году.

Родословная Меншикова по мужской линии оборвалась с кончиной правнука А.А. Меншикова Владимира Александровича в 1893 году.

Вспоминая жизнь и судьбу Александра Даниловича Меншикова, нельзя не вспомнить изречение: «Бог дал, Бог взял».

В конце жизни Меншиков часто читал псалтирь: шестопсалмие, взывая: «Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня, Ибо стрелы Твои вонзились в меня и рука Твоя тяготет на мне».

КНЯЗЬ-КЕСАРЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Федор Юрьевич Ромодановский
(1640–1717)

Ромодановские – известный русский княжеский род, ведущий свое начало от Юрия и являвшийся отраслью князей Стародубских.

Родоначальником князей Ромодановских был князь Василий Федорович Стародубский – Ромодановский, живший во второй половине XV века. Князья Ромодановские, начиная с XVI века, занимали видные государственные посты в России и играли заметную роль в политической жизни Москвы. В XVII веке Ромодановские входили в число 16 фамилий знатнейших русских бояр, которые из стольников возводились в чин «бояре», минуя чин окольничих.

Расположенное на Домодовской земле «село Константиновское Рожай тож, на речке Рожайе» в 1657 году куплено князем Юрием Ивановичем Ромодановским. Князья Ромодановские селом Константиново (так оно писалось с конца XVII века) владели в течение почти полутора столетия, до 1791 года.

Владельцами села Константиново были: с 1657 по 1683 год – Юрий Иванович Ромодановский, с 1683 по 1717 год – его сын Федор Юрьевич, с 1717 по 1730 год – внук Юрия Ивановича – Иван Федорович, с 1730 по 1768 год – вдова князя Ивана Федоровича Анастасия Федоровна и с 1768 по 1791 год – ее дочь Екатерина Ивановна Шоловкина (до замужества Ромодановская).

Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский родился в 1640 году в царствование Михаила Федоровича – первого царя из Романовых. Прадедом Федора Юрьевича был Григорий Петрович Ромодановский, живший во второй половине XVI – первой четверти XVII века – боярин, воевода, известный деятель смутного времени.

В 1586 – 1587 годах Г.П. Ромодановский был первым воеводой в Михайлове, в 1587 – 1588 годах – в Воронеже, в 1590 – 1591 годах – вторым воеводой левой руки в Кшире, а затем первым воеводой сторожевого полка... В 1601 – 1602 годах Г.П. Ромодановский был воеводой в Белгороде. В 1606 году он принял участие в заговоре против Лжедмитрия I.

Вместе с князем Воротынским Г.П. Ромодановский в 1608 году командовал войсками, которые защищали Москву от тушинцев, а затем, преследуя гетмана Сапегу, одержал победу над гетманом у села Воздвиженского. Победа ему досталась дорого –

в битве пал его сын.

В 1609 году Г.П. Ромодановский – воевода в городе Кашира. Там жители города принудили его присягнуть Лжедмитрию II. После падения царя Василия Шуйского Г.П. Ромодановский принял сторону королевича Владислава и вел переговоры по поручению бояр с поляками.

В 1613 году Г.П. Ромодановский принимал участие в избрании на царство Михаила Федоровича Романова, подписавшись под грамотой.

В последующие годы он защищал Москву от поляков, главное – в беспокойной 1618 году. В 1619 году Г.П. Ромодановский возглавил Московский судный приказ. А в 1623 – 1626 годах Г.П. Ромодановский был воеводой в Новгороде. Умер Г.П. Ромодановский в 1628 году.

Отец Ф.Ю. Ромодановского Юрий Иванович в 1648 году – стольник, в 1654 год он сопровождал царя А. М. Романова в Польском походе. В 1655 году он был воеводой в Могилеве, а в последующие годы служил при дворе. В 1667 – 1671 годах Ю.И. Ромодановский возглавлял Пушкарский приказ, в 1673 – 1676 годах был воеводой Казани.

Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский (1640 – 1717) был виднейшим русским государственным деятелем, он более тридцати лет (1686–1717) возглавлял Преображенский приказ, а кроме того, возглавлял Сибирский и Аптекарский приказ. В период военных сражений князь-кесарь наблюдал за литьем мортир и пушек из подготовлением бомб и военного оборудования и снаряжения.

Ф.Ю. Ромодановский был приближенным царя Петра I, носил звание «генералиссимуса потешных войск». В отсутствие царя Петра I, во время заграничного путешествия царя (1697–1698), Ф.Ю. Ромодановский управлял столицей, возглавлял правительством.

В 1697 году царь Петр I, отбывая за границу, возложил управление государством на Федора Юрьевича Ромодановского, присвоив ему титулы «князь-кесарь» и Его Величества. Царь Петр I возложил на Ромодановского наблюдение за бывшей правительницей царевича Софьей.

Федор Юрьевич Ромодановский пользовался царским доверием, был царю всецело предан и обладал огромной властью. В 1697 году царь Петр I передал в руки Ф. Ю. Ромодановского исключительные права розыска по делам о государственных и политических преступлениях.

Ф.Ю. Ромодановский фактически был правителем Московского государства в 1697 – 1698 годах, когда Петр I был в Азовских походах и в 1697 – 1698 годах во время Великого посольства.

О потешных играх царя Петра I и участии в них Ф.Ю. Ромодановского писал многие историки. С.М. Соловьев писал: «В октябре 1691 года был великий и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановского, у которого был стольный город Пресбург. Рейтары ротмистра Петра Алексеева отличились, отличился и сам ротмистр, взявший в плен неприятельского генералиссимуса...» Осенью 1694 года происходили бой в самых обширных размерах, знаменитый кожуховский поход (подле деревни Кожухово, недалеко от Симонова монастыря).

Русскую армию командовал старый генералиссимус князь Федор Юрьевич Ромодановский, у него были потешные полки: Преображенский и Семеновский, выборные полки солдатские – Лефортов и Бутырский, три роты гранатчиков, восемь выборных рот рейтарских, две роты даточных людей под именем Нахалов и Налетов и 20 рот стольничих. Неприятельскую армию командовал польский король – Ив. Бутурулин, у него были полки стрельцкие, роты из дьяков и подьячих, всего 750 человек. Король защищал безымянную крепость. Ромодановский брал ее и, разумеется,

князь бомбардир Петр Алексеев отличился и тут – взял в плен стрелецкого полковника, потеряв крепость, польский король засел в укрепленном лагере и упорно отбивался, наконец должен был сдаться. Потеха не обошлась без раненых и даже без убитых».

Кожуховский поход, как известно, был последнею потехою. Петр I писал: «Как потешно трудились мы под Кожуховым в марсовом потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было, однако ж эта игра стала предвестником настоящего дела».

А настояшее дело началось в начале 1695 года – началась поход на Крым.

Петр I писал Ромодановскому: «...известно вам, государю, буди, что благословил Господь Бог оружие ваше государское: понеже вчерашнего дня, молитвою и счастием вашим государским, азовцы, видя конечную тесноту, сдались».

Производя следствия, Ф.Ю. Ромодановский отличался строгостью и жестокостью. Ф.Ю. Ромодановский в 1707 году писал царю Петру I: «С тридцать человек сидят у меня колодников по делу Монцовой; что мне об них скажешь?»

Царь Петр I отвечал ему: «Которые сидят у вас по делу Монцовны колодники, и тем решение учинить с общего совету с бояры, по их винам смотря, чего они будут достойны».

С.М. Соловьев, характеризуя личность Ф.Ю. Ромодановского, писал: «Прибыльщик Курбатов продолжал задевать сильных людей; продолжалась у него и ссора с князем Федором Юрьевичем Ромодановским. Пресбургский король избил ратушского подьячего без розыска в самую Великую пятницу, «забыв величество дня». Курбатов послал жалобу царю, причем отозвался очень нелестно об умственных способностях страшного короля: «Видя такую злобу, я сам ослабеваю в моем усердии: понеже аще и скудный в своих рассудках человека, но великомочный в своем правлении, учинит что хочет. Умилосердись, государь, заступись за нас; кому было несласило нас любить, понеже значитя правосуден (мнениями разве), тот паче всех неправидит. Не вели ему ни в каких делах людей ратушных ведать. Ей,ей, государь, многое творит по пристрастию».

На «страшного» Ромодановского имел влияние А.Ф. Лопухин, что видно из следующего письма царевича к духовнику: «Слышал я от зятя вашего, что господин Ромодановский, будучи в Петербурге, доносил государю батюшке о нем, а как и для чего, он неизвестен, и просил меня, чтоб мне о сем осведомиться, и я прошу Вас, изволь о сем осведомиться чрез господина Лопухина, а иначе, кроме его, невозможно, для того что он с ним умеет обходиться».

Несколько царь Петр I доверял Ф.Ю. Ромодановскому, видно из письма, которое он написал ему из Вильны: «Изволь объявить при съезде в палате всем министрам, которые в конзилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждый бы министр своею рукою подписывал, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли бы, ибо сим всякого дурость явлена будет».

Царь Петр I присутствовал на балах, которые давал князь Ф.Ю. Ромодановский. О нем писал Виниус: князь Федор Юрьевич Ромодановский дал «великую нам трапезу и богатую даровал в столовой генеральской в Преображенском: сидели за разными столами больше ста человек, и с таким усердием и милостию нас трактовал, и стрельба музыка и крупная так была сильна, что едва столовая устоила и стена одна гораздо повалилась: даже до 4 и до 5 часа ночи, что в три дня каждый насилу мог оправиться».

Князь Ф.Ю. Ромодановский имел право, как и фельдмаршал граф Б. П. Шереметев, входить в кабинет Петра I в любое время без доклада.

Князь Ф.Ю. Ромодановский – любимец царя Петра I, был высокого роста, под стать царю (Петр I имел рост 2 метра 7 сантиметра), жил по старинке, ходил в русском кафтане, расшитом галунами, был грозный и суровый на службе, но гостеприимным

хозяином дома. Царь Петр I в 1693 году 26 апреля ст. ст. заезжал гостить в село Константиново в вотчину Ф.Ю. Ромодановского, пробыл у него 27 апреля, а 28 апреля после обеда отбыл в Москву.

Так как сын Ф.Ю. Ромодановского Иван Федорович был женат на Анастасии Федоровне Салтыковой, сестре жены царя Иоанна V, то Федор Юрьевич был близким родственником Петра I, который в своих письмах величал его «Ваше Величество».

Царь Петр I после кончины Федора Юрьевича Ромодановского в 1717 году возвысил его сына Ивана Федоровича в звание князя-кесаря. А Екатерина I в 1725 году присвоила И.Ф. Ромодановскому чин действительного статского советника.

В 1727 году Петр II назначил И.Ф. Ромодановского генерал-губернатором Москвы на посту которого он проработал до 1729 года, уйдя в отставку, а через год (1730) Иван Федорович Ромодановский скончался.

Единственная дочь его Екатерина Ивановна, двоюродная сестра императрицы Анны Иоанновны, вышла замуж за вице-канцлера и кабинет-министра графа М. И. Головкина.

С кончиной Ивана Федоровича Ромодановского в 1730 году прервалась мужской линии династия князей Ромодановских.

Продолжение рода явилось в княжеском роду «Ромодановские-Ладыженские» происходящей по женской линии от убитого на войне в 1712 году гвардии-капитана князя Андрея Михайловича Ромодановского. Его третья дочь, княжна Екатерина Андреевна, вышла замуж за Ивана Петровича Ладыженского и имела двух дочерей и двух сыновей. Ее сын Николай Иванович служил при императрице Екатерине I генерал-поручиком, а император Павел I назначил его сенатором, а потом действительным тайным советником и присвоил звание «генерал от инфантерии». В 1798 году 8 апреля Н.И. Ладыженскому именным императорским высочайшим указом было разрешено принять фамилию Ромодановский-Ладыженский.

Князь Федор Юрьевич Ромодановский настолько крепко держал власть в Москве, что при его жизни в городе было относительно спокойно. Личность Ф.Ю. Ромодановского в этом отношении была уникальна.

С кончиной князя-кесаря Ф.Ю. Ромодановского в Москве многое изменилось: «В 1717 году жители Москвы увидели, какую потерю они понесли со смертью князя Федора Юрьевича Ромодановского: как только не стало страшного пресбургского короля «обливавшегося кровью в Преображенском», так разбой усилились в столице».

Князь Федор Юрьевич Ромодановский – один из немногих сподвижников Петра I, который имел влияние на царя особенно в первые годы правления. Эта близость выражалась и в потешных играх, и в военных походах, и в балах, и в посещениях Петром I палаты Ф.Ю. Ромодановского в Москве и дворца в селе Константиново.

Домодедовская земля хранит память о князе Ф.Ю. Ромодановском, весьма влиятельном царедворце в царствование Петра I.

МОРСКИЕ ПОБЕДЫ, ИМЕННЫЕ РЫСАКИ

Алексей Григорьевич Орлов
(1735–1807)

Когда я впервые ступил на землю села Михайловского, то вспомнилось, что здесь в конце восемнадцатого века бывал и жил граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский – один из пяти знаменитых братьев Орловых.

А Г. Орлов-Чесменский, генерал-аншеф, Георгиевский кавалер, купил полюбившемуся ему село Михайловское Хатунской волости Серпуховского уезда (ныне Домодедовского района). Потом граф часто наезжал в село на рысаках (орловских!), ходил и ездил по красивым михайловским полям и перелескам, бывал на берегу Михайловского пруда, расположенного в центре села, и, быть может, купался в нем.

Братья Орловы стали знамениты в правление императрицы Екатерины II. Каждый из пятерых братьев Орловых: Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир отличился в просвещенный и беспокойный екатерининский век. Судьба каждого заслуживает особого внимания. Все они, прибывшие в столицу из глухой провинции, стали фаворитами гвардии, а Григорий – фаворитом императрицы Екатерины II.

Судьба Алексея Орлова, сержанта гвардии, участника дворцового переворота в 1762 году, заставившего императора Петра III подписать акт об отречении от престола, – особая. Сержант гвардии получил сразу после воцарения Екатерины II чин генерал-майора.

Алексей Орлов родился 21 сентября 1735 года и был самым энергичным деятелем дворцового заговора в пользу Екатерины. Сержант гвардии Алексей Орлов 28 июня 1762 года вошел в спальню императрицы и сообщил, что у него все готово. Избив в Петергофе караул, он поскакал в Ораниенбаум, арестовал императора Петра III. За это получил он впоследствии титул графа и восемьсот крепостных крестьян.

Екатерина II не раз признавалась своим близким, что Алексей Орлов – самый страшный человек, и боялась его: как бы он не убил ее. И осыпала его орденами, золотом, чинами и именьями. Екатерина помнила, что в кулачной борьбе против Алеши Орлова устоять никто не мог. Она знала, что братья Орловы могучи и бесстрашны, как львы. Только здоровяк лейб-компанец Шванвич мог осилить одного из Орловых, но двоих братьев осилить никто не мог.

Однажды в трактир, где А. Шванвич играл в бильярд, ввалились захмелевшие Григорий и Алексей Орловы. Выпив все вино Шванвича, они вытолкали его из трактира. На улице Шванвич дождался обидчиков, и, когда первым из них появился во

дворе Алексей, Шванвич рубанул его саблей по голове. Окровавленный Алексей Орлов упал на землю.

Шрам от сабельного удара остался у А.Г. Орлова на всю жизнь. Пребывая потом многие годы во славе, Орловы никогда не мстили Шванвичу, понимая, что поступок его был вынужденным в тот злополучный вечер.

Россия в 1768 году, после объявления Турцией очередной войны, начала готовиться для обороны своих южных границ. Государственный Совет решил против османов вести наступательную войну. Фаворит императрицы Екатерины II Григорий Орлов предложил послать в Средиземное море несколько судов и оттуда нанести по врагу упреждающий удар с тыла. За такой дерзкий план выступили все пятеро братьев Орловых. С одобрения императрицы Екатерины II для выполнения этого плана вышел Алексей Орлов с младшим братом Федором. Изучив обстановку на берегах Средиземного моря, братья Орловы начали действовать. Греки и южные славяне, не прекращавшие борьбы с турецким игом, видели Россию как свою заступницу.

Императрица Екатерина II своим решением от 29 января 1769 года поручила Алексею Орлову руководить боевыми действиями. Из Кронштадта в июле 1769 года вышла эскадра адмирала Г. А. Спиридова и вслед за ней эскадра контр-адмирала англичанина Джона Эльфинстона. Эскадры шли медленно вокруг всей Европы. Контр-адмирал Эльфинстон был человек заносчивый и не смог установить деловых отношений ни с Орловым, ни со Спиридовым, что и заставило А.Г. Орлова объявить себя главным военачальником обеих эскадр по рескрипту императрицы Екатерины II.

На линейном корабле «Три Иерарха» в 2 часа дня 12 июня 1770 года был поднят флаг главнокомандующего (кайзер-флаг) в знак того, что А.Г. Орлов принял на себя всю полноту ответственности за русский флот.

Перед средиземноморской эскадрой А.Г. Орлова стояла задача: не дать турецкому флоту ускользнуть через Дарданеллы в Мраморное море и, нагнав его, заставить принять генеральное сражение. Несмотря на значительное превосходство, турецкий флот избегал сражения.

Это морское сражение в итоге облегчило бы борьбу русской сухопутной армии на причерноморских равнинах.

К русскому флоту присоединились суда греческих повстанцев под началом Панаиоти и Алексано Паликутти, Рузо и других. С помощью греческих повстанцев, хорошо знавших воды архипелага, удалось установить, что неприятельский флот пошел на север от острова Пароса. Один из греческих судов-разведчиков принес известие, весь турецкий флот находится между островом Хиос и малоазиатским берегом. А.Г. Орлов направил для детальной разведки контр-адмирала С. Грейга на 66-пушечном корабле «Ростислав» с двумя небольшими фрегатами. Грейг вернулся к эскадре с известием, что в проливе находится весь турецкий флот.

Главнокомандующий – генерал от кавалерии А.Г. Орлов решил под утро атаковать турок. Русская эскадра имела 9 линейных кораблей, 3 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 17 вспомогательных судов и транспортов и 820 орудий. Турецкая эскадра имела 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов и 1430 орудий под командованием опытного флотоводца Хасан-бей Джезаирли. Корабли турецкого флота стояли на якоре в Хиосском проливе в полмиле от берега. Турецкий флот имел почти двойное превосходство.

А.Г. Орлов написал императрице Екатерине II следующее донесение: «Увидя оно сооружение, ужаснулся я и был в неведении, что мне предпринять должно; но храбрость войск, рвение всех принудили меня решиться и, несмотря на превосходные силы, отважиться атаковать – пасть или истребить неприятеля.

Главнокомандующий А.Г. Орлов 24 июня 1770 года созвал на флагманском ко-

рабле военный совет, который принял план адмирала Спиридова атаковать под парусами с короткой дистанции турецкий флот, нанести сосредоточенный удар по флагманскому кораблю «Реал-Мустафа» и тем самым нарушить управление турецким флотом. План был смелый и дерзкий. А.Г. Орлов утвердил его.

Утром 24 июня 1770 года русский флот вступил в бой, главнокомандующий на флагманском корабле шел в середине кильватерной колонны. А.Г. Орлов приказал не открывать огонь до подхода на дистанцию пистолетного выстрела. На корабле, идущем под флагом адмирала Г.А. Спиридова, вдруг грянула музыка, поднимая дух матросов. В половине двенадцатого дня русский авангард подошел на расстояние трех кабельтовых от турецкого флота. Турки, не выдержав молчаливого движения на них русских, открыли пальбу. Вся турецкая армада осветилась огнями выстрелов и очутилась в клубах дыма. Русская эскадра подошла на близкое расстояние, и авангард дал свой первый залп, за ним второй...

К турецкому флагманскому кораблю подошел почти вплотную русский корабль «Святой Евстафий Плакида» и открыл артиллерийский огонь, нанеся серьезные повреждения. Адмирал Спиридов со шпагой в руке командовал боем. Вслед за авангардом вступили остальные русские корабли. Корабль «Три Иерарха» под флагом главнокомандующего А.Г. Орлова обрушил свой огонь на 100-пушечный турецкий корабль.

Поединок между русским кораблем «Святой Евстафий Плакида» и турецким флагманским кораблем «Реал-Мустафа» длился два часа. «Реал-Мустафа» загорелся, смятение охватило турецкую команду. Русские моряки пошли на бордаж. Короткая рукопашная схватка закончилась полной победой русских моряков. В это время огонь с турецкого флагмана перебрósился на русский корабль. Пожар потушить оказалось безуспешным, и адмирал Спиридов с Ф.Г. Орловым перенесли свой флаг на корабль «Три святителя».

Гибель «Реал-Мустафы» вызвала у турок сильную панику. Все турецкие корабли бросились к Чесменской бухте, чтобы в ней укрыться. Была половина второго часа дня. По приказу А.Г. Орлова все русские корабли пустились в погоню и преследовали турецкие корабли до самой бухты Чесмы, блокировав там флот.

Для окончательного разгрома турецкого флота А.Г. Орлов созвал на корабле «Три Иерарха» командиров кораблей для военного совета, на котором был принят снова план адмирала Спиридова: уничтожить турецкий флот комбинированным ударом артиллерии и брандеров.

В приказе от 25 июня А.Г. Орлов писал: «...флот оный победить и разорить» около полуночи 26 июня после артиллерийских залпов с русских кораблей. На турецких кораблях начался пожар, в атаку пошли брандеры. Пламя горящих кораблей благоприятствовало нападению брандеров. К 3 часам ночи пожар охватил весь турецкий флот. Вся Чесменская бухта превратилась в огненный котел. Горело более 40 турецких кораблей. Корабли взрывались один за другим. К 10 часам утра сгорело 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и 40 мелких судов. Турки потеряли погибшими более десяти тысяч матросов.

В Чесменском морском бою турецкий флот был полностью уничтожен. Это была величайшая победа русского флота в Средиземном море.

Россия праздновала Чесменскую победу. В честь Чесменской победы в Царском Селе была воздвигнута Чесменская колонна, а в Санкт-Петербурге построена Чесменская церковь.

В память Чесменской победы выпустили бронзовую медаль, на одной стороне которой был изображен А.Г. Орлов, а на другой – план Чесменского сражения со словами: «И быть России радость и веселие. Чесма, 24 и 26 июня 1770 г.»

Чесменское сражение было самым крупным за всю историю парусного флота.

Главнокомандующий всеми русскими войсками А.Г. Орлов был награжден высшим военным орденом Георгия I-й степени. «За храброе и разумное предводительство флотом и одержание знаменитой на берегах Ассийских над турецким флотом победы и совсем оной истребивший». Ему было присвоено звание генерал-аншеф, а фамилии прибавили «Чесменский».

Русский военно-морской флот пополнился новым кораблем «Память Евстафия» в честь славно погибшего «Святого Евстафия Плакиды» в 1770 году.

К Алексею Григорьевичу Орлову пришла мировая слава. В честь него слагались песни, стихи, легенды. Европа была изумлена победой русского флота на Средиземном море.

После Чесменской победы русская эскадра возвращалась домой кружным путем. А через знойные пустыни стран Ближнего Востока и Черного моря арабы вели в Россию под вооруженным конвоем гурт восточных скакунов, закупленных А.Г. Орловым для разведения высокопородных скакунов («орловских скакунов» по фамилии графа). Удивительного жеребца арабской породы «Сметанка» вели два года.

Безало время, и эпоха Орловых заканчивалась. На историческую сцену вступал Григорий Потемкин-Таврический. Он стал часто бывать при императорском дворе, обратил на себя внимание императрицы. Отстранив от Екатерины ее фаворита Григория Орлова, Потемкин занял его место. Вслед за отставкой Григория Орлова были отставлены от службы и все братья Орловы.

Но жизнь не заканчивалась – жизнь продолжалась. У А.Г. Орлова в жизни была главная страсть – страсть к лошадям. Начиналась жизнь гениального зоотехника.

После отставки Алексей Орлов жил и проводил время в Нескучном дворце возле Донского монастыря в Москве. В Подмосковье – в селах Остров, Хатунь и Михайловское он начал разводить племенных жеребят. В селе Остров на реке Москве, находящемся в ближнем Подмосковье, в полутора десятках километров от Царицыно, А.Г. Орлов основывает конный завод. Село находилось на холме среди бескрайних полей, что благоприятствовало разведению лошадей. В 1776 году А.Г. Орлов-Чесменский вывел новую породу лошади, названную «орловский рысак». Из Подмосковья в 1778 году А.Г. Орлов перевел свой конный завод в имение Хреново, что находилось в воронежских степях. Там великолепный мастер Жилярди построил гигантский комплекс конюшен. Для обслуживания конюшен граф переселил тысячи крестьян, построил для них больницу и школу. Именно в Хренове А.Г. Орлов вывел знаменитого рысака по кличке Свириный, который стал потом родоначальником многих «орловских рысаков». Своим мужикам-конюхам граф запрещал бить лошадей. Каждому вновь появившемуся скакуну граф сам лично давал имя. Имена жеребцов: Авиатор, Залетай Барс, Бис, Богатырь, Кагор, Лебедь, Мужик, Рислинг, Спрут, Танцмейстер, Горностаи, Изменщик, Умница и другие. Имена кобылиц: Ателье, Браво, Синусонда, Субсидия, Тактика, Эволюция. Имена лошадам давались по их заслугам. Иногда имена менялись. Так, например, у жеребца Мужик, на котором однажды ехал граф и, обратив внимание, сказал: «До чего же ровно бежит, будто холсты меряет, быть ему Холстомером».

Спустя почти сто лет Л.Н. Толстой сделал Холстомера главным героем своей повести.

В русскую жизнь А.Г. Орлов ввел бега и скачки, ипподромы. До самой своей смерти участвовал лично в бегах и скачках скакунов, делая ставки на румяные калачи.

Алексею Орлову было уже под пятьдесят, когда он женился на молодой Лопухиной. Любовь была недолговечной, жена рано умерла, оставив ему дочь Аннушку, которую надо было растить. Еще при жизни жены граф жаловался на нее своим

друзьям: «В икону ткнется, и все тут. Нет, это не по мне».

Дочь Анна многое взяла от матери: та же богобоязнь, вера и молитва. Доброта исходила от ее отзывчивой и любящей души. Отец не уделял ей много внимания, у него были свои заботы. Но были и у него отдушины, тогда он ласкал дочку, носил ее на руках, нежно целовал и забавлял ребенка.

Англичанка Вальмонт в один из таких моментов спросила графа: «Чье это очаровательное дитя?». Граф ответил: «А разве узнаешь (забегала вот вчера с улицы, так и осталась. Не выкидывать же. Пушай живет!».

К повзрослевшей дочери граф относился сурово. Заставлял ее выполнять черную работу. Часто поучал: «Да не так делаешь! Не ленись. Это тебе не Богу молитвенно».

Графу нравилась его старая «самозванная принцесса» Мария Бахметова, с которой он жил в бесконечных разводах.

В 1796 году, когда на российский престол вступил Павел I, который из архива Екатерины II извлек записки А. Орлова, относящиеся к дворцовому перевороту, граф Орлов укатил за границу. В течение пяти лет, с 1796 года до 1801 года, граф Орлов жил со своей Марьей Бахметовой за границей: зимой в Дрездене и в Лейпциге, а летом – в Карлсбаде и в Теплице. Европа любила и почитала графа А.Г. Орлова-Чесменского.

Только весной 1801 года А. Орлов с Бахметовой возвратился в Россию: на престол вступил император Александр I.

Граф А.Г. Орлов пережил своего любимого генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. В 1805 году граф, получив известие о поражении русских войск при Аустерлице, заплакал, ему вспомнилась Чесменская победа.

Земная жизнь графа приближалась к концу. 24 декабря 1807 года, в Рождество, граф А.Г. Орлов-Чесменский скончался в Москве. Отпевали графа в храме «Положение Риз Господних», а погребли в его усадьбе Остров. Дочь А.Г. Орлова-Чесменского Анна Алексеевна в 1820 году переезжает в Петербург и покидает усадьбу Остров. Прах графа А.Г. Орлова перевозят в село Семеновское (Серпуховский уезд Московской губернии). Это село Григорий Орлов подарил своему младшему брату Владимиру, который построил на высокой горе церковь во имя Николая Чудотворца, а ниже – ближе к берегу реки Лопасни – дом. Усадьба была названа «Отрада». Там же строится мазохей из дерева – усыпальница графов Орловых. Младший из братьев Орловых, Владимир Григорьевич, умирает в 1831 году. В 1832–1835 годах в «Отраде» строится каменный мавзолей по проекту архитектора Д. Жилярди, а строительство осуществляет его двоюродный брат А. Жилярди.

С 1831 года усадьба «Отрада» переходит во владение к внуку В.Г. Орлова – В.П. Давыдову (с 1856 года он именовался В. П. Орлов-Давыдов).

В ноябре 1831 года графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская подала прошение на имя государя, митрополита Новгородского и в Синод о разрешении на перенесение праха своего отца, А.Г. Орлова-Чесменского, и его братьев в новгородский Юрьев монастырь. Графине было дозволено, не открывая гроба, перевезти прах своего отца, графа А.Г. Орлова-Чесменского, и его братьев, Григория и Федора Орловых, в Юрьев монастырь.

В январе 1832 года прах братьев Орловых, сопровождаемый иконой святого Алексея, митрополита Московского, был перевезен в Юрьев монастырь и предан земле под папертью Георгиевской церкви.

В 1816 году графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская подала прошение на строительство каменной церкви в принадлежащем ей с 1807 года селе Михайловском. Собор Архистратига Михаила построен в 1822–1823 годах, а освящен в 1824 году.

Доставшееся наследство отца графиня Анна Алексеевна употребляет на богоугодные дела, на церкви, на монастыри, на заупокойные службы по своему отцу и его братьям.

Быть может, в загробной жизни Алексей Орлов понял, как ему повезло в земной жизни с женой, подарившей ему нечаянную радость – дочь Аннушку, молитвенницу за отца и его братьев и проявившую трогательную заботу об их прахе.

Более шестидесяти лет прах выдающихся сподвижников императрицы Екатерины Великой Григория, Алексея и Федора обитал в Юрьевом монастыре. А в 1896 году, в столетнюю годовщину со дня кончины императрицы Екатерины II, правнук Орловых – А. В. Орлов-Давыдов (подал прошение о дозволении перевезти прах Орловых в родовое имение «Отрада» на место их прежнего упокоения. Дозволение было получено. Торжественная церемония перезахоронения праха Орловых состоялась 24 февраля 1896 года.

В мавзолее, в усадьбе «Отрада», на медальонах по старшинству братьев Орловых записано: граф Иван Григорьевич Орлов (3 сентября 1733 – 18 сентября 1791), капитан лейб-гвардии. Князь Григорий Григорьевич Орлов (6 марта 1734 – 13 апреля 1783), генерал-фельдцейхмейстер. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (25 сентября 1735 – 24 декабря 1807, 72 лет), генерал-аншеф и всех российских орденов кавалер. Граф Федор Григорьевич Орлов (8 февраля 1741 – 17 мая 1796), генерал-аншеф. Граф Владимир Григорьевич Орлов (1742 – 1831), генерал-поручик.

Братьям Орловым в южном Подмоскowie принадлежали села Семеновское, Хатунь, Михайловское, Щеглятьево, усадьбы «Отрада», «Нерастанное». Графу Орлову-Чесменскому принадлежали села Хатунь и Михайловское.

В 1924-м, роковым для усадьбы «Отрада» году останки графов Орловых, находящиеся с 1896 года в пантеоне – родовой усыпальнице графов Орловых, были потревожены, разграблены и сожжены присланной спецкомандой. (Об этом сообщил известный краевед Александр Нефедов. «Памятники Отечества», №№ 31, 1-2, 1994 г.). Так расправились с прахом графов. Но вычеркнуть из истории жизнь и деятельность братьев Орловых невозможно. В.О. Ключевский о братьях Орловых сказал: «...лихие голы, как братья Орловы, умевшие только решаться, а не думать».

27 августа 1995 года в городе Воронеже открыт памятник выдающемуся военачальнику и зоотехнику-селекционеру XVIII века графу Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому.

Воронежская земля – родина «орловских рысаков». Россия помнит графа А.Г. Орлова-Чесменского. Будем помнить и мы, домодедовцы, что на нашей земле владеет селом Михайловским и часто посещал его в последние годы жизни Chesменский герой Алексей Орлов, кавалер всех имевшихся тогда русских орденов.

НА ЗЕМЛЯХ ПОГОСТА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Михаил Михайлович Нарышкин
(1798–1863)

Маргарита Михайловна Тучкова
(1781–1852)

Листая страницы истории земли домодедовской, постоянно встречаешь представителей фамилий из знаменитых русских родов, познаешь их родственные связи, их судьбы и их высокие гражданские поступки и героические подвиги на благо России. Судьбы многих из них удивительны, а некоторых из них – трагичны. Когда изучаешь их жизненные биографии, перед глазами возникают исполинские фигуры.

Это герои Бородинского сражения, это декабристы 1825 года, это великие русские молитвенники и молитвенницы из святых православных обитателей русской земли прошедших времен.

В древности на землях Погоста Архангела Михаила, что на реке Рожайя, возникло небольшое селцо Архангельское, которое будет принадлежать Андрею Одинцу и получит название Одинцово-Архангельское.

В начале семнадцатого века село Одинцово-Архангельское станет вотчиной Ивана Юрьевича Тургенева, прямого предка русского писателя И.С. Тургенева. И.Ю. Тургенев на земле Погоста Архангела Михаила построил каменную церковь во имя Михаила Архангела вместо снесенной деревянной.

В 1662 году И.Ю. Тургенев скончался, и по духовному завещанию село Одинцово-Архангельское с 6 ноября того же года будет принадлежать его жене вдове Марфе.

На той же речке Рожайе И.Ю. Тургеневу принадлежало село Борево, которое с 1722 года перейдет к Донскому монастырю. С того года село Борево станет называться Борево-Тургенево, а в конце девятнадцатого века – деревней Тургенево.

С конца восемнадцатого века селом Одинцово-Архангельское станет владеть подполковник Михаил Петрович Нарышкин.

У М.П. Нарышкина от брака с княжной Варварой Алексеевной Волконской родилась 2 января 1781 года дочь Маргарита, которая будет супругой будущего героя Бородинского сражения генерала Александра Алексеевича Тучкова (Тучкова 4).

А в 1798 году 4 февраля у М.П. Нарышкина родился сын Михаил, будущий декабрист, у которого супругой будет единственная дочь героя Отечественной войны 1812 года Петра Петровича Коновницына графиня Елизавета Петровна.

Жизнь и судьбы сестры и брата Нарышкиных: Маргариты Михайловны (1781–1852) и Михаила Михайловича (1798–1863) – связанные с домodedовской землей, интересны и поучительны.

М.М. Нарышкина в шестнадцать лет вышла замуж за П.М. Ласунского. Этот брак был неудачен; так как репутация Ласунского была известна, брак был легко расторгнут.

В 1806 году Маргарита Михайловна Нарышкина вторично вышла замуж за полковника Александра Алексеевича Тучкова, двадцативосьмилетнего офицера-красавца с тонкими чертами лица, с большими мудрыми и добрыми глазами. Состоялась большая любовь – Маргарита Михайловна была прекрасна собой, и, несмотря на встреченную ею полную взаимность, она долго не могла получить согласия родителей, напуганных неудачей ее первого выбора.

А.А. Тучков родился в Киеве в 1777 году, был младший из пяти братьев Тучковых. Он отличался репутацией способного и деятельного офицера.

С 1802 года Тучков путешествовал по Европе, в мае 1804 года присутствовал в Париже, когда на заседании Трибунала первый консул Бонапарт был провозглашен императором Франции. В декабре 1804 года А.А. Тучков вернулся в Россию: служил по особым поручениям при генерале Беклешове, а в 1805 году был переведен в Мюромский пехотный полк, который участвовал в походе в корпусе Беннигсена и, дойдя до Силезии, получив известие об Аустерлицком сражении, вернулся обратно.

В кампании 1806 года в сражении при Голымине А.А. Тучков получил боевое крещение, за что был награжден орденом Георгия 4-го класса и был назначен шефом Ревельского пехотного полка.

Годы 1806–1812 для М.М. Нарышкиной были счастливыми годами замужества и семейного благополучия. Не страшась трудностей, Маргарита Михайловна последовала за мужем в Шведский поход, разделяя с ним все невзгоды военной жизни, развезшая верхом на коне в качестве денщика.

В войну 1807 года Тучков, находясь с полком в авангарде генерала Бороздина, участвовал в битве при Гейльсберге и в Фридландском сражении, где с тремя полками держался в течение трех часов против вчетверо сильнеею неприятеля. За эту битву А.А. Тучков был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В 1808 году Тучков со своим Ревельским полком был переведен в корпус Барклая-де-Толли, в Финляндию, где участвовал в сражении при Иденсальми, занятии городов Рандасальми и Куопио. За отличие в боях А.А. Тучков был произведен в генерал-майоры, чин генерала он получил в тридцать один год. Во главе Ревельского полка А.А. Тучков был переведен в корпус графа Шувалова, участвовал при взятии Торнео и отличился в деле при Шелефте, за что был награжден орденом Анны 2-й степени.

Маргарита Михайловна постоянно сопровождала своего супруга Александра Алексеевича во всех его боевых походах и сражениях. В 1810 году генерал А.А. Туч-

ков был назначен командиром 1-й бригады знаменитой 3-й пехотной дивизии Коновницына.

М.М. Тучкова, став матерью с рождением сына Николая в 1811 году, проводит на войну с Наполеоном своего супруга А.А. Тучкова до Смоленска, а сама вернется к родителям в Москву, в собственный дом на Пречистенском бульваре.

В мае 1812 года в Вильне был назначен смотр полков дивизии Коновницына, где бригада Тучкова была в блестящем виде.

Бригада Тучкова принимала участие в бою при Какувячине, близ Витебска; защищала Малаховские ворота в Смоленске 5 августа 1812 года.

Из пяти братьев Тучковых в Отечественную войну 1812 года участвовали четверо:

1. Николай Алексеевич Тучков (1765–1812) – старший из братьев, генерал-лейтенант (Тучков 1), пал в Бородинском сражении.

2. Сергей Алексеевич Тучков, (1767–1839) – генерал-майор, командир пехотной дивизии (Тучков 2).

3. Павел Алексеевич Тучков (1775–1858) – четвертый из братьев, генерал-майор (Тучков 3). В Бородинском сражении командовал 3-м пехотным корпусом.

4. Александр Алексеевич Тучков (1777–1812) – младший из братьев, генерал-майор (Тучков 4) – муж Маргариты Михайловны Нарышкиной.

Тучков А.А. командовал в Отечественную войну 1812 года бригадой, входившей в состав 3-го пехотного корпуса, командующим которого был его родной брат П.А. Тучков.

В Бородинском сражении А.А. Тучков, являясь командиром Ревельского полка, находился среди героических защитников Семёновских (Багратионовских) флешей. Во время одной из атак французов, когда неприятель захватывал Семеновские флешы, генерал А.А. Тучков, взяв полковое знамя, кинулся вперед, увлекая за собой солдат в штыковую атаку под свинцовым дождем вражеской картечи. Летевший снаряд насмерть поразил героя и разорвал его на мелкие части...

Престарелая мать героев Тучковых, погибших на Бородинском поле, узнав о смерти своих сыновей, в тот же день ослепла. Такова была тяжесть ее горя.

Участник Отечественной войны поэт Федор Глинка, хорошо знавший генерала Александра Алексеевича Тучкова, передавая образ отважного генерала, писал так: «В этих чертах, особливо на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет сердце, имеет воображение, умсет и в военном мундире мечтать и задумываться».

1 сентября 1812 года Маргарита Михайловна Тучкова узнает о смерти своего мужа-генерала А.А. Тучкова, убитого на Бородинском поле, и, оправившись от первого нервного удара, выезжает на Бородинское поле. После долгого ночного поиска Маргарита Михайловна среди убитых своего мужа не нашла.

Продав все свои драгоценности и бриллианты, Маргарита Михайловна решила увековечить место гибели мужа – генерала А.А. Тучкова (Тучкова 4) – сооружением небольшой каменной четырехугольной церкви на месте стоявшей батареи, где был убит ее муж. За постройкой церкви М.М. Тучкова наблюдала, проживая вместе с маленьким сыном Николаем и его французской-гувернанткой в небольшой сторожке. В 1820 году церковь Спаса Нерукотворного была построена – как память генералу Александру Алексеевичу Тучкову.

Последующие годы Маргарита Михайловна посвятила воспитанию сына, переехав жить в Петербург, где сын Николай учился в Пажеском корпусе. Николай Александрович Тучков был записан царем Александром I в пажи. В 1826 году Маргарита Михайловна пережила еще жизненный удар – в пятнадцатилетнем возрасте умер ее

сын Николай.

Ссылка брата М.М. Нарышкина, участника восстания декабристов 1825 года, и неожиданная кончина сына Николая, совсем молодого юноши, окончательно сразили Маргариту Михайловну. Похоронив сына в построенной ею Спасской церкви Маргарита Михайловна навсегда переселилась в свою сторожку на Бородинское поле.

Вот что писала М.М. Тучкова своей подруге из Бородина: «День походит на день утрени, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, незначущее рукоделье, а после краткой молитвы – ночь, вот вся жизнь. Скучно жить, страшно умереть. Мило сердце Господне, Его любовь – вот мое упование, тем и кончу!»

Веруя в Бога и в Промысел Божий, Маргарита Михайловна Тучкова в своей многострадальной жизни, неся безропотно свой крест, искала утешение в помощи бедным и несчастным в земной жизни людям, лечила больных и привлекала желающих разделить с ней труды на пользу ближних.

М.М. Тучкова испросила у императора Николая I утверждение Спасо-Бородинской общины, на строительство которой пожертвовала доходы со своих имений и свою пенсию. М.М. Тучкова, имея энергичный характер и своими трудами и примером являясь главою общегития, по предложению митрополита Филарета приняла малое постройку с именем Мелании. В 1838 году ее община была преобразована в Спасо-Бородинский монастырь.

По просьбе императора Николая I М.М. Тучкова присутствовала 26 августа 1839 года на открытии памятника на Бородинском поле и его освящении.

На царя Николая I сильное впечатление произвела М.М. Тучкова, вынесшая много страданий и опередившая императора в увековечении памяти русских героев, павших на Бородинском поле.

Император Николай I даровал Тучковой М.М. прощение ее брата, декабриста М.М. Нарышкина, и в 1840 году вызвал ее в Петербург, чтобы быть восприемницей супруги наследника, позднее императрицы Марии Александровны. С тех пор М.М. Тучкова вела переписку с императрицей Марией Александровной до самой своей кончины.

В 1840 году, 28 июня, М.М. Тучкова была посвящена в сан игуменни. Она была боготворима и в своей обители, и в других монастырях благодаря своей неутомимой деятельности настоятельницы. Она отличалась, несмотря на свою вспыльчивость, отзывчивостью, добротой и смирением. Но под своей камиллавкой и монашеской мантией она оставалась светской женщиной и при редких появлениях ее в свете пленяла всех своей блестящей речью и изяществом приемов. Маргарита Михайловна Тучкова прожила долгую жизнь, скончалась 29 апреля 1852 года и была погребена в Спасском храме монастыря.

Брат М.М. Тучковой Михаил Михайлович Нарышкин родился семнадцатью годами позже сестры – 4 февраля 1798 года. Его отец по случаю рождения сына, дав ему имя Михаил, в селе Одинцово-Архангельское снес старую постройку И.Ю. Тургенева – церковь Михаила Архангела – и к 1800 году воздвиг новую кирпичную во имя Архангела Михаила, существующую поныне.

В 1823 году М.М. Нарышкин женился на графине Елизавете Петровне Коновницкой, дочери героя Отечественной войны 1812 года графа П.П. Коновницина (1764–1822). Елизавета Петровна Коновницкая родилась 1 апреля 1801 года – старшая из детей и единственная дочь у отца. Мать Елизаветы Петровны – Анна Ивановна, урожденная Римская-Корсакова – была из знаменитого русского рода.

Михаил Михайлович Нарышкин, полковник Тарутинского полка, в 1818 году стал членом «Союза благоденствия», а затем членом Северного общества, был участником переговоров Северного и Южного обществ «О принятии целию введения респуб-

ликанского правления» и являлся участником подготовки восстания в Москве в декабре 1825 года.

В детские годы М.М. Нарышкин в зимнее время жил до 1815 года в московском городском доме, построенном в конце XVIII века архитектором М.Ф. Казаковым для Варвары Алексеевны Нарышкиной, урожденной Волконской, на Пречистенском бульваре (ныне дом № 10 на Гоголевском бульваре); а в летнее время – в загородном доме в селе Одинцово-Архангельское.

В доме на Пречистенском бульваре М.М. Нарышкин бывал затем в первой половине 1820-х годов, где собирались члены «Союза благоденствия». В состав тайного общества входили и братья Коновницыны.

М.М. Нарышкин был признан виновным «в знании об умысле на цареубийство и в участии в умысле бунта» и сослан на каторжные работы в Сибирь, где отбывал их в Черчинских рудниках.

Современники отмечали, что в дни декабрьского восстания «почти ежедневно собирались у М.М. Нарышкина, у которого сосредоточивались все доходящие до Москвы слухи и известия из Петербурга».

Дом Нарышкиных на Пречистенском бульваре в 1830 году был куплен удельным ведомством и в 1835 году перестроен. С давних времен существовали дружеские связи между родами Тургеневых и Нарышкиных. Усадьбой в Одинцово-Архангельское владели до Нарышкиных Тургеневы, и не случайно в доме на Пречистенском бульваре по приезду в Москву останавливался великий русский писатель И.С. Тургенев.

Елизавета Петровна Нарышкина, лишившись единственного ребенка – дочери, умершей в 1826 году, решила следовать за мужем в Сибирь. Мать Е.П. Нарышкиной графиня А.И. Коновницкая – энергичная женщина, добилась разрешения государя на отъезд своей дочери к мужу в Читу. Прибыв в Читу в мае 1827 года, Елизавета Петровна, увидев своего мужа в оковах, упала в обморок. Графине нелегко было переносить лишения ссылки. Она была по природе нервной, хрупкой, болезненной. Михаил Михайлович, человек в высшей степени симпатичный, мягкий, добрый, трогательно ухаживал за своей болезненной супругой.

Живя в Петровском заводе, Елизавета Петровна серьезно заболела «простудной горячкой» и только благодаря заботам мужа и известного доктора Вольфа поправилась. Ее тяготила и угнетала однообразная жизнь в Чите, и из-за необщительного характера она чувствовала себя особенно одинокой. Она трудно сближалась с людьми и благоговела только перед глубоко религиозной Н.Д. Фонвизиной.

В 1833 году М.М. Нарышкин был освобожден от каторги и переехал жить с женой в Курган, где более мягкий климат благотворно действовал на здоровье Елизаветы Петровны. В Кургане Нарышкины более удобно устроились, обзавелись обстановкой, имели дворовых людей. М.М. Нарышкин занялся улучшением породы сибирских лошадей.

Василий Андреевич Жуковский, побывав в Кургане и увидев Е.П. Нарышкину, писал императрице Александре Федоровне: «В Кургане я видел Нарышкину: она глубоко меня тронула своей тихостью и благородной простотой в несчастии. Но она больна и, можно сказать, тает от горя по матери, которую хотя раз еще в жизни желала бы видеть».

Полковник М.М. Нарышкин был определен в том же 1833 году рядовым на Кавказ. Елизавета Петровна заехала в Москву, навестила мать и братьев (их у нее было четверо) и затем отправилась на Кавказ, в крепость «Прочный окоп».

На Кавказе жизнь Нарышкиных стала более содержательной и живой. Нарышкины получали книги, журналы, и в доме у них собиралось общество. Елизавета Петровна среди новых друзей часто пела, но, когда муж уходил в экспедицию против

горцев, переживала и беспокоилась. Детей у Нарышкиных больше не было, но еще Чите в 1830 году Елизавета Петровна взяла на воспитание маленькую девочку Ульяну Чупятову.

После помилования Нарышкины поселились в Москве, где жили Коновницыны. Михаил Михайлович Нарышкин скончался 2 января 1863 года, пережив свою службу на десять лет.

Ни у Маргариты Михайловны, ни у Михаила Михайловича Нарышкиных потомков не осталось. Такова их судьба.

Дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала П.П. Коновницына Елизавета Петровна Нарышкина прожила вдовой еще несколько лет – она умерла 11 декабря 1867 года и похоронена в Москве рядом с мужем на кладбище Донского монастыря.

По словам князя Е.П. Оболенского, М. М. Нарышкин в жене «нашел ту полную сочувствия, которая в жизни выражается полной гармонией и стремлений, и целей жизненных, и надежд, и желаний; в этом сердечном союзе протекли многие годы, везде они были вместе, и везде их сердечная жизнь выражается в любви чистой, отражаемой во всем строе жизни».

М.Н. Волконская, знавшая по каторге Е.П. Нарышкину, писала о ней так: «Маленькая, очень полная, несколько аффектированная, она была в сущности вполне достойная женщина; надо было привыкнуть к ее гордому виду, и тогда нельзя было ее полюбить».

А Францева о Нарышкиной Е.П. отзывалась так: «...была некрасива, но удивительно умное выражение лица заставляло не замечать этого: ум у нее был острый и игривый, восторженный, она все подметит и ничего не пропустит без замечания, с ней было всегда весело и приятно».

Такова была дочь Петра Петровича Коновницына – генерала от инфантерии, героя Бородинского сражения, заменившего тяжелораненого П.И. Багратиона, дежурного генерала при М.И. Кутузове, одного из самых деятельных его помощников. На военном Совете в Филях П.П. Коновницын проголосовал против отступления, имея высокие патриотические и нравственные качества, которые передал своим детям, сыновьям и дочери. Его старший сын состоял членом Северного общества декабристов, был разжалован в солдаты и сослан в дальний гарнизон, а потом на Кавказ.

Село Одинцово-Архангельское, возникшее на землях Погоста Архангела Михаила, оставалось многие годы загородной вотчиной Нарышкиных. Здесь провели свои детские годы в летнее время Маргарита Михайловна и Михаил Михайлович.

С высоких берегов Рожай слышали они журчание вод реки, шум зеленых дубов и многоголосое пение птиц, а по воскресеньям и праздничным дням присутствовали на литургиях в храме Михаила Архангела.

Храм Михаила Архангела, построенный М.П. Нарышкиным в 1798–1800 годах на месте старого снесенного храма постройки И.Ю. Тургенева, существует до наших дней. С 1992 года в церкви Михаила Архангела возобновились богослужения.

ГЕРОЙ БОРОДИНА

Борис Владимирович Полуектов
(1778–1843)

*Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

М. Ю. Лермонтов.

Известному русскому дворянскому роду Полуектовых, упоминаемому в «Истории России» С.М. Соловьева, принадлежали на домodedовской земле более двухсот лет (XVII–XIX века) старинные села Данилово и Успенское.

Первое упоминание о селе Данилово относится к 1623 году и записано как «сельцо на проточине» Боровского уезда Растуновского стана, принадлежавшее «разным владельцам». А в 1675 году в казенном приказе сказано: «...марта в 13 день, по выписке за пометою дьяка Перфилия Семенникова, а по челобитью Ивана Полуехтова, велено ему в Боровском уезде в Растуновском стану в сельце Данилово построить вновь церковь во имя Пресвятыя Богородицы Одигитрии, да в приделе Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца и дана ему о том благословенная грамота, а на тоя церкви положена дань с дворов... с одного двора помещикова, с 20 дворов крестьянских, с 10 дворов бобыльских...»

Таким образом, село Данилово с последней трети XVII века принадлежало Полуектовым (фамилия писалась также Полуехтовы, Полуэктовы, Полуевктовы).

А село Успенское, первоначально известное как Боборыкино или Успенское-Боборыкино, в последней трети XVIII века принадлежало князю А.С. Долгорукому и братьям Владимиру Борисовичу и Дмитрию Борисовичу Полуектовым. В 1771 г. в селе Успенское построена кирпичная церковь Успения Божией Матери с двумя приделами: князя святого Владимира и митрополита Дмитрия Ростовского, что указывало на патрональное посвящение приделов к владельцам села братьям Владимиру и Дмитрию Полуектовым.

Род Полуектовых в России известен со второй половины XV века, в княжение Великого князя Ивана III жил Алексей Полуектов – известный и любимый дьяк в Московском государстве. В 1591 году в царствование Бориса Годунова упоминается Степан Полуектов в числе лиц, прикосновенных к делу царевича Дмитрия Угличского.

В царствование Алексея Михайловича Романова упоминается стрелецкий полковник Дмитрий Иванович Полуектов, который находился в походах против Стеньки Разина. В 1669 году Яков Полуектов руководил постройкой первого русского кораб-

ля «Орел», который был спущен на воду на реке Оке и предназначался для плавания по Каспийскому морю.

В 1673 году сельцо Данилово «находилось во владении у Ивана Леонтьева сына Полуехтова, а от него перешло к его жене Акинсине Ивановне, при которой в селе Данилово состояло в 1705 году 9 дворов крестьянских».

Иван Леонтьевич Полуехтов знал лично царя Федора Алексеевича Романова и находился у него на службе в царской вотчине Пахрино, занимая пост приказчика Домоделовской волости.

В Патриаршем приказе за 1680 год записано: «По указу Патриарха, а по челобитью Ивана Леонтьева сына Полуехтова и по памяти, какова прислана из поместного приказа, за приписью дьяка Ивана Рагозина, отведено земли 10 чети в поле, а в двупотому ж, сена 15 копен. И марта в 15 день, дани 25 алт. 3 деньги, заезда гривна платил сын Ивана Полуехтова – Дмитрий Полуехтов».

В царствование Петра Первого один из Полуехтовых в чине полковника участвовал в войне против шведов.

С 1731 года село Данилово, как основная вотчина Полуехтовых с именем, принадлежало Борису Владимировичу Полуехтову. По кончине Б.В. Полуехтова с 1749 года по 1788 год село Данилово принадлежало его сыну Владимиру Борисовичу, у которого в 1778 году родился сын Борис – названный в честь деда. В роду Полуехтовых было в продолжительное время одно правило – называть сына в честь деда, и таким образом в роду Полуехтовых были Борисы Владимировичи и Владимеры Борисовичи.

Борис Владимирович Полуехтов (1778–1843) – герой Бородин, родился в селе Успенское. По существующему в XVIII веке обычаю Борис Полуехтов был зачислен малолетним на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк и явился в полк в последние годы царствования императрицы Екатерины II, а именно в 1794–1796 годы. Борис Владимирович Полуехтов – высокий, красивый молодой человек с прекрасным, добрым русским характером, весельчак, требовательный к себе и людям.

В начале царствования императора Павла Б.В. Полуехтов был зачислен в подпоручики, а через год, в декабре 1797 года, произведен в портупей-прапорщики.

В январе 1798 года Б.В. Полуехтов был пожалован «за отличное усердие в службе» кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а в августе того же года произведен в прапорщики. В 1799 году Борис Полуехтов получил чин подпоручика, а в 1802 году – поручика.

Борис Владимирович Полуехтов женился на княжне Любове Федоровне Гагаринской. У них было двое сыновей и трое дочерей. Старший сын их по заведенной семейной традиции был назван в честь деда – Владимиром (Владимир Борисович), второй сын – Федором. А имена дочерей были: Екатерина, Прасковья и Любовь (последняя дочь носила имя матери).

Осенью 1805 года поручик Б.В. Полуехтов участвует в походе гвардии против французских войск. Он принимает участие в известном Аустерлицком сражении, где был убит его младший брат – поручик Преображенского полка Всеволод Полуехтов. По возвращении в Петербург Борис Полуехтов был награжден Аннинскою шпагою. В последующие годы Б.В. Полуехтов произведен в штабс-капитаны (март 1806 года) и в капитаны (январь 1808 года).

В сентябре 1808 года Борис Полуехтов с батальоном Преображенского полка прибыл в Финляндию, куда была послана гвардия для усиления войск, действовавших против шведов. В городе Вазы гвардия оставалась всю зиму 1808–1809 годов, а в феврале 1809 года перешла в Або. Здесь Б.В. Полуехтов поступил в корпус генерала П. И. Багратиона, который был назначен к походу на шведский берег через Аландские острова

и Аландсгаф. Поход начался 9 марта (26 февраля ст. ст.) 1809 года, а 14 марта (2 марта ст. ст.) Преображенский батальон, в котором служил Б.В. Полуехтов, прибыл на остров Кумлинг – сборное место войск генерала П.И. Багратиона – и примкнул к войску графа Строгонова, назначенного обходить Аландские острова с южной стороны. 15 марта (3 марта ст. ст.) войска перешли через Сатунг на остров Бене. 17 марта (5 марта ст. ст.) войска достигли Эккери – ближайшего к шведскому берегу Аландского острова, а на третий день, 20 марта (8 марта ст. ст.), после заключения с шведским правительством перемирия возвратились в Або. 26 апреля (14 апреля ст. ст.) 1809 года тридцатилетний Борис Полуехтов получил звание полковника.

Спустя несколько дней полковник Полуехтов получил приказ прибыть на Волынь, участвовать в формировании резервов.

Через год Полуехтов возвратился в Петербург и вступил в командование 1-м батальоном Преображенского полка. В том же году Б.В. Полуехтов был включен на казначию в число командиров ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

С марта 1812 года Б.В. Полуехтов находился в Вильне со своей гвардией, выступив из Петербурга, и оставался в Вильне до перехода войск Наполеона через Неман. В Вильне полковник Б.В. Полуехтов с Преображенским полком сделал марш в Дрисинский укрепленный лагерь, затем перешел к Смоленску. А 22 августа ст. ст. (3 сентября н. ст.) Преображенский полк прибыл к селу Бородино. При размещении войск на позиции Бородинского поля Преображенский полк был поставлен в главном резерве, позади центра.

В день Бородинского сражения 26 августа ст. ст. (7 сентября н. ст.) Преображенским полком командовал Б.В. Полуехтов как старший из батальонных командиров – командир полка в те дни был болен. В Бородинском сражении Преображенский полк двенадцать часов стоял под ядрами, сберегаемый главнокомандующим М. И. Кутузовым до последней возможности.

Ф. Н. Глинка, участник Бородинского сражения, писал: «...с громким барабанным боем полки остермановские шли скорым шагом позади первой линии и батареи, где находился главнокомандующий».

Кутузов напутствовал их несколькими ободряющими словами и осенял знаменем креста. Эти полки, еще свежие, сменили корпус Раевского, разбитый и подавленный частыми натисками и бурей пальбы французской. Вместо смененного корпуса Раевского полки Преображенский и Семеновский поставлены за 4-м корпусом».

В Бородинской битве в Преображенском полку были убиты один полковник и два обер-офицера, ранены один полковник и шесть обер-офицеров, погибло много солдат.

За Бородино полковник Б.В. Полуехтов был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

В продолжение Отечественной войны 1812 года Б.В. Полуехтов командовал батальоном в Преображенском полку. 1 января (13 января н. ст.) полк переправился через Неман – в Мареч. Продолжая командовать 1-м батальоном, Б.В. Полуехтов участвовал в сражениях под Люцею и Бауцею, за которые он получил орден Святой Анны 3-й степени, с алмазами. 27 сентября (15 сентября ст. ст.) 1813 года тридцатипятилетний полковник Полуехтов за отличие в сражениях был произведен в генерал-майоры.

5 октября (23 сентября ст. ст.) 1813 года Б.В. Полуехтов был назначен командиром Московского Гренадерского полка (шефом этого полка был принц генерал-лейтенант Карл Мекленбургский), входившего вместе с Киевским Гренадерским полком в бригаду генерала и сенатора Писарева.

В 1814 году генерал Полуехтов со своим Московским Гренадерским полком участвует в Бриеннском сражении (20 января ст. ст.), а через полтора месяца – в сражении

под Аренсом (8 марта ст. ст.).

В день Парижской битвы (18 марта ст. ст.) Б.В. Полуектов участвует в занятой Бельвильских высот.

19 марта (ст. ст.) 1814 года генерал Б.В. Полуектов ввел свой полк в Париж. В Бриеннское и Парижское сражения Б.В. Полуектов получает орден Святой Анны 1-го класса, а Московскому Гренадерскому полку даются знаки на кивера (кивер – головной убор) с надписью: «За отличие».

С окончанием войны и заключением Парижского мира Московский Гренадерский полк направляется из Франции в Россию.

Генерал-майор возвращается на родину: в села Данилово и Успенское, к своей семье – супруге Любови Федоровне и своим детям. Любовь Федоровна Полуектова до замужества была самой младшей в семье князя Федора Сергеевича Гагарина и княжны Прасковьи Юрьевны Трубецкой. Она родилась спустя восемь месяцев после смерти своего отца, погибшего в апреле 1794 года во время восстания в Польше. У нее было два брата: Василий и Федор, и три сестры: Вера, Надежда и София.

1 сентября 1814 года Б.В. Полуектов назначается командиром 3-й бригады 2-й Гренадерской дивизии Паскевича.

В 1815 году, когда Наполеон совершил побег с острова Эльбы, Полуектов вторично со своей бригадой побывал во Франции, где участвовал в смотре войск на равнинах Шампаньи, под Вертю.

В 1818 году генерал-майор Б.В. Полуектов назначается командиром 2-й бригады 2-й Гренадерской дивизии. Через пять лет, в декабре 1823 года, сорокапятилетний генерал Б.В. Полуектов награждается орденом Святого Владимира 2-й степени.

В начале царствования императора Николая 16 января (ст. ст.) 1826 года генерал-майор Б.В. Полуектов назначается командиром 2-й Гренадерской дивизии, которая располагалась в Новгородской губернии. В 1826 году дивизия принимает участие в больших маневрах, смотрах и парадах при торжественном венчании на царство императора Николая I. В том же году 22 августа ст. ст. Б.В. Полуектов получает чин генерал-лейтенанта.

С января 1831 года Б.В. Полуектов со своей дивизией находится в Польском походе, за который он получил Георгиевский крест 3 класса.

В 1832 году 25 июня ст. ст. Б.В. Полуектов был назначен командиром резервной дивизии 1, 2, 3-го пехотных корпусов, а 2 апреля ст. ст. 1833 года – членом Генерал-аудиториата.

Указом царя Николая I в 1843 году (10 октября ст. ст.) Б.В. Полуектов был произведен в генералы от инфантерии, но это повышение по службе уже не застало его живых.

Борис Владимирович Полуектов, находясь в отпуску, скончался в Варшаве 18 октября (6 октября ст. ст.) 1843 года в возрасте 65 лет.

В селе Успенское в 1845 году было возобновлено строительство храма «во исполнение воли блаженной памяти генерала от инфантерии Бориса Владимировича, в долгу и усердие семейства его: супруги Любови Федоровны, урожденной княжны Гагариной, сыновей Владимира и Федора, дочерей, фрейлин двора с. и. в. Екатерины Прасковьи и девицы Любови Борисовны Полуектовых». Известно, что в церкви села Успенского в родовом склепе в подцерковье похоронены мать Б.В. Полуектова, сестры и другие родственники генерала.

ГРАФИНЯ-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА

Храм Архистратига Михаила

Анна Алексеевна
Орлова-Чесменская
(1785–1848)

*Бесплоден всякий дух гордыни,
Не верно злато, сталь хрупка;
Но крепок ясный мир святых,
Сильна молящихся рука!*

А.С. Хомяков

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская – единственная дочь генерал-аншефа графа А.Г. Орлова-Чесменского (1735–1807), родилась в 1785 году, когда отцу было пятьдесят лет. Воспитанная матерью в строгих правилах православия, девочка отличалась особой любовью к Богу, постоянно соблюдая церковные уставы.

Оставшись рано без матери, Анна укреплялась в вере, продолжала христианские подвиги. Графиня А.А. Орлова-Чесменская была фрейлиной Двора. Ей было всего 22 года, когда умер ее отец, и она стала наследницей огромного отцовского состояния.

Отставной генерал граф А.Г. Орлов-Чесменский жил в Москве, занимался своим любимым делом – разведением лошадей.

Москва начала XIX века жила особым, отличным от столичного Петербурга духом, тяготее к старинным порядкам.

В Москве проводились в праздничные дни всенародные развлечения, игры, гуляния, особенно 1 мая в Сокольниках. Об одном гулянии и участии в них графа А.Г. Орлова-Чесменского с дочерью Анной рассказала Ариадна Тюркова-Вильямс в книге «Жизнь Пушкина»: «Толпа нетерпеливо ждала появления фаворита Екатерины – графа Алексея Орлова-Чесменского. Когда издали показывались его рысаки, по всему полю раздавались голоса: «Едет, едет». Вот как описал в своем дневнике молодой чиновник Жихарев гулянье 1 мая 1805 года, на которое нянька могла привести и маленьких Пушкиных: «На статном фаворитном коне появился граф Алексей Орлов в парадном мундире, обвешанном орденами. Азиатская сбруя, седло, мундштук и чепчик были буквально залиты золотом и изукрашены драгоценными камнями. За ними, немного поодаль, на прекрасной серой лошади ехала его единственная, горячо любимая дочь Анна. (Та, что позже станет духовной дочерью сурового архимандрита Фотия.) Ее сопровождали дамы, также верхом, А.А. Чесменский (ее побочный брат), А.В. И.Р. Новосильцовы, князь Хилков, Д.М. Полторацкий и много других osób». Вслед за кавалькадой берейторы и конюхи вели несколько десятков лошадей под попонами.

Орловский выезд заключался вереницей карет, колясок, одноколок, причем все лошади этого праздничного поезда были подобраны в масть. Граф Алексей Орлов, богатырь и *retit maître* (шеголь, франт – франц.) XVIII века, в течение нескольких десятилетий задававший тон золотой молодежи, был страстный лошадиник, гордившийся своей конюшней...»

Граф А. Г. Орлов-Чесменский с этого события проживет немногим более двух лет. Он умер 24 декабря ст. ст. 1807 года и был похоронен в своей вотчине, селе Остро-вблизи Москвы.

Отвергнув предложение самых высокопоставленных женихов, обладая самостоятельным характером и отличаясь религиозностью, А. А. Орлова-Чесменская после кончины отца отправилась в свои молодые годы в паломничество по монастырям, отказавшись от светской жизни, хотя и пострига в монахини не приняла.

В Отечественную войну 1812 года французские войска приблизились к усадьбе «Остров», что вблизи Москвы и где была могила ее отца графа Алексея Григорьевича Орлова, генерал-аншефа, командовавшего русской эскадрой в Средиземном море за победу у Наварина и Чесмы (1770 год) получившего титул Чесменского.

Участник Отечественной войны поэт Ф. Н. Глинка в «Письмах русского офицера» из Гродно 26 декабря 1812 года сообщил: «На этих днях графиня Орлова-Чесменская прислала генералу Милорадовичу меч и саблю, подаренные Великой Екатериной покойному родителю ее графу Алексею Григорьевичу за истребление флота при Чесме. В то время, когда неприятель опустошал окрестности Москвы, генерал Милорадович, узнав, что вблизи находится имение графини Орловой, заслонила его своими войсками и, отразив врага, не допустил расхитить сел ее и поправить гроб знаменитого Орлова. Он сделал это, следуя первому порыву чувства уважения к заслугам Чесменского, убежден будучи, что могила храброго отечеству священна! Но дочь, благоговящая к праху родителя, приняла в полной цене этот подвиг и, при лестном письме прислала драгоценный меч герою, которому за несколько перед этим лет благодатный народ Валахский поднес меч «За спасение Букареста».

Действительный статский советник Фукс со свойственным ему красноречием описал случай этот в нескольких строках, которые тебе и посылаю: «Двора их императорских величеств фрейлина, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, прислала генералу от инфантерии Михаилу Андреевичу Милорадовичу саблю, всемирно известную пожалованную в бозе почитающую императрицу Екатериной Алексеевной покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление при Чесме турецкого флота, при письме, лестных для него выражений исполненном, за спасение нынешнюю войну деревень ее, а особливо той, где погребен родитель ее. Меч сей дарован Великою Екатериною герою Чесменскому за истребление страшного оттоманского морского ополчения на водах Азии, в виде берегов Древней Эллады и Ионии. Там в первый раз возвевал флаг Российский; гром с севера ударил, флот исчез, и лун померкла. Сей меч, украшенный драгоценнейшими камнями, щедротами бессмертных монархини, есть бесценное знамение величия тогдашней славы России и неистлываемый памятник в роде родов Орловых. Но дочь, благоговящая к памяти родителя своего, к священному для нее праху его, подносит блистательный залог сей знаменитому воину, не допустившему нечестивого врага коснуться сей гробницы, Милорадович примет оный с глубочайшею, живейшею признательностью; но обещает ей увлечь оный токмо за пределы Отечества на поражение возмутителей спокойствия народов, буде провидению паки угодно будет избирать его орудием, и не прежде возложить на себя, доколе не соделается достойным подарка, полученного из рук россиянки, пламенеющей любовью к Отечеству и Отцу».

В Отечественной войне 1812 года с французами графиня А. А. Орлова-Чесменская

проявила особую благотворительность – пожертвовала на формирование московского ополчения сто тысяч рублей билетами опекунского совета, обмундировала и вооружила на свой счет 18 мужчин села Михайловского и деревни Глотаево, которые были зачислены в 7-й пехотный полк народного ополчения. Графиня сама приехала в село Михайловское и проследила за тем, чтобы в ополчение не попали единственные кормильцы из крестьянских семей. 7-й полк народного ополчения принял участие в Бородинском сражении. Из 18 ополченцев – участников Бородинского сражения в 1813 году домой вернулись 12 ополченцев, шестеро участников Бородинского сражения остались лежать на легендарном поле России. Все вернувшиеся ополченцы за участие в Отечественной войне были награждены серебряными медалями.

В своей вотчине – селе Михайловском – графиня А. А. Орлова-Чесменская предпринимает важное дело – строительство храма Архистратига Михаила.

В грамоте архиепископа Дмитровского Августина, управляющего Московской митрополию, сказано: «Просили нас Ее Сиятельство графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская через главноуправляющего вотчинами ее штаб-капитана Ивана Лукьяна, сына Тагостина, построить Серпуховской округи в селе ее Михайловском вместо деревянной Архистратига Михаила церкви в некотором от нее расстоянии в то же наименование вновь каменную с двумя приделами: первым – святителя Николая Чудотворца, а вторым – бесребреников Космы и Доминана, на Собственный Ея Сиятельство кошт. И как по учиненной в Московской духовной консистории справке препятствий к этому не оказалось, то сего ради и благословили мы ей, графине, построить в показанном селе Михайловском церковь Архистратига Михаила вновь каменным зданием с приделами на другом месте поблизости от нынешней, алтарями на восток по подобию прочих святых церквей, доброу и благопристойною архитектурою по апробированному нами плану и фасаду... и по построении оную церковь и приделы убраться святыми иконами и прочим церковным благолепием... о чем ей, графине, сия наша архиепископская храмозданная грамота и дана в царствующем граде Москве в доме нашем июня 7-го дня 1816 года».

Храм Архистратига Михаила в селе Михайловском (ныне Домодедовского района) строился в 1822 – 1823 годах, а освящен был в 1824 году. Ныне левый придел храма значится во имя Святых жен-мироносиц.

Большое влияние на жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской оказал архимандрит Фотий, получивший известность в начале двадцатых годов XIX века.

Архимандрит Фотий, в миру Петр Спасский, окончил в 1814 году семинарию, был назначен учителем Александро-Невского училища, в 1817 году он был пострижен в монахи и назначен законоучителем Кадетского корпуса.

Фотий 27 апреля 1820 года произнес знаменитую проповедь против «масонов, верующих в антихриста, дьявола и сатану». За эту проповедь Фотий был удален из Петербурга под предлогом назначения его игуменом Новгородского Деревяницкого монастыря. На проповедь Фотия в то время обратили внимание все благочестивые христиане. Буквально через несколько дней после проповеди Фотия графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская 2 мая 1820 года убедила Фотия сделаться ее духовником. Это и определило впоследствии жизненную судьбу А. А. Орловой-Чесменской. Игумен Фотий на средства графини благоустраивает свой разоренный Деревяницкий монастырь. Вновь назначенный митрополит Серафим перевел Фотия в Сковородский монастырь, где Фотий был возведен в сан архимандрита.

В 1822 году Фотий был вызван митрополитом в Петербург, его познакомили с князем А. Н. Голицыным, а 5 июня того же года он был принят императором Александром I, с которым беседовал «об опасности, угрожающей церкви со стороны ее врагов, явных и тайных».

Через три недели, 25 июня, 1822 года Фотий получил из царского Кабинета драгоценный крест, а спустя почти два месяца 21 августа архимандрит Фотий был назначен настоятелем первоклассного Юрьева монастыря.

С Юрьевым монастырем будет потом связана на многие годы жизнь графини А.А. Орловой-Чесменской.

Князь А.Н. Голицын наравне с графиней Орловой-Чесменской почитал Фотия как «Златоуста» и «великого угодника Божия». Однако это продолжалось недолго. Митрополит Серафим и граф Аракчеев в 1824 году выдвинули Фотия в качестве орудия для низвержения А.Н. Голицына.

В 1824 году 20 апреля архимандрит Фотий был принят императором Александром I и имел с ним трехчасовую беседу. 15 мая 1824 года Министерство духовных дел во главе которого стоял князь А.Н. Голицын, было закрыто.

Позже архимандрит Фотий еще несколько раз виделся с императором Александром I и подал ему несколько записок о «мерах к прекращению революции, готовимой втайне».

После кончины императора Александра I в 1825 году значение архимандрита Фотия упало. Он продолжал быть заместителем Юрьевского монастыря в Новгороде на богатые пожертвования графини А.А. Орловой-Чесменской украшал свой монастырь.

Графиня А.А. Орлова-Чесменская в течение всей своей жизни продолжала помогать денежными и материальными средствами многим монастырям, церквям и нуждающимся крестьянам.

Митрополит Серафим, будучи покровителем архимандрита Фотия, часто обуздывал крайний аскетизм и фанатизм архимандрита. Имея слабое здоровье, архимандрит Фотий заболел, после продолжительной болезни скончался 26 февраля 1838 года и был погребен в Юрьевом монастыре.

Живя в Юрьевом монастыре, графиня А.А. Орлова-Чесменская в январе 1831 года перевозит прах своего отца графа А.Г. Орлова-Чесменского и его братьев в Новгородский Юрьев монастырь, где они были погребены под папертью Георгиевской церкви.

Только спустя 65 лет по ходатайству графа А.В. Орлова-Давыдова прах знаменитых братьев Орловых был перезахоронен в усадьбе «Отрада», что в Южном Подмоскве недалеко от села Михайловского.

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская скончалась в 1848 году, спустя десять лет после кончины архимандрита Фотия, и во исполнение ее завещания она была похоронена рядом с архимандритом Фотием в одинаковой с ним гробнице в Юрьевом монастыре.

Со дня кончины графини А.А. Орловой-Чесменской минуло сто пятьдесят лет. А на домodedовской земле в селе Михайловском высится, сияя окрест крестом, великолепный, необыкновенной красоты храм Архистратига Михаила, воздвигнутый графиней-благотворительницей Анной Алексеевной Орловой-Чесменской.

В 1999 году исполнится 175 лет со дня освящения храма Архистратига Михаила.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОДВИЖНИК

Николай Михайлович Пржевальский
(1839–1888)

«Подвижники нужны как солнце»

(А.П. Чехов о Н.М. Пржевальском)

В восьмидесятые годы прошлого века «усадьбу Пржевальских», что на домodedовской земле в селе Константиново, посещал великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Берега реки Рожайи и прибрежные леса и перелески хранят следы, оставленные великим путешественником, а стены «главного дома усадьбы» еще помнят темноволосяго, голубоглазого, мужественного, всемирно известного великана. Только теперь, по окончании написания очерка, передо мной встала во всей своей полноте фигура героя России. Жизнь и судьба Н.М. Пржевальского – поучительна. И.Е. Забелин писал: «Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших, передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде». Это ли не пример для нас.

Великий русский путешественник и географ, природоисследователь и охотник, генерал и ученый Николай Михайлович Пржевальский родился 12 апреля (31.III) 1839 года в селе Кимборово Ельнинского уезда Смоленской губернии в усадьбе своего отца, старшего офицера Михаила Кузьмича Пржевальского. М.К. Пржевальский происходил из дворян Тверской губернии.

Родоначальником Пржевальских был Карнил Анисимович Паровальский, ротмистр казачьих войск. К.А. Паровальский принимал участие в битвах под Полоцком и Великими Луками и проявил в битвах мужество и храбрость, за что Стефан Баторий 14 ноября 1581 года пожаловал ему титул дворянина. С этого времени Паровальский стал именоваться Пржевальским (в польском языке «прже» означает «через», «воевать»), так как он стал дворянином через войну. Поляки перекрестили запорожского казака Паровальского в Пржевальского. Такова история фамилии предков Пржевальских. С 1821 года отец Николая Михайловича М.К. Пржевальский служил в Бородинском полку портупей-прапорщиком и участвовал в польской кампании. В 1834 году он получил чин поручика и был переведен в Невский морской полк. Но вскоре он вышел в отставку и поселился в глуши Смоленской губернии, где по соседству, в Кимборове, жил отставной фельдшер Алексей Каретников. Там М.К. Пржевальский

влюбился в младшую дочь Каретникова – красавицу Елену. Но, получив отказ как жених, продолжал осаждать семью Каретниковых и наконец добился своего – Елены Алексеевны Каретниковой стала его женой.

В Кимборове молодожены жили недолго. Получив земельный участок от Каретникова в глухом лесу, М.К. Пржевальский строит новенький дом – усадьбу Отрадное.

У Пржевальских в 1839 году 12 апреля родился первенец – сын Николай. Когда Николаю было три года, умирает его дед по матери Каретников и оставляет Пржевальским кое-какое наследство. Получив часть отцовского наследства и прикупив еще часть наследства у родственников, Елена Алексеевна Пржевальская взялась за воспитание сына. Всем хозяйством управляла она – женщина властная, красивая, высокая.

Близкими людьми Николая Пржевальского были: дядя Павел Алексеевич Каретников – страстный охотник и любитель природы, и ключница Макарьевна (Ольга Макарьевна) – крепостная крестьянка, толстая и низенькая женщина.

Обитателями усадьбы Отрадное были крепостные крестьяне. В отличие от них Ольга Макарьевна была владычицей поместья. Она любила мальчика и баловала. Николеньку вяземскими пряниками и другими сладостями, воспитывала его в крестьянских традициях, рассказывала ему множество сказок, но держала мальчика в руках иногда потчевала березовыми прутьями.

Повзрослевший Николай находил отдохновение в комнате дяди Павла Алексеевича, где были ружья, птичьи чучела, пищики, манки и, конечно же, охотничьи собаки.

В комнате дяди будущий великий путешественник познавал любовь к природе, к охоте, к животным и птицам.

В 1846 году, когда Николеньке было всего семь лет, умер отец Михаил Кузьмич Пржевальский. Он с братом Володей остался на руках двух суровых женщин – матери Елены Алексеевны и Макарьевны. Они-то и стали воспитателями Николая и Владимира Пржевальских. Николай Пржевальский рос крепким и озорным ребенком. Он не боялся ни гроз, ни молний, ни мороза, ни метелей. Он исходил все леса в Отрадном, побывав во всех его потаенных уголках, в чащах, в оврагах, охотясь за бабочками, кузнечиками и птичками. Так продолжалось до десятилетнего возраста.

В 1849 году десятилетнего Николая увезли в город Смоленск для поступления в гимназию.

В Смоленске Николай Пржевальский жил под присмотром дядьки Игната. Не радовал гимназисту Пржевальскому попадало от гимназических сторожей за его непокорный нрав – на помощь всегда приходил Игнат.

На каникулы Николай Пржевальский приезжал в Отрадное – любимые родные места. Летней порой в лесу он собирал грибы и ягоды, ловил в реке щук и лещей. Однажды 12-летний Пржевальский выследил в лесу красавицу лису, а было это в 1851 году, утащил у дяди старое ружье, пошел к лисьим норам и метким выстрелом уложил лису на месте. Так начиналась удивительная судьба «Великого Охотника». Он много читал про охотников, о приключениях, особенно пленила его книга «Воин без страха»: прочитав ее от корки до корки, полюбил ее и носил всегда с учебниками. Когда началась Севастопольская война, пятнадцатилетний Пржевальский жадно поглощал информацию из тогдашних газет, переживая за русскую армию.

В это время его мать Елена Алексеевна вышла вторично замуж за Ивана Толпыгу и в доме появился отчим. Николай Пржевальский подружился с ним, так как тот ему ни в чем не мешал. А через год Пржевальский окончил Смоленскую гимназию.

Осенью 1855 года шестнадцатилетний воин-доброволец Николай Пржевальский отправился в свое первое путешествие на защиту Отечества. В Отрадном были все на ногах. Причитала и молилась Макарьевна. Мать Елена Алексеевна сняла со стены

икону и благословила сына. Пржевальский держал путь в Москву, где определился на военную службу в сводно-запасной Рязанский пехотный полк.

Первые годы службы Н.М. Пржевальского прошли в маленьких городах России. Представилась возможность изучать местную природу, историю городов и, конечно, много читать.

В Козлове Пржевальский составил гербарий флоры, а в Белёве убежал от службы в лес, скорбя о своей солдатской жизни. Повзрослевший Николай Пржевальский твердо решил стать настоящим военным, но мечта сделаться ученым не покидала Пржевальского никогда.

В Кременце, что на волынской земле, молодой офицер Пржевальский засел за любимые книги по географии, ботанике, зоологии. Он мечтал открыть тогда еще неизвестный исток Белого Нила, исследовать реку Амур. Товарищи по военной службе смотрели на него как на чудака.

В Кременце Пржевальский идет к начальству с рапортом о направлении его на службу на Амур, но попадает на гауптвахту, где и просидел несколько суток.

Николай Пржевальский меняет тактику, он садится на целый год за изучение военных наук, топографии, астрономии.

В 1861 году двадцатидвухлетний офицер Николай Пржевальский поступает в военную академию. Желая поступить в Академию Генерального штаба было недостаточно. Надо было выдержать конкурсные экзамены. Каких трудов стоило добиться ему до Санкт-Петербурга – он никому не говорил. Для того чтобы приехать в столицу, Пржевальский одолжил у знакомой сто семьдесят рублей с обязательством вернуть долг в двойном размере.

Николай Пржевальский обладал замечательной памятью, поэтому экзамены он сдал в академию успешно. Он стал слушателем Академии Генерального штаба.

В академии он усленно занимается военными науками, скромно живет в быту – карманы его пусты. Он ночи напролет просиживает над трудами ботаников, зоологов, географов. Его манит Африка, он восторгается подвигом Калье, бродившего два года по африканским пустыням и встреченного Францией как национальный герой.

Летом 1862 года Н.М. Пржевальский проходит практику в Боровичском уезде Новгородской губернии, на родине знаменитого Н.Н. Миклухо-Маклая. В Боровичских лесах Пржевальский, забывая о геодезических съемках, отдается охоте, за что он чуть не вылетел из академии. Спасла блестящая сдача экзамена по геодезии. По окончании практики Пржевальский принимается писать свой первый очерк «Воспоминания охотника», который отнес в редакцию журнала охоты и коневодства. Очерк был напечатан.

Собрав все, что изучил в литературе по Амуру, Пржевальский пишет рукопись «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Рукопись попала в Русское Географическое общество. Ее прочитали адмирал Ф.П. Литке и П.П. Семенов (Тянь-Шанский). Н.М. Пржевальский был избран действительным членом Географического общества. В 1863 году Н.М. Пржевальский, окончив Академию Генерального штаба, получает отпуск и приезжает в Отрадное. Пробыв четыре месяца на родине, Пржевальский отправляется в Варшаву в только что открывшееся юнкерское училище, где становится преподавателем географии и истории. Н.М. Пржевальский увлеченно преподавал эти дисциплины, стал любимцем среди слушателей училища. В Варшаве Н.М. Пржевальский написал прекрасный учебник по географии.

Впоследствии, когда Пржевальский стал знаменитым, по его учебнику учились студенты Пекинского университета.

В Варшаве с Пржевальским произошел следующий случай: как-то, бродя в окрестностях города, Пржевальский попал в руки полиции. Подозрительное «прж» в фа-

мили русского офицера сделало свое дело: он был арестован. Штабс-капитану Пржевальскому польское «прж» мешало в жизни. Когда Н.М. Пржевальский стал добиваться перевода в Генеральный штаб, ему вежливо отказали из-за этого «прж».

Но знания, энергия и личные качества Н.М. Пржевальского сделали свое дело: в ноябре 1866 года он получил приказ: «Штабс-капитан Пржевальский Н.М. причислен к Генеральному штабу с назначением для занятий в Восточно-Сибирский военный округ...»

П.П. Семенов (Тян-Шанский) всячески содействовал Н.М. Пржевальскому от Географического общества для изучения Тянь-Шаня. Он дает Пржевальскому письма на имя сибирских влиятельных лиц: два пакета в Сибирь. В Петербургской гостинице Пржевальского ждал его спутник – немец Роберт Кёхер. Ранней весной 1867 года экспедиция Пржевальского выехала в Сибирь.

Начальник штаба Восточно-Сибирского военного округа генерал Б.К. Кукель в Иркутске был человек незаурядный. Он являлся председателем Сибирского отдела Географического общества, и, когда в Иркутск прибыл Пржевальский, он тепло его встретил.

Пржевальскому было поручено разобрать и привести в порядок библиотеку Сибирского отдела Географического общества. Пржевальский целый месяц просидел в библиотеке. Кукель был в восторге от проведенной Пржевальским работы.

Тогда Пржевальский стал настойчиво просить Б.К. Кукеля о посылке его в Уссурийский край. Хотя Кукель и был правой рукой Муравьева-Амурского, но он помнил Невельского, как тот самочинно открыл Амур. Кукель говорил Пржевальскому, что если штабс-капитан уж так рвется в Уссурийский край, то пусть обследует расположение двух батальонов, размещенных в крае, учет население и исследует пути сообщения в Корею.

Пржевальский согласился и стал выторговывать у генерала необходимые инструменты для экспедиции. Денег Пржевальскому выдали мало. Помощник Кёхер ехать отказался и был отправлен в Варшаву.

Помощником Пржевальскому был назначен гимназист Николай Ягунов, которому было всего шестнадцать лет.

Поход начался от устья реки Усури, на лодке от села Хабаровска отплыли в верховья реки. В своем среднем течении река Усури текла среди гор, дубовых и ореховых рощ, терялась в долинах и лугах. Казаки и солдаты плыли в лодках против течения, а Пржевальский с Ягуновым шли берегом реки. Ночевали на песчаных побережьях. Сумки Пржевальского заполнялись птицами, бабочками, цветами. За двадцать три дня путешественники прошли почти пятьсот верст пешком до станции Буссе. Пржевальский на западных берегах озера Ханки изучал быт русских поселенцев, построенных деревень Астраханскую, Троицкую, Турий Рог. В Астраханской жили молокане (секта христианского исповедания). Пржевальский аккуратно записывал в свою книгу все примечательное. Так, например, в озере Ханка насчитывалось до сорока видов рыб – Пржевальский это отметил в дневнике. В августе 1867 года Пржевальский с берегов Ханки продолжал путь к берегам Японского моря через степь, покрытую синими колокольчиками. На юге степи возле селения Никольского Пржевальский с Ягуновым увидели остатки древней крепости и каменные изваяния, а в самом селе увидели развалины древнего города.

Дальнейшее путешествие экспедиции продолжалось по реке Суйфан, впадавшей в Японское море. На борту шхуны «Алеут» Пржевальский достиг юга русских владений: залива Посьет, бухт Экспедиции и Новгородской, полуострова Шелехова. Пржевальский высаживается на берег у поселка Новгородский, где живет целый месяц: готовит экспедицию, а 29 октября 1867 года Пржевальский покидает Посьет, держа путь

в гавани Святой Ольги и затем к истоку Усури. Спутниками Пржевальского были Николай Ягунов и два солдата.

Владивосток 1867 года – полсотни домов, казармы солдат и лавки. Пржевальский охотится, собирает растения.

От Новгородской гавани до села Александровки в долине Сучана Пржевальский со своими спутниками преодолевает путь в четыреста верст. В Александровке Пржевальский отдыхает десять дней, охотится на фазанов, бегаёт за тигром. Только в декабре 1867 года Пржевальский завершает свой трудный поход и прибывает в гавань Святой Ольги, где неделю отдыхает. Дальнейший путь экспедиции лежал через горы Сихотэ-Алинь. Новый, 1868 год Пржевальский со спутниками встречает в дымной фанзе, где из последних остатков пшена варит кашу. А через неделю измученные путешественники вступают в станицу Буссе. В станице Буссе Пржевальский приводит в порядок дневники, гербарий из тысячи видов, набивает сотни чучелов разных птиц и группирует насекомых.

Поручения генерала Кукеля выполнены: описаны все русские поселения, дороги, проведен учет населения, обследованы расположения батальонов, но главное – Пржевальский изучил и исследовал всю реку Усури от устья до истока.

Пржевальский ждет весны. Он спешит на озера Ханка и Хасан. Лебеди, бакланы, стаи разных птиц – на озерах. Здесь розовый кулик, черный аист, белый журавль с черными крыльями, желтая иволга, белые и серые цапли и утки из Индии! Утром – охота, после обеда – набивание чучел, вечером – снова охота. Апрельское солнце, первые лягушки, первые дожди с грозами. И, наконец, розовый цветок нелюбми – царицы Ханки...

Еще летом 1867 года перед Пржевальским открылась картина: на остров Аскольде, что раскинулся вблизи Владивостока, из-за уссурийских рубежей устремились на поиски золота стаи бродяг. Русское военное судно вытеснило их, и они ушли, но ненадолго. Вооруженные отряды хищников появились в Хун-Чуне, Нингуте, Сан-Сине, пытаясь силой утвердиться на Аскольде. Хищники снова стали мыть золото. Опять русский корабль навел на них пушки. Пришельцы разбежались и стали бесчинствовать. Запылали пожары в русских деревнях Шкотова на реке Цыму-Хэ, в Суйфунской и Никольской спалили два русских военных поста. Это уже были не золотоискатели, а свирепые «хунхузы».

Весной 1868 года незваных гостей за рубеж решено было выкинуть с помощью армии. Командовать отрядом солдат было приказано офицеру Пржевальскому. В течение месяца отряд Пржевальского управлялся с хунхузами, выкинул их за рубеж. Из своего похода на хунхузов Пржевальский привез шкуру огромного медведя.

А вскоре Н.М. Пржевальский был назначен старшим адъютантом штаба войск Приамурской области.

По новому назначению Н.М. Пржевальский прибывает на службу в Николаевск-на-Амуре. Незрелый его спутник Николай Ягунов вместе с ним. Здесь в зимнее время Н.М. Пржевальский пишет задуманную им книгу о своих исследованиях.

А весной 1869 года он снова в путешествиях, исследует долину Сиян-Хэ, реку Лэфу, открывает на реке Мо неизвестные ранее места.

В августе 1869 года, собрав коллекции и рукописи, Н.М. Пржевальский, торопя Николая Ягунова, готовится к отъезду в Петербург.

14 ноября 1869 года Пржевальский возвращается в Иркутск. Здесь, в зале отдела Географического общества, Н.М. Пржевальский сообщает о своем путешествии, присутствует около трехсот человек: ученые, офицеры и генералы, местная интеллигенция

Адъютант штаба войск Приамурской области капитан Пржевальский показывает

все привезенное, рассказывает и заставляет всех удивляться.

И снова в путь – теперь в Петербург. В Петербурге в январе 1870 года Н.М. Пржевальского тепло принял сам П.П. Семенов (Тян-Шанский) как героя Уссурийского края. Началась великая дружба двух великих людей, и продолжалась она вплоть до самой кончины Н.М. Пржевальского.

Преданный друг уссурийских скитаний Пржевальского Николай Ягунов поступает учиться в Варшавский университет.

Зимой 1870 года Н.М. Пржевальский вместе с Петром Петровичем Семеновым (Тян-Шанским) обсуждают планы исследований Центральной Азии.

Н.М. Пржевальский приступает к подготовке к Великим Центрально-Азиатским экспедициям: первой – Монгольской (1870–1873 годы), второй – Лобнорской и Джунгарской (1876–1877 годы), третьей – Первой Тибетской (1879–1880 годы) и четвертой – Второй Тибетской (1883–1885 годы). Пятая экспедиция, предпринятая в 1888 году и начатая из Каракола (ныне Пржевальск), не состоялась. Н.М. Пржевальский в самом начале экспедиции заболел тифом и умер 1 ноября 1888 года. Итак, наступали годы великих путешествий и великих открытий Н.М. Пржевальского. В Петербурге великий подвижник, не теряя понапрасну времени, садится за книги. Н.М. Пржевальский изучает книги всех путешественников и исследователей Центральной Азии начиная с четырнадцатого века. Первым европейцем, посетившим Тибет, был монах Одорика из Порденоне. Рассказы его были бедны, но они открывали Тибет и оставляли определенные впечатления. Спустя триста лет Тибет посещает монах-иезуит Антонио Андрада. Монах издает книгу на португальском языке в Лиссабоне, это путешествие описано более подробно. Н.М. Пржевальский изучает описания путешествий француза Дорвиля и австрийца Грюбера в XVII веке, монахов Фрейре и Дезидери, Орацио Делла Пенна и Самуила Ван Де Путте в XVIII веке.

Большое внимание Н.М. Пржевальский уделяет изучению трудов русских ученых-монахов из Пекинской духовной миссии: Иакинфа, Иллариона, Авакума и Палладия. Особенно кропотливо изучает он труды крупного русского ученого-востоковеда с мировым именем отца Иакинфа (Бичурина), в миру Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853 годы), друга А.С. Пушкина. Иакинфом написаны сотни статей и переводов и изданы классические труды – десятки наименований, такие как «История Тибета и Хухунора», «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Записки о Монголии», «Китай в гражданском и нравственном состоянии», «Описание Пекина», «Описание Чжунгарии».

Н.М. Пржевальский откроет для себя страницы дружбы отца Иакинфа с А.С. Пушкиным, прочтет, что на книге «Описание Тибета», подаренной отцом Иакинфом А.С. Пушкину, надпись: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26. 1828. Переводчик Иакинф Бичурин».

О жизни и творчестве Иакинфа Бичурина в наши дни написал большой и поучительный роман писатель Владимир Николаевич Кривцов («Отец Иакинф». Лениздат, 1978 г.).

Отец Иакинф писал: «Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании и нам остается только следовать за ними».

Эти слова глубоко запали в душу Н.М. Пржевальского, и они возбуждали большой интерес к изучению Центральной Азии.

В «Истории Пугачева» А.С. Пушкина Пржевальский прочтет: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения

наши с Востоком».

Окончив изучение трудов по Центральной Азии, Николай Михайлович Пржевальский начинает сборы в свою первую азиатскую экспедицию – Монгольскую. Он ищет помощника и друга в свою новую экспедицию. Им становится его бывший ученик, офицер Михаил Пыльцов.

Монгольская экспедиция (1870–1873 годов) началась из Кяхты. Холодным декабрьским днем 1870 года караван Пржевальского прибыл в Ургу (Улан-Батор). Пржевальский и Пыльцов ехали в таратайке, которую тянул верблюд. На другом верблюде ехал казак-переводчик. Из Урги, несмотря на предупреждение русского консула Шишмарева об опасности от дунганских мятежников, экспедиция Пржевальского направляется в путь через пустыню Гоби. Новый, 1871 год путники встретили среди снежных равнин Гоби. Впереди – хребты гор, а за ними долины Китая, до которых оставалось еще несколько дней пути.

Проехав Монгольское нагорье, экспедиция подъехала к Калгану. Взору путников открылась Великая Китайская стена. Трехсаженная каменная стена с башнями тянется через Азию на пять тысяч верст от Манчжурии до верховьев реки Желтой и заканчивается в дунганских даях. Через Калган проходит великий чайный путь в Россию от Тянь-Цзина, Голубой реки до Кяхты через Ургу. В Калгане – дома русских купцов. Экспедиция Пржевальского находит здесь отдохновение. Через пять дней снова в путь на Пекин.

На цветущей Китайской долине разбросано множество больших и малых городов. В горах Намху путников встречает вторая Великая Китайская стена, уже внутренняя. Для того чтобы попасть в Пекин, надо миновать несколько мощных крепостных ворот. И вот экспедиция Пржевальского – в Пекине. У Пржевальского в Пекине много забот – надо купить верховых лошадей, припасы для экспедиции (деньгами помогает русский посол). Из Пекина Пржевальский направляется в путь под видом купца, для чего скупает в местных лавчонках предметы украшений и повсеместного спроса. Пржевальский с Пыльцовым и двумя казаками вышли из Пекина в направлении Монгольской степи, миновав проход Гу-Бэй-Коу в Великой Китайской стене, они вступили на землю Монголии. Почти два месяца – февраль и март – экспедиция, борясь с пыльными ураганами, снежными метелями, а иногда с дождем и градом, пробирается в город Долон-Нор – город буддийских скульпторов. Из этого города в Ургу была доставлена огромная статуя Будды. Пржевальский торопится на озеро Далай-Нор, здесь наблюдается весенний пролет птиц. За месяц на берегах озера было убито для коллекции сто тридцать разных птиц и набиты чучела. Большую помощь Пржевальскому оказывает М. А. Пыльцов.

Дальше путь экспедиции лежал к городу Калгану, где Пржевальский берет двух вояк казаков, а затем направляется по монгольскому, раскаленному майским солнцем, нагорью. Экспедиция обследует хребты Шара-Хада и Сума-Хада, а затем вступает в область уротов.

Торговлю Пржевальскому пришлось прекратить, так как монголы требовали самые непредвиденные товары, которых не было.

Наконец, путники дошли до хребта Муни-Ула и увидели долину великой Желтой реки (Хуан-Хэ). Две недели Пржевальский провел в Муни-Ула, западном конце альпийского хребта Инь-Шань, где еще не побывал никто из европейцев. По поверьям, на вершине Шара-Орой скрыта железная чаша самого Тамерлана. Хребет Инь-Шань, вопреки предсказаниям Александра Гумбольдта, не имел связи с Небесными горами. Он кончился здесь, низвергаясь в долину Хуан-Хэ. Спустившись в долину, экспедиция подошла к городу Бауту. Начальник города за подарок пообещал пропустить Пржевальского на другой берег Хуан-Хэ в страну Ордос. Переночевав в фанзе, четве-

до путешественников на другой день переправились через Хуан-Хэ и вступили на равнину Ордоса. Пржевальский выбрал путь вдоль течения Хуан-Хэ, решив из Ордоса идти к Куку-Нору. Здесь путешественники вновь открыли озеро Цай-Демин-Нор, на берегах которого стояли десять дней, а потом, выступив в поход, они наткнулись на развалины монастыря Шара-Дэу, где жили до недавних пор две тысячи буддийских монахов. Остатки от книг Ганчжур еще валялись на земле...

Пржевальскому была известна история Ганчжура: индийские буддисты составили «вод заветов Будды, а монахи переводили Ганчжур с санскрита на тибетский и монгольский языки. Ламы и богомольцы много веков изучают по Ганчжур устав монашеской жизни – «Виная», поучения Будды – «Сутра». Ганчжур состоит не менее чем из ста томов. Ламы ежедневно читают Ганчжур по пятнадцать часов. Буддисты ценят эту книгу весьма высоко, буряты, например, приобретают ее за семь тысяч быков.

Пржевальскому было также известно, что в научных библиотеках Петербурга имеется всего два экземпляра книги Ганчжура. А здесь столетние страницы Ганчжура лежат в пыли. Пржевальский нагибается, чтобы поднять бумажные лохмотья. Лай-Собаки привлекает внимание Пржевальского: во рву возле монастыря найдет он скелет человека. Здесь разыгралась в недалеком прошлом человеческая трагедия.

Еще одно открытие: Пржевальский находит в песках Кузипчи редчайшее растение, известное миру только по находке ботаника XVIII века Гмелина (одна веточка хранится в Лондоне, другая – в Штутгарте). И еще одно открытие Пржевальского: он установил, что река Хуан-Хэ не имеет разветвлений, река просто поменяла русло, отклонившись к югу верст на пятьдесят.

Среди песков Кузипчи Пржевальский разыскал мертвый город – наследие Чингиз-Хана – развалины, окруженные глиняной стеной длиной в тридцать две версты.

Путники питались плодами охоты: мясом одичавших домашних быков, которые родились среди развалин сел, разоренных дунганями.

Пески Кузипчи (в переводе название означало «ожерелье») были пройдены. Ордос был изучен.

На западной стороне извилины реки Хуан-Хэ лежала Ала-Шань – песчаная страна. Пятнадцатого сентября 1871 года Пржевальский переправился через Хуан-Хэ и подошел к городу Дын-Ху.

На большом пространстве Ала-Шаня был расположен единственный город Дын-Юань-Ин. Перейдя пустыню, экспедиция Пржевальского 27 сентября 1871 года подошла к городу-оазису Дын-Юань-Ин, окруженному холмами. В центре пустыни находился этот зеленый город – благодатный островок Центральной Азии. Монголы-земледельцы возделывали поля, сеяли хлеб, насадили сады и парки, прорыли арыки по улицам города, в которых журчала вода.

Дунгане, напавшие на город, истребили лишь пригородные сады и парки и разорили дачу монгольского правителя. Прибыв в оазис, Пржевальский слушал рассказы местных жителей о горах Ала-Шаня, высочайшая вершина которых Баин Сум-ур. В этих горах в отдаленные времена были сооружены знаменитые буддийские монастыри: Ямун-Хит и Барун-Хит. Жители Дын-Юань-Ина ждали нового набега дунган, а потому вооружались. Двести лам монастыря Ямун-Хита вооружились английскими ружьями. Это ополчение монахов стерегло оазис ежечасно.

Пржевальскому повезло: в свите принцев правителя города находился лама Балын-Сорджи, который юношей ушел в Тибет и восемь лет прожил в Лхассе. Для Пржевальского он был находкой: рассказал о Лхассе и Тибете. Многие европейцы проникли в Тибет, но судьба многих из них трагична. Тибетцы не пускали в свою страну ужомезцев. Правитель Ала-Шаня при покровительстве Балдын-Сорджи милостиво пригласил Пржевальского с Пыльцовым ко двору, позволил охотиться в горах Ала-

Шаня и дал своих проводников.

В Ала-Шане среди скал таилась неведомая жизнь: голубые ушастые фазаны, быстрые горные бараны, легкие олени.

Каменный нож гор Ала-Шаня прорезал пустыню. По одну сторону лежали владения алашанского князя, а по другую – огромная область Гань-Су. Пржевальский поднялся на вершину горы Баян-Цумбур, откуда смотрел на все четыре стороны азиатского материка. Обратившись лицом к северу, он видел по одну сторону русло Хуан-Хэ, бесчисленные озера, рисовые поля Гань-Су и двенадцатиярусную башню города Нин-Си, возле которой умер Чингиз-Хан; а по другую сторону – дикий запад из песчаных бугров.

В горах Ала-Шаня Пржевальский был полон охотничьей страсти. Кроме фазанов и баранов здесь была и другая добыча: в недрах Ала-Шаня скрывались золото и уголь – европейцы до Пржевальского этого не знали. Пржевальский пожалел, что у него нет экспедиции геолога.

Загорелый, голубоглазый великан Пржевальский принес в Дын-Юань-Ин свою добычу: шкуры голубых баранов, различные травы и цветы. На дальнейшее путешествие у Пржевальского не было денег. Было решено продать кое-какое имущество и ружье Пыльцова. На вырученные деньги путешественники направились в путь на Калган. Но случилось непредвиденное: Пыльцов заболел тифом. Путешествие застоялось. Только в канун 1872 года путешественники вернулись в чайный город Калган: больной Пыльцов и Пржевальский с отмороженными пальцами на руках.

В теплом доме часторговца Пржевальский приводил в порядок свои записи. В этом путешествии было пройдено, в основном пешком, более трех с половиной тысяч верст. Два с половиной месяца уходит у Пржевальского на подготовку для продолжения путешествия. Восемнадцатого марта 1872 года Пржевальский отправляется из Пекина на озеро Куку-Нор, а оттуда держит путь в Лхассу. В экспедиции Пржевальского новые казаки: Иринчинов и Чебаев. У русского посла он снова разжился деньгами.

В апреле Пржевальский охотится в горах Муни-Ула, а в мае снова в Дын-Юань-Ин. Здесь он встречает караван кочевников-тангутов и решает пристать к тем, которые направлялись в окрестности Куку-Нора. Спутниками экспедиции были богомольцы, стремящиеся в Лхассу, ламы-воины с кремневыми ружьями и тангуты-погонщики. Тангуты – народ близкий к тибетцам – отличались не только внешне, но и самим жизненным укладом. Тангуты – смелые, коварные, их боятся мирные монголы. В горах Гань-Су Пржевальский вззошел на высочайшую вершину хребта – Соди Соруксум. Он пишет в своем дневнике: «Я первый раз в жизни находился на подобной высоте, впервые видел под своими ногами гигантские горы, то изборожденные дикими скалами, то оттененные мягкой зеленью лесов».

Здесь, в Гань-Су, Пржевальский, узнав о набегах конных дунган, возвратился в опорный пункт Чейбсен. Ламы суежились, готовясь к осаде. Пржевальский расположился со своей экспедицией на открытом месте, трое спали, один казак находился в дозоре. Произошло чудо: дунгане не осмелились напасть на четырех русских богатырей.

Все исследователи XIX века не могли в достаточной мере ответить на вопрос: «Кто такие дунгане?». Общее мнение – это «китайские мусульмане». Они бреют головы, как мусульмане, носят китайскую одежду и соблюдают законы Магомета.

Известное дунганское восстание, начатое в 1862 году, быстро распространилось. Только в 1870 году известный китайский военачальник Ли Хунчан оттеснил дунган, прижав их к северной ограде Тибета. Пржевальский знал, что дунганями наводнена провинция Гань-Су, а в Чейбсен они бежали от китайских войск. Но Пржевальский решает пройти под пулями дунган к Куку-Нору. Сто конных дунган, держа напе-

ревес ружья и копья, движутся навстречу экспедиции. Дунгане занимают единственный выход. Проводники-монголы плачут и произносят молитвы.

Пржевальский, Пыльцов, Чебаев и Ирнчинов велют монголам вести верблюдов а сами, взяв ружья на руки, идут прямо на дунган. Расстояние сокращается, дунгане стреляют, но пули попадают в ущелье. Пржевальский не успевает скомандовать «огонь», как дунгане с воем поворачивают коней и уступают дорогу каравану. Отряд Пржевальского проходит тибетской дорогой, по которой десять лет, начиная с 1862 года, караваны уже не ходили.

Пржевальский внимательно рассматривал стойбища кара-тангутов, которые давали приют победителям-дунганам. Кара-тангуты отличны от китайцев: у них черные волосы, орлиные носы, другой разрез глаз; они выносливы – спят на мерзлой земле. Китайцы зовут их народом Си-фань, т. е. западными варварами.

Двадцать шестого ноября 1872 года отряд Пржевальского раскинул палатку на берегу Куку-Нора. Голубое озеро, расположенное на высоте трех верст над уровнем океана, не было покрыто льдом – вода в нем соленая.

Пржевальский на берегу озера записал: «Мечта моей жизни исполнилась. Заветная цель экспедиции достигнута. То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценой многих тяжелых испытаний». Пржевальский первым описал озеро Куку-Нор (Тсинг-Тай – Синее море, так звали китайцы озеро). Вдоль северных и западных берегов озера лежали степи. Земля была изрыта норами пищух (этот вид степного тибетского зверька был открыт Пржевальским). В озеро Куку-Нор впадали воды семидесяти рек и ручьев. На озере было пять островов. На самом большом из них, Лун-Цюй-Дао, жили буддийские монахи-отшельники. Глубокой зимой, когда озеро замерзало, отшельникам приносили пищу.

На берегах озера Куку-Нора Пржевальский впервые добыл дикого осла и особой породы антилопу. Здесь же произошла интересная встреча. В палатку Пржевальского явился необычный гость: тибетец Камбы-Нансу – посол далай-ламы к китайскому богдыхану. Посол в 1862 году выехал из Лхассы в Пекин, но, застигнутый дунганским мятежом, десять лет кочует по стойбищам кара-тангутов и монголов. Посол клялся, что далай-лама будет рад приходу русских и склонял Пржевальского идти в Лхассу. Но у экспедиции подходили к концу припасы и не оставалось денег. Все же Пржевальский решил идти до границ Тибета. Переправившись через горы, где Пржевальский открыл Южно-Кукунорский хребет, путники вступили в страну Цайдам и направились к хребту Бурхан-Будда – тибетской ограде, за перевалом лежал Тибет. Бурхан-Будда, Шуга и Баян-Хара-Ула – это Северный Тибет. Более двух месяцев Пржевальский со своими спутниками пробыли в Северном Тибете. Здесь они убили тридцать два яка и много других зверей, что дало девятьсот пудов чистого мяса. Полусваренное, полусырое мясо ели утром, в полдень, после полудня, вечером и даже темной тибетской ночью. Пищей служил и размолотый поджаренный ячмень.

Пржевальский наблюдал жизнь яков, антилоп-оронго, куланов, тибетских волков и лисиц. Новый, 1873 год четверо русских и проводник монгол Чутун-Дземба встречают в юрте. Трапезой им служил жареный ячмень.

Преодолев три горных перевала и пустыню, путешественники 23 января 1873 года вышли на берег Ян-Цзы-Цзян (Голубой реки). Здесь был удивительно богатый животный мир: антилопы, горные бараны. На берегах Голубой реки путешественники отдохнули. Экспедиция Пржевальского направилась в обратный путь к Куку-Нору. Оставленные Пржевальским коллекции у ламы были в полной сохранности, он оказал услугу русской науке.

Потеряв на пути в Дюнь-Юань-Ин колодец Шантын-Далей, отряд Пржевальского

го погибал от жажды. Берегли каждую каплю воды. А потом лагерь Пржевальского чуть не погиб от водной стихии – ливневым потоком унесло трех верблюдов и верно-го пса Фауста, гибель которых принесла много страданий в последующем.

Из Ала-Шаня путешественники избрали путь на Ургу не через Калган, а прямой тропой через Гоби. В тени стояла 45-градусная жара.

Пустыню одолели за сорок четыре перехода. Все валились с ног. Только в сентябрь караван подошел к реке Тома, а через день – был в Урге.

Русский консул в Урге Яков Парфенович Шишмарев – сподвижник Муравьева-Амурского, бывалый человек – был удивлен видом прибывшей экспедиции. Консул, изучив путь, пройденный экспедицией, по карте, понял, что пространство от границы России до верховьев Голубой реки нельзя считать белым пятном. Оно все будет занесено на карту.

Три года в горах и пустынях – одиннадцать тысяч сто верст пройдено экспедицией, большей частью пешком! Любопытный Шишмарев был еще больше удивлен, когда Пржевальский разбирал свои коллекции. Тысячи чучел 238 видов птиц, 130 шкур животных 42 видов, шкурки змей и древних рыб Куку-Нора, гербарии – четыре тысячи экземпляров растений – все было доставлено на измученных верблюдах. Бумаги Пржевальского хранили драгоценные записи топографии бассейна Куку-Нора, дневники с данными о погоде, о широте и долготе различных пунктов, о магнитных отклонениях и исчислениях высот и протяженности горных хребтов. И все это работа Н.М. Пржевальского и его спутников.

Приведя все в порядок, Н.М. Пржевальский, поблагодарив Я. П. Шишмарева, выехал на родину через Кяхту на Иркутск. Монгольская экспедиция закончилась.

В декабре 1873 года Н.М. Пржевальский переступил порог своего родительского дома в Отрадном. Дома все были живы и здоровы: мать, дядя и Макарьевна. Радостно было встречать рождественские праздники и новый, 1874 год в лесной усадьбе.

В январе 1874 года Н.М. Пржевальский отбыл в Петербург. О проделанной экспедицией работе он подал рапорт военному министру Д. А. Милютину. В рапорте было доложено и о восстании дунган. Министр испрашивал у императора присуждения Пржевальскому чина подполковника и пожизненной пенсии.

В феврале 1874 года в зале Географического общества слушали доклад Н.М. Пржевальского известные сановники, географы и офицеры Генштаба. С коллекциями Пржевальского ознакомились два императора: российский и австрийский. Император австрийский Иосиф пожаловал подполковнику Пржевальскому орденский знак Леопольда. Огромные тибетские коллекции Пржевальского были приобретены государством.

В Петербурге Николай Михайлович, живя в маленькой каморке на пятом этаже дома, продолжал писать книгу «Монголия и страна тангутов».

В мае 1874 года Н.М. Пржевальский укатил в Отрадное на свадьбу М. А. Пыльцова со сводной сестрой Пржевальского.

Весь 1874 год Н.М. Пржевальский работает над книгой, к новому году он ее закончил, а в 1875 году книга была издана.

Географическим обществом была отмечена экспедиция Пржевальского: Константиновская большая медаль была присуждена Н.М. Пржевальскому, М. А. Пыльцову – малая золотая, а Ирнчикову и Чебаеву – бронзовые медали. Министерство народного просвещения Франции присудило Пржевальскому звание почетного сотрудника и знак «Пальма академии», состоящий из скрещенных золотых ветвей – пальмы и лавра.

Вторая Лоб-Норская и Джунгарская экспедиция Пржевальского началась в Восточном Туркестане. Перед отправкой в путешествие Пржевальскому пришла весть:

погиб Николай Ягунов, купаясь в реке Висле (Николаю Михайловичу вспомнилось совместное путешествие по Уссурийскому краю).

Новым спутником Пржевальского стал Федор Эклон – молодой офицер Самогитского полка. Из Отрадного выехал целый обоз – пятнадцать почтовых лошадей. Экспедиция держала путь в Джунгарию через Тянь-Шань. Путь лежал через Москву, далее города Пермь, Омск, Семипалатинск, Верный, Джаркент-река, Хоргос-Лоб-Нор. Загадочный Лоб-Нор! В ноябре 1876 года Пржевальский вступил в лобнорские камыши – новое открытие: озеро Лоб Нор – блуждающее. У подножия Алтын-Тага Пржевальский увидел дикого верблюда. Первый верблюд так и ушел от охотника, но попался второй – двугорбый.

В области Лоб-Нора Пржевальский отыскал следы сибирских кержаков, живших здесь целым поселком всего полтора десятка лет тому назад. Лобнорский князь разорил русские селения. А еще ранее поход лепсинских казаков к Лоб-Нору остался неизвестным, как был забыт и приход в эти места ста тридцати русских раскольников с Алтая. Петр Козлов в 1899 году разыскал в станице Алтайской старого лобнорского бродягу – кержача Рахманова, который бывал в областях к югу от Лоб-Нора и достиг северного порога Тибета.

В марте 1877 года Пржевальский добыл шкуру двугорбого верблюда в низовьях Тарима.

На Юлдузе Пржевальский, Эклон и двое казаков заболели непонятным зудом, который приносил им невыносимые страдания. Они выбыли из строя. Пржевальский прибыл к Зайсану.

Осенью 1877 года умер дядя Пржевальского Павел Алексеевич Каретников, а в марте 1878 года Пржевальскому сообщили о кончине в Отрадном его матери Елены Алексеевны. Н.М. Пржевальский вернулся в Отрадное, а в июне 1878 года он был уже в Петербурге. С начала лета 1878 года Пржевальский стал готовить сборы новой экспедиции.

В феврале 1879 года экспедиция Пржевальского отправилась в первое тибетское путешествие.

Путь лежал из Петербурга на Оренбург – Семипалатинск – Зайсан. Цель экспедиции была – достичь столицы Тибета – Лхассы. В экспедиции состояло четырнадцать человек. Третий поход был прославлен многими открытиями. Была открыта дикая лошадь, промежуточная форма между ослом и лошастью, в глуши Джунгарской пустыни (лошадь Пржевальского).

Была установлена северная граница распространения саксаула. На песчаных равнинах здесь бродили дикие верблюды.

Пржевальский никогда не заходил в чужой город без приглашения. Оказавшись в азисе Хами, он остановился на ночлег у прохладного ручья. Хами – город знаменитых дынь – лежал в двух верстах от лагеря. Военный губернатор Хами Цин-Цай, узнав о приходе русского каравана, пригласил путников в город. В сорока верстах от орода лежала с севера на юг пустыня между Тянь-Шанем и Нань-Шанем. Хами был люч к Восточному Туркестану. Новый, 1880 год экспедиция встречала в горах Думуре, а в феврале путники были в Цайдаме, где узнали, что в Пекине Пржевальского и его спутников считают уже погибшими. В пути путешественники отбивались от лхасских еграев – тибетских грабителей. В Тибете с 1875 года тянулись поиски чудесного младенца на место Великого Ламы (только 31 июля 1889 года тринадцатый далай-ама был возведен на «трон золотых львов»).

Хун-Руса на берег священной Цангбо, в Лхассу, не пустили.

Экспедиция прошла великую пустыню Гоби, и первого ноября 1880 года ее встретил консул России в Урге Я.П. Шишмарев. Третий поход Пржевальского закончился.

Софья Алексеевна Пржевальская, супруга Владимира Михайловича – брата Николая Михайловича, купила 3 ноября 1882 года усадьбу в селе Константинове на реке Рожайке у помещика Решетова. В купчую на усадьбу вошли земли села Константиново и деревень и пустошей: Крюково, Ушмары, Корьки и пять небольших пустырей по реке Пахре с лесами и водами и всякого рода угодьями на площади 322 десятины. Владимир Михайлович Пржевальский состоял присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Поздней осенью 1882 года Н.М. Пржевальский, готовясь к четвертой своей экспедиции в Центральную Азию, привез в Москву юношу Петра Козлова, которого нашла ему сама Макарьевна, для подготовки его к сдаче экзаменов при реальном училище в Смоленске и к трехмесячной военной службе, определив его в Московский полк.

Приехав в село Константиново, в только что купленную С.А. Пржевальской усадьбу, Николай Михайлович осмотрел старый дом с колоннами, беседку, пруды, берега реки Рожайи. Он побывал во всех заповедных местах, посетил села Домодедово, Никитское, Битягово, расположенные по реке Рожайе; был очарован прекрасными видами на битяговской мельнице, побывал на склонах древнего битяговского оврага, который прорезал битяговский лес. Ну как было не поохотиться в подмосковных лесах? Целый месяц провел Н.М. Пржевальский в селе Константинове, ходил по окрестным лесам на лыжах, охотился, изучал фауну Подмосковья. К новому, 1883 году Н.М. Пржевальский отбыл в Смоленск, в свою родную усадьбу, где стал ждать возвращения из Москвы Петра Козлова.

В селе Константинове Н.М. Пржевальский вновь побывает летом 1883 года перед отправкой в свою вторую экспедицию в Тибет, он прибудет в Москву и навестит семью брата в константиновской усадьбе.

В четвертый свой поход – вторую тибетскую экспедицию – Пржевальский отправится в августе 1883 года (в год Водяной овцы по тибетскому летоисчислению).

Н.М. Пржевальского будут сопровождать: Петр Козлов, Всеволод Роборовский, Дондак Иринчинов, Пантелей Телешов, казаки, московские гренандеры, солдаты Троицко-савского линейного батальона – бесстрашные, волевые, мужественные русские люди.

В экспедиции не было Федора Эклона. По словам холостяка Пржевальского, тот совершил предательство – женился.

Н.М. Пржевальский к тому времени был уже знаменитостью мира: почетный доктор Московского университета, почетный член Санкт-Петербургского университета и общества естествоиспытателей, Уральского общества любителей естествознания, Венского, Дрезденского, Итальянского географических обществ и многих других. Он был награжден орденом Святого Владимира, пожизненной пенсией и избран почетным гражданином городов Санкт-Петербурга и Смоленска.

Экспедиция вышла из Кяхты на Ургу, пересекла пустыню Гоби и достигла северного берега озера Куку-Нора, затем направилась в Цайдам, вышла в котловину Оден-Тала, где рождалась великая Хуан-Хэ (Желтая) из болот и мелких речушек. Путь Пржевальского лежал на юг – к верховьям реки Голубой, пересекая водораздел между реками Желтой и Голубой. Но Пржевальский, влюбленный в реку Хуан-Хэ, снова вернулся к ней, которую монголы звали Солома, а тибетцы – Ма-Чу. Двум безымянным озерам, к которым бежала Хуан-Хэ, Пржевальский присвоил имена: восточному – Русское, а западному – озеро Экспедиции. Дальнейший путь экспедиции лежал к озеру Лоб-Нору, а за ним – к городу Хотану. Пржевальский держит путь в Куэн-Лунь, он пройдет вдоль ограды Тибета, пробьет себе путь через тибетскую ограду, ступит на вершину Бурхан-Будды и откроет хребты Северного Тибета: Куку-Шили, Баях-Хара, семь снеж-

ных вершин Самптын-Кансыр и докажет связь Северного Тибета с Гималаями. Путешественники обойдут с севера Алтын-Таг – (эту прихотливую Тибета). В Куэн-Луне появится новый хребет Колумба с вершиной Джин-Ри. В Северном Тибете Пржевальский открыл хребет Загадочный (который назовут потом именем Пржевальского) с вершиной – шапкой Мономаха. С этой вершины начинается один из протоков великой реки Ян-Цзы-Цзян (Голубой). История всегда поступает мудро и справедливо, как бы и кто бы ее ни переименовывал: между горами Колумба и Марко Поло на географических картах появился хребет Пржевальского.

1884 год войдет в историю как год великих географических открытий.

Наступил 1885 год! С февраля по апрель Пржевальский пробыл на Лоб-Норе, а потом двинулся на просторы Восточного Туркестана, экспедиция направлялась в Каракол.

Историки доказали, что здесь, в Восточном Туркестане, жил загадочный арийский народ, на востоке от него – гунны, на северо-западе – светловолосые, голубоглазые усунь.

Пржевальский из Лоб-Нора шел великим путем усуней на запад. В горах Куэн-Лунь Пржевальский назовет высочайший хребет Русским в честь великого русского народа, сыном которого он был. А высочайшую вершину Русского хребта он назовет горой Освободителя. Одиннадцатого ноября 1885 года отряд Пржевальского вступил в долину Иссык-Куля, и русский поселенец здесь сообщит, что до Каракола рукой подать.

Всем вспомнился Ялсугун, где в этом древнем оазисе, окруженном шелковичными деревьями, они начали счет новой тысяче верст: казак играл на гармошке, а гренадеры Нефедов, Иванов, Блинков, Бессонов – плясали, их сменили казаки и пехотинцы – Хлебников, Родионов, Максимов и Телешов.

Экспедиция завершила свое путешествие в Караколе – городе, который будет носить имя Пржевальского и судьбой предназначен великому путешественнику для его вечного упокоения на берегу озера Иссык-Куль.

Наступил новый, 1886 год! Санкт-Петербург. Награды следовали одна за другой. Шведы прислали медаль «Вега», итальянцы – золотую медаль. Академия наук изготовила медаль с портретом Пржевальского и надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии», а военное министерство присвоило звание «генерал-майор».

В его Отрадное пачками приходят телеграммы и письма. Макарьевна аккуратно складывает их ему на столе. Среди писем дамские послания – ведь ему, холостяку, всего сорок шесть лет: завидный жених!

За плечами Пржевальского пять (если считать Уссурийскую) изнурительных экспедиций, пройдено более тридцати тысяч верст, сделаны величайшие открытия: дикая лошадь (лошадь Пржевальского), дикий верблюд, громадное число зоологических и ботанических экспонатов... Изучена Центральная Азия.

В начале зимы (декабрь 1886 года) Пржевальский отправляется на охоту в свои смоленские леса, но долго ходить не мог – заболели ноги. Макарьевна лечит своего любимца.

Наступил новый, 1887 год! Пржевальского приглашают в Петербург: открыта выставка, в центре красовался джунгарский скакун – лошадь Пржевальского.

Весной и летом 1887 года Пржевальский пишет свою последнюю книгу «От Кяхты на истоки Желтой реки».

В свою последнюю экспедицию Н.М. Пржевальский отправился в августе 1888 года. Его сопровождают друзья Козлов и Роборовский, Телешев и Нефедов. В Петербурге Пржевальский всюду говорил, что надо дружить с Тибетом, устанавливая с

ним деловые отношения.

Отправляясь из родного дома, Пржевальский попрощался с Макарьевной, та благословила его в путешествие. У Николая Михайловича на глаза навернулись слезы... Предчувствие не обмануло его.

Великий путешественник направлялся в Тибет, в кармане у него лежал охранный лист пекинских властей. Прибыв в Москву, Н.М. Пржевальский навещает семью братьев в селе Константиново. Здесь он узнает о кончине Макарьевны и в тяжелом душевном состоянии отбывает к границам Центральной Азии. Н.М. Пржевальский никогда не путешествовал с удобствами. Но в эту последнюю свою экспедицию он спешит: в Нижний Новгород он ехал поездом, а там, пересев на пароход «Генералиссимус Суворов», спустился по Волге к Каспию. На морском судне Пржевальский перевез экспедицию через Каспийское море и прибыл в Ашхабад. Затем выехал в Ташкент, откуда начинались караванные пути Азии... В Пишпекке Пржевальский был в заботах о покупке верблюдов. В Верном, городе у подножия гор, он отбирал солдат и казаков для экспедиции, закупал провиант и хозяйственные товары.

Роборовский, спутник и помощник Пржевальского, вспоминал позже, что генерал Пржевальский часто говорил о старости, о предчувствии смерти. В Караколе Пржевальский приказал поставить юрты и палатки около Каракольского ущелья – в стенах города он не мог жить. Наступило двадцать девятое октября 1888 года.

В юрте Пржевальского над великим путешественником суеился военный лекарь. Н.М. Пржевальский в забытьи, но вот он очнулся, вышел из юрты, увидел грифа, взялся за ружье. Выстрел... Неуверенно вернулся в юрту, упал на ложе.

Тридцатого октября Пржевальского повезли в армейский лазарет в Каракол, а тридцать первого он лежал на койке в забытьи. Козлов и Роборовский, находясь рядом с ним, плакали. Врачи принимали все меры для спасения Пржевальского.

Утром 2 ноября 1888 года Н.М. Пржевальский впал снова в забытьи, потом встал во весь рост и в его голубых глазах промелькнуло сознание, он громко произнес: «Теперь я лягу». Рухнул в постель и замер. Это были его последние слова. Крепкого, могучего, сильного Пржевальского свалил тиф. Через несколько дней почившего героя России повезли на лафете старой пушки на берег Иссык-Куля, где предали земле... Могила Н.М. Пржевальского возвышается с 1888 года у города Каракол (Пржевальск).

Именем Пржевальского названы в 1889 году город, принявший великого путешественника в свои недра: хребет в горной системе Куньлунь; ледник на Алтае и многие другие объекты. Русским географическим обществом учреждена в 1891 году серебряная медаль и премия имени Пржевальского. А в 1946 году Географическим обществом СССР учреждена золотая медаль имени Н.М. Пржевальского. В 1900 году после строительства Павелецкой железной дороги строители Общества Рязано-Уральской железной дороги на своем плане нынешнюю станцию Домодедово обозначили как станцию Пржевальского. Но станцию назвали все-таки Домодедово. Кто-то посчитал это более историческим. А ведь могла быть станция Пржевальская, и мог быть город Пржевальск в Московской области.

Подвиги Н.М. Пржевальского вдохновили молодого А.П. Чехова на путешествие на остров Сахалин. Антон Павлович любил читать книги Н.М. Пржевальского, а прочитав его книгу «Монголия и страна тангутов», изданную в 1875 году, написал: «Один Пржевальский стоит сотни хороших книг».

В «Вечерней Москве» от 20 августа 1966 года была опубликована статья Э. Цицельсона, в которой автор сообщает о том, что он приобрел у букиниста книгу Н.М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов» с дарственной надписью: «Моему неизбывному спутнику Михаилу Александровичу Пыльцову в знак искренней дружбы и глубокой признательности от автора».

Подпоручик М.А. Пыльцов был деятельным и усердным помощником Н.М. Пржевальского в его путешествиях.

«Дом Пржевальских» – так нарекут домодедовцы дом в помещичьей усадьбе в Константинове. Так он и войдет в историю земли домодедовской.

Дом Пржевальских хранит память о Н.М. Пржевальском – великом путешественнике и географе.

Владимир Михайлович Пржевальский будет еще долго связан с домодедовской землей. Первого января 1898 года он заключит договор с Московским удельным округом на снятие «в аренду под правильную охоту на птиц и зверей 4–7, 10–14 и 16–25 кварталов Домодедовской дворцовой дачи (дача – участок земли под лесом) четвертого Царицынского имения на площади 1521 десятина, 1130 квадратных сажен, сроком на 12 лет, с 1 января 1898 по 1 января 1910 года, с платою по 76 дней в году».

Владимир Михайлович Пржевальский был заядлым охотником, о чем говорит договор из архивных материалов.

В селе Константинове долго сохранялись среди старожилов рассказы о Софье Алексеевне Пржевальской – супруге В.М. Пржевальского.

В первые годы двадцатого века С.А. Пржевальская была частой пассажиркой пригородных поездов и в ожидании поездов посещала зал ожидания станции Домолдово и чайную Лапшина, которая стояла на пристанционной площади. Сколько она могла бы рассказать о Н.М. Пржевальском! Сколько воспоминаний не дошло до нас.

ЛЮБИМЫЕ ЦВЕТЫ ЦАРСКОГО МИНИСТРА

Сергей Юльевич Витте
(1849–1915)

Недалеко от Белых Столбов, в северной стороне от станции, в бассейне исчезнувшей ныне речки Метки появилась более четырех веков тому назад деревенька Михеево. Лесная деревенька крепко осела в живописных местах. При строительстве Павелецкой железной дороги в 1898–1900 гг. побывал в деревеньке Михеево министр финансов России при императорах Александре III и Николае II Сергей Юльевич Витте. Уголок нетронутой природы очаровал министра финансов, и он построил на окраине деревеньки для своей семьи дачку. Деревянная рубленая дачка органично вписалась в окрестную местность, мало чем отличаясь от крестьянских изб.

Петербургская жизнь царского министра не позволяла часто бывать в Михеево Сергею Юльевичу Витте, но посещение Михеева всегда было радостно. Ясные зори, грибные леса с белыми, подосиновиками и подберезовиками и с множеством ландышей. Ландыши – любимые цветы Сергея Юльевича. Именно из этих белостолбовских мест привозили торговцы на московские рынки прекрасные букеты ландышей.

Сергей Юльевич Витте родился 12 июля (ст. стиля) 1849 года в Тифлисе. Отец его Юлий Федорович Витте – директор департамента государственных имуществ на Кавказе, а мать Екатерина Андреевна – дочь члена главного управления кавказского наместника, тайного советника А.М. Фадеева и княгини Е.П. Долгорукой.

Отец Сергея Юльевича, Юлий Федорович Витте, был дворянин Псковской губернии, лютеранин балтийского происхождения, предки которого были голландцы, приехавшие на берега Балтии в давние времена.

Молодой Ю.Ф. Витте был командирован тогдашним министром внутренних дел России Л.А. Перовским в Саратовскую губернию как специалист по сельскому хозяйству. В Саратове Ю.Ф. Витте влюбился в дочь губернатора Е.А. Фадееву. Перед женитьбой Ю.Ф. Витте перешел в православную веру.

Бабка С.Ю. Витте, по матери княгиня Е.П. Долгорукая, происходила из старинного княжеского рода. Ее отец Павел Васильевич Долгорукий вел свой род от Григория Федоровича Долгорукого, сенатора при царе Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукого, которые, в свою очередь, вели родословную от святого князя Михаила Черниговского.

Известно, что по приказу Батыя в 1245 году князь Михаил Черниговский приехал к татарскому хану в Золотую Орду. Там князю Михаилу Черниговскому было пред-

ложено поклониться у шатра Батыя татарским идолам, от чего князь Михаил отказался и был на месте казнен. По преданиям, идя на смерть вместе с другом, «бояриным Феодором», князь Михаил отдал находившийся у него крест своим боярам, приказав им передать этот крест его детям. Князь Михаил Черниговский с молитвой на устах тихо скончался от татарских мучений со словами: «Я христианин!». Православная церковь причислила Михаила Черниговского к святым мученикам... Память мученика и исповедника Михаила, князя Черниговского, отмечается 3 октября (20 сентября старого стиля).

Князь Павел Васильевич Долгорукий, отдавая свою дочь Елену замуж за А.М. Фадеева, благословил молодоженов древним крестом, принадлежавшим, по семейным преданиям, князю Михаилу Черниговскому. Это благословение и сыграло потом немаловажную роль и в судьбе Екатерины Андреевны Фадеевой, и ее сына С.Ю. Витте.

Родительское благословение!.. Без родительского благословения, говорят, не бывает благословения Божьего. Благословите, Отче! – так обращались на Руси с достопамятных времен при всех важнейших жизненных начинаниях и обстоятельствах. Благословения просят у священников, иерархов Церкви и в первую очередь дети у своих родителей. Благословение оберегало семейную жизнь молодоженов и сопровождало их на всем жизненном пути. В крестьянских семьях молодоженов благословляли иконами, вновь купленными: жениха – иконой Спасителя, невесту – иконой Божией Матери.

Древний крест князя Михаила Черниговского с кончиной Елены Павловны перешел к ее сыну – генералу Ростиславу Андреевичу Фадееву, а от него к матери С.Ю. Витте Екатерине Андреевне, после ее кончины крест перешел к жившей в Одессе ее сестре Надежде Андреевне – тетке С.Ю. Витте. Та была стара и при своей жизни крест передала С.Ю. Витте.

В своих воспоминаниях С.Ю. Витте писал: «Крест этот находился у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам, с одной стороны – академику Кондакову, а с другой – директору публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе св. мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе князей Долгоруких предания относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском до его казни, но, с другой стороны, они не решаются безусловно утверждать противное».

По поводу отцовской родословной линии С.Ю. Витте писал, что «свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы или во всяком случае в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным, и так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьею Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис и третий – я, Сергей, а также две дочери, которые были моложе меня, – Ольга и Софья».

А.Ю. Витте окончил Московский кадетский корпус, был полковником, прослужил всю жизнь в русской армии.

Б.Ю. Витте – окончил юридический факультет, служил председателем Одесской судебной палаты до самой своей кончины.

Все братья Витте первоначально воспитание и образование получили от своей бабушки – Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

А на С.Ю. Витте оказал огромное влияние его дядя Ростислав Андреевич Фадеев, образованнейший и талантливейший человек, генерал русской армии, игравший, как и генерал Д.А. Милютин, огромную роль на Кавказе при наместнике князе А.И. Баря-

тинском. Генерал Р.А. Фадеев написал много замечательных книг, таких, например, как «Вооруженные Силы России», «Шестьдесят лет кавказской войны», «Восточный вопрос», «Чем нам быть» и другие. У князя Барятинского, наместника на Кавказе, главнокомандующего кавказской армией, фельдмаршала (получившего это звание за кавказскую войну) генерал Р.А. Фадеев был старшим адъютантом. Шамиль, сдавшись Барятинскому в знак покорности, передал князю свое знамя. А Барятинский это знамя передал Р.А. Фадееву, сказав, что он дарит это знамя Фадееву в знак того, что при взятии Гуниба во многом обязан его советам. Фадеев знамя Шамиля передал своей сестре Надежде Андреевне, а та передала его С.Ю. Витте, который многие годы хранил знамя в своем кабинете.

После домашнего обучения С.Ю. Витте в 16,5 лет вместе со своим братом Борисом выехали с Кавказа на учебу в Киев. Однако судьба распорядилась так, что братья уехали в Кишинев, где они окончили классическую гимназию, а затем поступили в Одесский университет: С.Ю. Витте на математический факультет, а его брат Борис – на юридический.

По окончании Одесского университета С.Ю. Витте написал для получения золотой медали диссертацию «О бесконечно малых величинах» и был оставлен на кафедре «высшей» математики. Спустя сорок лет С.Ю. Витте, будучи в Париже, увидел в витрине одного из книжных магазинов свою диссертацию на французском языке.

В математике С.Ю. Витте достиг высоких познаний. Всех математиков он делил на математиков-философов и математиков-исчислителей. К первым он относил таких, например, крупных математиков как М.В. Остроградский, П.Л. Чебышев, Е.Ф. Сабинин, а ко вторым своего предшественника по министерству финансов – министра финансов И.А. Вышнеградского и академика А.А. Маркова. Себя С.Ю. Витте относил к математикам-философам.

В год окончания С.Ю. Витте Одесского университета – 1870 год – вспыхнула война между Пруссией и Францией, которая послужила основанием для образования в 1871 году Германской империи и Французской республики. Вернувшись на родину, С.Ю. Витте со стороны своей матери, Екатерины Андреевны, и дяди, Ростислава Андреевича Фадеева, получил резкие возражения по поводу дальнейшей своей ученой деятельности в университете. Р.А. Фадеев рекомендовал ему поступить на службу в Министерство путей сообщения, оставаясь одновременно на кафедре математики. Министром путей сообщения в это время был граф В.А. Бобринский, а генерал-губернатором Одессы был граф П.Е. Коцебу. Министр В.А. Бобринский предложил С.Ю. Витте пройти все должности на железной дороге, начиная с кассира.

Пройдя все ступени на Одесской железной дороге, С.Ю. Витте через полгода получил место начальника конторы движения. Во время русско-турецкой войны С.Ю. Витте становится главой Одесской железной дороги. Он принимает самую активную деятельность по перевозке армии на театр военных действий, применив новую систему движения поездов – меняя машинистов на паровозах. Как потом оказалось, эта система уже применялась на железных дорогах Америки. Главным командующим русской армией был великий князь Николай Николаевич, и вся работа на железнодорожном транспорте велась под наблюдением великого князя.

По окончании русско-турецкой войны Одесская железная дорога была соединена с Киево-Брестской и Брест-Граевской – образовалось «Общество Юго-Западных дорог». С.Ю. Витте был назначен начальником эксплуатационного отдела Юго-Западных железных дорог, правление которых было в Петербурге.

В Петербурге С.Ю. Витте женился на Н.А. Спиридоновой, урожденной Иваненко, венчался во Владимирской церкви, где прожил около двух лет, затем с женой он переезжает в Киев, где становится начальником эксплуатации, а затем управляющим

Юго-Западными железными дорогами, хотя С.Ю. Витте и не имел диплома инженера-путейца.

Будучи управляющим Юго-Западными железными дорогами, С.Ю. Витте написал «Общий устав российских железных дорог», регулирующий эксплуатацию железных дорог.

Российские железные дороги принадлежали частным железнодорожным обществам, которые конкурировали между собой и были свободны в установлении тарифов на железнодорожном транспорте. Железные дороги были убыточны, так как царил полный хаос в области тарифов. Государственная казна выплачивала по гарантии более 40 млн. рублей, таковы были убытки железнодорожного транспорта.

Министр путей сообщения И.А. Вышнеградский обратился к С.Ю. Витте с предложением об изыскании мер по ликвидации дефицита на железных дорогах. По предложению С.Ю. Витте был учрежден департамент железнодорожных дел при министерстве финансов, который стал вести всей тарифной и финансовой деятельностью на железнодорожном транспорте (в отличие от департамента железных дорог МПС, ведающего технической частью железнодорожного транспорта). Департамент железнодорожных дел был создан с двумя комитетами: тарифным и финансовым.

Руководителем этого департамента по настоянию царя Александра III был назначен С.Ю. Витте с чином действительного статского советника.

Семья С.Ю. Витте переехала жить в Петербург и поселилась на Колокольной улице.

И.А. Вышнеградский через год был назначен министром финансов России. Потом этот пост займет С.Ю. Витте. Директором департамента железнодорожных дел С.Ю. Витте был всего один год, а в феврале 1892 года он был назначен императорским указом на пост министра путей сообщения. С.Ю. Витте писал: «Когда я вступил на должность министра путей сообщения, то самое дело меня не смущало, так как я это дело превосходно знал, потому что главная часть в министерстве путей сообщения – железнодорожная, с которой я был вполне ознакомлен».

Отличительной чертой С.Ю. Витте было то, что он умел безукоризненно подбирать административно способных и талантливых работников.

Так было и в бытность С.Ю. Витте министром финансов в течение более десяти лет, он подобрал себе таких заместителей, которые потом занимали посты министров финансов: Плеске, Шипов, Коковцев. Все они были министрами финансов после ухода с этого поста С.Ю. Витте. Он был доброжелателен ко всем своим сотрудникам. С.Ю. Витте весьма благожелательно отнесся и к великому русскому ученому, профессору Д.И. Менделееву, когда тот оставил профессию, а академия его игнорировала. Д.И. Менделеев обратился к С.Ю. Витте, и тот дал ему место управляющего Палатой мер и весов, на посту которого Дмитрий Иванович Менделеев внес колоссальный вклад в науку. А его труд «К познанию России» только в 1906 году был издан трижды.

Жена С.Ю. Витте Н.А. Спиридонова, возвращаясь с курорта, где принимала ванны, проездом навестила родственников в Киеве, где и скончалась. Вторично С.Ю. Витте женился на М.И. Лисаневич, урожденной Хотимской. Она пережила мужа и к «Воспоминаниям» С.Ю. Витте написала предисловие.

Во время одного из докладов императору Александру III С.Ю. Витте высказал желание о строительстве железной дороги до Владивостока (Транссибирской магистрали). 30 августа 1892 года С.Ю. Витте был назначен министром финансов России. Министр финансов в России в те годы был также министром торговли и министром промышленности.

В министерстве финансов имелось одиннадцать подразделений, ему подчинялись Государственный банк, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк,

Монетный двор.

С.Ю. Витте был поклонником немецкого экономиста Фридриха Листа, его теории «национальной экономии». Эта теория была разработана Листом в противовес «космополитической политэкономии» Смита, Милля и Рикардо.

Витте в 1889 году издал брошюру о Листе и его учении. Пример Германии в индустриализации страны при канцлере Отто Бисмарке, основанной на теории Листа, убедительно показал Витте использовать ее в практике России.

По словам русского посла в Берлине графа П. Шувалова, канцлер Бисмарк, уже в отставку, был заинтересован личностью Витте и предсказал ему блестящую карьеру, что и сбылось.

При непосредственном участии С.Ю. Витте в России были проведены крупные экономические преобразования, укрепившие государственные финансы и ускорившие промышленное развитие страны. Впоследствии С.Ю. Витте в кругах экономистов получил прозвище «Русский Бисмарк».

Вопрос о Великом Сибирском пути в тот же год встал на повестке дня с новой силой. Последовавшая кончина Александра III 20 октября 1894 года не позволила ему увидеть начало строительства Сибирского пути, который строился в царствование Николая II.

Еще при жизни царя Александра III С.Ю. Витте предложил царю создать особый комитет Сибирской железной дороги и предложил назначить на пост председателя этого комитета цесаревича Николая II. Это назначение и гарантировало впоследствии осуществление строительства Великого Сибирского пути в кратчайший срок.

В России в 90-е годы девятнадцатого века прокладывалось ежегодно в среднем 2,5 тысячи верст новых железнодорожных магистралей. Это невиданный темп строительства, в мире до сих пор непревзойденный показатель.

Однако на рубеже веков ситуация в мировой экономике резко изменилась, терпели кризис ряд ведущих отечественных финансово-экономических групп. Особо важной проблемой в России стала экономика сельского хозяйства. Витте в 90-е годы был убежден, что «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищеты и бездомности». Но С.Ю. Витте сознавал необходимость проведения преобразований в сельском хозяйстве, он видел воочию жизнь крестьян малой русской деревни Михеево.

В 1902 году Витте возглавил специальное межведомственное «особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», действовавшее в 1902-1905 годах. Особое совещание разрабатывало новые принципы сельскохозяйственной политики, но особых успехов не добилося.

В 1895 году по решению Витте была установлена винная монополия, что дало до четверти всех поступлений в государственную казну.

Главным делом С.Ю. Витте на посту министра финансов было проведение денежной реформы.

Россия с начала Севастопольской войны жила на денежной системе, основанной на кредитных билетах. Теория денежного обращения в учебных заведениях России не изучалась. Осуществление денежной реформы, основанной на металле, в России было сложным. С.Ю. Витте проводил реформу денежного обращения, основанную на золоте (тогда как во Франции и других европейских странах денежные обращения основывались на серебре и на биметалле). Царь Александр III поддержал начинания по проведению денежной реформы С.Ю. Витте. Министр финансов блестяще провел денежную реформу, благодаря которой Россия выдержала войну с Японией и смуту начала XX века. Эта реформа проводилась в трудных условиях, вся мыслящая Россия была против этой реформы. Россия привыкла к бумажно-денежному обращению, курс

российского рубля считался равным четырем франкам, но в действительности он был равен 2,5 франкам. В связи с проведенной денежной реформой С.Ю. Витте писал: «Вообще из последующего моего государственного опыта я пришел к заключению, что в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются».

По совету С.Ю. Витте царь Николай II 2 января 1897 года собрал финансовый комитет, который в сущности и принял денежную реформу, основанную на золоте: проведенная реформа укрепила Россию во всех отношениях. В своих воспоминаниях С.Ю. Витте отметил, что введение в России золотого обращения обязано исключительно императору Николаю II. В результате реформы был установлен свободный обмен кредитного рубля на золото.

Вот что писал Витте о денежной реформе в России: «Я основал реформу на девальвации, т.е. на том основании, что цена рубля против его номинальной ценности была понижена, до того, чтобы не производить общей пертурбации в России. Я совершил реформу так, что население России совсем и не заметило ее, как будто бы ничего, собственно, не изменилось. И когда последовал 3 января 1897 года указ, то все осталось так, как было, цены предметов не изменились, а потом никаких пертурбаций и не произошло: всякие пертурбации и в будущем были предотвращены, и тому положению вещей, которое существовало до 3 января, был дан прочный устой; под это положение был подведен фундамент, который предотвратил всякие возможные колебания цен от непрочности валюты».

При введении денежной реформы было предложено ввести денежную единицу меньше рубля, такая монета планировалась С.Ю. Витте и была им названа «русь», даже были отчеканены образцы такой монеты, но потом эту монету не ввели.

Денежная реформа проводилась С.Ю. Витте в целях устойчивости денежной единицы и была прямо связана с общим состоянием экономики России. Министр финансов С.Ю. Витте писал: «Без оздоровления народного хозяйства ценность русской денежной единицы не может быть укреплена никакими чисто финансовыми мероприятиями».

Поддерживая экономическую политику царя Александра III, который в 1891 году ввел покровительственные пошлины на иностранные товары, дабы не оказались конкурентами для русской промышленности, министр финансов С.Ю. Витте провел Всероссийский торгово-промышленный съезд России в Нижнем Новгороде в 1896 году. С.Ю. Витте поддерживал усилия государственного управления в России, сосредоточение в руках государства строительства и эксплуатации железных дорог, государственных кредитных учреждений, системы государственных заказов и субсидий промышленникам.

По просьбе фабриканта С.Т. Морозова, выступившего на нижегородской ярмарке, С.Ю. Витте предоставил кредит промышленникам.

По поводу банковских дел С.Ю. Витте писал: «Когда я был министром финансов, то мне приходилось совершать государственные и финансовые дела на сотни миллионов рублей прямо на слово, и в течение всего моего пребывания министром (а я был министром около 11 лет) я совершал такие дела – на миллиарды и миллиарды, и в моей практике никогда не было случая, чтобы банкиры отступали от своего слова, точно так же, как и мне никогда не случалось отступать в чем бы то ни было от моего слова как министра финансов».

По инициативе С.Ю. Витте был основан Русско-Китайский банк, позже после соединения этого банка с Северным банком объединенный банк стал называться Русско-Азиатским банком.

По словам Витте, царь Александр III придавал большое значение Великой Сибир-

ской железной дороге, и главным образом – ее экономическому значению. В свое время в результате японско-китайской войны и победы японцев был заключен мирный договор, по которому Японии отходил от Китая Ляодунский полуостров. Россия настояла на том, чтобы сохранилась целостность Китайской империи. Ляодунский полуостров был оставлен за Китаем, но контрибуции с Китая возросли. Это благоприятствовало тому, что впоследствии было организовано «Общество Восточно-Китайской железной дороги». Россия укрепляла экономические связи с Китаем. Китай дал концессию Русско-Китайскому банку на сооружение Восточно-Китайской железной дороги, являющейся продолжением Сибирской железной дороги.

В августе 1903 года С.Ю. Витте был снят с поста министра и назначен царем Николаем II на пост Председателя комитета Министров.

В 1905 году был введен пост Председателя Совета Министров, с этого года С.Ю. Витте – Председатель Совета Министров России. На этом посту он был до 20 апреля 1906 года.

Русско-японская война, вспыхнувшая 1904 году, легла и на плечи С.Ю. Витте.

Ведение войны требовало значительных финансовых средств. Как отметил Витте, министр финансов Кокочев за период войны прибегнул вместо займов к печатанию бумажных денег, их увеличилось вдвое: с 600 миллионов до 1200 миллионов рублей, что сказалось на жизненном уровне народа.

По окончании войны с Японией Витте пришлось заключать мирный договор. 29 июня 1905 года Витте был назначен главным уполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией, а 6 июля он выехал из Петербурга в Портсмут (Америка). В Америке Витте пришлось вести трудные переговоры с японцами. Япония требовала огромных контрибуций, на что Витте не соглашался. Тем не менее Южный Сахалин Россией был уступлен. Эту уступку, по словам Витте, «сделал сам Государь», так как Южный Сахалин был оккупирован японцами и освободить его можно было только военной силой. Южный Сахалин был возвращен России только после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. (Про поездку С.Ю. Витте в Америку, в Портсмут, писатель В.С. Пикуль написал историческую миниатюру «Граф полу-сахалинский»).

Портсмутский мирный договор был заключен. С.Ю. Витте по поводу заключения мира с Японией писал: «Я же был восторженно встречен, возведен в графство, затем наступила революция, которую мне пришлось подавить как вопреки моему желанию назначенному Председателем Совета Министров. Оставляя по собственному желанию этот пост, я удостоился милостивого рескрипта и новой выдающейся награды, но затем уже попал в опалу...»

За подписание мирного договора с Японией С.Ю. Витте был пожалован титул графа, затем последовала награда – орден Святого Александра Невского с бриллиантом.

Ум, тщеславие, доходившее нередко до пренебрежительного отношения к окружающим, добавляли Витте недругов и недоброжелателей. Граф В.Н. Кокочев, будучи министром финансов России после Витте и близко знавший его в течение многих лет по службе, писал: «...самовозвеличивание, присвоение себе небывалых деяний, похвальба тем, чего не было на самом деле, не раз замечались людьми, приходившими с ним в близкое соприкосновение».

Витте чутко реагировал на общественное движение в России.

Императору Николаю II в октябре 1898 года С.Ю. Витте относительно свободы человека писал: «Свобода воскрешает в нем человека. Но недостаточно освободить его от рабовладельца, необходимо еще освободить его от рабства произвола, дать ему законность, а следовательно и сознание законности, и просветить его».

С.Ю. Витте предупреждал царя: «В конце XIX и начале XX века нельзя вести по-

литику средних веков, когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители теряют свой престиж и силу.

С.Ю. Витте стремился подавить начавшуюся в России революцию 1905 года путем уступок и обещаний либеральной буржуазии и репрессий. По предложению Витте был опубликован манифест 17 октября 1905 года: «Об усовершенствовании государственного порядка».

О революции 1905 года С.Ю. Витте писал: «Вся наша революция произошла оттого, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загроживает путь, то происходит революционный потоп. В Российской империи такой потоп наиболее возможен, так как более 35 процентов населения не русского...»

14 апреля 1906 года Витте подал царю Николаю II заявление об отставке с поста Председателя Совета Министров, а 20 апреля 1906 года отставка была принята.

С.Ю. Витте был предложен пост посла России, но послом он так и не был назначен царем Николаем II, потому что Витте не проявил тогда интереса к должности посла, оставаясь членом Государственного Совета.

В письме матери 2 ноября 1906 года царь Николай II писал: «Сюда вернулся на днях гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границей, потому что сейчас же около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен, инсинуаций... Нет, никогда, пока я жив, не поручу этому человеку самого маленького дела».

По царской милости С.Ю. Витте был вознесен на верхние ступеньки государства и по царской же немилости был оттуда низвергнут.

После отставки с 1907 года до 1911 года С.Ю. Витте писал «Воспоминания». Рукопись «Воспоминаний» долго хранилась за границей (была перевезена из Парижа в Байон, где она хранилась в банке).

«Воспоминания» С.Ю. Витте были опубликованы посмертно только в 1923–1924 гг. (в трех томах).

Сергей Юльевич Витте скончался в Петрограде 27 февраля (старого стиля) 1915 года, когда шла первая мировая война, похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

Со дня кончины С.Ю. Витте прошло много лет. Тех, кто знал и видел графа в деревне Михеево, уже не осталось в живых. Дача С.Ю. Витте после гражданской войны была разобрана и перевезена в село Шубино и собрана для ветеринарной лечебницы.

А в окружающих Михеево лесах все так же растут любимые цветы графа Витте – ландыши.

ФАБРИКАНТ-МЕЦЕНАТ

Савва Тимофеевич Морозов
(1861–1905)

В жалованной грамоте императрицы Екатерины II от 1785 года российские предприниматели-купцы были разделены на три гильдии: I – купцы, владевшие капиталом не менее 10 тысяч рублей, имевшие право оптовой торговли и право заводить фабрики и заводы; II – купцы, владевшие капиталом от 5 до 10 тысяч рублей и имевшие право оптовой и розничной торговли; III – купцы, владевшие капиталом от 1 до 5 тысяч рублей и имевшие право только розничной торговли.

Фабриканты Морозовы относились к богатырям российской промышленности. А Савва Тимофеевич Морозов – виднейший представитель этого рода.

Русские предприниматели, купцы, промышленники и фабриканты на протяжении тысячелетней истории Православной Руси строго соблюдали и исполняли один важнейший нравственный закон Бога – отдавать десятую часть своих доходов и прибылей на благо народа: бедным и нуждающимся, на строительство церквей и монастырей, больниц и приютов, школ и культурных заведений – на благотворительные нужды. Этот нравственный закон свято выполнялся со времен крещения Руси.

Благотворительность в наш век названа меценатством. Благотворительность в России была широко распространена, она не ограничивалась обязательной десятой долей, она исчислялась и половиной доходов, и даже гораздо больше. Были русские меценаты, которые отдавали обществу почти все.

К фабрикантам-меценатам относились и богатыри русской промышленности – Морозовы, основателем рода которых был Савва Васильевич Морозов (1770–1862), а его внук Савва Тимофеевич Морозов (1861–1905) был признанный фабрикант-меценат.

У С.В. Морозова было пятеро сыновей: Елисей (1798–1868), Захар (1802–1857), Абрам (1807–1856), Иван (1812–1864) и Тимофей (1823–1889).

Фабрикантами Морозовыми было создано много благотворительных учреждений: университетские клиники на Девичьем поле имени Т.С. Морозова, институт лечения раковых опухолей при Московском университете, детская больница имени В.Е. Морозова, городской родильный дом имени С.Т. Морозова, богадельня имени Д.А. Морозова, Московский Художественный театр, Московский кустарный музей и многие другие.

На домодедовской земле в селе Одинцово находилась усадьба Морозовых, на ко-

торой был построен архитектором Ф.О. Шехтелем в 1891–1892 годах Морозовский дворец с беседками, павильонами и прекрасным садом. В излучине реки Рожайки на крутом левом берегу возник дворец в стиле модерн, напоминающий плывущий корабль.

«Вторая крупная группа проектов связана с выполнением заказов Морозовых: усадьбный комплекс для В.Е. Морозова, главы торгового дома «Викула Морозов и сыновья», в Одинцово-Архангельском» (Е.И. Кириченко). Викула Елисеич умер в 1894 году. Его сын Сергей Викулович был женат на Зинаиде Григорьевне, которая стала потом женой Саввы Тимофеевича.

В конце прошлого века, по рассказам местных старожилов, на даче в Одинцове жил С.Т. Морозов, а после его кончины дача принадлежала до 1917 года Алексею Викуловичу Морозову.

Мне рассказывали ныне уже ушедшие заборьевские очевидцы, что когда Савва Морозов проезжал по Каширской дороге на тройке лошадей, то непременно, завидев группы играющих на улице детей, бросал горсти конфет. Савва Морозов любил крестьянских детей, будучи сам выходец из крестьянского рода.

А двоюродный брат моего отца Дмитрий Иванович Громов из деревни Ивановки, находящейся у впадения речки Рогожки в реку Рожайку, подростком в конце прошлого века несколько лет работал дворником и истопником и жил в московском доме С.Т. Морозова. По рассказам Д.И. Громова, Савва Тимофеевич был доброжелателен и внимателен к нему, оставив на всю жизнь хорошую память о себе.

Савва Морозов вырос в московском доме в Большом Трехсвятительском переулке, купленном его отцом у Кокарева. Отсюда проводили его учиться в гимназию, что находилась в бывшем доме графа Разумовского у Покровских ворот. Отсюда он поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

Внук С.Т. Морозова, также Савва Тимофеевич Морозов (1911–1995), в своей книге «Дед умер молодым» рассказывает: «Размышляя о родословной, я, естественно, обращаюсь к семейному альбому. Есть в нем фотографии и прадеда, и деда. Тимофей Саввич – седой бородач с медальным профилем. Зорко смотрят большие глаза. Черты лица типично славянские... А Савва Тимофеевич выглядит на снимке таким татарин, азиатом: скуластый, темноволосый, усы и бородачка коротко подстрижены... На фотографии оба они в черных сюртуках и белых манишках, как подобает людям деловым, соблюдавшим правила хорошего тона. Такими и предстают они перед моим мысленным взором после рассказа Зинаиды Григорьевны и роковой размолвки между отцом и сыном».

Тимофей Саввич Морозов (1823–1889) унаследовал Никольскую мануфактуру с другими фабриками своего отца Саввы Васильевича Морозова в 1850 году, которая называлась «Товарный дом Саввы Морозова и сын и К^о». А Савва Тимофеевич Морозов директорское кресло своего отца Т.С. Морозова унаследовал в 1885 году после известной Морозовской стачки. В середине ноября 1888 года между отцом и сыном произошла размолвка в кабинете директора-распорядителя Никольской мануфактуры, спустя три года после забастовки ткачей. Виновником забастовки был признан председатель Московского биржевого комитета и Купеческого банка, член правления Курской железной дороги, мануфактур-советник Тимофей Саввич Морозов. И тогда новому директору Савве Тимофеевичу Морозову потребовалось очень многое изменить в фабричных порядках: были резко сокращены штрафы, повышена заработная плата, введены «наградные». К 1885 году Савва Тимофеевич Морозов окончил Московский университет, стал технологом-химиком; затем совершенствовал свои знания за границей, в Англии: в Кембридже слушал лекции знаменитых профессоров, а в

Манчестере постигал практический опыт по прядению, ткачеству и крашению тканей.

Дед С.Т. Морозова Савва Васильевич привлекал на свои фабрики английских мастеров по прядению, ткачеству, по ткацким машинам. А Тимофей Саввич распространил с зарубежными наставниками – нанимал на службу русских молодых инженеров, окончивших Московское императорское техническое училище (МВТУ).

Савва Тимофеевич Морозов женился на Зинаиде Григорьевне Зиминной. Как сообщает его внук Савва Тимофеевич Морозов (скончавшийся в феврале 1995 года – последний по мужской родословной линии Тимофеевичей), его бабушка З.Г. Зимина – дочка купца второй гильдии Григория Ефимовича Зимина, вышедшая замуж за двоюродного племянника Саввы Тимофеевича Сергея Викуловича Морозова, а потом ставшая женой его деда. Мария Федоровна (мать Саввы Морозова) говорила сыну: «Первый жених в Москве, а кого в дом привел... Зимину взял, да еще мужнюю жену». Но Савва Тимофеевич был доволен, жил с женой отдельно от родителей. Зинаида Григорьевна родилась в 1867 г. в Орехово-Зуеве – была землячкой мужа.

От Орехово-Зуево до Усад, где жил Тимофей Саввич, было хоть и близко, но ездить часто сыну с визитами необязательно.

Узнав о ссоре мужа с отцом, Зинаида Григорьевна стала перед мужем на колени и сказала: «Богом молю, поезжай в Усады, примиришься с отцом. Не для себя прошу, для малышей нашего...»

Когда Савва Морозов приехал в Усады, к нему навстречу вышла прислуга и сообщила, что Тимофей Саввич слег – той ноябрьской ночью 1888 года его хватил первый удар (Т.С. Морозов умер в 1889 году на шестьдесят шестом году жизни).

Став фактически руководителем Никольской мануфактуры, Савва Тимофеевич принимает радикальные меры к совершенствованию производства, строит для рабочих много хороших, благоустроенных казарм, налаживает медицинскую службу на фабриках. Но в правлении паевого товарищества Никольской мануфактуры (преобразованного еще Т.С. Морозовым) состояла также в числе учредителей мать Саввы Тимофеевича – Мария Федоровна (женщина властная, но и богомольная). Она жила в особняке из двадцати комнат в Большом Трехсвятительском переулке. Мария Федоровна не вмешивалась в дела трудовые, но властно распоряжалась людьми. Ее правнук С.Т. Морозов писал: «Ведь не всем близким известно, что с Марией Федоровной Симоновой проникла в морозовскую славянскую породу вся эта азиатчина: скуластые лица, малость раскосые глаза, желтоватый оттенок кожи. И не только эти внешние признаки. Где-то там, в недоступных глазу, неведомых памяти глубинах давно ушедших поколений, крепко засела дурная наследственность. Да и сама-то Мария Федоровна со всеми ее причудами, самодурством, строго говоря, заслуживала внимания врачей-психиатров... Ведь если вдуматься, старуха всю жизнь была подавлена подсознательным ощущением врожденной вины своих предков перед потомками. Чей этот грех? В каком поколении и кем именно из Симоновых совершен он?.. Отсюда, наверное, и иступленное стремление Марии Федоровны замаливать грехи перед Господом Богом?»

После кончины отца Савва Тимофеевич строит особняк на Спиридоньевке (1893) по проекту архитектора Ф.О. Шехтеля. Особняк на Спиридоньевке построен на месте усадьбы Аксаковых, раньше принадлежавшей поэту И.И. Дмитриеву. У помещика Голохвастова С.Т. Морозов купил имение в Покровском-Рубцове, в котором многие годы жила его семья.

На Воздвиженке в 1894 г. С.Т. Морозов по проекту архитектора В.А. Мазырина строит особняк «испанское палаццо» оригинальный по своей вычурности.

Для Художественного театра С.Т. Морозов покупает особняк Лианозова в Ка-

мергерском переулке. Реконструкцию здания Морозов поручает архитектору Ф.О. Шехтелю. Савва Морозов лично принимает активное участие в строительстве Художественного театра. Он часто появляется на стройке в потертой куртке, в охотничьих сапогах, перепопаянный ремнем, отдает команды работникам. После Савва Тимофеевич скажет: «Театр – не частная собственность фабриканта Морозова, а общая собственность труппы».

Жизнь и знакомство с Англией позволили впоследствии Савве Тимофеевичу Морозову совершенствовать свои профессионально-технические знания (у него была даже мечта стать профессором химии) и увидеть экономические и социальные перспективы развития промышленности. В 1896 году С.Т. Морозов назначается председателем ярмарочного комитета в Нижнем Новгороде, где Морозов хлебом-солью встречает царя Николая II. Министром финансов С.Ю. Витте Всероссийский торгово-промышленный съезд России был задуман как демонстрация верности экономической политике царя Александра III, который за 5 лет до этого, в 1891 году, провозгласил покровительственные пошлины, чтобы иностранные товары не были опасными конкурентами для продукции русской промышленности. По темпам промышленного развития Россия за десятилетие с 1890 по 1900 год обогнала все страны Европы и шла вровень с Северо-Американскими Соединенными Штатами.

Савве Тимофеевичу Морозову запомнилась богатырская фигура министра финансов С.Ю. Витте в расшитом золотом придворном мундире, его замечательная речь, которой Морозов искренне аплодировал. Коренастый, плотно сбитый, независимый Савва Морозов выступил с яркой речью на съезде, говорил о недостаточной защищенности русской индустрии от иностранного капитала, ходатайствовал перед министром финансов о долгосрочных кредитах для промышленности. Ходатайство съезда о долгосрочных кредитах министром финансов было вскоре удовлетворено.

Пресса, присутствовавшая на съезде, окрестила Савву Морозова «купеческим воеводой».

С.Т. Морозов часто повторял: «Я говорю, работаю, значит, существую. Для меня очевидно: только работа расширяет, обогащает мир и мое сознание». Именно работа и была самым постоянным увлечением Саввы Тимофеевича, который говорил: «Я вижу Россию как огромное скопление потенциальной энергии, которую пора превратить в кинетическую».

Впервые Савва Морозов увидел А.М. Горького на стропилах Художественного театра, где Морозов, в сюртуке, испачканый мелом, отдавал приказание рабочим и, обращаясь к должговязому усачу, сказал: «А ты, дядя, что без дела стоишь?.. Давни помогай...» Но тут подошел к Морозову Немирович-Данченко и представил усача «Наш новый автор, Максим Горький». Морозов покраснел, вытер платком мел на руках и познакомился с Горьким. А потом повел Горького в трактир Тестова. Горькому тогда запомнилось, что Савва Тимофеевич быстрым движением потирал коротко остриженную голову и часто улыбался.

В летнее время семья С.Т. Морозова жила в ближайшем Подмоскovie – в Покровском-Рубцове. Однажды, когда Савва Морозов был увлечен строительством театра. Зинаида Григорьевна с обидой сказала мужу: «Ты, Савва, совсем забыл и нас, и Покровское». На что он ответил: «Винюват, Зинуша, дел много... Но ничего. Сегодня вечером поездом приеду...»

Хорошо принимавший ранее романтические произведения А.М. Горького, Савва Морозов был увлечен социал-демократическими идеями. Горький познакомил Морозова с известным большевиком Л.Б. Красиным, который впоследствии стал работать инженером на Никольской мануфактуре. Савва Морозов, как отмечает его внук, согласился передавать в партийную кассу большевиков две тысячи рублей в месяц. На

предании правления Никольской мануфактуры, состоявшемся 9 февраля 1905 года, был оглашен протокол – плод долгих размышлений С.Т. Морозова: «Необходимость введения демократических свобод в России», на который было наложено вето М.Ф. Морозовой.

С.Т. Морозов предпринял безрезультатную попытку убедить премьер-министра Витте в необходимости радикальных реформ после январских событий. В докладной записке С.Т. Морозов предложил:

«1. Установить равноправность всех и всякого перед законом, сила и святость которого не могла бы быть никем и ничем поколеблена.

2. Полная неприкосновенность личности и жилища должна быть обеспечена всем русским гражданам.

3. Необходимость свободы слова и печати, так как лишь при этом условии возможны: выяснение рабочих нужд, улучшение быта и правильный успешный рост промышленности и народного благосостояния.

4. Необходимость введения всеобщего обязательного школьного обучения с расширением программы существующих народных школ и установлением упрощенного порядка для открытия всяких учебных заведений, библиотек, читален, просветительских учреждений и обществ...

5. Существующее законодательство и список его разработки не соответствует потребностям населения и русской промышленности.

Необходимо в выработке законодательных норм участие представителей всех классов населения, в том числе лиц, избранных промышленными рабочими. Участие тех же представителей необходимо и в обсуждении бюджета, ибо последний является материальным двигателем в руках государства при разрешении промышленных вопросов страны».

Как гласный Думы С.Т. Морозов по этому вопросу выступил в Московской городской Думе.

С.Ю. Витте о побывавшем у него в начале 1905 года на приеме С.Т. Морозова написал: «Представители знатного московского купечества требовали также ограничения самодержавия... Помню, когда я еще был председателем комитета министров, до поездки моей в Америку для заключения мира – в начале 1905 г. – как-то вечером Морозов просил меня по телефону его принять. Я его принял, и он мне начал говорить самые крайние речи о необходимости покончить с самодержавием, об установке парламентарной системы со всеобщими прямыми и проч. выборами, о том, что так жить нельзя далее и т.д.

Когда он поспешил, зная его давно и будучи летами значительно старше его, я положил ему руку на плечо и сказал: «Желаю вам добра, вот что я вам скажу – не вмешивайтесь во всю эту политическую драму, занимайтесь вашим торгово-промышленным делом, не путайтесь в революцию, передайте этот мой совет вашим коллегам по профессии...»

Морозов, видимо, смутился, мой совет его отрезвил, и он меня благодарил».

Однако смутить такого гиганта русской промышленности, каков был Савва Морозов, было трудно.

Премьер Витте не захотел слушать советов мануфактур-советника.

Вернувшись из Петербурга, Савва Тимофеевич заперся в своем кабинете на втором этаже особняка и писал докладную записку «О причинах забастовочного движения...», и в конце концов написал труд «Требования введения демократических свобод в России».

В те дни Мария Федоровна – мать С.Т. Морозова, вызвала к себе сына и начала с ним разговор с глубокой материнской печалью, а кончила тем, что предложила ему

уйти с поста директора Никольской мануфактуры со словами: «Уходи подобру-поздорову, не срамись перед всей Россией!»

По традиции прошлых лет С.Т. Морозова избрали председателем Всероссийского совещания промышленников, проходившего в Москве 10-11 марта 1905 года. Но обнародовать на съезде свой план введения демократических свобод С.Т. Морозов не решился.

У него наступил тяжелый душевный кризис. Упало доверие в семье, так как, застраховав свою жизнь на сумму сто тысяч рублей на предьявителя, Морозов передал полис знаменитой актрисе Марии Федоровне Андреевой (члену партии большевиков).

Жена Морозова Зинаида Григорьевна повезла Савву Тимофеевича лечить за границу. 13 (26) мая 1905 года Савва Тимофеевич ушел из жизни (застрелившись в Канне). Никаких завещаний Савва Морозов не оставил, сказав однажды Андреевой, что с деньгами пусть она делает что хочет, – он этого не увидит. 5 июля 1906 года М.Ф. Андреева написала адвокату Малентовичу, ведущему процесс о страховом полисе:

«Многоуважаемый Павел Николаевич!

Покорнейше прошу Вас выдать полученные по страховому полису покойного Саввы Тимофеевича Морозова сто тысяч рублей для передачи Леониду Борисовичу Красину».

По тем временам сто тысяч рублей – деньги большие.

Полагают, что С.Т. Морозов передал полис знакомой актрисе не потому, что он в то трудное время больше всего думал о партии, а потому, что, по словам, она одна знает его желания и он никому, кроме нее, даже своим родственникам, доверять не может.

Многое в отношении С.Т. Морозова к М.Ф. Андреевой покрыто тайной и загадочно, тем более их переписка не опубликована.

А где тайна и загадочность, там – любовь.

После кончины С.Т. Морозова М.Ф. Андреева передала из этих денег 60 тысяч рублей большевикам, как сообщила она Н.Е. Буренину: «В ЦК нашей фракции большевиков». А 40 тысяч рублей распределила «между многочисленными стипендиатами С.Т. Морозова, оставшимися без всякой помощи, так как вдова С.Т. Морозова сразу прекратила выдачу стипендий».

А.Л. Желябужский, племянник по мужу М.Ф. Андреевой, вспоминал: «Усерднейшим помощником Марии Федоровны в этом деле, жертвовавшим очень большие суммы, был Савва Тимофеевич Морозов – большой друг Марии Федоровны, относившийся к ней с почти благоговейной преданностью... Этот странный, по существу очень одинокий человек с неудачно сложившейся жизнью, вечно мучимый сложнейшими противоречиями не только мировоззренческого, но и личного характера, которые привели его к резкому конфликту с семьей и психическому заболеванию, был всею душой привязан к Марии Федоровне – это было подлинное преклонение. Просьбы ее были для него законом, тем более он твердо знал – они не касались ее личных интересов. Средства шли исключительно на революционные цели. Бескорыстие Марии Федоровны просто поражало его. Он называл ее «нелепой бессребреницей» и пророчил ей «смерть под забором». Савва Тимофеевич в нашем доме бывал часто. Он появлялся иногда с утра, еще до выхода Марии Федоровны. Прохаживался мелкими шажками по столовой и, попытивая папироской, которую держал смешно зажатой в пухлых пальцах маленькой, почти женской руки, он переговаривался с Марией Федоровной через дверь ее комнаты, сообщая ей последние новости. В нем была какая-то совершенно не вязавшаяся с его ультракупеческой внешностью непосредственность. Небольшого роста, весь какой-то одутловатый, цвет скуластого лица нездорового багрового оттенка, глазки маленькие, жесткая щетинистая бородка и такие же, коротко

подстриженные усы – неказист на редкость, а смех по-детски непосредственный, залихватистый...

И смена настроений такая же неожиданная: то светлел, то мрачнел по непонятным для окружающих причинам. Иногда вдруг поднимался, молча целовал руку Марии Федоровны и уходил, забывая проститься с присутствующими.

К этому времени относится и сближение Марии Федоровны с Горьким. Знакомство с ним произошло, как известно, в 1900 году во время поездки Художественного театра в Ялту».

М.Ф. Андреева (фамилия по сцене) родилась в 1868 году в Петербурге, родители ее были из дворян, служили в Александрийском театре: мать – актриса, отец Ф.А. Юрковский – главный режиссер театра. В труппу Московского Художественного театра она вступила в 1898 году и за шесть сезонов сыграла 15 основных ролей.

Публика любила Андрееву, называя ее «божественной». Вл. И. Немирович-Данченко писал, что она заняла «первое положение в Художественном театре». М.Ф. Андреева была талантлива, умна, образованна, свободно владела основными европейскими языками. И очень красива. Выше среднего роста, точеный профиль, лучистые карие глаза, изящный рисунок бровей. Такие сводят с ума. Алексей Максимович Горький был поражен красотой и талантом М.Ф. Андреевой. Он был женат, она – замужем за действительным статским советником А.А. Желябужским.

Недаром В.И. Ленин М.Ф. Андрееву называл «феномен».

В Московском Художественном театре 31 декабря 1903 года состоялся новогодний банкет. Фабрикант С.Т. Морозов у буфета беседовал с Сашей Тихоновым. А.Н. Тихонов впоследствии станет писателем Александром Серебровым и расскажет в своей книге «Время и люди» следующий эпизод: «Обнаженная до плеча женская рука в белой бальной перчатке тронула меня за рукав:

– Тихоньч, милый, спрячьте это пока у себя... Мне некуда положить.

Мария Федоровна, актриса театра, красивая, в открытом белом платье, протянула мне согнутые ветверою листы разноцветной бумаги. Это был подлинник недавно написанной Горьким поэмы «Человек».

После заключительных строк поэмы следовала адресованная Андреевой приписка о том, что у автора поэмы – крепкое сердце, из которого Андреева может сделать хорошие каблочки для своих туфелек.

Я взглянул на Андрееву. У нее было счастливое лицо.

Савва взял у меня рукопись и тоже прочитал последнюю страницу.

– Так... Так... Новогодний подарок! Влюбилась?

Он выхватил из кармана фрачных брюк тонкий золотой портсигар и стал закуривать папиросу, но не с того конца».

Сорокалетний Савва Тимофеевич не зря заволновался, охваченный ревностью, – вскоре Андреева стала «гражданской женой» Максима Горького (они были ровесниками и их многое сближало). Их сближение произошло на глазах высшего общества, и так как они были известными личностями, то произошел расклад в общественном мнении. М.Ф. Андреева о первой встрече с Горьким сообщает: «И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно екнуло сердце». Так начиналась любовь!

Но Савва Тимофеевич продолжал Андрееву боготворить.

Однажды мудрый Станиславский, все видевший и понимавший, написал Андреевой: «Отношения Саввы Тимофеевича к Вам исключительные. Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву».

Морозов был на стороне Андреевой, когда встал вопрос о выборе репертуара и

разные позиции заняли М.Ф. Андреева и О.Л. Книппер. Между Морозовым и Немировичем-Данченко обострились отношения, в театральном коллективе появились разные течения. Отношения настолько усугубились, что привели к уходу из театра М.Ф. Андреевой из-за отступления от завоеванных театром идейных позиций и ролей, которые ей предлагались.

В начале 1904 года Андреева ушла из театра, написав Станиславскому: «Я перестала уважать дело Художественного театра, я стала считать его обыкновенным, немного лучше поставленным театром, преимущество которого – почти гениальный, оригинальный режиссер».

К.С. Станиславский откровенно писал С.Т. Морозову: «... для Вашего охлаждения к театру есть только один мотив, который легко понять, – это то, что Мария Федоровна, которую Вы полюбили, считает себя... обиженной этим театром». Отход Морозова, Горького и Андреевой весьма тяжело отразился на театре.

Немирович-Данченко о С.Т. Морозове напишет: «Среди московских купеческих фамилий династия Морозовых была самая выдающаяся. Савва Тимофеевич был ее представителем, большой энергии и большой воли... Держал себя чрезвычайно независимо. Знал вкус и цену простоте, которая дороже роскоши... силу капитализма понимал в широком государственном масштабе... громадным, всепоглощающим увлечением его был Максим Горький».

У Саввы Тимофеевича Морозова было четверо детей: Тимофей, Мария, Елена и Савва. Вдова Морозова, Зинаида Григорьевна, стремилась всем детям дать хорошее образование. Зинаида Григорьевна возражала против увлечения мужа революционными идеями и осуждала его за финансовую поддержку большевиков...

Знала она и о привязанности мужа к актрисе М.Ф. Андреевой, на этой почве происходили в семье разлады, но она старалась сохранить семью, а детям – отца. Зинаида Григорьевна прошла с Саввой Тимофеевичем жизненный путь в девятнадцать лет.

По духовному завещанию вдова С.Т. Морозова получила основную часть наследства мужа: недвижимость, заводы и рудники на Урале, поместья в Московской и Владимирской губерниях, ценные бумаги.

Старшему сыну Тимофею Зинаида Григорьевна передала дом на Спиридоньевке и усадьбу в Покровском-Рубцове.

В 1907 году З.Г. Морозова вышла замуж за генерала А.А. Рейнбота, а в 1909 году купила у торговца Герасимова имение Горки на Пахре (в 1910–1914 годах особняк перестраивал архитектор Ф.О. Шехтель), в 1916 году она с Рейнботом разошлась.

В 1918 году З.Г. Морозова оставляет усадьбу Горки, объявленную национальным достоянием, и живет до 1924 года в Москве, а затем поселяется в селе Ильинском, где умирает в 1947 году.

Дворец С.Т. Морозова в Одинцове с 1918 года используется под больницу, а с 1925 года под дом отдыха ВЦСПС, с 1941 года и до окончания войны во дворце располагался военный госпиталь для летчиков. В послевоенные годы дворец использовался как дом отдыха ВЦСПС, позже пансионат «Востряково» ВЦСПС.

С.Т. Морозов, мечтая в юности стать моряком, преклонялся перед моряками и к 200-летию русского флота собрал в своем одинцовском дворце бюсты всех адмиралов русского флота, многие картины русских маринистов и модели знаменитых русских кораблей.

Однажды летом 1963 года моя знакомая Ю. Евдокимова, сотрудница института, сказала мне, что она едет к своей подруге Марине Андреевой (архитектору по специальности), внучке М.Ф. Андреевой, и пригласила сопровождать ее и познакомиться с подругой. За десять лет до этого, в декабре 1953 года, М.Ф. Андреева скончалась.

Марина Андреева жила в той самой квартире, в которой последние годы жизни

жила М.Ф. Андреева. Она приняла нас в гостиной, показала комнату М.Ф. Андреевой, ее библиотеку, рассказала нам о последних годах жизни бабушки – знаменитой Марии Федоровны Андреевой, которую боготворил Савва Тимофеевич Морозов.

На этой фотографии экскурсия у дворца Морозовых, время съемки – 1964 год. Экскурсовод у туристов – А.П. Прусаков (он в центре группы), являющийся также героем очерка этой книги. О нем читайте на страницах 133–139.

«МЕДИЦИНА – МОЯ ЗАКОННАЯ ЖЕНА, ЛИТЕРАТУРА – НЕЗАКОННАЯ»

Антон Павлович Чехов
(1860–1904)

Великий русский писатель Антон Павлович Чехов поселился в селе Мелихово Серпуховского уезда Московской губернии, недалеко от Лопасни (ныне город Чехов), в 1892 году и жил в своем имении по 1899 год. Все эти годы Чехов был связан как врач с домодедовской землей. «У меня в участке 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь», – писал врач А.П. Чехов. Еще три-четыре десятка лет тому назад были живы очевидцы, знавшие врача Чехова. Но время безжалостно и, как многое, исчезает безвозвратно.

Мелиховский период жизни врача и писателя А.П. Чехова включает дружбу его с великими и знаменитыми деятелями русской культуры: писателями, художниками, композиторами, архитекторами, артистами. Чехов и Чайковский. Чехов и Толстой. Чехов и Горький... Куприн, Бунин, Гиляровский, Шалапин, Репин, Левитан, Савва Морозов, Шехтель, Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, Короленко, Кони, Андреева – вот только небольшой круг человеческих взаимоотношений, дружбы, любви, преданности в самых высоких их проявлениях.

А.П. Чехов поддерживает дружеские отношения с земскими деятелями, с коллегами из Серпуховского санитарного совета, земскими врачами, владельцами фабрик (например, с С.Т. Толоконниковым – владельцем перчаточной фабрики). Но главное – с крестьянами.

Жизнь А.П. Чехова отображена в фотографиях (в разные периоды времени): прекрасное, одухотворенное лицо русского интеллигента, вышедшего из самых недр народа.

Владимиру Немировичу-Данченко Чехов запомнился таким: «Я увидел довольно красивого, положительно красивого молодого человека, с приятно вьющимися, забранными назад волосами, бородкой и усами, очевидно избегавшими парикмахера, державшегося скромно, но без излишней застенчивости, и, очевидно, склонного к невычурной чистоплотности и внешней порядочности, голос очень низкий, молодой бас, дикция настоящая русская, даже с каким-то оттенком чисто великорусского наречия, интонация гибкая, даже переливающаяся в легкий распев, однако без малейшей сентиментальности и, тем более, театральности».

Родовые корни А.П. Чехова на воронежской земле: крепостные крестьяне, дед Чехова, предприимчивый и энергичный крестьянин, откупился у помещика, а отец П.Е. Чехов в Таганроге становится приказчиком и затем торговцем. Юный Чехов вспоминал, как он отсиживал часы в бакалейной лавке отца.

Отец Чехова, человек религиозный, знаток церковного пения, регент хора Таганрогского Собора, аккуратно посещал богослужения и требовал это от своих сыновей. У А.П. Чехова было четыре брата: Александр, Николай, Иван, Михаил и одна сестра – Мария Павловна.

Антон Павлович родился 17 (29) января 1860 года в Таганроге, на берегу Азовского моря. Учился Антон Павлович сначала в местной школе, а затем в городской гимназии. Отец Чехова, когда Антоша учился еще в гимназии, уехал с семьей в Москву, и гимназисту Чехову пришлось самостоятельно около трех лет жить в Таганроге, зарабатывать средства на жизнь репетиторством.

Только в 1879 году Чехов приезжает в Москву и в 1880 году поступает на медицинский факультет Московского университета. К 1880 году относятся первые появившиеся в печати рассказы Чехова (начало периода литературной деятельности Антоши Чехонте).

В 1884 году Чехов окончил университет и получил диплом врача. Врачебная практика его началась в Чикинской земской больнице, а затем в Звенигородской больнице, выступает он и как частнопрактикующий врач.

За студенческие годы Чехов создает много рассказов и в год окончания университета издает первый сборник рассказов.

Осенью 1884 года Чехов обнаруживает первые признаки своей легочной болезни, как врач знает ее исход, но живет жизнью подвижника.

По совету Д.В. Григоровича Антон Павлович с 1886 года уделяет больше внимания литературному творчеству, уменьшая врачебную практику.

В 30-летнем возрасте Чехов предпринимает путешествие на остров Сахалин, изучает жизнь островитян.

Он делает все для облегчения жизни своих родных и близких, как врач принимает участие в борьбе с эпидемиями и занимается просветительской работой среди крестьян – уделяет внимание сельским школам.

Купив имение в Мелихове в 1892 году, Антон Павлович Чехов переезжает в усадьбу 5 марта. Мелиховский период жизни Чехова особо плодотворный, он приходится на лучшие годы его жизни, это период расцвета творчества писателя и одновременно активной работы врача и общественного деятеля.

О покупке имения в Мелихове А.П. Чехов писал Леонтьеву-Щеглову: «Имение, сударь, стоит 13 тысяч, а я уплатил только треть. Остальное составляет долг, который долго, долго будет держать меня на цепочке».

В Московской губернии после голода 1891 года началась эпидемия холеры. Серпуховская земская управа 6 июля 1892 года запросила А.П. Чехова о помощи и принятии участия в ликвидации эпидемии, на что Антон Павлович ответил согласием. Во главе Московской земской медицины стоял в то время известный врач Е.А. Осипов, который впервые создал врачебно-санитарную земскую организацию. В Серпуховском уезде, когда А.П. Чехов начал работать участковым врачом, насчитывалось 113 тысяч населения, проживающего в 377 селах и деревнях. В уезде было четыре медицинских участка. А.П. Чехов взял на себя обслуживание участка в 25 сел и деревень, расположенных в окрестностях Мелихова на Старокаширском тракте, две ситценабивные фабрики, сафьяно-лаичное производство, находящиеся в селах Крюково и Угрюмово, а также Вознесенский монастырь в Давыдовой пустынке.

Брат Чехова Михаил Павлович вспоминал позже, что Антон Павлович в тот год

(1892) не выходил из тарантаса, разъезжал по деревням и возвращался домой всегда так, что отпускал шуточки и всех смешил.

Амбулаторному приему больных Антон Павлович уделял все утра, а послеобеденное время находился в разъездах: холера была побеждена к осени 1892 года. 10 октября 1892 года Чехов написал А.С. Суворину: «Летом трудненько жилось, но теперь мне кажется, что ни одно лето я не проводил так хорошо, как это...»

И.Е. Репин в январе 1893 года писал о Чехове Татьяне Львовне Толстой: «Какой молодец! Он при писательстве и медицину не оставляет – земский врач с большой практикой на большое расстояние – и очень доволен этой деятельностью».

Весной 1893 года проходил съезд врачей, посвященный предупреждению повторной вспышки эпидемии холеры. В.А. Павловская докладывала съезду, что «врач А.П. Чехов, живущий в своем имении в селе Мелихово Бавыкинской волости» взял на себя труд вести прием больных на фабрике на Мелиховском врачебном пункте. Мелиховский медицинский пункт был главный врачебно-наблюдательный пункт в Серпуховском уезде Московской губернии.

Многие села и деревни Серпуховского уезда, которые были в Мелиховском медицинском участке, обслуживаемом А.П. Чеховым, находились на Старокаширском тракте (от Лопасни до Хатуни). В медицинский участок входили села и деревни: Курниково, Васькино, Окшино, Лешино, Сокольниково, Угрюмово, Бортнево, Новоселки, Щеглятьево, Лютерецкая, Крюково, Бавыкино, Малицы, Старый Спас, Баранцево, Попово, Горки-Выселки, Талез, Чирково, Плешкино, Мелихово, Боршево, Коченягино, Максимиха, Чудино, находившиеся в трех волостях Серпуховского уезда. Из них в настоящее время в Домодедовском районе находятся села и деревни: Щеглятьево, Сокольниково, Максимиха, Угрюмово, Коченягино и Бортнево.

За лето 1893 года А.П. Чехов принял более тысячи больных. Нагрузка в 1892–1893 годах по приему больных сказалась на здоровье самого Антона Павловича. Обострилась болезнь, о чем он сообщает А.С. Суворину 16 февраля 1894 года. А 2 марта 1894 года Чехов уезжает в Крым, где прожил до 5 апреля.

Летом 1893 года Антон Павлович пишет книгу «Остров Сахалин» и рассказы.

В первые годы своего пребывания в Мелихове Чехов налаживает дружеские отношения со многими врачами, учителями и общественными деятелями Серпуховского уезда. В письме к Л.С. Мизиной 16 июля 1892 года Чехов сообщает из Мелихова: «Есть интересные молодые люди. Например, мой сосед кн. Шаховской, 27 лет. Он сидит у меня по целым дням». А 9 мая 1894 года Чехов сообщает А.С. Суворину: «В 17 верстах от меня есть село Покровское-Мещерское; тут в старой барской усадьбе теперь губернское земское психиатрическое заведение, директор доктор Яковенко».

Московский губернский учительский совет по представлению Земского собрания Серпуховского уезда 19 ноября 1894 года утверждает Чехова в звании попечителя Талезской сельской школы, находившейся в 5 верстах от Мелихова. А в 1896 году Чехов вкладывает свои средства в строительство новой школы в Талезе. Школа строится с квартирой для учителя. В январе 1899 года к Чехову явилась депутация крестьян с просьбой помочь построить в Новоселках школу. Чехов в письме А.С. Суворину сообщает, что «у меня не хватило мужества отказать. На строительство школы земство дало тысячу рублей, крестьяне собрали 300 рублей, а школа обойдется в три тысячи рублей».

Последнюю школу за время пребывания в Серпуховском уезде Чехов строит в Мелихове в 1899 году перед переездом в Ялту.

На все построенные школы А.П. Чехов потратил около 10 тысяч рублей. После постройки школы в Новоселках Чехову был преподнесен образ с надписью: «От благодарных крестьян села Новоселки и деревень Лютерецкой, Курниковой и Кузьми-

ной». В дневнике за 1897 года А.П. Чехов записал: «13 июля было освящение школы в Новоселках, которую я строил».

В мелиховский период жизни А.П. Чехов два раза, в 1894 и в 1897 годах, избирался гласным Земского собрания. В качестве инспектора А.П. Чехов участвует в приеме экзаменов в селе Михайловское. А 1 августа 1898 года Антон Павлович приезжает в село Кузьминское на юбилей врача Невского, в Кузьминскую земскую больницу. В январе 1897 года А.П. Чехов принимает активное участие в переписи населения в Серпуховском уезде Московской губернии.

С сентября 1897 года по май 1898 года А.П. Чехов живет вначале в Биаррице, а затем в Ницце – восемь месяцев за границей – поправляет свое слабое здоровье. В Ницце Чехов встречается с писателями И.Н. Потапенко и Вас. И. Немировичем-Данченко, художником В.И. Якоби, артистом А.И. Сумбатовым (Южиным) и юристом и социологом М.М. Ковалевским, автором многотомного труда «Происхождение современной демократии».

Из Ниццы 25 октября 1897 года Чехов пишет Суворину: «Опять дышит на ладан журнал «Хирургия», и опять я должен спасти его... Посоветуйте: как выхлопотать субсидию в 3-4 тысячи в год... Я неделю простоял бы перед домом Витте босиком...»

В Мелихово Чехов возвращается из Ниццы 5 мая 1898 года и опять включается в работу, участвует в заседании санитарного и училищного советов в Серпухове, наблюдает за народными училищами, экзаменует школьников в сельских школах, приезжает в село Михайловское.

Здоровье А.П. Чехова с каждым годом все больше угасало. Зимой 1898–1899 годов он проводит в Ялте. Из Ялты Антон Павлович намеревается возвратиться в Мелихово, но в это время умирает его отец Павел Егорович.

Весной 1899 года Чехов возвращается в Москву и сразу едет в Мелихово. Спешит, заканчивает постройку Мелиховской школы и уезжает в Петербург, возвращается опять в Мелихово. Его тянет в Москву, на сцене Художественного театра с огромным успехом идет его «Чайка». В Москве Чехов на год снимает квартиру. В это время он принимает решение – продать дом в Мелихове, так как строится дача в Ялте.

В августе 1899 года дом в Мелихове был продан. Семилетний мелиховский период Чехова закончился. Чехов окончательно и навсегда поселяется в Ялте. Мать и сестра Чехова переезжают в Ялту 8 сентября 1899 года и поселяются в построенном флигеле.

В Мелихове на материале окрестных сел и деревень, из жизни крестьян и местной интеллигенции А.П. Чеховым были написаны повести и рассказы: «Палата №6», «Мужики», «Рассказ неизвестного человека», «Черный монах», «Бабы царство», «Скрипка Ротшильда», «Ионыч», «Случай из практики», «Крыжовник», «Дом с мезонином», «Ариадна», «В овраге», «Человек в футляре» и пьеса «Чайка» (1896).

В мелиховский период А.П. Чехов большое внимание уделяет народным библиотекам. Он организует посылку книг на Сахалин, в свой родной город Таганрог. На некоторых книгах А.П. Чехов ставит свой автограф. Из Ниццы в марте 1898 года Чехов отправляет в Таганрог книги французских писателей в количестве 319 томов, приобретенные им во Франции. За 1900–1904 годы Чехов отправляет в Таганрог 14 партий книг. На книги Антон Павлович расходует по тому времени большие деньги. Но он бескорыстно помогает библиотеке своего родного города.

В письме к сестре М.П. Чеховой в марте 1898 года Антон Павлович писал: «Денег у меня нет, но соблазн велик: я не удержался и послал в Таганрогскую городскую библиотеку всех французских классических писателей. Это стоило недешево».

Из Мелихова чаще всего Антон Павлович Чехов писал издателю А.С. Суворину. 24 августа 1893 года 33-летний Чехов сообщает Суворину: «Сегодня к ночи у меня

было жестокое сердцебиение, но я не струсил... потому что все эти ощущения вроде толчков, стуков, замираний и прочее ужасно обманчивы». Как врач Чехов знал, что «...враг, убивающий тело, обыкновенно подкрадывается незаметно, в маске, когда Вы, например, больны чахоткой и Вам кажется, что это не чахотка, а пустяки... Значит, страшно то, чего Вы не боитесь; то же, что внушает Вам опасения, не страшно... Все исцеляющая природа, убивая нас, в то же время искусно обманывает, как нянька ребенка, когда уносит его из гостиной спать. Я знаю, что умру от болезни, которой не буду бояться».

Пророчески в 1894 году А.П. Чехов пишет тому же А.С. Суворину: «...какая-то сила, точно предчувствие, торопит, чтобы я спешил».

А Лике Мизиной с грустью признается: «Очевидно, и здоровье я прозевал так же, как и Вас».

С.П. Залыгин в 1969 году о А.П. Чехове написал очерк «Мой поэт», в котором поясняет: «Чехов умел быть около. Около болезни, веселья, счастья, бездны, вершины, около смерти... И никогда, почти никогда не знал здоровья. Он потерял его мальчишкой, выкупавшись в ледяном пруду. И должен был умереть. Но остался жить. Не надолго...»

Потому Антон Павлович спешил жить. Спешил писать очерки и рассказы, повести и пьесы. Спешил увидеть остров Сахалин (зная о своей болезни – и здоровью было не под силу проехать на перекладных через всю Россию: в холод, в слякоть, впроголодь). Быть больным всю жизнь – такова судьба Чехова. Провидением было отмерено ему прожить сорок четыре года! Но каких!

А.П. Чехов писал: «Профессия врача, медицина, как и литература, – подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов, не всякий способен на это...» Но признается: «Медицина – моя законная жена, литература – незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключить друг друга».

Антон Павлович с самых юных лет следил за путешествиями Николая Михайловича Пржевальского. Возможно, его путешествие на Сахалин было вызвано данью памяти великому путешественнику (Пржевальский умирает 1 ноября 1888 года). А Чехов уезжает на Сахалин в апреле 1890 года, то есть через полтора года после кончины Н.М. Пржевальского.

О Пржевальском Чехов написал: «...Подвижники нужны, как солнце... Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что... есть еще люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвига, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка... Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятен весь ужас его смерти вдали от родины... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? Почему? Какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав!»

Чехов написал эти строки еще до поездки на Сахалин, и они явились как бы его моральной подготовкой к опасностям и лишениям.

«В места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку», – писал А.П. Чехов А.С. Суворину, который высказал сомнение относительно этой поездки Чехова.

Припомним, что Антон Павлович выехал на Сахалин в середине апреля 1890 года, в это время начинается половодье и дороги становятся непроходимыми. Чехов находился в дороге 81 день. Путешествие было трудное, рискованное и опасное. Не поез-

дом проехать (Транссибирской железнодорожной магистрали еще не было), а в открытой повозке с переправами через бурные в половодье реки, то под холодным дождем, то под жарким солнцем – через всю Россию, через горы и тайгу. На Сахалине Антон Павлович пробыл «3 месяца и 2 дня» среди политкаторжан, проехав весь остров с севера на юг, побывав во всех поселках, узнав жизнь многих ссыльных, и провел перепись населения Сахалина, что составило 10 тысяч статистических карт. И это один Чехов!

В результате поездки на Сахалин явилась книга «Остров Сахалин. Из путевых заметок», вышедшая из печати в 1893 году. В ней Чехов показал суровую, тяжелую жизнь ссыльных поселенцев и каторжан на острове, привлек внимание общественности к их проблемам.

А.П. Чехов был удивительно скромным человеком. «Высочайшим указом» Чехов был произведен в «потомственные дворяне», а также ему был пожалован орден Святого Станислава 3-й степени. Однако в душе писателя царская милость не встретила резонанса, и он не сообщил об этих фактах даже своим родным и близким. А избрание А.П. Чехова в почетные академики в 1900 году вылилось потом в отказ и протест против изгнания в 1902 году из академии А.М. Горького.

А.П. Чехов был чувствителен к людским болям, переживал за каждого человека, помогал многим чем мог и как мог. Об этом говорит и все его творчество.

25 мая 1901 года из Москвы Антон Павлович пишет матери Е.Я. Чеховой: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс. Адрес: Аксеново, Самаро-Златоустовский. Здоровье лучше. Антон».

Чехов встречается с Ольгой Леонардовной Книппер впервые 9 (21) сентября 1898 года на репетиции «Чайки». О.Л. Книппер окончила в том году драматическую школу и поступила в театр.

О.Л. Книппер-Чехова вспоминала: «В половине мая 1901 года Антон Павлович приехал в Москву. 25 мая мы повенчались и уехали по Волге, Каме, Белой до Уфы, оттуда Чехов по железной дороге едет в Андреевский санаторий около станции Аксеново. По дороге навестили в Нижнем Новгороде А.М. Горького...»

Три года супружеской жизни... Только три года.

О.Л. Книппер-Чехова писала: «А.П. Чехов последних шести лет – таким я знала его: Чехов, слабеющий физически и крепнущий духовно... Впечатление этих шести лет – какого-то беспокойства, метания – точно чайка над океаном, не знающая, куда присесть: смерть его отца, продажа Мелихова, продажа своих произведений А.Ф. Марксу, покупка земли под Ялтой, устройство дома и сада и в то же время сильное тяготение к Москве, к новому своему театральному делу, метание между Москвой и Ялтой, которая казалась уже тюрьмой; женьитба, поиски клочка земли недалеко от трогательно любимой Москвы и уже почти осуществление мечты – ему разрешено было врачами провести зиму в средней России; мечты о поездке по северным рекам, в Соловки, в Швецию, в Норвегию, в Швейцарию и мечта последняя и самая сильная, уже в Шварцвальде в Баденвейлере, перед смертью – ехать в Россию через Италию, манящую его своими красками, соком жизни, главное – музыкой и цветами, – все эти метания, все мечты были кончены 2 (15) июля 1904 года его словами «Я умираю».

И все-таки, по словам Ольги Леонардовны: «Точно судьба решила побаловать его и дала ему в последний год жизни все те радости, которыми он дорожил: и Москву, и зиму, и постановку «Вишневого сада», и людей, которых он так любил...»

На Новодевичьем кладбище, где похоронен А.П. Чехов, мы с другом посетили могилу писателя накануне его столетия со дня рождения.

Была тихая осень, пожелтевшие листья покрывали землю. День угасал, вечерело. Мы постояли у скромного надгробия писателя молча и, уже выйдя из ворот кладби-

ща, обменялись впечатлениями. Вспомнилось еще школьное: «Чехов – инженер человеческих душ». А кто так сказал, вспомнить не смогли. Да это было и неважно. А потом ехали в автобусе по улице Чехова (тогда ходил автобус маршрута №87).

Вспомнили Художественный театр с эмблемой «Чайка» (чеховская чайка на занавесе театра – как символ театра). От артистов МХАТа 50-х годов переключились на театральные деятели и артисты чеховских времен: К.С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, И.М. Москвин, В.И. Качалов, М.Ф. Андреева, О.Л. Книппер, О.П. Алексеева, М.Л. Роксанова, Е.М. Раевская, М.П. Лилина и другие.

С 1886 года по 1890 год Чехов жил в Москве, на Садово-Кудринской улице, в двухэтажном доме, где на двери квартиры осталась табличка: «Доктор Чехов».

Но главное чеховское – это Мелихово. Здесь, в Мелихове, он жил, лечил крестьян из окрестных сел и деревень и писал, писал много, даже по ночам. Очевидцы рассказывали о том, как часто у Чехова горел свет за полночь.

Читайте Чехова – у него много рассказано про домодедовскую землю.

СИРЕНЕВЫЙ ПАЛИСАДНИК В КОЛЫЧЕВЕ

Николай Васильевич Мещерин
(1864–1916)

Известный русский художник Николай Васильевич Мещерин родился 16 февраля 1864 года в Москве в богатой купеческой семье. Достаточно сказать о том, что Мещериным принадлежала основанная в 1864 году (в год рождения художника) «Даниловская мануфактура Мещерина и К^о», позже получившая название хлопчатобумажной фабрики, а с 1925 г. – «Фабрика имени М.В. Фрунзе».

Отец Н.В. Мещерина, Василий Ефремович Мещерин (1833–1880), в молодые годы коробейник из Боровска, в конце жизни случайно разбогател и стал известным фабрикантом, выпускавшим в России лучшие ситцы. Н.В. Мещерин и два его младших брата (у них была еще родная сестра) по воле отца должны были учиться в Московской практической академии коммерческих наук.

В 1880 г., когда Н.В. Мещерину исполнилось 16 лет, отец скоропостижно скончался, и он, как старший сын, принял на себя управление всеми его делами, не закончив полностью курс академии. Глава семьи Мещериных Мария Яковлевна, вдова основателя Даниловской мануфактуры, принимала непосредственное участие в управлении мануфактурой вместе со своими сыновьями.

Старший сын Николай по заведенному купечеством обычаю был главным хозяином мануфактуры и имения в Дугино (ныне Мещерино). Но практически впоследствии всеми делами мануфактуры, домами и имениями занимался второй сын, Михаил Васильевич Мещерин.

Николай Васильевич Мещерин был женат, но бездетен. Его жена – Лидия Ивановна Горячева-Мещерина, оставшись вдовой, была наследницей всего собрания картин мужа. У М.В. Мещерина были две дочери и сын. В 1913 г. И.Э. Грабарь, будущий академик, стал родственником Н.В. Мещерина, женившись на его племяннице Валентине Михайловне Мещериной.

Несмотря на занятость в первые годы после кончины отца, Н.В. Мещерин отдаст благоустройству подмосковной усадьбы в Дугино много времени. Усадьба Дугино расположена в живописной местности на реке Пахре, в дореволюционные годы адми-

нистративно находилась в Подольском уезде. В имении Дугино Н.В. Мещерин провел большую часть жизни, а последние 12 лет почти безвыездно. В советские годы Дугино известно как Мещерино Подольского уезда, а с 1929 года – Подольского района. В довоенные годы в Подольском районе был организован совхоз «Мещерино». Позже Мещерино известно как курортный комплекс-санаторий «Мещерино», а ныне территориально входит в зону Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские». Мещерино находится в непосредственной близости к поселку Чурилково, входящему в Колычевский сельский округ Домодедовского района. Ныне Чурилково – совхозный центр.

В Дугине Н.В. Мещерин в конце XIX века увлекается художественной фотографией, а затем занимается живописью.

Сохранились известные его фотографии: «Дорога в Дугино» (1900 г.), «Сиреневый палисадник в Колычево» (1900 г.), «Усадебный дом в Дугино» (1900 г.), «Колодец в деревне Чурилково» (1900 г.). «Улица в Чурилкове» (1905 г.).

В начале 90-х годов XIX в. Н.В. Мещерин приступает к занятиям живописью.

Проработавший с Н.В. Мещериным в одной мастерской И.Э. Грабарь называл учителями Николая Васильевича И.И. Левитана, А.М. Корина, М.Х. Аладжалова и В.В. Переплетчикова. Последний был товарищем Мещерина по Практической академии.

В усадьбе Дугино у Н.В. Мещерина бывали и подолгу жили художники И.И. Левитан, А.С. Степанов, С.В. Малютин, В.В. Переплетчиков, И.Э. Грабарь.

По словам И.Э. Грабаря, в Дугине у Н.В. Мещерина перебивали «все московские художники», а сам Грабарь прожил в Дугине более 12 лет.

В Дозорных книгах 122 и 141 Патриаршего приказа приводятся сведения о деревнях, которые находились в приходе церкви Воскресения Христова села Колычево в конце XVII века (1687 г.): Шестово, Семивраги, Чурилково. Новлянское, Котляково, Вяльково, Воеводино, Камкино, Киселиха, Куприяниха, Елгозино, Шишкино, Жеребятьево, Красино, Немчиново, Витовтово, Лукино и дворцовое село Пахрино.

В приходе Воскресенской церкви не значатся деревни Дугино, Старо-Сьяново, Ново-Сьяново и другие, расположенные по берегам реки Пахры. О месте, где расположено Мещерино, бывшее Дугино, в писцовых книгах 1631–1632 гг. сказано: «Пустошь, что был погост на враге Дугинском». А в писцовой книге за 1680 г. сказано: «...священник церкви Петра и Павла в приселке Петровском сказал, что «та де церковь в Пахрянской десятине Островского стана... а пустошь, что был погост на враге Дугинском, не владеет, а кто им владеет, не знает». Любопытный факт приводит в своей книге И.Э. Грабарь: когда, будучи в Дугине, отправился в поисках снега в конце марта, то «нашел очаровательный овраг, поросший дубками, с сохранившейся на них с осени высохшей желто-розовой листвой. В овраге уцелели еще остатки снежных сугробов, и на дне его, среди снега, журчал ручей...». Там И.Э. Грабарь написал эту «Вешний поток», который нравился Н.В. Мещерину.

Не есть ли этот овраг тот самый «Дугинский овраг», упоминаемый в писцовых книгах?

Н.В. Мещерин много работает в своей мастерской в имении Дугино и в ближайших деревнях. Здесь созданы замечательные художественные полотна пейзажей окрестных мест: Колычево, Чурилково, Лукино, раздолья реки Пахры.

Его творчество падает в основном на первые полтора десятилетия XX века, и это особенно впечатляет – ушедшее время зафиксировано в картинах, представленных на выставке в Государственном историческом заповеднике «Горки Ленинские», открытой 8 апреля 1994 г., и в созданном «Каталоге выставки»: «Николай Васильевич Мещерин. Живопись».

Запоминаются ранние картины художника: «Рассвет. Этюд» (1898 г.) с видом на село Колычево; «Излучина реки» (1896 г.); «Возле гумна» (1898 г.); «Лунная ночь. Село» (1899 г.); «Цветущая вишня» (1899 г.); «Сирень» (1900 г.) – картина из первого собрания Н.А. Смирновой из с. Колычево Домодедовского района; «Дугино. Дорога к станции» (1900 г.); «Лето. Вид от Крестовоздвиженского Лукина монастыря в сторону усадьбы Дугино» (1901 г.); «Заря над рекой. Погост» (1901 г.); «У перевоза» (1901 г.); «На реке» (1901 г.); «Закат. Вид от деревни Чурилково на усадьбу Дугино и Мещерский лес» (1902 г.); «Зимнее утро. Вид на село Колычево» (1902 г.); «Весна» (1903 г.) и др.

В начале XX века художником написаны картины, которые вызывают шемящее чувство и к которым эпиграфом можно поставить строфу Ф.И. Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Это и «Дорожка во ржи» (1903 г.); «Тропинка во ржи» (1903 г.); «В сумерках» (1903 г.); «Жмурый» день» (1903 г.) и другие.

В этих картинах, да и в других присутствует серо-сине-зеленый цвет. Нет ярких красок у художника и в более поздних картинах: в «Рассвете» (1916 г.) и в «Восходе солнца» (1916 г.).

Простор в долине реки Пахры и белая церковь Воскресения Христова в селе Колычево запечатлены на многих полотнах художника: «Поля. Село Колычево», «Ржаные поля. Вид от ворот усадьбы Дугино в сторону села Колычево» (1906 г.); «Морозный день. Вид на село Колычево» (1904 г.) и других.

В последние годы жизни И.В. Мещерин пишет прекрасные картины: «Под солнцем. Вечер апреля» (1910 г.), на которой изображен крестьянин с лошадкой на пашне; «В окрестностях Дугина» (1912 г.); «Весна. Деревня Шестово» (1914 г.); «После дождя» (1913 г.).

Прекрасные пейзажи в последних картинах художника. Эти неприметные штрихи радости жизни показаны в картинах «Порошит снежок» (1916 г.), «Весенний день на Пахре» (3.IV.1916 г.).

В картине «Июньское утро» (1915 г.) показано пробуждение жизни, которую можно выразить стихотворной строкой:

Белеет церковь вдалеке
Через клубистые туманы...
Плывут туманы по реке,
По дебрям скачут атаманы.

По словам В.В. Переплетчикова, Николай Васильевич писал очень много этюдов восхода солнца для задуманной большой картины. Однако большого полотна не получилось – помешала ранняя смерть.

По этюдам и картинам можно судить, как рано вставал Н.В. Мещерин – еще до восхода солнца, чтобы запечатлеть рождение зари, рождение утра. С полным правом Н.В. Мещерина можно назвать художником утренней зари – зари не яркой, не броской, но той – затуманенной, росистой и прохладной.

Н.В. Мещерин скончался 9 октября 1916 года в своем имении в Дугине и погребен в близлежащем Крестовоздвиженском Лукинском монастыре.

Подводя итоги творчества Н.В. Мещерина. И.Э. Грабарь писал: «Его искусство было как две капли воды похоже на его жизнь – такое же сдержанное, как его речь, такое же тихое, как его голос, – ничего порывистого, резкого, рискованного, никаких диссонансов и ни малейшего желания во что бы то ни стало выделиться... он беззавет-

но любил русскую природу и знал ее так, как знали немногие...»

Примечательны многие высказывания И.Э. Грабаря о дугинских и прилегающих к имени мест.

В 1904 г. он писал в письме брату: «Сижу, как видишь, в деревне. Тут отлично... в 75 сажнях отсюда на берегу реки Пахры дивная усадьба (Екатерининская), которая, очевидно, будет изображена... У Мещерина, у которого я гошу, написал свой последний этюд Левитан, бывший здесь несколько раз. Я тут совершенно один, иногда наезжает из Москвы хозяин».

А в 1906 г. И.Э. Грабарь в письме сообщил: «Гошу я у одного приятеля, художника Мещерина, в имени. У него великолепная мастерская, живет здесь сам с женой, а летом его братья, дети, родственники, словом, человек 20 за столом – это норма, а бывает и 40...»

В воспоминаниях «Моя жизнь. Автобиография» (1937 г.) И.Э. Грабарь писал: «Проезжая от станции в Дугино рекою, я часто восхищался зрелищем снежных сугробов на высоком правом берегу Пахры, освещенных последними косыми лучами солнца... на горе вытанулась в линию бедная деревня Камкино, сплошь состоявшая из старых изб...»

А говоря о кучерах Дугина, И.Э. Грабарь пишет: «Их обязанность заключалась в том, чтобы ездить «на этюды» в соседние Чурилково, или Шестово, или Колычево, Лукино, Куприяниху и Немчиниху».

Вот что записал И.Э. Грабарь, когда впервые оказался в Дугине: «Имение оказалось верстах в восьми от платформы Герасимово Рязано-Уральской железной дороги... Дугино было расположено на левом берегу реки Пахры, на высоком холме, с которого открывался вид кругом на десятиверстное пространство. «Вот она, типичная подмосковная природа», – думал я, сидя в санях и проезжая то лесом, то холмами и полями, то перелесками. Куда ни взглянешь, все красиво, все хотелось писать, все было лучше, чем в Наре, чем в Титове».

Известный журналист – автор статей о художественной жизни в России в начале XX века Н.В. Некрасов в 1916 году написал: «Н.В. Мещерин был вполне образованным человеком, человеком внешней культуры, и это, несомненно, дало ему возможность глубже, тоньше понимать и изображать в своих полотнах ту русскую природу, которую он любил любовью нежного и преданного сына».

Наследство художника Н.В. Мещерина, перешедшее после его кончины к его жене, позднее было распродано ею и находится теперь в частных коллекциях (в собраниях А.Э. Маршака, А.Я. Ляпунова, Н.А. Гатмана и других). Любопытный факт: Н.В. Мещерин в селе Колычево писал картину, на которой изображен палисадник перед домом (картина «Сирень», 1900 г.), в котором жила учительница из местной приходской школы Н.А. Смирнова, близкий друг семьи Мещериных. Законченное полотно было подарено потом Н.А. Смирновой, и эта картина находилась в доме Н.А. Смирновой в Колычево более шестидесяти лет (позже оказалась в собрании П.С. Новикова).

В апрельские дни 1994 г. проходила вторая персональная выставка художника Н.В. Мещерина в Государственном музее «Горки Ленинские».

Каждый, кто прикоснулся к творчеству замечательного русского художника Николая Васильевича Мещерина, прикоснется к живописной природе домодедовской земли ушедшего времени. Имя его достойно носит его бывшее имение Дугино.

СТРОИТЕЛЬНИЦА СЕРАФИМО- ЗНАМЕНСКОГО СКИТА

Схиигумения Фамарь
+ 1936

На домодедовской земле Божьим промыслом игумения Ювеналия (в миру Тамара Александровна Марджанова) в 1910–1912 годах основала Серафимо-Знаменский скит. Место для постройки скита было выбрано в Самойловском лесу, в двух километрах от деревни Заборье и в полукилометре от села Битягово, на горке в правобережье реки Рожайки среди древних славянских курганов. Старая дорога, проложенная от деревни Заборье на село Битягово, разветвлялась у большой четырехсотлетней сосны: одна (левая) вела к Воскресенскому храму села Битягово, а другая (правая) – к битяговской мельнице. Между этими дорогами вблизи реки Рожайки и был построен скит. В древности здесь находилось славянское поселение. К югу от скита у битяговской дороги к началу строительства был небольшой хуторок, расположенный на поляне. Место это в литературе именуется хутор.

При строительстве ансамбля на хуторке были построены хозяйственные и скотные дворы и домик, в котором жили монахини- послушницы на работах по содержанию скота.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ВИД И УБРАНСТВО СЕРАФИМО-ЗНАМЕНСКОГО СКИТА

Скит (монастырь) был построен в честь иконы Божией Матери «Знамение» и в память преподобного Серафима Саровского. По замыслу устроителей он был возведен с использованием символических чисел: 3, 12, 24, 33.

Серафимо-Знаменский скит, по описанию епископа Арсения, был обнесен оградой на протяжении тридцати трех сажень в квадрате в память тридцати трех лет земной жизни Господа. В центре скита построен храм пирамидальной формы в стиле XVII века в честь иконы Божией Матери «Знамение» и преподобного Серафима с усыпальницей и престолом в нижней части храма в честь равноапостольной Нины.

С наружной стороны храм имеет двадцать четыре уступа по числу двадцати четырех апокалипсических старцев и венчается одной главой, знаменующей Господа Иисуса

Христа. В храме имелись дубовый иконостас, чаши с прибором деревянные – карельской березы; хоругви, аналой, киоты – все в одном стиле. С правой и левой стороны – храмовые иконы Знамения Божией Матери и преподобного Серафима чудной поне-таевской работы.

В ограде построены по числу двенадцати апостолов двенадцать небольших кирпичных домиков, из которых каждый находился под покровительством одного из двенадцати апостолов, домики соответственно назывались их именами и имели на наружной стене, составляющей часть ограды, изображение своего покровителя. День прославления Церковью апостола являлся как бы храмовым праздником домика, насельникам коего вменялось всегда ему молиться и подражать его подвигам. Один домик служил общей трапезной и кухней.

В скиту могли жить только тридцать три сестры – соответственно числу лет земной жизни Господа, а в каждом домике – три сестры.

В передней части скита посередине стоял большого размера образ Спасителя с неугасимой лампадой. Над святыми воротами помещалась звонница с прекрасным подбором небольших колоколов, звон производился по древнеростовскому мотиву.

По углам ограды были устроены четыре башни, на которых были укреплены вылепленные из гипса архангелы с трубами, как бы готовые возвестить Пришествие Христова.

Помимо святых ворот в скиту имелись добавочные: с правой стороны для хозяйственных надобностей, а с левой – небольшая «лесная калитка», которая открывалась прямо в рошу (дорожка от нее вела на мельничную дорогу). Отсюда была проложена ровная дорожка к кургану, около которого было поставлено выполненное на цинке изображение преподобного Серафима, идущего с топором и котомочкой за плечами. При открытой калитке создавалось впечатление, что преподобный Серафим идет в скит. Это было излюбленное место матушки и сестер скита.

Внутри ограды иных построек не было. Хозяйственные постройки были с южной стороны скита.

Строительство Серафимо-Знаменского скита началось с завоза строительных материалов в феврале 1909 года. В начале мая 1909 года игуменья Ювеналия вместе с казначеей и архитектором поехала на хутор, чтобы окончательно выбрать место и благословить начало работ. Обмерили нужное пространство и начали рыть канавы для фундамента, а саму закладку предположили совершить 20 мая. Однако Управление Рязанско-Уральской дороги считало намеченный участок в семь десятин своим...

По воспоминаниям епископа Арсения, «вслед за этим на второй день приехала с хутора мать казначея и сообщила, что там уже побывала комиссия, все осмотрела и потребовала прекращения работ, указав на состоявшееся ранее соглашение».

Игуменья Ювеналия со смущенной душой снова отправилась к отцу Алексию и Зосимову пустынь и рассказала ему обо всем. Старец выслушал и спокойно сказал: «Ну что ж? Нельзя нам на том месте – созидайте на другом, ведь лес-то велик, а устраивать непременно нужно. Пусть твои сестры обойдут всю рошу и наметят несколько подходящих пунктов, потом ты сама поедешь и любой из них выберешь. А если угодно будет Преподобному, то отбираемое место вернется», – пророчески добавил затворник.

Матушка Ювеналия поехала за благословением относительно устройства скита к оптинским старцам. Все старцы, как бы сговорившись, отвергали второе и советовали начать первое: «Ибо сама Царица Небесная хочет этого». Оптинский старец иеросхимонах Анатолий (Потапов) одарил посетительницу многими священными предметами и вручил на память картину «Тайная вечеря». Прозорливец с миром отпустил ее домой.

«Вернувшись в Москву, – читаем мы в воспоминаниях епископа Арсения, – наша матушка решила подчиниться общему голосу духовных отцов и через несколько дней послала на хутор казначею, с тем чтобы она вместе с другими сестрами по совету отца Алексия обошла весь лес и наметила несколько мест, подходящих для постройки скита. Поручение немедленно же было исполнено, а вскоре сама матушка поехала на хутор для осмотра. Собралась как бы целая комиссия из близких ей лиц. В числе которых был строгий духовник со Старого Афона отец Иисей. Все остановили свой выбор на сосновом лесу близ деревни Редькино. Сотворив молитву, названный старец зарыл здесь в землю, как основу, Иерусалимский крест».

Но матушка Ювеналия на этом не успокоилась. Она едет к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры отцу Товию. Отец Товий, приняв матушку, сказал ей: «Ну, матушка, помолимся, я буду Вас благословлять: Вы должны сами устраивать скит – это воля Царицы Небесной. Если одно место не нравится, ищите другое, по духу, но отнюдь не отказывайтесь: устраивать должно». Матушка, вернувшись от отца Тovia, тут же написала в Управление Рязанско-Уральской железной дороги вескую бумагу. А вскоре была получена следующая телеграмма, в которой Управление отказывалось от «эксплуатации песка близ станции Востряково на участке, принадлежавшем Покровской общине».

Игуменья Ювеналия вместе с архитектором через день направилась на хутор, где выяснилась ошибка: при первичной закладке фундамента церковь была бы ориентирована не на восток, а на северо-восток. Фундамент был переделан и 27 июля 1910 года окончен.

Закладка Серафимо-Знаменского скита состоялась в три часа пополудни 27 июля, а празднество в связи с этим было положено отмечать 28 июля (10 августа по новому стилю) – в день Серафимо-Дивеевской иконы Божией Матери «Умиление», находившейся в келии преподобного Серафима, и в день, когда творится память его мирского ангела апостола Прохора. Закладка скита совершилась, таким образом, в знаменательный день.

Строился скит с июля 1910 по сентябрь 1912 года. Епископ Арсений сообщает: «Все планы внешнего и внутреннего его распорядка матушка поверяла одному своему высокому духовному другу (вероятно, преподобномученице Елизавете Феодоровне)».

На торжество закладки Серафимо-Знаменского скита из Москвы прибыл настоятель Знаменского монастыря архимандрит Модест, который совершил молебствие с водоосвящением. Первый камень в основание скита положила игуменья Ювеналия. Новосозданную обитель освятил митрополит Владимир 23 сентября (6 октября н. ст.) 1912 года.

Комиссия по охране памятников искусства, посетившая скит после его постройки, была поражена высокой идеей, вложенной в него, и выдала настоятельнице особую грамоту, в которой значилось: «Серафимо-Знаменский скит по своему индивидуальному, самобытному внутреннему и внешнему устройству заслуживает особого внимания и подлежит сохранению как редкий церковный памятник».

Действовал Серафимо-Знаменский скит (не символично ли?) двенадцать лет, с 1912 по 1924 год. Это были годы первой мировой и гражданской войн и годы гонений на Православную Церковь.

ПОДВИЖНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СХИИГУМЕНИИ ФАМАРИ

Тамара Александровна Марджанова рано лишилась родителей – сначала отца, а потом, когда ей было девятнадцать лет, и матери. Оставшись вместе с младшей сестрой в своем родовом имении. Тамара Александровна, обладая прекрасным голосом и музыкальными способностями, готовилась поступить в Петербургскую консерватор-

рию. Но «человек предполагает, а Бог располагает». Ее жизненный путь был направлен по другой стезе. Родная тетка, долго не выдав своих племянниц, пригласила их к себе – посмотреть на открывшийся русский женский монастырь у святой Нины. Через два дня благонравные девицы были у родных в городе Сигнак – в двух верстах от женской обители. На другой день обе сестры поспешили отправиться в монастырь, ко всенощной. Служба шла в маленьком домовом храме, пели три инокини, только что назначенная игуменья Ювеналия читала канон. Служба так повлияла на Тамару Александровну, что у нее явилась мысль: «И я поступлю в монастырь».

Претерпев много препятствий, Тамара Александровна все-таки поступила в монастырь, вырвавшись из-под опеки своих родственников. Большое влияние и значение в жизни Тамары Александровны имела игуменья Бодбийского женского монастыря во имя святой равноапостольной Нины игуменья Ювеналия (первая). Второй Ювеналией будет Тамара Александровна Марджанова.

Двенадцать лет прожила Тамара Александровна под попечением старицы Ювеналии и за эти годы успела принять рясофор, а около тридцати лет – мантию по настойчивому желанию Преосвященного Флавиана (Городецкого), архиепископа, экзарха Грузии, лично постригшего ее с именем Ювеналия. В 1902 году игуменью Ювеналию, настоятельницу Бодбийского монастыря, перевели в Москву настоятельницей Рождественского монастыря. Игуменья Ювеналия-вторая собиралась уехать в Москву вместе с духовной матерью. Но из Петербурга была получена на имя настоятельницы телеграмма: «Поздравляю Вас с исполнением Вашего желания, с переходом в Москву, а молодую Ювеналию – с назначением настоятельницей Бодбийского монастыря».

Несмотря на хлопоты и хождения по высоким духовным лицам, молодая Ювеналия вынуждена была остаться в монастыре. Усмотрев в этом небесное желание равноапостольной Нины, она вскоре успокоилась и прекратила всякие хлопоты. 12 октября (25 н. ст.) новый экзарх Грузии архиепископ Алексей возвел младшую Ювеналию в игуменью, а старшая собралась в путь.

Прошло определенное время, и новая игуменья с честью стала управлять Бодбийской обителью. Матушка Ювеналия многие годы питала особую любовь и почтение к отцу Иоанну Кронштадтскому, которого вместе с духовной матерью игуменней Ювеналией впервые увидела в Петербургском Воскресенском монастыре в 1892 году, когда они пришли поблагодарить отца Иоанна за материальную помощь, оказанную Бодбийскому монастырю. При словах матушки: «Батюшка, благословите, это мои келейные Ксения и Тамара» отец Иоанн перекрестил Тамару, поцеловал в голову и сказал: «Тамара-Тамара, благую часть избрала». Позже он попросил игуменью Ювеналию-старшую снять с себя три креста и стал надевать их на Тамару, приговаривая: «Вот какая ты у меня игуменья – посмотрите на нее».

Так предсказал отец Иоанн Кронштадтский, что у матушки Ювеналии будет три обители, что понесет она три тяжелых подвига. Более чем за двадцать лет отец Иоанн на своей фотографии, подаренной Тамаре, написал: «С-монахине», когда она была еще инокиней, предвидя, что она будет схимонахиней.

19 июля 1903 года состоялось открытие мощей дивного подвижника преподобного Серафима Саровского. Матушка Ювеналия отправила в Саров свою монахиню Агнию, чтобы она помолилась за всю обитель у раки чудотворца.

27 ноября 1907 года на экипаж, в котором ехала матушка Ювеналия, напала вооруженная шайка, стреляя по карете. Как только поднялась стрельба, матушка вынула икону преподобного Серафима и громко стала звать: «Преподобне отче Серафиме, спаси нас». Появившийся патруль с офицером во главе спас монахинь. После этого случая матушка Ювеналия возгорелась еще большей верой и любовью к преподоб-

ному Серафиму, она теперь всецело духовно сроднилась с великим угодником Божиим. В полученной матушкой Ювеналией телеграмме от митрополита Владимира из Петербурга говорилось: «Мужайтесь, будете переведены в Москву», что и исполнилось через десять дней: матушку Ювеналию назначили настоятельницей Покровской общины сестер милосердия (основанной 26 июня 1872 г.), при которой был устроен сиротский приют для девочек и женская фельдшерская школа.

Преподобный Серафим помогает матушке Ювеналии, в трудных обстоятельствах он предохраняет от опасности, святой подвижник для матушки – подлинно живая, реальная личность, имя его всегда в ее душе, в мыслях и никогда не сходит с уст.

В конце июня 1908 года игуменья Ювеналия поехала в Серафимо-Понетаевский монастырь с намерением поселиться в Царском скиту, принадлежащем указанной обители и находящемся в двенадцати верстах от Сарова. В тот же день случилось знаменательное событие. Когда матушка после обедни усердно молилась пред чудотворной иконой Знамени Божией Матери, прославившейся в Понетаевском монастыре, то услышала как бы глас от Царицы Небесной: «Нет, ты здесь не останешься, а устравивай сама скит не только себе, но и другим». И глас этот повторялся всякий раз, как матушка подходила к иконе.

Вот так и привело ее к созданию собственного Серафимо-Знаменского скита. Исполнилось предсказание отца Иоанна Кронштадтского о трех крестах. Игуменья Ювеналия была настоятельницей трех монастырей: Бодбийского в Грузии, Покровской общины в Москве и Серафимо-Знаменского скита под Москвой, на домодедовской земле.

Схиигуменья Фамарь управляла Серафимо-Знаменским скитом двенадцать лет – с 1912 по 1924 год. Она внимательно следила за жизнью скитянок, сама показывала во всем пример строгого пустынножительства. По совету старцев игуменья Ювеналия приняла схиму. Митрополит Макарий, возвратившийся из Тобольска, неожиданно посетил матушку Ювеналию и, взяв с нее слово не оставлять настоятельского послушания, возложил обе руки на ее голову, произнес молитву и уехал. Пострижение игуменни Ювеналии состоялось 21 сентября ст. ст. 1916 года, в день памяти святителя Димитрия Ростовского, в маленьком храме Серафимо-Знаменского скита с наречением ей имени схиигуменья Фамарь.

Серпуховский епископ Арсений (Жадановский) в своих «Воспоминаниях» писал: «Летний теплый вечер... Матушка благословляет отслужить всенощную под открытым небом, у курганчика преподобного Серафима. Здесь происходит дивное соединение поющих и молящихся с девственной природой. Последняя, как бы обрадованная таким собранием, особенно ласкает чистые души сестер, близко-близко прильнув к ним и лобзая их... Ах, как благодатны эти всенощные под открытым небом в святом скиточке, сколько утешения и радости приносят они обитателям его!».

А об окрестностях скита епископ Арсений писал так: «Налюбовавшись вдоволь рекой, выйдешь на близлежащий бугорок, повернешься во все стороны и придешь в недоумение: на чем дольше остановить свое внимание? Так все привлекательно, живописно, заманчиво!..»

Серпуховский епископ Арсений (Жадановский) и архимандрит Серафим (Звездинский) бывали и подолгу жили в Серафимо-Знаменском скиту со дня его основания. Игуменья Ювеналия устроила близ обители домик-киновию, в котором жили приезжавшие в скит епископ Арсений и его друг архимандрит Серафим. Здесь епископ Арсений жил полтора года в полном уединении. В эпоху гонений на веру и Церковь летом и осенью 1918 года владыка Арсений и архимандрит Серафим, будущий епископ Дмитровский, приехали и жили в Серафимо-Знаменском скиту. Схиигуменья Фамарь приняла от Патриарха Тихона послушание: сохранить в безопасности их жизнь в во-

ей тихой и малоизвестной обители. Владыка Арсений жил в скиту в полузатворе до конца 1919 года, руководя духовной жизнью скитских сестер, ежедневно совершая Божественные литургии в киновином храме. Матушка Фамарь прожила в Серафимо-Знаменском скиту двенадцать лет. После закрытия скита для матушки начались двенадцать скитальческих лет, сначала она жила в Марфо-Мариинской обители, а после ее закрытия приехала в село Кузьменки под Серпухов. Многие сестры ее скита были серпуховчанки. В начале и в середине 1928 года она подвизалась на даче в Перхушкове, где жили десять ее сестер и иеромонах Филарет. В период новой волны арестов 1929–1931 годов схиигумения Фамарь была репрессирована и сослана с несколькими своими сестрами и иеромонахом Филаретом в Сибирь.

В 1936 году владыка Арсений напутствовал схиигумению Фамарь перед ее кончиной и отпел ее в доме на станции Планерная, где она жила в последние годы по возвращении из ссылки. Похоронена она на введенском («немецком») кладбище Москвы. Так закончилась земная подвижническая жизнь настоятельницы Серафимо-Знаменского скита, что на домодедовской земле.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА СЕРАФИМО-ЗНАМЕНСКОГО СКИТА

После закрытия скита в его стенах разместилась Заборьевская больница, которая существовала с 1925 по 1965 год. Позже еще оставалась в отдельном домике возле кургана Заборьевская амбулатория, которая также была прикрыта. В Заборьевской больнице были лечебное и родильное отделения. Здесь, начиная с 1925 года, в молитвенно освященных местах вблизи Знаменской церкви рождались младенцы в течение сорока лет – это несколько поколений окрестных сел и деревень. В этих благодатных местах всегда по-особому радовалась душа. От храма, от монастырских стен, от земли, по которой ходили жившие и молившиеся здесь монахини, исходит неиссякаемая Христова благодать!

В последние три десятка лет помещения скита использовались как пионерлагерь и как база отдыха одного из московских заводов.

Со дня кончины схиигумении Фамари прошло шестьдесят лет. Ее детище – Серафимо-Знаменский скит, в создание которого она вложила столько своей энергии, материальных средств и молитв, что они гулким эхом отзываются до сих пор в благодатных лесных монастырских пространствах – пребывает еще без монахинь.

Но недалек тот день, когда снова воссияет по молитвам святых Серафимо-Знаменский скит, возобновятся богослужения в Знаменской церкви и зазвонят колокола.

15 января 1999 года благочинный Домодедовского района протоиерей Александр (Васильев) по прошествии 75 лет после закрытия скита провел первое богослужение в храме Серафимо-Знаменского скита.

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ ЕПИСКОПА АРСЕНИЯ

Епископ Арсений
+ 1937

«Над каждым человеком бдит Промысел Божий, вся жизнь человека находится под непосредственным, хотя и незримым водительством промышляющей и руководящей десницы Вышнего».

Епископ Арсений

На домодедовской земле в Серафимо-Знаменском скиту (монастыре) в 1912–1924 годах часто и подолгу жил Серпуховский епископ Арсений (Жадановский). Игуменей Ювеналией (с 1916 года схиигумения Фамарь) в Серафимо-Знаменском монастыре был построен домик, названный «киновия», в котором жили и служили приезжавшие в скит епископ Арсений и его друг архимандрит Серафим. В годы гражданской войны епископ Арсений жил в Серафимо-Знаменском монастыре в полном уединении полтора года. Летом и осенью 1918 года владыка Арсений и архимандрит Серафим (будущий епископ Дмитровский) безвыездно жили в Серафимо-Знаменском монастыре по благословению Святейшего Патриарха Тихона. Владыка Арсений жил в скиту в полузатворе до конца 1919 года, руководя духовной жизнью скитских сестер, ежедневно совершая Божественную литургию.

В 1884 году десятилетний Александр Жадановский был отдан родителями в Харьковское духовное училище. А в 1888 году он поступил в Харьковскую духовную семинарию. 21 ноября (ст.ст.) 1893 года он был рукоположен в иподиакона в мужском архиерейском Покровском монастыре города Харькова. По окончании семинарии Александр Жадановский стал преподавать Закон Божий в приходской школе вместо своего отца, а затем стал надзирателем в Сумском духовном училище.

В своих «Воспоминаниях» Александр Жадановский писал: «С раннего детства правилась мне одна девица-сверстница: на ней сосредоточилось мое внимание... С мнимой же невестой, которая жила и воспитывалась далеко, я виделся раза два в год на каникулах, ждал встречи с ней с нетерпением, но своих чувств никогда ей не высказывал. Но пока таким образом медлил, знакомая девушка ускользнула из моих глаз... После еще раза два присматривался к невестам, но безрезультатно. Тем мое искание подруги жизни кончилось... Одновременно меня не покидала мысль о монашестве;

каждая жизненная неудача давала в этом отношении толчок вперед, а тут еще пришлось побывать с родными в богомолье в Киево-Печерской лавре. До сего времени я не был близко знаком с монастырями и монахами, а тянулся к ним как-то безотчетно».

Александр Жадановский в письме от 17 января 1899 года к отцу Иоанну Кронштадтскому просил у него совета. После ответа праведного отца Иоанна у Александра появилось непреклонное решение принять монашество. Смотритель училища отец Аркадий прошение Александра Жадановского немедленно (а было это в Великую субботу 1899 года) отослал к архиепископу Харьковскому Амвросию (Ключареву). Архиепископ посоветовал Жадановскому съездить в Санкт-Петербург к товарищу оберпрокурора Священного Синода.

Жадановский, пригласив своего друга, отправился с ним из города Сумы в путешествие: Москва-Кремль, Чудов монастырь; Свято-Троицкая лавра; Санкт-Петербург; Александро-Невская лавра и Валаам. С Валаама Александр Жадановский прибыл в Священный Синод, где он был принят с прошением для принятия в монашество с дальнейшим «обещанием продолжать образование в академии». Вернувшись в Харьков, Александр Жадановский был принят владыкой Амвросием, и без задержки им было разрешено пострижение Жадановского в иноки. После чего он был направлен на жительство в Святогорскую пустынь, находившуюся в Изюмском уезде Харьковской губернии. Здесь 17 июля 1899 года, на следующий день после праздника Святогорской иконы Божией Матери, состоялось пострижение Александра в монахи с именем Арсений.

К дню Успения Божией Матери в Святогорскую пустынь приехал архиепископ Амвросий, а 15 августа 1899 года после обеда владыка рукоположил Арсения в иеродиакон, а затем благословил отправиться в Москву, в Троице-Сергиеву лавру, в академию.

Епископ Арсений писал: «Господь судил мне проходить курс академии в иноческом звании. Должен, однако, сознаться, что трудно совмещать студенчество с монашеством... Устанешь ли нравственно или физически, случится какая-нибудь скорбь – пойдешь к честным мощам, помолитесь от души, и легко станет на сердце... Да, рака Преподобного, овсянная многими воздыханиями и слезами русских людей, является благодатным источником утешения... Большой простор, далее, в лавре для священнодействия. Каждый день совершается одиннадцать литургий, вот и выбирай любую: в три часа утра – в церкви Святого Духа, в четыре часа – у преподобного Никона, в пять часов – внизу под Успенским собором, а затем в храмах Смоленском, Зосимы и Савватия и других. Господь сподобил меня в сане иеродиакона послужить во всех указанных церквях. Любил я еще ходить буднями в Троицкий собор к вечерне – послушать пение стихир с канонархом. Чудное, стройное исполнение их могучим хором доставляло мне наивысшее духовное наслаждение. Не только ученые монахи, но и все студенты академии ясно чувствовали над собой покров Преподобного Сергия...»

Епископ Арсений обладал прекрасным литературным даром. Великолепный лирик, он в конце своей жизни написал «Воспоминания» о многих великих подвижниках Православия: о святом праведном Иоанне Кронштадтском, о московском митрополите Макарии (Невском), о старцах Зосимовой пустыни схиигумене Германе и иеросхимонахе Алексии, о схиигумене Фамари, о выдающихся пастырях церкви – отце Алексии Мечеве, отце Николае Смирнове (Кадашевском), отце Василии Постникове и отце Александре Стефановском.

Епископ Арсений вспоминал, как однажды старец иеромонах Варнава «...в беседе со мной в этот раз предвещал: «Будешь неподалеку от Москвы архиереем, маленьким архиереем». Теперь пророчество исполнилось».

В Гефсиманском скиту Жадановский заходил к отцу Исидору, который за три дня до смерти, прощаясь, сказал ему: «Примите в назидание и утешение себе последние мои слова: крестная сила и размышления о страданиях Господа спасают христианина от всяких бед, воспоминания же о язвах Спасителя предохраняют от скорбей».

Пребывая в Духовной академии, студент Арсений оставался в течение трех лет диаконом и только на четвертый год обучения стал священником. 9 мая 1902 года его рукоположили в иеромонахи.

На последнем экзамене в Духовной академии по догматическому богословию присутствовал московский митрополит Владимир (Богоявленский), предложивший священнику Арсению место казначая в Чудовом монастыре. В Москву, на место нового служения в Чудов монастырь, иеромонах Арсений прибыл 3 августа 1903 года. Приложившись к мощам святителя Алексия, Арсений явился к наместнику монастыря архимандриту Иннокентию, который отвел иеромонаха в казначейскую квартиру. Казначеем иеромонах Арсений пробыл всего пять месяцев. Наместник монастыря архимандрит Иннокентий, хиротонисанный во епископа Аляскинского, уехал в Америку. На место наместника Чудова монастыря был назначен иеромонах Арсений (Жадановский). А 24 марта (ст. ст.) 1904 года, в Великую субботу, иеромонах Арсений был посвящен в сан архимандрита.

В 1906 году 11 октября умерла мать архимандрита Арсения, а через месяц, 11 ноября, умер его отец.

В роду Жадановских несколько поколений были в духовном звании. Священниками были прапрадед Афанасий, прадед Стефан, дед Андрей и отец – протоиерей Иоанн. Все вместе они служили более ста лет в городе Чугуеве в Рождество-Богородичной церкви.

Епископ Арсений писал: «С кончиною отца и матери утратился интерес к родине, исчезло желание и стремление бывать там».

В 1913 году архимандрит Арсений вместе с иеромонахом Серафимом (Звездинским) совершают паломничество в Святую Землю.

Хиротония архимандрита Арсения во епископа Серпуховского состоялась 8 июня (ст. ст.) 1914 года в Алексеевском храме Чудова монастыря, в котором он был оставлен служить по решению московского митрополита Макария и Святейшего Синода.

Епископ Арсений принимал участие в устройении женской обители «Гефсимания» близ города Зарайска под Москвой и женской обители «Серафимо-Знаменский скит» близ станции Востряково Павелецкой железной дороги на домодедовской земле.

Владыке Арсению была уготована новая нива – быть духовником и старцем схиигумении Фамари (Марджановой) и сестер созданного ею Серафимо-Знаменского скита. Схиигумения Фамарь построила близ скита киновий с домовою церковью во имя преподобного Арсения, куда владыка временами удалялся для собирания духовных сил, отдыха и молитвенных трудов.

В послеоктябрьскую 1917 года эпоху гонений на Христову Церковь и веру владыка Арсений нес подвиги исповедничества и мученичества в течение двух десятков лет.

Летом и осенью 1918 года владыка Арсений со своим духовным другом архимандритом Серафимом (Звездинским), будущим Дмитровским епископом, живут в подмосковном Серафимо-Знаменском скиту. Схиигумения Фамарь выполняла послушание Святейшего Патриарха Тихона сохранить в безопасности жизнь епископов в своей малоизвестной, тихой и скромной обители. В годы послереволюционного лихолетья владыка Арсений ежедневно совершал Божественные литургии в киновийном храме. Он в единении изучал церковное пение, музыку, живопись, медицину и занимался иконописанием. Тогда же владыка делал записи, которые легли потом в книгу «Воспоминания».

В скитском храме перед игуменским местом помещался образ Спаса Нерукотворного, написанный епископом Арсением. До 1923 года продолжалась служба владыки Арсения в городе Серпухове как епископа. В городе Серпухове был древнейший Высоцкий монастырь, основанный в 1374 году серпуховским князем Владимиром Андреевичем. До революции в городе Серпухове было несколько десятков церквей, после революции многие церкви были закрыты. Из Серпухова в Серафимо-Знаменский скит прибыли многие насельники.

Местом уединенных подвигов владыки Арсения был Серафимо-Знаменский скит вплоть до 1924 года – года закрытия скита.

О Серафимо-Знаменском ските епископ Арсений оставил такие строки: «В маленьком храме Серафимо-Знаменского скита при высоком религиозном воодушевлении строительницы и сестер происходило большое привлечение и сосредоточение благодатной силы. Тут Сам Господь приосенял сердца молящихся и особенно поющих; тут вблизи каждого, радуясь и веселясь, находился ангел-хранитель – оттого так глубоко запечатлелось освящение этой чудной церквочки в памяти насельниц скита... Наступает день. Скитянки на послушаниях. Одни из них работают поодиночке: кто в саду, кто при пчелах, кто очищает рощу от сухого листа, – другие совместно косят траву, сушат сено, пасут коров, возделывают огороды. Всем заповедано непрестанно творить молитву Иисусову, петь псалмы, читать акафисты, и они ненарушимо, свято исполняют это правило: трудятся и молятся».

А с бугорка, что у Серафимо-Знаменского скита на правом берегу реки Рожайи, епископ наблюдал такую картину: «Смотришь вправо и видишь сквозь кусты и редкие деревья мельницу. Прислушиваешься и слышишь шум ее колес, чего раньше, увлеченный красотой природы, как бы не замечал. И удивительное дело! Ничто, кажется, так не украшает берег реки, как водяная мельница, будто именно она является его существенной принадлежностью, отвоевав вечное право на это место... Если пойдешь вдоль по берегу, мимо мельницы и дальше, то дойдешь до крутого подъема. Взойдешь на горку и очутишься так высоко, что невольно подумаешь: недаром скитянки называют это место «Кавказом».

Внизу по камушкам бежит ручей, образовавшийся из знакомой уже нам реки после преграждения ее плотиной. Течет он мерно, непрерывно, приятно журчит, успокоительно действует на нервы... Окинешь потом взором пройденное, оставшееся позади тебя пространство и увидишь где-то далеко-далеко и реку, и луг, и мельницу, больше того, кругозор настолько расширяется, что замечаешь за бугром село с церковью, а там бесконечные поля».

Как изумительно точно описал местную природу епископ Арсений!

Эти благословенные места любимы мною с детских лет: и Воскресенская церковь села Битягово с древним кладбищем, на котором покоятся мои предки, и чудная мельница с домиком мельника, существовавшая до середины пятидесятых годов нашего века, и Саввинский (Заборьевский) овраг с горой, получившей у местных жителей название «Монашенка», с которой в детстве мы катались на лыжах, и эти таинственные курганы, и, конечно же, милая речка Рожайя с ее некогда родниковой водой.

Какое множество раз я, много лет не ведая о том, ходил по тем же дорожкам, по которым еще до моего рождения ходил епископ Арсений. О, сила печатного слова!

В 1924 году епископ Арсений переехал в село Кузьменки под Серпухов и жил в доме настоятеля местного храма протоиерея Михаила. За владыкой последовали две келейные сестры – инокини Александра и Матрона из числа насельниц Серафимо-Знаменского скита. В половине дома священника была устроена домовая церковь, в которой епископ служил с 1924 года. После закрытия Серафимо-Знаменского скита в Кузьменки приезжали жившие в то время в Марфо-Мариинской обители схиигумен-

ния Фамарь и сестры из скита.

В 1925–1928 годах владыку несколько раз высылали за пределы Москвы и Подмосковья. Он жил в те годы то в Серафимо-Понетаевском монастыре, то в Арзамасе.

В 1928 году епископ Арсений приехал в Перушковое, где в то время на отдельной даче поселились схиигуменья Фамарь, иеромонах Филарет (Постников) и десять сестер. По данным биографа епископа, «очевидно, в первой половине 1928 года и была написана владыкой Арсением в основном книга «Воспоминания» (М., Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1995 г.).

После окончания срока высылки епископ Арсений вернулся и поселился в Котельниках, недалеко от станции Люберцы Казанской железной дороги.

В трудные для Православной Церкви годы владыка говорил: «Иерархи отвечают перед Собором, паства должна идти в русле Церкви. Нельзя делать расколов». В период новой волны арестов (1929–1931 годы) были репрессированы схиигуменья Фамарь с некоторыми своими сестрами и иеромонахом Филаретом. Забота о владыке Арсении не оставляла матушку Фамарь и в далекой сибирской ссылке. Она в письме высказывала пожелание устроить владыку в Малоярославце.

Жизнь епископа Арсения в тридцатые годы вплоть до его ареста и мученической кончины – неизвестна. По некоторым воспоминаниям, епископ Арсений жил то в Котельниках, то, по другим данным, в домике на станции Удельная. Епископ Арсений был арестован в Котельниках 13 апреля 1937 года. «Епископ был обвинен в организации и руководстве контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников». В праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – 27 сентября 1937 года, епископ Арсений и все арестованные с ним священнослужители, монашествующие и миряне были расстреляны в поселке Бутово под Москвой.

Таково краткое жизнеописание Серпуховского епископа Арсения, почерпнутое в автобиографии епископа и в воспоминаниях о нем.

У владыки Арсения по его молитвенным подвигам были высшие духовные дары: прозрения и рассуждения. Естественно, он предвидел свою мученическую кончину и возносил молитвы ко Господу в свои последние предсмертные часы. По своей кончине епископ Арсений являлся в сонном видении своим духовным детям, предупреждая их о грядущих событиях в годы Великой Отечественной войны.

Известный русский писатель Петр Паламарчук, автор четырехтомной книги «Сорок сороков», пишет: «Занимаясь историей русских храмов и монастырей, мне довелось не раз сталкиваться с такими чудесами новейших времен. Ведь в безбожных гонениях XX века Русь Малая, Великая и Белая явили одних новомучеников больше, чем во все предыдущие два тысячелетия христианства!» Русская Православная Церковь подведет итоги двадцатого века и напишет все имена русских новомучеников, пострадавших за веру и Христа.

ВОСТРЯКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР ОРЛЕНЕВА

Павел Николаевич Орленев
(1869–1932)

О существовании Востряковского народного театра мне рассказывала еще в довоенные годы моя мама. Она помнила, как собирались в театр директор Заборьевской школы Василий Матвеевич Тушунов со своей супругой Александрой Федоровной. Мама жила рядом со школой, дружила с дочками директора школы, и ей запомнились эти сборы.

История Востряковского театра меня долго интересовала, и я стал собирать материалы о народном театре.

Так называемый «Орленевский театр для народа» существовал на домодедовской земле в 1913 – 1915 годах. В 1913 году П.Н. Орленев купил около станции Востряково Павелецкой железной дороги в районе местечка «старых дач» небольшой хуторок на одной десяatine земли с маленьким домиком. Он давно мечтал об этой покупке для постройки «театра под открытым небом», в котором могли бы собираться для просмотра лучших пьес мирового и русского искусства все желающие из народа.

Весной 1913 года П.Н. Орленев начал строить театр, наняв десять плотников, среди которых четверо были мастерами по театру.

Когда театр был готов, из Москвы был приглашен декоратор и можно было уже ставить пьесы, исправник запретил в самой категоричной форме открывать театр в селе. Тогда Орленев бросился к своим влиятельным знакомым и высшим театральным чиновникам, но никто не мог или не хотел помочь ему. Выручил случай. На Павелецком вокзале Орленев встретил бывшего киноадминистратора Дранкова, и здесь же, в вокзальном буфете, он дал Орленеву совет вывесить у театра объявление о том, что в такой-то день в павильоне будет производиться бесплатно киносьемка. На киносьемку, необычайно популярное мероприятие в те годы, было сразу получено разрешение от исправника.

Когда в назначенный день и час собрались жители окрестных деревень, оператор с треском начал крутить огромный киноаппарат, и началось представление. Пришедшие на киносьемку повернули головы к сцене и как замороженные просмотрели весь спектакль, лишь изредка вспоминая о киноаппарате, который тихо потрескивал в стороне. Киноаппарат тот был фальшивый, а кинематографисты делали вид, что снима-

ют. Таким образом Орленев провел местные власти и затем на собственный страх и риск ставил пьесы для народа.

Перед каждым спектаклем два наряженных мальчика верхом на лошадке, сидя друг к другу спинами и держа в руках красочные плакаты и объявления о спектакле, объезжали окрестные деревни. Например, одна из надписей гласила: «Собираться всем, всем бесплатно в Востряковский театр к часу дня. Пойдет «Горе-случастье», семейная драма из чиновничьей жизни с объяснениями для крестьян лектора В.В. Ермилова. (Этот лектор был отцом известного впоследствии литературного критика, писателя и редактора В.В. Ермилова.)

Зрителей собиралось много, в одной из московских газет сообщалось, что «зрителей много – до двух тысяч человек».

Некоторые старожилы помнили, как задолго до спектакля собирались зрители в театр Орленева.

Павел Николаевич Орлов (Орленев) родился 6 марта (22 февраля ст. ст.) 1869 года в Москве на Рождественке в доме графа Торлецкого. Его отец Николай Тихонович Орлов происходил из крестьян Дмитровского уезда Московской губернии. Он рано стал работать мальчиком в магазине купца Пелецкого. На двадцатом году он женился на племяннице хозяина, урожденной Клуддо. Вскоре Н.Т. Орлов стал старшим приказчиком и компаньоном своего хозяина, а после его смерти – владельцем магазина, «Конфекцион на Рождественке».

Н.Т. Орлов вел торговлю с купцами из многих провинциальных городов России.

Павел Николаевич Орленев рассказывал, что один богатый сибирский купец, ведший с его отцом большие дела, вдруг обанкротился и не знал, чем возместить долг. Он нашел-таки выход – прислал в виде скромной компенсации четыре больших ящика с книгами, в трех из них были театральные пьесы. Николай Тихонович Орлов, удивившись посылке, тем не менее стал читать присланные книги. Чтение книг так подействовало на Николая Тихоновича, что он стал посылать разорившемуся купцу деньги в Сибирь.

Н.Т. Орлов-театрал особенно любил ходить в Малый театр смотреть спектакли с великими артистами М.С. Щепкиным, П.М. Садовским, А.П. Ленским, а также с великими артистками М.Н. Ермоловой, Г.Н. Федотовой и другими.

Н.Т. Орлов не только читал пьесы, но даже стал изучать их наизусть, читал монологи из «Разбойников», «Гамлета» и других классических пьес, повторяя в коронных ролях первых актеров Малого театра – от Щепкина до Южина, а заодно и первых актрис. Вечера декламации для юного Павла Орлова были праздниками.

Павел легко выучивал роли. Своей любовью к артистической деятельности Н.Т. Орлов особенно сильно повлиял на сына, на выбор им профессии артиста.

Павел Орлов был отдан в пансионат во 2-ю гимназию на Разгуляе (известном доме А.И. Мусина-Пушкина). Павел Орлов стремился к путешествиям всю жизнь, еще в гимназические годы он, будучи во втором классе, вместе с одним товарищем «бежал к индейцам в Южную Америку», но на одной подмосковной станции их вернули домой. Павел в детстве стал увлекаться спортом, тренировался в фехтовании. Он жил своими интересами, в своем мире, не задумываясь над теми драмами, которые назревали в его семье. Тяжело страдал старший брат Орлова, часто повторялись приступы меланхолии у матери. В минуты самых сердечных исповедей он не касался этой тяжелой темы.

Пансионером Павел Орлов во 2-й гимназии был всего два года, а по субботам и воскресеньям он вместе с отцом посещал Малый театр, где видел Ермолову, Ленского...

Однажды Орленев увидел Василия Николаевича Андреева-Бурлака в Летнем им-

ператорском театре в Петровском парке, которого он любил и впоследствии считал своим учителем.

Из 2-й гимназии Павла Орлова исключили, так как учитель латинского языка попросил его тетрадь по языку, а в ней был написан один монолог из пьесы.

Отец устроил сына в первую прогимназию, расположенную на углу Каретного Ряда и Оружейного переулка, хотя он умолял отца отдать его в театральную школу.

Товарищ по гимназии Григорий Молдавцев, который тоже хотел поступить в театральную школу, принес однажды Павлу Орлову газету с объявлением о приеме в драматическую школу. Обращаться следовало к Гликерии Николаевне Федотовой, и был указан адрес.

Два товарища ушли с уроков из гимназии и направились к Федотовой.

Через два месяца открылась драматическая школа. Преподавателями были И.А. Правдин и Г.Н. Федотова. На экзаменах присутствовал великий драматург Александр Николаевич Островский.

Вспоминая лето 1886 года много лет спустя, Орленев рассказал, что видел великого драматурга А.Н. Островского и что это повлияло на выбор его профессии.

Александр Николаевич Островский в протоколе испытаний, бывших на сцене Малого театра в марте 1886 года, записал: «...у очень молодого артиста (Орлова) хорошие задатки, хотя он и недостаточно подготовлен». Но сказал: «Этого надо взять».

Павел Орлов видел А.Н. Островского только раз, но это запомнилось ему на всю жизнь.

Со школой Павел Орлов выехал на постановки в село Сабурово, находившееся в нескольких верстах от Сергиева Посада. Там гимназисты узнали о внезапной кончине А.Н. Островского. А через месяц театральная школа окончательно закрылась.

В юношеские годы Павел Орлов, прочитав брошюру под названием «Можно ли в Москве торговать честно?», бросил гимназию и отправился в скитания по России. Это было в 1886 году.

От отца Павел Орлов ушел, и ему стало негде ночевать. Однажды в шесть часов утра он дремал на скамье на Страстном бульваре. Откуда-то возвращался в это время актер Жариков, увидев Павла Орлова, удивился и спросил: «Орлов, что ты делаешь?» Павел рассказал про ситуацию, в которую он попал, и Жариков предложил ему отправиться к Пушкину-Чекрыгину, который набирал труппу для гастролей в Вологде. Антрепренер Пушкин-Чекрыгин предложил Орлову подписать контракт на 25 рублей в месяц. Для Орлова этот контракт был удачей. В Вологде Павел Орлов ехал вместе с Григорием Молдавцевым.

В Вологде П.Н. Орлов сыграл такие главные роли, как роли царя Федора в «Царе Федоре Иоанновиче» А.К. Толстого, Раскольникова и Дмитрия Карамзина по романам Ф.М. Достоевского, и многие другие.

Во второй половине сезона Орлов вернулся в Москву, наступил Великий пост. Вторая гастрольная поездка у Павла Орлова состоялась в Ригу, контракт был заключен с артистом-антрепренером М.И. Бабиковым.

Однажды Павел Орлов прочитал в каком-то романе о герое – белокуром Орленеве. Этот герой очень понравился Павлу, и с той поры он стал играть на сцене под фамилией Орленев.

П.Н. Орленев в своей книге «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим» об успехе, который пришел к нему с постановкой «Царя Федора Иоанновича» в 1898 году, писал: «На другой день я проснулся знаменитым. Имя мое было у всех на устах. Голова моя от счастья затуманилась. Появилась масса поклонников, пошли кутежи по ночам...»

Знаменитый в те годы фельетонист В.М. Дорошевич написал: «Орленев из сапож-

ников попал в цари и стал пить как сапожник...»

Спектакль «Царь Федор Иоаннович» шел ежедневно, к Орленеву приезжали князья, генералы, министры, прося поставить автографы на фотокарточках, приглашали парасхват.

«Но однажды Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, – пишет П.Н. Орленев, – привез мне письмо от Игнатия Николаевича Потапенко, который меня упрашивал приехать к нему на вечер, говоря, что у него встречу Илью Ефимовича Репина и Веру Федоровну Комиссаржевскую. Я очень рад был увидеть их и согласился. Илья Ефимович с тех пор ко мне очень привязался, даже пробовал писать с меня портрет... Здесь я встретился впервые с Владимиром Сергеевичем Соловьевым, от лица и глаз которого я не мог оторваться».

Как признавался П.Н. Орленев: «Я любил бывать, так это у Николая Георгиевича Гарина-Михайловского... Он был другом нашего театра и ставил там свою пьесу «Орхидея»...»

После успехов в «Федоре» каждую неделю наша труппа артистов собиралась у Н.Г. Михайловского. Вокруг него всегда было много молодежи, студентов и курсисток. Все они его очень любили.

А.С. Суворин, очень хорошо относившийся к П.Н. Орленеву, говорил: «Что вы никогда не попросите меня написать о себе?..»

В первые годы XX века на путях странствий Орленева Ялта была самым любимым местом пребывания.

Чаше всего Орленев бывал в Ялте ранней осенью, где можно было встретить знаменитых русских людей: Максима Горького, Леонида Андреева, Ивана Бунина, Марию Ермолову, Владимира Немировича-Данченко, Сергея Рахманина. Орленев любил бывать в доме А.П. Чехова, с которым он дружил многие годы. Здесь он встречался с О.Л. Книппер и А.М. Горьким.

Павел Николаевич Орленев встречался со многими выдающимися деятелями литературы и искусства, знаменитыми писателями и артистами, художниками и учеными, политиками. Он встречался с Ф.И. Шаляпиным у известного артиста Мамонта Дальского. А Гиляровский бывал у Орленева в театре. Известно, что А.С. Суворин и К.С. Станиславский хлопотали о разрешении ставить «Царя Федора».

П.Н. Орленев писал: «Через несколько дней я пошел в Художественный театр к Тихомирову и встретился там со Станиславским... На прощание он сказал: «Хотите в мою труппу? Приходите ко мне сегодня вечером часов в восемь, и поговорим серьезно». Я обещал быть и находился целый день в каком-то тумане. Я боялся идти, боялся власти его гения...»

Антон Павлович Чехов, с которым я встречался в 1902 – 1903 годах, много раз убеждал меня бросить скитальческую жизнь и пойти на работу «к художникам». «Там вы себя найдете...Константин Сергеевич поможет вам, я несколько раз говорил об этом с ним».

О пребывании в гостях у А.П. Чехова Орленев писал: «В Ялте я очень часто бывал у Антона Павловича Чехова, с ним чувствовал себя легко и свободно, несмотря на все мое перед ним преклонение».

Считая своим учителем В.И. Андреева-Бурлака, П.Н. Орленев о нем писал: «Это был талант глубокий, неведомый, одинокий и свободнейший художник, который из одного себя творит театр».

В Петербург Орленев приехал в начале 1901 года. До этого к нему в Кострому приезжал Набоков и по поручению Суворина предложить вернуться в его театр. Орленев ждал этого призыва, но вернулся на своих условиях.

Март 1901 года. Постоянной партнершей П.Н. Орленева с тех пор была Алла

Назимова. Исследователь творчества Орленева А. Мацкин писал: «Я имею в виду крепнущее чувство Орленева к Алле Назимовой, к этому времени ставшей его постоянной партнершей... Орленев в затмении любви и шагу не делал без ее согласия».

В поездке на гастроли за границу в конце 1904 года Алла Назимова постоянно была в труппе Орленева.

П.Н. Орленев давно задумал о поездке своей труппы с гастрольями в Западную Европу и Америку.

Сборы начались заранее, укомплектовали из артистов труппу, доставали деньги на поездку. Еще не закончились сборы, когда труппа Орленева в конце 1904 года ринулась в Европу. Первой остановкой на их пути был намечен Берлин.

Главной постановкой должна была быть пьеса Чирикова «Евреи» – репертуарная новинка, написанная по следам недавних погромов. Постоянный репертуар труппы Орленева – Ф.М. Достоевский, А.И. Толстой, Ибсен – принес Орленеву славу и стал его гордостью. Этот репертуар и вез Орленев за границу. Поезду ускорила субсидия в три тысячи рублей от дельца и мецената, который пожелал отправиться с труппой. Орленев решил, что их меценату можно поручить роль одного из погромщиков в последнем акте драмы Чирикова. Пьесу Чирикова Орленев основательно переделал, включив в нее отдельные куски из книг Юшкевича. Пьеса Чирикова была построена на столкновении двух групп еврейской бедноты в так называемой черте оседлости. Первая группа держится революционной программы: по словам рабочего Изерсона, все гонимые люди разных племен идут за Марксом; другая – ищет спасения в эмиграции. Орленев в пьесе играл молодого учителя с притязаниями пророка и жалкой улыбкой неудачника...

Первый спектакль играла труппа в Берлине. На спектакле «Евреи» присутствовали видные берлинцы и среди них Август Бебель, который стоя долго аплодировал после каждого акта. Денежные дела труппы Орленева в Берлине не поправились, поэтому стали поговаривать о возвращении в Россию. Но труппа все-таки отправилась в Лондон.

Восемнадцатого января 1905 года труппа Орленева прибыла на вокзал в Лондоне.

Первый спектакль в Лондоне был назначен на 21 января 1905 года. На первый спектакль пришли знаменитый актер Генри Ирвинг, Джером Джером с супругой, семья Петра Алексеевича Кропоткина, а также Владимир Григорьевич Чертков – близкий друг Л.Н. Толстого. П.А. Кропоткин, поселившийся в Лондоне еще в восьмидесятые годы, на спектакле не присутствовал – был болен.

В Лондоне труппа сыграла шесть спектаклей. Через несколько дней актеров Орленева пригласили в семью П.А. Кропоткина «на чашку чая». Петр Алексеевич был болен и лежал на диване. Семья просила подходить к Петру Алексеевичу по одному. У каждого проходящего Кропоткин спрашивал: «Вы не Орленев?»

П.Н. Орленев писал: «Я пришел четвертым, но меня, такого невзрачного в сравнении с прежде приходившими актерами, он не принял за Орленева и, когда узнал, что я Орленев, приподнялся и возбужденный протянул мне руку. Когда он стал рассказывать мне о своем побеге из Петропавловской крепости, он весь загорелся и, встав с кушетки, подошел к столу, достал оттуда карманные маленькие часы и, открыв внутреннюю крышку, взволнованный и возбужденный сказал: «Вот, вот где находился нечестный на клочке весь план побега». Встреча с Кропоткиным произвела на Орленева большое впечатление. Жизнь Кропоткина, окруженная легендой, его дерзкий побег из тюремной больницы, его превращение из князя в вожда и теоретика русского анархизма – все это волновало П.Н. Орленева.

Другой русский эмигрант, В.Г. Чертков, высланный в Англию за свои выступле-

ния в защиту духоборов, пригласил также П.Н. Орленева к себе домой. У Черткова гостил писатель С.Т. Семенов, известный крестьянскими рассказами, которыми восхищался Л.Н. Толстой.

Среди лондонских знакомых Орленева был Лоуренс Ирвинг, сын знаменитого Генри Ирвинга. Лоуренс Ирвинг был драматургом, жил в России, интересовался русской историей и литературой.

23 марта труппа Орленева сыграла в театре «Герольд Сквер» спектакль «Евреи». В своих «Воспоминаниях» П.Н. Орленев писал: «Лоуренс Ирвинг был истинно прекрасный человек, он геройски погиб позже на «Титанике» во время страшной катастрофы. Тогда во всех газетах писали о геройстве его и его супруги – они отдали свои спасательные круги двум погибшим соседкам с детьми, а сами с пением английского гимна погрузились в пучину моря. Так вот, этот человек взял под свою защиту русских товарищей-актеров...»

Русский посланник в Лондоне Поклевский-Козелл повстречался с Орленевым в один из дней и пригласил его побывать у себя. На другой день Орленев посетил русского посланника, и он напомнил артисту о своем знакомстве с ним в Петербурге у его двоюродного брата Набокова, переводчика «Приведений» Ибсена и других его произведений. Орленев признался, что его труппа потерпела крушение и положение ее отчаянное. Поклевский-Козелл сказал твердо Орленеву: «Я русский посланник и обязан вас поддержать, когда вы поставлены в затруднительное положение». Русский посланник предложил Орленеву сказать сумму, необходимую, чтобы ликвидировать все дело и с труппой отправиться в Нью-Йорк.

П.Н. Орленев писал: «Я приблизительно назвал ему цифру, он тут же дал свое согласие устроить все наши материальные дела и отправиться в Нью-Йорк с запасом денег для каждого актера. Блаженное спокойствие наполнило все мое существо. Снабженный частью обещанной суммы, я приехал в гостиницу.

Основной состав труппы Орленева отбыл первым парходом в Америку.

Орленев с труппой прибыл в Нью-Йорк в конце января 1905 года с рекомендательными письмами от П.А. Кропоткина, остановился у Золотаревых, почитателей Кропоткина.

П.Н. Орленев в своих «Воспоминаниях» писал: «И вот в одном из «матине» (утро) мы поставили на карту наших «Евреев». Успех был колоссальный, гораздо больший, чем в Лондоне и даже в Берлине. Пресса превозносила и пьесу, и каждого из исполнителей до небес, и многие предприниматели театров, находящихся в еврейских районах, сделали нам предложение играть у них «Евреев»...

Все наши спектакли прошли с аншлагами. Расходы были небольшие, и доллары лились рекой. Помню, часто уезжали со спектакля с чемоданами, наполненными долларами – золотом, серебром и бумажками. Мы с Назимовой проживали у его дяди... в Бруклине...»

Орленев расплатился с труппой за девять месяцев гастролей.

Труппа Орленева играла в Нью-Йорке весь сезон («Царя Федора», «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых» и «Приведение».

Все пьесы давали огромные сборы. После Нью-Йорка был Чикаго.

На пароходе направлявшимся в Россию артистам Орленева 22 мая 1906 года принесли газету, в которой было сообщено о кончине Генриха Ибсена.

П.Н. Орленев в Норвегии... опять в роли Освальда в «Приведении» Ибсена...

Искусствовед А. Мацкин в тридцатые годы, когда Орленев уже ушел из жизни, спросил Ю.М. Юрьева, знавшего артиста, каким он запомнил голос молодого Орленева. Юрий Михайлович Юрьев ответил: «Несильный, чуть хрипловатый и в лучших ролях всегда тревожный, как будто что-то непоправимое вот-вот случится, а может

быть, уже случилось».

О Востряковском театре Орленева в 1913 – 1915 годах много писалось в газетах. П.Н. Орленев еще до создания Востряковского народного театра основал в 1909–1910 годах «Голицынский крестьянский театр» с актерами из местных жителей. Спектакли в Голицыне ставились в большом сарае рядом с привокзальной площадью. Голицынский театр приветствовал тогда В.Г. Чертков. В июне 1910 года П.Н. Орленев посетил в Ясной Поляне Льва Николаевича Толстого, который одобрил начинания известного актера.

Вот как писал сам Павел Николаевич Орленев о Востряковском театре в своей книге «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим»: «Весной приступил к постройке театра. Столбы и доски были куплены поблизости, работали для скорости десять рабочих, из них четверо знающих и театр и сцену. Из Москвы были выписаны декоратор и машинист. Дело закипело, и скоро наш скромный театрик был готов. Еще до первого спектакля пришлось пройти сквозь ряд сомнений. А сколько было сбивающих меня с моего пути советов?! Все время до открытия занавеса нашего первого спектакля я жил в какой-то лихорадке, обуреваемый страхом и надеждой.

Староста поехал за разрешением наших спектаклей в селе Востряково и привез нам от исправника полный отказ. Я постарался принять все меры к разрешению, посылал с моим письмом депутатов к губернатору. Я решил испробовать все пути. Я поехал искать помощи у своих поклонников, среди которых было много лиц, занимающих ответственное положение. И вдруг, приехав на Московский вокзал, встречаюсь с опытным человеком, умевшим выходить из всех затруднений. Это был известный киноадминистратор Дранков...»

В 1914 году Орленев вновь ставил спектакли в Востряковском театре. Спектаклями заинтересовался основатель театрального музея А.А. Бахрушин. П.Н. Орленев получил приглашение выступить в музее с рассказом о своих деревенских представлениях. Павел Николаевич решил сделать выступление как комментарий к документальному фильму, сняв то, что происходит на сцене, и зрителей. Бахрушин сам приехал на спектакль и просмотрел его до конца.

За неимением денег Орленев вынужден вскоре заложить свой хутор и немедленно уехать в гастрольную поездку по Уралу, Сибири и Закаспию.

Вернувшись в Москву, Орленев узнал, что заложенный хутор не будет ему возвращен из-за неуплаты в срок долга.

15 августа сильный ураган уничтожил Орленевский театр, и от него ничего не осталось.

Начало 1917 года. П.Н. Орленев о том времени писал: «У меня был в Одинцово телефон, и мне каждый час звонили и из всех театров просили играть «Павла I», так как всему театральному миру была известна монополия на эту пьесу до 1922 года, полученная мною у автора ее Д.С. Мережковского. Я от этих предложений отказывался, потому что революция подняла дух мой и мне захотелось высказаться в другом...»

В феврале 1917 года П.Н. Орленев гастролировал в Петербурге, играя в театре, бывшем Комиссаржевским. «А середину лета 1918 года, – писал Орленев, – я прожил в Одинцово безработным – гастролеров не брали».

Оказавшись безработным, Орленев обращался к заведующему Замоскворецким театром Е.А. Беляеву с просьбой взять его в театр, но под своей фамилией – Орлов. Письмо не дошло.

В октябре 1918 года П.Н. Орленев – на гастролях в Козлове, в начале января 1919 года вернулся в Одинцово, а в феврале – снова в Козлове. С марта 1919 года Орленев

выступает в рабочем клубе в бесплатных спектаклях, затем он уезжает на гастроли в Казань и в Астрахань.

3 декабря 1920 года жена Орленева Александра Сергеевна родила дочь, ей дали имя: Любовь. В 1921 году Орленев – на гастролях в Баку и прикаспийских городах. 12 ноября 1922 года П.Н. Орленев приезжает в Москву и оседает в ней до конца своей жизни. Он с семьей останавливается у своих друзей Тальниковых, где живет несколько недель. При содействии Разумного Орленев получает комнату в общежитии артистов в Каретном Ряду, во дворе театра «Эрмитаж», где проживет со своей семьей десять лет вплоть до своей кончины. Из Москвы он выезжает на гастроли по окрестностям ее, в Севастополь, Ялту, Курск, Симферополь, Евпаторию, Мелитополь, Павлоград, Екатеринослав, Харьков, Тифлис, Оренбург, Ташкент – жизнь на колесах.

25 ноября 1925 года Орленев вернулся в Москву.

Орленев писал: «Затем долгое время сидел без работы, страшно нуждаясь, и не находил уже больше никаких предпринимателей. Положение было опять ужасное, дело дошло до того, что преданная нам прислуга, жившая у нас пятый год, ходила по общежитию и у своих подруг, прислужниц соседней, занимала гроши ежедневно, чтобы кормить моих детей...»

Орленев разыскал Рахманову, и она посоветовала пойти к М.А. Чехову и заключить контракт для съемки в картине «Смерть Павла I». Но съемка картины была запрещена, и в работе было отказано. Дело кончилось тем, что Орленеву посоветовали отметить свой сорокалетний юбилей в Большом театре. Юбилей состоялся 8 марта 1926 года. В день юбилея в общежитие, где жил Орленев, пришел К.С. Станиславский и поздравил горячо юбиляра.

На сцену Большого театра П.Н. Орленева вывели А.А. Яблочкина и О.Л. Книппер-Чехова. Многие друзья-артисты выступили с поздравлениями юбиляру. Выступил с поздравлениями и А.В. Луначарский и зачитал текст «постановления Совнаркома о присвоении Орленеву звания Народного артиста республики».

После юбилейного вечера П.Н. Орленев играл на сцене недолго.

Около семи месяцев П.Н. Орленев пролежал вскоре в Сокольнической больнице из-за страшных головных болей. Это была расплата не за «грехи отцов», а за собственную свободную и буйную жизнь. Болезнь отступила, но, как писал Орленев: «Я опять остался безработным. Сажу со своей семьей, состоящей из жены и двух маленьких моих любимых девочек: Любочки и Наденьки...»

После присуждения Орленеву звания Народного артиста он стал получать государственную пенсию и был окружен почетом.

Прожив трудные годы скитаний и безработицы, П.Н. Орленев смог вести спокойную и обеспеченную жизнь.

С 1926 года П.Н. Орленев стал писать мемуары, которые закончил в 1928 году.

Он прожил жизнь в комнате на Каретном Ряду. Иногда Орленев играл свои старые роли, но новых ему играть не удавалось.

В конце жизни П.Н. Орленев с грустью говорил, что «молодая Россия ничего не знает об Орленеве...»

Павел Николаевич Орлов (Орленев) умер на шестьдесят четвертом году жизни в ночь на 31 августа 1932 года.

ПОЭТЕССА ИЗ СЕЛА ЛОБАНОВО

Пелагея Семеновна Хромова
(1869–1919)

Начинающие литераторы, обратившиеся к И. А. Бунину за советом по поводу творчества, услышали от него такой ответ: «Пишите себя, свое, простое, то, чем больше всего живете дома, на улице, в мечтах, за книгой, в жажде любви...»

Быть может, не знала об этом поэтесса, но писала она о себе...

В своей «Исповеди» П. С. Хромова написала: «Я родилась в 1869 году в селе Лобаново Московской губернии... в бедной крестьянской хате...» Родители ее были неграмотными: отец работал забойщиком скота в Москве, а мать крестьянствовала – в зимние месяцы прядла и клеила гильзы (в селах и деревнях Домодедовской земли было распространено в то время надомное производство гильз для «гильзовой фабрики»).

Маленькую Пелагею родители отдали учиться в только что открывшуюся в селе Лобаново церковно-приходскую школу. Это было тогда событием. Немногим крестьянским детям удавалось учиться.

Хотя и прочилась Пелагея недолго, но она освоила грамоту: научилась читать и писать. Чтение книг стало для П. С. Хромовой насущным делом, о чем она писала: «Любимым моим занятием была книга, я читала, как говорится, запоем по вечерам».

В России в конце XIX века издавалась «Приходская библиотека» для учеников церковно-приходских школ. В книгах «Родные картины» публиковались стихотворения и рассказы великих и знаменитых русских поэтов и писателей, подобранные по временам года: весна, лето, осень и зима. Рассматривая одну из таких книг: «Родные картины (избранные стихотворения и статьи) III. Осень, IV. Зима. Составитель – С. Миропольский, редакция В. И. Шемякина, С.–Пб., 1896 г., которую читала П. С. Хромова. В сборнике стихи и статьи А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Хомякова, И. Тургенева, П. Вяземского, А. Толстого, И. Никитина, А. Кольцова, Н. Некрасова, А. Майкова, Л. Афанасьева, К. Ушинского, К. Р. (Константина Романова), И. Сурикова».

В школах всегда изучали стихи И. З. Сурикова; каждый школьник с детских лет помнит замечательные строки:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой...

Как это близко любому русскому человеку!

В русских селах и деревнях истари было распространено песенное творчество: частушки и песни под звонкие мелодии русских гармошек. Это великое народное творчество с детских лет впитывала и Пелагея Семеновна Хромова. Увлечение русской поэзией, и особенно стихами И. З. Сурикова, определило творческий путь поэтессы Пелагеи Хромовой, она стала сочинять стихи и посылать их в различные народные журналы и поэтические сборники. Первое ее стихотворение было опубликовано в 1904 году в сборнике «К заветной цели», затем стихотворения публикуются в московских журналах, газетах и коллективных сборниках поэзии: «Родные думы», «Народная сила», «Народные досуги», и других.

Пелагея Семеновна Хромова являлась активным членом Суриковского литературного кружка. Иван Захарович Суриков (1841–1880) был организатором и создателем так называемого «Суриковского кружка», в котором проходили школу многие начинающие, а впоследствии известные поэты и писатели. Первыми суриковцами были поэты и писатели-самоучки: С. Дерунов, М. Козырев, С. Григорьев, Д. Жаров, А. Разоренов, И. Родионов, А. Бакулин, И. Тарусин.

В 1872 году была выпущена в свет книга «Рассвет» с рассказами и стихами суриковцев. После кончины И. З. Сурикова работа Суриковского литературного кружка продолжалась. Большую работу в кружке провел крестьянский поэт С. Д. Дрожжин, видным представителем был поэт Ф. С. Шулеву.

П. С. Хромова принадлежала к поколению знаменитых русских писателей: А. М. Горького (1868–1936), И. А. Бунина (1870–1953), А. И. Куприна (1870–1938), Л. Н. Андреева (1871–1919), Ф. С. Шулеву (1868–1930).

У Пелагеи Хромовой было безрадостное детство. Подростком Пашу отдали в ученье в Москву, где она терпела муки от злой хозяйки, которая к тому же сломала ей руку и прогнала в село. Физически работать Пелагее Хромовой стало трудно. В молодые годы на будущую поэтессу свалились различные несчастья: «Умер отец, забрали в солдаты брата-любимца, сгорел дом. Пришлось жить в чужом углу: терпеть холод и голод...» Для постройки дома продали корову-кормилицу.

О тяжелой жизни поэтессы говорят ее стихи: стихи о переживаниях, размышлениях, о несчастной доле бедняков и надеждах на светлое будущее. В стихотворении «Сирота» поэтесса пропела:

С детства самого рассталася
С своей матушкой родимой.
У чужих ты воспиталася
Всем чужою, нелюбимой.
Ты росла, как полыниночка,
В поле горькая качалася,
Одинокой сиротиночкой
Рано с горюшком спозналася...
Подросла ты бледнолицею,
Чернобровой, черноокою
Раскрасавицей-девицею:
Полной, стройною, высокою.
И подружек не дичилася,
Была резвою, веселою,
Но, как видно, уродилася
На работушку тяжелую...

А в стихотворении «Нищие» поэтесса вопрошает:

Ну хоть бы мертвые сказали,
Когда настанет этот час,
Когда любовь к добру и ближним
Вполне введется между нас?

В стихотворении «В море жизни» поэтесса смотрит на будущее с надеждой:

Где мир обитает, где правда сияет,
Как солнечный луч среди дня,
Где люди, как братья, раскроют объятия
И с радостью примут меня...

В стихотворении «Песнь мужиков-добровольцев» под колокольный звон призыв поэтессы:

Восстанемте, братья,
за искренность и правду.
Восстанем за веру светлую.
Восстанем, братья,
за Русь православную,
За матушку-землю родную...

Краеведы В. Болдин и Л. Муравьев уделили большое внимание изучению творческого наследия поэтессы П.С. Хромовой.

На основе материалов Центрального государственного архива литературы и искусства. В. Болдин сообщает: «...в обширном фонде под названием «Коллекция стихотворений» хранится рукописная тетрадь Хромовой – автографы стихотворений, рассказа «Русская масленица» и рукопись автобиографии, относящиеся к началу XX века. Даже руководитель кружка Г.А. Деев-Хомяковский, составлявший в начале 30-х годов сборник «Песни труда и борьбы Суриковского кружка» за 1871 – 1931 гг. и включивший в него стихотворение П. Хромовой «В море жизни», в биографической справке дает весьма скудные и не всегда верные данные о жизни поэтессы, выбившейся из тьмы крепостничества и борющейся за «желанную весну» и лучшее будущее своего народа...»

Литературная работа прокормить поэтессу не могла, и она просит помощи в Суриковском литературном кружке. Она пишет отчаянное письмо Л.Н. Толстому. Поэты Н.И. Волков и С.С. Степанов посоветовали П.С. Хромовой обратиться за помощью к писателю Ивану Белоусову. Поэтесса пишет И. Белоусову два письма (сохранившиеся в архиве).

В первом она сообщила: «Я бедная крестьянская девица Пелагея Семеновна Хромова, пишу стихи самоучкою: училась всего год, не окончила даже начального училища, очень нуждаюсь, и мне советовали обратиться к Вам относительно помощи как нуждающейся поэтессе. Я живу в деревне, у меня нет ни матери, ни земли, ни дома, а, что самое главное, имею слабое здоровье. Я зарабатывала себе пропитание поденной работой, а в настоящее лето много проболела и мало заработала, так что у меня нечем заплатить за квартиру. Летом я проживала в житнице, хотя меня часто мочило дождем... Я была довольна бесплатною квартирою...»

В 1911 – 1913 годах писатель Иван Белоусов неоднократно высылал деньги П.С. Хромовой.

Во втором письме И. Белоусову в конце 1913 года П.С. Хромова сообщает свое местонахождение: «Адрес мой: Белые Столбы, почтовая станция, Московской губернии село Лобаново, Пелагее Семеновне Хромовой...»

В 1913 году поэтесса пишет письмо И.И. Горбунову-Посадову, одному из руководителей издательства «Посредник».

В письме, приведенном в статье Л. Муравьева «Мой адрес: село Лобаново», читаем: «...Я бедная крестьянская девица, пишу стихи самоучкою. Училась всего два года и не окончила начального училища. Я печаталась в мелких народных журналах – в «Доле бедняка», «Северном вестнике»... Я сирота, не имею ни отца, ни матери, ни сестры... и совершенно одинокая. У меня нет своего дома, ни земли, ни скотины, как у всех крестьян, и, что самое главное, имею очень слабое здоровье. Проживаю поденною работой. Летом собираю землянику, грибы, продаю и запасаю себе скудное сбережение на зиму. Расход мой скромный. Я мясо вижу только на Пасху и Рождество. Летом я за квартиру не плачу. Я проживаю в житнице у одной небогатой вдовы. Она меня пускает бесплатно. Это амбарчик, куда собирают хлебные зерна. Хотя меня часто мочит дождем сквозь плохую соломенную крышу, но я неприхотлива. Был бы угол. Прошлой лето я много прохворала и мало заработала... Я в мае буду в Москве, и, если

позволите, я приду к вам со стихами...Адрес мой: почтовая станция Белые Столбы Московской губернии, село Лобаново, Пелагее Семеновне Хромовой...»

Пятнадцать лет назад краевед Л. Муравьев разыскал в Лобанове племянницу П.С. Хромовой Марию Ивановну Горячеву. Она привела его на тихое сельское кладбище у села Лобаново, указала на могилу П.С. Хромовой с установленным на ней камнем без какой-либо надписи.

По воспоминаниям племянницы, тетя часто ходила на кладбище, садилась у дуба (теперь спящего) и писала стихи.

Вот один из таких стихов:

Однажды в праздник, в день веселья,
В середине тихого селенья,
Среди прадедов и отцов,
Среди кладбища мертвецов,
В задумчивой и грустной позе
На покривившейся березе
Сидел поэт, главу понуря.
В душе его кипела буря...

М.И. Горячева вспоминала, что у тети был «целый ящик писем и стихов, был, да вот только не сберегли мы все это. А могилу бережем, ухаживаем за ней...»

1919 год в Московской губернии был голодный, народ косил тиф, умирали даже целыми семьями. Шла гражданская война.

Живя в житнице, П.С. Хромова заболела. В семье брата иждивенкой она жить не хотела: у него самого «только детей было десять человек».

Скопив деньги, П.С. Хромова собралась ехать в Москву и отправилась на станцию Барыбино, до станции не добралась – в пути оставили силы. Брат отвез ее в больницу, просила она дать ей бумагу, ручку и чернила: что-то хотела записать. Однако написать уже ничего не смогла.

В больнице поэтесса скончалась в 50-летнем возрасте, в пору зрелого поэтического творчества. Что было в ее строго охраняемом ящике, сколько стихов осталось, не обнаруженных участницей Суриковского кружка, какую рукопись она приготовила к печатанию, что хотела написать в предсмертные часы, осталось тайной.

П.С. Хромова умерла в 1919 году – в один год с писателем Л.Н. Андреевым, в тяжелый год гражданской войны.

В ЦГАЛИ хранятся лишь немногие рукописи, которые сохранились с тех далеких лет. Но и это малое достойно народной памяти, памяти о землячке – поэтессе Суриковской школы.

«ИЛЬ ТАЙНА ТАЙН ВО МНЕ ОПЯТЬ...»

Анна Ахматова
(1889–1966)

Анна Ахматова – знаменитая поэтесса, последняя из «когорты поэтов серебряного века» русской поэзии, которая, образно говоря, «триумфально въехала» в литературу своей первой книгой стихов «Вечер» (1912 г.), а второй – «Четки» (1914 г.) окончательно закрепила свою славу (вторая книга издавалась девять раз подряд – такой был читательский интерес и спрос).

Ахматова – литературный псевдоним (фамилия ее прабабки по материнской линии из татарского рода), настоящее ее имя – Анна Андреевна Горенко (с корнем слова – горе).

Анна Андреевна родилась 24 июня 1889 года в предместье Одессы под названием Большой Фонтан. Отец – Андрей Антонович Горенко – флотский инженер-механик. Мать – Инна Эразмовна, урожденная Стогова – тверская дворянка (была красавицей с огромными голубыми глазами, черными косами до колен и характерной формой носа с горбинкой, которую унаследовала поэтесса).

Детство Анны Ахматовой прошло на черноморских берегах и в пригороде Петербурга, в Царском Селе. В Петербург Анну Горенко привезли, когда ей был всего один год. В Царском Селе Ахматова училась в гимназии и жила до шестнадцати лет, до развода родителей в 1905 году. Тогда мать с детьми выехала в Евпаторию. Анна Ахматова писала: «Мои первые воспоминания царскосельские: зеленое сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

До 1905 года на летнее время семья Горенко выезжала в Крым, на дачу близ Херсонеса, что под Севастополем. В семье многие страдали от петербургского климата легочными болезнями: обе сестры Ахматовой умерли от туберкулеза, и сама она болела туберкулезом в 1915 – 1916 годах и повторно в двадцатых.

В Евпатории Анна Ахматова прошла последний класс гимназии дома, а через год она поселилась у родственников в Киеве, там она в 1907 году успешно закончила Фундуклевскую гимназию и поступила на юридическое отделение Высших женских курсов. Но юриспруденция Ахматову не привлекала, она всю творческую энергию затра-

чивала на поэзию. Узнав о поэтических опытах дочери Анны, отец запретил ей печататься под своей фамилией, вот так Анна Андреевна Горенко стала Ахматовой.

Духовное одиночество, которое Анна Горенко испытывала в свои восемнадцать лет, отражено в ее ранних стихах, которые она начала писать еще в Киеве и вошедших потом в книгу «Вечер». Анна стремилась всей душой в Петербург, но средств на поездку не было. Только в 1910 году Анна приезжает в Петербург, и в апреле того же года она выходит замуж за Николая Степановича Гумилева, гвардейского офицера-поэта. В свадебное путешествие супруги уезжают в Париж, по возвращении поселяются в Царском Селе. Весной 1911 года Ахматова снова в Париже. А в 1912 году снова путешествие по Швейцарии и Италии. Анна Андреевна восхищается итальянской живописью и архитектурой, об этом она напишет в своих воспоминаниях.

В 1912 году у Анны Ахматовой родился сын Лев Гумилев, он будет единственным и станет крупным русским ученым (доктором исторических и географических наук).

До 1917 года Анна Ахматова жила в селе Слепневе в имении родственников, находившемся в пятнадцати верстах от Бежецка (Тверской губернии).

В Петербурге Ахматова продолжает учебу, занимается на Высших историко-литературных курсах Раева.

Об Анне Ахматовой в ранний петербургский период жизни художник Ю. Анненков напишет: «Грусть была наиболее характерным выражением лица Ахматовой. Даже – когда она улыбалась. И эта чарующая грусть делала ее лицо особенно красивым... Я не мог оторваться от ее лица».

В первых стихотворных сборниках Анны Ахматовой чувствовалась интуиция, дар предчувствия.

О встречах с художником Модильяни в Париже в 1911 году Ахматова напишет: «Его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым звание меня давно привыкли».

В поэзии своим учителем Анна Ахматова называет Иннокентия Анненского, теперь мало известного у нас поэта. Однако влияние на ее поэзию оказали и Баратынский, и Тютчев, и Блок.

В 1917 году Анна Ахматова выпустит третью свою книгу под названием «Белая стая», написанную в Петербурге и в Слепневе. Именно в этой книге поэтический почерк-стиль претерпевает определенные изменения, а в книгах «Подорожник» (1921) и «Anno Domini» (1922) этот стиль канонизируется. В стихах утверждается величавое и одухотворенное, торжественное и трагическое, а главное – патриотическое:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

В двадцатые-тридцатые годы Анна Ахматова редко печатается – шестая книга «Тростники» выйдет лишь только перед Великой Отечественной войной, в нее вошли стихи 1924–1940 годов.

Анна Ахматова пережила много черных дней, напастей, бедствий, несчастий: по-

гиб Н.С. Гумилев – муж, поэт, офицер. А потом – шемящая тоска одиночества...

У Ахматовой была странная и горькая судьба – переживать своих любимых и близких и все снова и снова оставаться одной в этом неустроенном и нескладном мире и в минуты отчаяния сказать:

Я гибель накликала милым,
И гибели один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.

Эти слова Анна Ахматова написала спустя три месяца после трагической гибели мужа, Н.С. Гумилева, в августе 1921 года.

Вся жизнь поэтессы Анны Ахматовой – это как бы бесконечная плата за свою раннюю славу и мировое признание. Это та плата, которой платили в жизни все гениальные поэты: Пушкин, Лермонтов, Есенин, Рубцов.

К ней, как ни к кому из других поэтесс, может быть поставлен определяющий ее жизненную судьбу образ – горемычная.

Анна Ахматова была суеверна, верила в приметы, в сны. В годы войны она пишет: «Это Лермонтов. В его годовщину всегда что-то жуткое случается...». 1941 год – сто лет со дня кончины М.Ю. Лермонтова – совпадает с началом Великой Отечественной войны, так же как сто лет со дня его рождения – 1914 год – начало первой мировой войны.

В июле 1941 года Ахматова написала стихотворение «Клятва»:

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

А 23 февраля 1942 года Ахматова напишет свое «Мужество», которое войдет в школьные учебники.

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

А в 1945 году из уст Анны Ахматовой вырвется:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле – печаль
И долговечней царственное слово.

В послевоенные годы, когда творчество Анны Ахматовой в 1946 году подверглось критике, связанной с критикой журналов «Звезда», «Ленинград», поэтессу не печатают. Наступили годы несправедливой опалы.

Десять лет (1946–1955 годы) Анна Ахматова отдала переводам: сербский эпос, Александр Тома, Рабиндранат Тагор, Джакомо Леопарди, корейские поэты и другие.

Расцвет творчества Ахматовой наступил в конце 50-х – начале 60-х годов. Это последнее десятилетие Анна Ахматова проводит в Москве и в Комарове под Ленинг-

радом, в дачном поселке на берегу моря. Она уже вне критики. А сама она не критиковала и не критикует, не осуждала и не осуждает никого.

Смирение – есть одна из черт ее поэтического дара.

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тем, кто должны веселиться.

Многие, слушавшие Анну Ахматову в годы войны, вспоминали «величественный, благородный и скорбный облик поэтессы», читавшей свои стихи «Клятва» и «Мужество».

Многолетняя дружба связывала Анну Ахматову с известными писателями и поэтами Ленинграда и Москвы. Ее друзьями были А. Блок, Н. Тихонов, К. Федин, П. Антокольский, П. Лукницкий, Б. Пастернак, О. Мандельштам, О. Берггольц, М. Дудин и другие.

В Ленинграде в 1961 году, за пять лет до кончины, Анна Андреевна Ахматова напишет одно из лучших своих стихотворений под названием «Родная земля»:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.

А год спустя, в 1962 году, в Комарове под Ленинградом Ахматова воскликнет:

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

В семьдесят пять лет Анна Андреевна, находясь на закате жизни, произнесет:

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

Седьмая книга Анны Ахматовой вышла со стихами 1936–1964 годов. Эта книга – драгоценное достояние русской культуры. Это гражданские стихи времен Великой Отечественной войны и лирические циклы послевоенных лет.

В 1964 году Анна Андреевна Ахматова удостоилась международной поэтической премии в Италии «Этна-Таормина». В Италии, в Катанье, на церемонии вручения Анне Ахматовой премии присутствовали поэты А. Сурков, А. Твардовский, К. Симонов, М. Бажан. А в 1965 году Анна Ахматова получает почетную степень доктора Оксфордского университета.

Именно в это последнее пятилетие своей жизни Ахматова была как бы вознаграждена за свою горемычность, о чем сама сказала так: «Щедро взыскана дивной судьбою».

В один из дней конца августа 1950 года, будучи на студенческой строительной практике, когда я утром явился в конторку начальника строительства дома отдыха Министерства промстройматериалов, ко мне обратился мастер Г. Глазов и сказал: «Николай, сегодня начнем с тобой закладку на местности главного корпуса дома отдыха, обноску и разбивку. Забирай чертежи...». С чертежами, рулеткой, соответствующим инвентарем мы пришли на стройплощадку. Это было поросшее кустарником местечко в Юшкинском лесу недалеко от склона Судаковского (Сукромского) оврага. Проект лечебного корпуса был выполнен архитекторами и инженерами института «Гипростройматериалы», в плане здание напоминало самолет. Своим фасадом оно

было сориентировано на юг. Целый день с рулеткой в руках мы наносили на месте контуры здания, основные его оси, красную линию фасада, места закладки опорных и ленточных фундаментов, сделали подготовку для земляных работ. На земле с помощью колышков был нарисован удивительный самолет.

Мог ли я тогда предвидеть, что в этом, заложенном в 1950 году и построенном в начале 50-х годов здании, которое будет передано через пять лет санаторию «Подмосковье», полтора десятка лет спустя окончит свой земной путь великая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова.

Она скончалась 5 марта 1966 года, в субботу Великого Поста, между 10 и 11 часами утра в правом крыле корпуса, в палате на первом этаже. Как сообщит в тот скорбный день дежурный врач Маргарита Ваганьянц, Анна Ахматова скончалась с массивным крестом на груди.

Божьим промыслом было избрано именно это местечко на домодедовской земле последним прибежищем земной жизни Анны Ахматовой. Место кончины поэтессы священо, оно находится на благословенной земле древнего селища со стоявшей здесь древней христианской церковью... и в одном километре от Серафимо-Знаменского женского монастыря.

Последние годы жизни Анны Ахматовой связаны с дачным поселком Комарово, где она «располагала летом скромным литфондовским домиком». Там, на сельском кладбище, покоится ее прах под скромным памятником. Очевидцы рассказывают, что над сельским кладбищем, над песчаными берегами кружат балтийские чайки, печально вскрикивая – будто бы скорбя об унесенной морскими ветрами любимой поэтессе. Чайки сопровождали ее всю жизнь, со дня рождения под Одессой и до упокоения под Ленинградом. Она сама как бы олицетворяла собой образ чайки.

Но есть историческое место в России – на домодедовской земле, откуда Анна Ахматова вспорхнула душой в сопровождении ангелов в вечность.

Улица в деревне Заборье, на которой в отдалении виден дом Ф.И. Никонова. Фото 1951 г.

ДЯДЯ ФЕДЯ – ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ТЕЛЕВИЗОРА

Федор Иванович Никонов
(1907–1987)

В далеком 1949 году, будучи студентом, я увидел в читальном зале института книгу под названием «Русская техника» профессора В.В. Данилевского, изданную в Ленинграде, и, читая ее, листая и разглядывая иллюстрации, портреты изобретателей и чертежи изобретений, я понял, как много создано русскими самоучками и инженерами за последние три века.

Благодаря отцу, снабжавшему меня многими замечательными книгами из различных областей знаний, я, быть может, и стал инженером и ученым. Занимательные математики и физики Перельмана были куплены еще до войны. Отец, учившийся в 20-е годы на рабфаке, но не окончивший его в силу житейских обстоятельств, прививал и развивал мой интерес к технике, науке, литературе.

Радио, электротехника, оптика, авиация, архитектура – все было в поле моего зренья, и, конечно же, русская литература, которую хорошо знал отец. Он приобрел революционное издание сочинений М.Ю. Лермонтова (которого очень любил и читал до конца своих дней), письма А.С. Пушкина, изданные к юбилею поэта, и русские сказки – о которых современные дети и не ведают. Много книг было по географии, «Определитель стран мира», о котором особый разговор, так как он теперь не издается. До появления в 1940 г. дома радиоприемника Р-2 был у нас детекторный радиоприемник с наушниками, который потом я разобрал и удивился простоте его конструкции.

Подлинный же интерес в довоенные годы вызывал телевизор, собранный соседом-радиотехником в течение двух-трех лет и заработавший летом 1940 года. Телевизор – это сложная конструкция из блоков, ламп, радиодеталей и телеприемника – вращающейся пластинки на осях небольшого размера. Конструкцию телевизора венчала большая граммофонная труба ярко-оранжевого цвета. Размер телевизора (в плане квадратный) был один метр на один метр и высотой около 2 метров. Телевизор стоял на столе без привычного для нас ящика. При включении телевизора вращалась пластинка и контуры ее исчезали, как спицы во вращающемся велосипедном колесе, и появлялось объемное изображение поющей артистки (особенно запомнилась она). Ее присутствие в комнате было очевидно.

«Дядя Федя Самойлов изобрел телевизор», – передавали детишки друг другу, и

любопытство всех удовлетворялось показом телевизора.

В послевоенные годы я как-то спросил Федора Ивановича: «Кто же вел телепередачи, если телевизор еще не было?». Он мне ответил, что по одному разу в неделю в определенные часы для радиолюбителей вели телепередачи радиостанции им. А.С. Попова и им. Коминтерна.

В 50–60-е годы, будучи аспирантом, а затем ведущим инженером отдела изобретательства и научным сотрудником, я много работал в патентной библиотеке и узнал об обилии изобретений, созданных русскими инженерами-изобретателями и самоучками, и уже книга «Русская техника» В. Данилевского (как и книга «Русские инженеры» Л. Гумилевского) казалась мне просто хорошим учебником для школьников – время меняет старые представления.

И теперь, по прошествии сорокалетнего периода инженерной и научно-педагогической деятельности, я всегда вспоминаю добрым словом всех русских ученых-первооткрывателей и изобретателей, инженеров и конструкторов, внесших значительный вклад в развитие русской науки. К сожалению, мало об этом рассказывается в школе, да и в вузах о русских ученых молчат.

Нельзя не подивиться творческому гению русских изобретателей, живших не только в России, но и за рубежом.

Мало кто знает, что «радиополупроводники», на которых основана вся современная электронная техника, изобрел уроженец тверской земли Олег Лосев в 1921 г., работая лаборантом Нижегородской радиолaborатории. А десять лет спустя, в сентябре 1931 г., уроженец брянской земли Семен Катаев получил патент на изобретенную им электронно-лучевую трубку, опередив на целый месяц уроженца Муромца, что на владимирской земле, Владимира Зворыкина, жившего и работавшего в США и создавшего электронно-лучевую трубку в октябре 1931 г.

Но совсем не знают, что первый телевизор – первый телеприемник с пластинчатой вертящейся телеэкраном объемного изображения – изобрел в 1939 году 32-летний уроженец деревни Заборье Подольского района Московской области Федор Никонов, выпускник Московского радиотехникума и сотрудник радиолaborатории – наш домодовский земляк.

Когда я рассказывал знакомым, что впервые телевизор увидел в 1940 году, то они неодобрительно вслух или молчаливо принимали это за шутку. Но когда узнавали, что говорил всерьез, то удивлению не было конца. И каждый слушатель начинал рассказывать из своей научной и инженерной области о своих первооткрывателях.

Федор Иванович Никонов (1907–1987 гг.) был гениальным изобретателем, по своим знаниям, по творческим открытиям и научному подвигу, быть может, равный Э.К. Циолковскому.

Ф.И. Никонов, как человек, по своему складу ума и характеру с принципиальными и жесткими взглядами, не терпящий фальши и компромиссов как в жизни, так и в своей изобретательской деятельности и работе, всегда был трудный, часто был неугоден и гоним на службе начальством, но уважаем и любим сотрудниками. Он остался не оцененным современниками, как это часто бывает с изобретателями. Отдав весь свой прирожденный талант в свои молодые годы изобретательству, он был постоянно в поиске, много читал (в довоенные годы у него была первая Советская энциклопедия в красных переплетах и множество книг по радиотехнике) и много писал и конструировал (увы, созданное им оказалось разграбленным и растерянным).

Дед Ф.И. Никонова – Василий Самойлович Никонов (1799–1913 гг.), уроженец Смоленской губернии – был призван в армию на 25 лет, служил в Польше, был грамотным человеком – писарем полка. Демобилизовавшись из армии в 1844 г., он вернулся домой на Смоленщину, но никого из родных в живых уже не застал. Купив ло-

шадь с повозкой и положив в нее весь свой небогатый скарб, В.С. Никонов поехал в направлении к Москве искать своего счастья. Стоял жаркий июль месяц. Не доехав сорока верст до Москвы, он под вечер въехал в деревню Заборье и, очарованный красотой здешних мест, заночевал, а утром пошел к старосте деревни с просьбой дать ему место под солнцем для строительства себе дома в деревне. Староста пообещал собрать сход односельчан и решить его вопрос с народом.

На сходе В.С. Никонову было предложено занять место лесника и была уступлена из общинной земли усадьба – участок земли под строительство дома после внесения положенного пая. В.С. Никонов построил дом, женился и исправно нес службу лесника. В 1874 г., когда В.С. Никонову было 75 лет, у него умерла бездетная жена, и он в третий раз женился на 18-летней бедной крестьянке, которая родила ему сына и при родах скончалась. Сына, названного Иваном, выкормила кормилица. Спустя год В.С. Никонов женился в четвертый раз на пожилой женщине, имове, но обвенчан не был согласно уставу Православной церкви. Подрастал сын, наступил срок – и он женился, появился внук. Этот внук был Федор Иванович.

В.С. Никонов прожил долгую и интересную жизнь – 113 лет, с 1844 г. по 1913 г. – шесть десятков лет был лесником, в честь него охраняемый им лес стал называться Самойловским.

О крепости и долговечности хозяина напоминал дуб, посаженный Василием Самойловичем в год своего приезда в деревню Заборье у своего дома. Дуб был спилен в 1980 г. при прокладке газопровода.

Василий Самойлович прекрасно знал природу, лес, собирал лекарственные травы и снадобья и снабжал ими своих односельчан (о нем сохранилось много воспоминаний). Его подстерег случай – на масленицу во время катаний он был сбит конной повозкой, на которой катались мальчишки. Проболев одну неделю, он умер. Феде было 6 лет, когда умер дед, но он его хорошо помнил. Деду, по рассказам Федора Ивановича, был заказан памятник у мастера И.С. Каленова, но началась первая мировая война, и памятник, уже изготовленный, не был выкуплен.

Федя Никонов рос смышленным мальчуганом, много читал и хорошо учился, окончил с отличием 4-классную школу. В детстве часто и много читал Священное Писание – Библию и Жития Святых. Кроме него в семье были еще двое детей: Дмитрий и Мария.

В 1932 г. дом Никоновых (в деревне звались Самойловыми – по деду, которого любовно звали «Самойлыч») сгорел. В пожаре, как рассказывал Федор Иванович, погорели многие ценные вещи, книги, записки и документы деда, в том числе и «История полка», в котором он служил.

Дом восстановили. В 1938 г. Федор Иванович свою усадьбу в 0,58 га засадил яблонями – более 50-ти корней различных сортов, но в 1939 г. землю под садом отрезали, оставив как двору единоличников 0,15 га земли. Перед войной трагически окончилась жизнь матери Федора Ивановича – какой-то рок витал над домом Никоновых.

Женившись до войны, Федор Иванович к началу войны имел двух дочерей: Тамару и Маргариту. Их детство пришлось на трудные военные годы.

Призванный в июле 1941 г. в армию как специалист-радиотехник, Федор Иванович выполнял особое задание правительства, о чем напоминали многие его награды.

После демобилизации из армии в 1945 году Федор Иванович работал на заводе и в конструкторском бюро. В 50-е годы он рассказывал, что из-за простоты устройства телевизоров с электронно-лучевыми трубками, начало которых было положено отечественным телевизором «КВН», телевизор его конструкции по техническим особенностям создан при его жизни не будет. Так оно и оказалось.

Семейные обязанности, обучение и воспитание дочерей и заработка на жизнь не

позволяли ему в послевоенные годы заниматься телевизором. Затраты, которые он вложил в свой первенец, были колоссальны (закупались до войны лампы немецкого производства!).

Есть, наверное, предел человеческих сил и возможностей. Жизнь требовала других занятий, и он с женой освоил домашнее производство валенок. Я видел процесс изготовления валенок и могу сказать, что это тяжкий, каторжный труд. Вскоре у Федора Ивановича умерла жена, и все заботы по воспитанию дочерей легли на его плечи. Закончила курсы старшая дочь, а младшая – биологический факультет МГУ. Потом обе вышли замуж, покинув отца, и он остался один со своими заботами и печальями. хозяйственными работами в саду и по дому. В середине восьмидесятых годов землемер из совхоза «Заря коммунизма», обмерив его земельный участок, записал в книге 0,13 га, не включив 0,02 га луговой земли, находящейся за изгородью. И вот, несмотря на имеющийся у него документ от 1939 г., выданный земельным отделом Подольского райсовета, началось из-за этих двух соток, занятых самозахватчиками, его «хождение по мукам».

Участник Великой Отечественной войны не находил понимания у властей предрешенных: нагрянули из властных структур деятели, на некоторые строительные материалы, которые он заготовлял в течение двух десятков лет для постройки дома, обнаруживались документы, стройматериалы конфисковывались.

Мне запомнились последние два-три года его жизни. Он ходил в одних и тех же ботинках, в изношенном костюме летом и в глянцево-черном поношенном пальто зимой. Дочь Маргарита помогала ему, как могла: на ее деньги был газифицирован дом, обновлена ограда у дома. Федор Иванович жил на свою скромную пенсию и небольшие средства, получаемые от продажи малины из своего сада.

Однажды, пожаловавшись, он сказал мне: «Был бы жив Сталин, я обратился бы к нему», – и стал вспоминать, как он с группой специалистов в войну был на приеме у И. В. Сталина в Кремле, и продолжил: «Уж он бы мне помог!». С открытой, сохранявшей еще седину головой, в тот момент он внешне напомнил мне Н. С. Хрущева. Какая-то обреченность исходила в то время от него. Приближение грозы чувствовалось во всем. Злой рок уже зримо касался его жизни, он умер летом 1987 г. в московской больнице.

Это только в песне пелось: «Мы тебе колхозом дом построим». Старенький его дом с молотка был продан администрацией Одинцовского сельского Совета (при двух дочерях-наследницах Ф. И. Никонова). С исчезновением дома исчезло невосполнимое теперь никакими уже способами уникальное научное наследие Ф. И. Никонова.

Возможно, где-то в середине XXI века, когда развитие телевидения пойдет по новому пути (новое – это основательно забытое старое) и повернет с пути экранного фототелевидения, как исчерпавшего себя, на открытый еще в 1939 году путь «объемного телевидения» (действительно телевидения), тогда вспомнят о первом изобретателе, родившемся в неизвестной деревеньке Заборье под Москвой. Ученые и исследователи всего мира будут разыскивать хоть какие-нибудь научно-биографические сведения о жизни, творческой деятельности и изобретательстве Федора Никонова.

ОН ОЧИЩАЛ ИСТОРИЮ ОТ ПЫЛИ

Алексей Петрович Прусаков
(1902–1970)

«Приехав отдохнуть в санаторий «Подмосковье», я услышал знакомое название соседнего села – Заборье. Конечно же, это было то самое Заборье, и как только я увидел два порядка домов, понял, что не ошибся. Здесь в послевоенное лето вместе с приятелем и соседом по парте Толькой Поляковым работали мы пионервожатыми...»

Егор Яковлев.
(«Секрет старика», 1968 г.)

Эпиграфом к очерку я взял слова известного государственного деятеля, писателя, публициста, бывшего председателя телекомпании в Останкино, потом издателя «Общей газеты» Егора Владимировича Яковлева.

Героем его очерка был лектор, краевед, знаток московских достопримечательностей Алексей Петрович Прусаков.

Я так же, как и Егор Яковлев, знал А. П. Прусакова с первого послевоенного лета, а потому хочу рассказать о нем своим домodedовским землякам. Его знали, видели и слышали многие жители домodedовской земли, особенно сел и деревень, расположенных по берегам реки Рожайи: Ивановка, Ильинское, Одинцово, Судаково, Тургенево, Валищево.

Очень близко я узнал Алексея Петровича Прусакова в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Семья А. П. Прусакова – супруга Мария Николаевна, сын Глеб, дочери Евгения и Ольга – приезжали летом на отдых, начиная с 1936 года, в одну из названных мною деревень.

В течение трех десятков лет А. П. Прусаков читал лекции и проводил экскурсии в пионерских лагерях, домах отдыха и санаториях, расположенных на домodedовской земле.

Алексей Петрович Прусаков был прекрасный рассказчик, слушая его, мне запомнилось: он оставался невозмутимо серьезным, улыбка не трогала его лица.

Высокий, седовласый, с бородкой клинышком, он внешне, как мне тогда видилось, был похож на великого русского поэта Н. А. Некрасова. Алексей Петрович был энергичен, ходил, подавшись всем телом вперед, его фигура как бы летела. Летом он

ходил без головного убора, а в прохладное время – в кепочке. Ходил он постоянно в сером костюме при галстуке. Мне казалось, что у него только и был поношенный от времени серый костюмчик. Своими рассказами и беседами Алексей Петрович очаровывал слушателей и собеседников, а лекции читал – превосходно. Он обладал большими познаниями в области литературы и культуры. Он был, одним словом, эрудит.

Алексей Петрович знал писательскую среду, лично очень многих писателей и поэтов своего поколения, читал лекции в Переделкине.

Приведу такой пример. Однажды сентябрьским погожим днем 1952 года я со своей знакомой пересекал Калининский проспект, и вдруг увидел, что нам навстречу идет писатель А.А. Фадеев со спутником – темноволосым мужчиной роста чуть ниже Фадеева. Мы, перейдя проспект, остановились на тротуаре и наблюдали: А.А. Фадеев и его спутник сели в автомашину и уехали. Через несколько дней я зашел на квартиру к А.П. Прусакову и рассказал об этом случае. Алексей Петрович определенно и решительно сказал, что спутником А.А. Фадеева был поэт А.Я. Яшин. Сомнения мои отпали спустя два десятка лет, когда я прочитал «Воспоминания» поэта А.Я. Яшина, где он рассказал о А.А. Фадееве как близком друге, и, увидев портрет поэта, убедился, что спутником Фадеева был поэт Яшин. Издание книги было посмертным – поэт А.Я. Яшина к тому времени уже не было в живых, он умер в 1968 году.

А.П. Прусаков знал лично А.А. Фадеева, принадлежал к поколению участников гражданской войны.

Семья А.П. Прусакова жила в Москве, в доме на Шлюзовой набережной возле обувной фабрики «Парижская коммуна».

Двухэтажный кирпичный домик, в одной из квартир которого жили Прусаковы, принадлежал обувной фабрике, на которой работал отец А.П. Прусакова Петр Сергеевич.

В конце девятнадцатого века П.С. Прусаков приехал на ямщицкой лошадке в Москву из своей родной Каширы. Здесь он устроился на работу в контору мануфактуры фабриканта Михайлова. Живя в Москве, молодой красавец П.С. Прусаков влюбился в коренную москвичку Елизавету Александровну Раковскую. Род Раковских обосновался в Москве в давние времена, многочисленные его представители тяготели к литературе, искусству, музыке. Из него вышли актеры, композиторы, литературоведы, многие с драматической судьбой.

У супругов П.С. Прусакова и Е.А. Раковской было четверо детей: Николай, Алексей, Мария и Александра.

Старший сын Николай Петрович стал впоследствии художником.

Алексей Петрович Прусаков родился 16 февраля 1902 года. К 1917 году Алексей Петрович успевает закончить реальное училище.

«В 1918 году, – сообщает его дочь Е.А. Прусакова, – отец 16-летним юношей уходит на фронт, вступает в Красную гвардию. Он принимает участие в военных действиях на бронепоезде в прикаспийских степях».

Вернувшись с фронта, А.П. Прусаков, разочаровавшись в революции, вместе со своим братом Николаем Петровичем уходит в старообрядчество. А.П. Прусаков изучает все обряды, каноны и службы по старообрядческим церковным книгам в древнеславянских письменных.

Оба брата, как старообрядцы, отпускают бороды, носят русские косоворотки и высокие сапоги.

В начале двадцатых годов с Волги, из города Рыбинска, приезжает в Москву Мария Николаевна Бекетова для поступления в институт востоковедения. Здесь, в Москве, происходит знакомство А.П. Прусакова с М.Н. Бекетовой, и они влюбляются друг в друга. Молодожены венчаются в старообрядческой церкви.

В первые советские годы Михайловская мануфактура была перепрофилирована, на ее базе создается обувная фабрика «Парижская коммуна». П.С. Прусаков, отец Алексея Петровича, стал первым комендантом «Парижской коммуны». П.С. Прусаков в один из ночных обходов корпусов фабрики «Парижская коммуна» умирает от сердечного приступа в 1929 году.

Период жизни А.П. Прусакова в двадцатые годы связан с романтическим взлетом его поэтического творчества. «Стихи и поэмы, эссе и драмы, полумистические, полуфантастические, как сплав символизма с футуризмом, очень своеобразно наполняют его духовный мир», – пишет об отце Е. А. Прусакова.

В те годы А.П. Прусаков работает счетоводом на гвоздильном заводе. Его семья уже из пяти человек, трое детей.

Несмотря на семейные заботы, Алексей Петрович пытается познать культуру.

Вместе с М.И. Жаровым он сдает экзамены в Щепкинское училище. Прусакова зачисляют в училище, однако учиться в Щепкинском училище он не стал. Продолжая работать на заводе, он пишет статьи по экономике промышленности, публикует в ряде журналов. Благодаря этим статьям Прусакова приглашают работать в плановый отдел наркомата тяжелой промышленности. Работая в наркомтяжпроме, А.П. Прусаков заочно заканчивает институт философии и литературы (ИФЛИ).

В 1934 году А.П. Прусаков заболевает сыпным тифом в тяжелой форме, получает осложнение и в результате болезни – инвалидность, ему назначают пенсию. С 1936 года А.П. Прусаков на нештатной работе, он руководит литературными кружками на фабриках и заводах Замоскворечья, пишет пьесы, ставит их на сценах рабочих клубов. Общение с рабочими дает ему возможность заняться фабрично-заводским фольклором. В довоенные годы он публикует в газетах и журналах собранные им песни и частушки, сам пишет стихи, особенно много для детских журналов.

Найти себя, раскрыть свои способности и ощутить свою полезность людям помогло Алексею Петровичу краеведение. Он изучает историю Москвы и ее окрестностей, пишет рассказы и статьи. В подмосковных пионерских лагерях, куда он выезжает в летнее время, А.П. Прусаков читает лекции и выступает с рассказами из своей собственной жизни – воспоминаниями о гражданской войне – и с рассказами советских писателей, водит по историческим местам экскурсии. А.П. Прусаков выступает в качестве экскурсовода по достопримечательным местам Замоскворечья, Каширы, Серпухова, Подольска, Хотькова, Клина. Особенно большую работу Прусаков ведет на домодовской земле, составляет схемы маршрутов для походов со школьниками и пионерами.

Евгения Алексеевна, дочь А.П. Прусакова, любезно предоставила мне планы и отчеты, составленные ее отцом, под названием: «Мои лекции, доклады, литературные вечера, походы в лето 1954 года». Такие же планы составлены А.П. Прусаковым на 1955–1957 годы. Бисерным и четким почерком на тетрадных листах все расписано по дням, темам лекций и местам чтения лекций, приведены номера путевок, полученные в экскурсионных бюро, число слушателей и отзывы на лекции.

Доклады и лекции читались в пионерских лагерях, домах отдыха и санаториях, в библиотеках и избах-читальнях, в клубах и дворцах культуры, в колхозах и на заводах. В планах указаны города, железнодорожные станции в Подмосковье, дома отдыха и санатории, куда выезжал для чтения лекций А.П. Прусаков. С каких вокзалов только не выезжал Алексей Петрович! Его маршруты начинались с Павелецкого, Курского, Киевского, Белорусского, Ярославского, Казанского, Ленинградского и Савеловского вокзалов. Санатории и дома отдыха Востряково, Монино, Полушкино, Васильевское, Переделкино, Истра, Александровка, Хотьково, Щербинка и многие другие.

В селе Мелихово он читал лекцию о А. П. Чехове, в доме отдыха Щербинка – лекцию «История Подольского района», в доме отдыха Полушкино – лекцию «История Рузского района», в доме культуры «Правды» – лекцию «Архитектурные памятники Москвы», в писательском Переделкине – лекцию «История Переделкина».

А. П. Прусаков побывал во всех здравницах на домодедовской земле (бывших Подольского и Михневского районов). Особенно часто Алексей Петрович бывал в доме отдыха 45 завода, где директором многие годы был П. А. Подосиновиков. По рассказам директора дома отдыха, лекции Алексея Петровича хорошо и тепло принимали отдыхающие – рабочие завода.

Однажды, выполняя поручение Алексея Петровича, я отнес Подосиновикову письмо Прусакова и у меня с ним был долгий и интересный разговор.

У А. П. Прусакова много публикаций, начиная с довоенных лет, в журналах «Советский фольклор», «Русская речь» и в детских журналах. В послевоенное время А. П. Прусаков издает краеведческую книгу о городе Кашире – городе его предков («Город Кашира», М., 1947 г.).

Мне вспоминается доклад А. П. Прусакова в малом зале Центрального дома литераторов, куда я был приглашен со своим другом, окончившим летное училище лейтенантом Николаем Щербаковым, осенью 1950 года.

В ЦДЛ мы приехали заранее, осмотрели в фойе выбитые на мраморе и написанные золотом имена писателей-фронтовиков, не вернувшихся с войны, а потом прослушали доклад А. П. Прусакова о фольклоре.

Под впечатлением от выступления А. П. Прусакова и прочтения рассказа писателя С. П. Антонова «Поддубенские частушки», опубликованного в журнале «Огонек», я стал записывать подмосковные частушки, тем более что со школьных лет играл на гармошке так называемые «страдания», слышал и знал их немало.

А будучи в городе Саратове на преддипломной практике летом 1951 года, записал там до полусотни частушек.

По совету А. П. Прусакова, переписав частушки в тетрадь, я отвез ее в Центральный дом народного творчества имени Н. К. Крупской, где у меня приняли рукопись с частушками и занесли в книгу поступлений.

По совету А. П. Прусакова в 1950 году я начал заниматься в литературном объединении при Московском областном доме народного творчества, находившемся тогда в здании на углу Хрустального переулка. Директором МОДНТ был прекрасный организатор А. П. Васильев. Посещая творческие занятия в литобъединении МОДНТ, я многое почерпнул тогда, появилось понимание литературного процесса. В литобъединении занимались в основном сотрудники районных газет, в 1951 году в МГУ был открыт новый факультет – факультет журналистики, и многие из слушателей поступили тогда в университет. Вели семинары в литобъединении известные писатели, поэты и драматурги Москвы. Особенно запомнился тогда еще молодой поэт Евгений Винокуров, руководивший семинаром поэзии, который сам закончил литинститут в 1951 году (автор известной песни «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой»).

По совету же А. П. Прусакова я начал сотрудничать в газете «Московский комсомолец», писать очерки на сельские темы.

В конце сороковых годов редактором районной газеты «Подольский рабочий» был Николай Иванович Большаков. По рекомендательному письму А. П. Прусакова я познакомился с Н. И. Большаковым, побывал у него дома на Рабочей улице Подольска, и храню теплое воспоминание о нем, как о добром и прекрасной души человеке.

А. П. Прусаков на протяжении всей своей жизни вел активную общественную работу во многих учреждениях Москвы. Передо мной листок «Сведения об обществен-

ной работе лектора за 1949 год», любезно предоставленный его дочерью Е. А. Прусаковой. В нем сказано, что А. П. Прусаков – внештатный научный работник Института мировой литературы имени Горького, научно-исследовательского института краеведения и музейной работы комитета культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР, лектор Московского областного краеведческого музея, член секции народного творчества Союза советских писателей с 1935 года, член лекторской группы отдела культурно-просветительской работы исполкома Кировского райсовета г. Москвы.

В «Слове об отце» журналистка Е. А. Прусакова (сотрудница газеты «Московский комсомолец», а потом, до ухода на пенсию, газеты «Правда») написала: «И, конечно же, душу отдал Алексей Петрович рассказам о Москве и Подмосковье. Его приглашали вести экскурсию по Замоскворечью, в Остафьево, в Каширу, в Подольск, в Серпухов».

Дома у нас не было ни одного праздника без его «домашних» стихов – подношений и поздравлений, без придуманных им и самим сделанных настольных игр и шуток.

Каждое лето мы, дети, жившие в деревне на даче, постоянно ходили в походы по окрестностям, разговаривали флажками – азбукой Морзе, рисовали карты на конкурс. И все это придумывал Алексей Петрович.

Жили мы впроголодь на его 50 рублей – пенсию, на его случайные заработки, но все доброе, что он вносил в нашу жизнь и в жизнь всех, как-то вставало выше всех жизненных невзгод. При всех житейских трудностях, при материальном неблагополучии наши родители все-таки приложили все усилия, чтобы каждый из нас получил высшее образование. Во время войны мы все оставались в Москве. Алексей Петрович постоянно дежурил и на крыше, и возле домов, и был ранен осколком снаряда в голову...

Я всегда знала, что по возвращении из командировки, из похода, из отпускных поездок дома ждут не только меня, но и моего рассказа, что все увиденное, испытанное мной будет интересно всем, потому что это прежде всего интересно Алексею Петровичу. Все в нем находило отклик для любого, кто к нему обращался, все согревало добром. Поэтому так тянулись к нему люди. На даче в деревне мы покоя не знали: постоянно приходили люди из соседних домов отдыха и пионерских лагерей, просили его прийти рассказывать...

Остались стихи, дневники, фотографии, кинофильмы о нем и о той Москве, остался его скульптурный бюст на могиле Востряковского кладбища, выполненный Олегом Иконниковым, который его хорошо знал. У бюста надпись: «Я доброе слово людям дарил».

Егор Яковлев о А. П. Прусакове написал очерк «Секрет старика» («Пять историй из пяти стран», «Молодая гвардия», 1968 г.). Очерк был опубликован и в журнале «Юность», № 12 за 1968 г. В послевоенное лето Егор Яковлев был пионервожатым в лагере, который размещался тогда в Заборьевской школе – в ее двух бревенчатых домиках. Вот как пишет Егор Владимирович о Прусакове: «Приехав отдыхать в санаторий «Подмосковье», я услышал знакомое название соседнего села – Заборье. Конечно же, это было то самое Заборье, и как только я увидел два порядка домов, понял, что не ошибся. Здесь в послевоенное лето вместе с приятелем и соседом по парте Толькой Поляковым работали мы пионервожатыми. Был тут лагерь дорпрофсоюза Павелецкой дороги...»

Приезда гостя ждали в лагере за несколько дней. Ребята, кто отдыхал здесь в прошлом году, рассказывали о старике почти чудеса... И вот он появился. Впервые в столовой. Был он худ, высок, изможден. С седой бородкой и седой шевелюрой. Длинные

руки беспрестанно сутились. Одет в заношенный костюм, серая рубашка штопана-перештопана. Был он голоден, как все, кого я знал в тот послевоенный год. Приехал он, как догадываюсь я теперь, по путевке общества «Знание», или как оно тогда называлось, но для нас он едва ли не был посланцем небес. Старика представляли писателем, и он, помнится, показывал написанные им путеводители по Подмосковию. В лагере, где никто и мечтать не смел о добавке, его кормили по нескольку раз. И это никого не удивляло: вечером ему предстояло рассказывать. Все ждали, когда стемнеет.

Мы собрались в открытой беседке. Ночь была по-летнему жидка, и на горизонте угадывалась темная полоска леса. Старик, как и в прошлом году, рассказывал «Месс-Менд». Признаюсь, я прочел эту книгу лишь теперь, не видел поставленного по ней когда-то фильма, но всегда прекрасно помнил рассказ старика. Многие легло на зрительную память, и я вижу, как несут по сходящим цинковый гроб, как раздвигаются стены перед тем, кто знает пароль, как сшибаются в катастрофе автомобили в Нью-Йорке. Слушать было жутко. Перед началом старик предупредил притихших мальчишек и девочек, чтобы они не пугались, когда появится черная рука. И от ожидания ее появления, конечно же, было еще страшнее. Да что там пионеры, у нас, вожатых, пробегал мороз по коже. Подняв руку на фоне серого ночного неба, он выкрикивал после паузы:

– Появилась черная рука!

Позже я узнал, что «Месс-Менд» написала Мариэтта Шагинян. Но и по сей день живет во мне наивная убежденность, что старик принимал участие в создании повести. А может быть, не такая наивная?

Старик давно превратил этот рассказ в свой, в тот выношенный и, несомненно, оригинальный сплав, где не скажешь, что твое, а что заимствовано.

Два вечера прошло в беседке: но уже после первого, когда наутро всем лагерем отправились в поход, мы были преданы старику душой и телом. Наш путь был невелик, километров десять по кругу. Но какими удивительными и неразгаданными оказались места, где мы жили. Сколько историй, легенд, гипотез знал он о лесе с курганами, где бывали мы каждый день, о высоком берегу реки с осыпавшимся лазом, о старой усадьбе.

Старик был первым, кто открыл мне свободу во времени, научил, как на диван с ногами, залезать в далекое прошлое, действовать и переживать в нем.

Для городских мальчишек он вынес историю из школьного класса, учебников с разрисованными от скуки портретами освободителей и завоевателей, пыльных наглядных пособий с заломанными краями в обычный подмосковный лес и поле. Он и в этот раз пообещал, что когда-нибудь мы разроем курганы с погребениями 1812 года, облазим подземный ход и этим самым добавим к истории то, о чем и не помышляла наша преподавательница с бамбуковой указкой Сусанна Васильевна.

Я не знаю, все ли было на самом деле так, как рассказывал старик, правда ли, что именно здесь столкнулись в поединке донские казаки Платова и конница Мюрата. Но, быть может, как раз с того дня я люблю выдумывать и фантазировать, искать, ухватившись за самую малость...

Старик подарил чувство ожидания. Ожидание открытия, которое вот здесь, рядом с тобой, на расстоянии вытянутой руки.

Лето, когда-то проведенное в лагере, теперь казалось таким значительным, что мне снова захотелось пройти маршрутом, которым шли мы за стариком, вернуть радость, которой оделил меня два десятилетия назад заезжий краевед.

Назавтра я снова был в селе Заборье. Во дворе бревенчатой школы и следа не осталось от той беседки, где с наступлением темноты рассказывал старик. Но я все-

таки разыскал это место и попробовал услышать: «Появилась черная рука!». Из этого ничего не вышло. Я улыбнулся и вышел в поле, решив повторить поход юности...

P.S. А старика я все-таки разыскал. Краевед и путешественник Алексей Петрович Прусаков живет в Москве. И когда приезжал к нам в лагерь, он был вовсе не старик. Это так нам, мальчишкам, казалось. Теперь ему уже седьмой десяток. Экскурсии он больше не водит. И не потому, что тяжело стало на старости лет. Говорят, им недовольны в экскурсионном бюро – много от себя прибавляет.

Вот так же и я, как Егор Владимирович Яковлев, когда-то был очарован рассказами Алексея Петровича Прусакова.

Многое уже улетучилось, многое уже позабыто от тех далеких сороковых-пятидесятых годов. А последняя наша встреча с А.П. Прусаковым произошла в конце шестидесятих годов. Алексей Петрович заметно постарел, но еще бодро держался. Наша беседа была краткой – мы спешили каждый на свой поезд.

О кончине Алексея Петровича Прусакова я узнал от его дочери Ольги Алексеевны, которой ныне тоже уже нет в живых.

Алексей Петрович Прусаков умер скоропостижно 14 августа 1970 года во время чтения лекции в доме отдыха. Завершилась жизнь, отданная людям, жизнь подвижника от культуры.

Сколько энергии отдавал Алексей Петрович для чтения лекций? Известно только одному Богу! Могу судить по себе, имея тридцатилетний стаж лектора – доцента вуза.

В своей книге «Из истории земли Домодедовской. Записки краеведа» я трижды упомянул имя А.П. Прусакова. В те далекие пятидесятые годы Алексей Петрович своими рассказами вдохновил меня на изучение родного края. С тех пор я начал вести записи рассказов моих родителей, родных и земляков, я начал изучение исторических первоисточников, документов, публикаций – так началось создание моей книги.

Память! Она живет в русском народе. Она облагораживает душу человека, она делает душу совестливой.

В первом ряду второй слева – Н.М. Лифанов,
третий слева – губернатор Австралии,
герцог Глостерский.

ДИПЛОМАТ ИЗ ДЕРЕВНИ РЕДЬКИНО

Николай Михайлович Лифанов
(1904–1975)

На домodedовской земле родился и многие годы жил Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Австралии Николай Михайлович Лифанов. Наш земляк не столь известен широкой общественности, как, например, А.А. Громыко (в годы Великой Отечественной войны был послом СССР в США), но рассказ о дипломате заслуживает безусловного внимания.

Посол – это высокое звание полномочного представителя России за рубежом, решающего важные государственные дела. Достаточно сказать одно слово «посол» – и этим все сказано.

Послами России были такие знаменитые и великие наши соотечественники, как М.И. Кутузов, А.С. Грибоедов, Ф.И. Тютчев.

Впервые о Н.М. Лифанове я услышал в военном, 1944 году. Отец, читая центральную газету, обратил мое внимание на статью, в которой говорилось о посланнике Советского Союза в Австралии Н.М. Лифанове. «Лифанов, – сказал отец, – мой старый друг, мы вместе учились в школе, на рабфаке в Подольске и вместе работали на Подольском механическом заводе в двадцатые годы».

География мною была уже пройдена, школьный курс невелик. Я представил себе Южное полушарие Земли, достал «Определитель стран мира» и прочитал об Австралии: столица, население, главная река страны и другое. Далекая Австралия стала для меня как-то ближе, вызвала интерес.

Спустя, быть может, полгода отец рассказывал моей маме: «Сегодня видел Колю Лифанова. Ехал к матери в Редькино». И отец стал вспоминать годы, когда он вместе с Лифановым ходил по понедельникам на работу в Подольск. Рано утром отец поднимался, шел дорогой в Редькино, заходил за своим другом и потом они вместе шагали через село Никитское в Подольск, преодолевая 18-километровый путь за 3 часа.

Помню, отец извлек из своего архива старые блокноты в желтых обложках и показал мне свои записи, которые он делал на рабфаке. Меня удивило то, что я, учась в восьмом классе, разделы математики, записанные в блокноте, еще не изучал. Все предметы отцу давались легко, но французский язык он осваивал с трудом. Иностранный язык, по словам отца, преподавала настоящая француженка. Весь учебный урок велся на французском языке, а начинался он с приветствия: «Бонжур, мадам!»

Другу отца Николаю Лифанову языки давались легко. По языкам он преуспевал. Вот и все, что я узнал о Лифанове от отца. Фамилия запомнилась на долгие годы. И вот спустя полвека я пишу о нем.

Николай Михайлович Лифанов родился в деревне Редькино Домodedовской волости Подольского уезда 11 декабря 1904 года. Крестьянский род Лифановых – московский – ведет свое начало с XV века. На карте-схеме, составленной около 1670 года, деревня Редькино значится как Реткина. Деревня находилась на древней дороге: село Броннице (ныне город Бронницы) – село Подол (ныне город Подольск). Семья Лифановых была многодетной: пятеро сыновей и трое дочерей.

В небольшой московской квартирке о семье Лифановых мне рассказывает Галина Николаевна Лифанова – дочь Н.М. Лифанова.

Дед ее, М.Н. Лифанов из деревни Редькино, работал станочником на Подольском механическом заводе Зингера и однажды увидел и влюбился в девушку Груню, жившую в деревне Услонь под Подольском. Девушка Груня была уже на выданье, дружила с односельчанином Феей, была в него влюблена, и между ними все было оговорено о свадьбе. Но М.И. Лифанов из Редькина не мешкая заслал в Услонь сватов, и родители Груши выдали дочь замуж – так Аграфена попала в семью Лифановых, скрепя свое сердце и обижаясь на такой поворот жизни. Возлюбленный Феея не пернес такого удара судьбы – застрелился. Муж по характеру был человек суровый и властный. Груне пришлось больше молчать и нести смиренно по жизни свой супружеский крест. Жизнь наложила свой отпечаток на характер Аграфены Ивановны – она была молчаливой, не ходила к соседкам «судить и перемывать косточки односельчанам».

Аграфена Ивановна рано овдовела, муж М.Н. Лифанов умер в 1918 году. Ей, родившейся в 1876 году, было тогда 42 года. В семье уже было восемь детей, старшей дочери шел восемнадцатый год, старшему сыну – четырнадцатый, а самому младшему был всего один год. По старшинству дети шли: Екатерина, Евдокия, Николай, Алексей, Сергей, Михаил, Татьяна и Виктор.

Все дети остались живы, всех вырастила и вывела в люди Аграфена Ивановна, дождалась внуков, правнуков и скончалась в 1961 году на 85-м году жизни.

В апреле 1917 года 12-летнего Колю Лифанова отец привел на Подольский механический завод, на котором работал сам, и определил его учеником токаря. Коля быстро овладел специальностью и уже через два года стал токарем. В 1922 году Коля Лифанов вступил в комсомол, а в 1927 году стал членом ВКП(б); в 1927 – 1928 годах был секретарем комитета комсомола Подольского механического завода. В Подольске Н.М. Лифанов окончил рабфак и в 1928 году поступил на учебу в Московский институт востоковедения, который закончил в 1931 году. В 1929 году, будучи студентом, женился на однокурснице подольчанке Евгении Александровой, которую знал по работе на заводе и учебе на рабфаке. Александровы были коренные подольчане и жили в собственном доме на Февральской улице города. В 1930 году родилась дочь Галина. С ноября 1931 года Н.М. Лифанов работает в наркомате внешней торговли, командировается как знающий китайский язык в Китай, где находится два года. С января 1934 года Н.М. Лифанов – аспирант института востоковедения по кафедре «Экономика Китая». По окончании аспирантуры отделом ЦК ВКП(б) по высшей школе был направлен в город Ташкент на должность заведующего учебной частью административно-правового факультета САГУ (Среднеазиатского государственного университета), где работает с октября 1936 по сентябрь 1938 года.

С сентября 1938 года Н.М. Лифанов – сотрудник народного комиссариата иностранных дел СССР, сначала трудится референтом. С 1941 года Н.М. Лифанов – заведующий Первым Дальневосточным отделом НКВД СССР. В декабре 1944 года он назначается Чрезвычайным и Полномочным Посланником советской миссии в

Австралии.

Галина Николаевна Лифанова вспоминает: «Мы отбыли из Москвы в Австралию 13 марта 1945 года, ехали поездом до Владивостока, из Владивостокаплыли на теплоходе «Сухона» до города Портланд в Америке. В США затем переехали в Сан-Франциско, где жили с 30 апреля 1945 по сентябрь 1945 года. Отец с 3 мая 1945 года принимает участие в Сан-Францисской мирной конференции, как представитель СССР он стоит у истоков создания Организации Объединенных Наций (ООН), являясь членом советской делегации, возглавляемой В.М. Молотовым».

В «Переписке председателя Совета министров СССР с президентом США во время Великой Отечественной войны» (Госполитиздат, том II, 1957 г.), в письме президента США от 31 июля 1945 года на имя генералиссимуса И.В. Сталина и в советскую делегацию в Сан-Франциско сказано: «Хотя устав официально не ратифицирован, представители Союза Советских Социалистических Республик согласились с ним в Сан-Франциско и Советское Правительство будет одним из постоянных членов Совета безопасности».

«Из Сан-Франциско на шведском белом корабле «Марабука» мы, – рассказывает Галина Николаевна, – плывем в Австралию. Осенью 1945 года мы уже в столице Австралии – городе Канберра. До 1948 года отец являлся посланником (так как дипломатические отношения с Австралией стали на уровне миссий). А с 1948 года отец являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Австралию (дипломатические отношения с Австралией поддерживались на уровне посольств). Н.М. Лифанов возглавляет Советское посольство в Австралии до 7 ноября 1953 года. В 1947 году Галина Лифанова возвращается в Советский Союз, продолжает учебу в школе и в Московском институте иностранных языков. После окончания института будет работать переводчицей и преподавателем в Московском государственном университете.

После возвращения из Австралии Н.М. Лифанов работает в МИДе СССР, назначается в 1954 году директором Высших курсов иностранных языков МИДа СССР. На этом посту он работает до своей отставки в 1972 году.

В 60 – 70-е годы Н.М. Лифанов часто посещает свою малую родину – Редькино, об этом говорят фотографии тех лет. Он бывает и в однодневном доме отдыха МИДа.

Н.М. Лифанов с юности любил петь русские народные песни и на этой почве находился в большой дружбе с народным артистом Иваном Семеновичем Козловским. Лифанов обладал драматическим тенором, брал уроки пения, изучал ноты, исполнял арии Дубровского и Надира, но особенно любил петь романс «Однозвучно гремит колокольчик...», в доме отдыха пел его на бис...

И.С. Козловский по дружески обращался к Н.М. Лифанову и звал его «Лифаныч».

«Однажды, – рассказывает Г.Н. Лифанова, – после какого-то банкета И.С. Козловский затащил на свою квартиру отца и своих друзей. И когда И.С. Козловский в своей на двух уровнях (двухэтажной) квартире ушел на второй этаж, отец запел романс «Однозвучно гремит колокольчик...». В это время показался Иван Семенович и по окончании пения аплодировал исполнителю. Потом Иван Семенович пел под гитару Иванова-Крамского свой любимый романс «Я встретил вас, и все былое...» А Рубен Симонов читал стихи про челн».

Галина Николаевна вспоминает, что незадолго до кончины бабушки Аграфены Ивановны она увидела, как бабушка водила пальцем по строкам Евангелия и что-то шептала. Зная, что бабушка не умела читать, Галина взяла в руки Евангелие и стала читать ей вслух. Внучка читала, а бабушка гладила внучку по головке и приговаривала: «Какая ты у меня умница, какая ты у меня умница. Божие слово знаешь». А перед самой кончиной во время своей болезни Аграфена Ивановна сказала внучке: «Я скоро умру – за мной Федя приходил». Внучка знала о Феде, и на ее глаза навернулись

слезы.

На похороны Аграфены Ивановны в 1961 году съехались все родственники отдать ей свой последний земной поклон.

В Дипломатическом словаре (изд-во «Наука», том 2. М., 1985 г.) о Лифанове записано так: «Лифанов Николай Михайлович (1904–1975), советский дипломат, имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. На дипломатической работе находился с 1938 года. В 1938 – 1941-м – сотрудник центрального аппарата НКВД СССР; в 1941 – 1944-м – заведующий 1-м Дальневосточным отделом НКВД СССР; в 1944 – 1948-м – посланник, а в 1948 – 1953-м – посол СССР в Австралии; в 1954 – 1972-м – директор высших курсов иностранных языков МИДа СССР, с 1972 года в отставке».

Вот так кратко и лаконично записано о после Советского Союза в Дипломатическом словаре. Но за этими скупыми словами о занимаемых постах целая жизнь дипломата длиной в 34 года. Поездки, полеты, морские плавания. Каждодневная дипломатическая работа в Москве и за границей. Приемы высокопоставленных представителей зарубежных стран и встречи. Восемь лет жизни на большом материке-континенте Австралия.

Встречи и беседы с В.М. Молотовым, А.А. Громыко и многими-многими другими.

Особая дружба с Народным артистом Советского Союза И.С. Козловским.

На посту директора Высших курсов иностранных языков МИД СССР Н.М. Лифанов проработал восемнадцать лет. Подготовил много первоклассных специалистов для дипломатической работы.

После ухода в отставку в 1972 году Н.М. Лифанов прожил три года. В течение двух последних лет жизни подолгу живет в деревне Редькино. Зов Родины заложен в каждом человеке (да и не только в человеке, но и во всех живых существах: зверях и птицах), он и позвал Н.М. Лифанова на его историческую землю к полям, к лесам, к милой речке Рожайе, к земле своих предков, к земле своего детства. Здесь, в Редькине, Николай Михайлович заболел и был отвезен в больницу, где он скончался в сентябре 1975 года.

«Вечерняя Москва» опубликовала некролог: «Руководство, партийный и местный комитеты МИД СССР с глубоким прискорбием сообщают о смерти персонального пенсионера союзного значения, Чрезвычайного и Полномочного Посла Николая Михайловича Лифанова и выражают соболезнование семье и близким покойного». Похоронен Лифанов на Востряковском кладбище Москвы, что по Киевской железной дороге.

Рассказ о Н.М. Лифанове будет неполным, если не рассказать о его родных братьях. Все братья Н.М. Лифанова заслуживают того, чтобы о них сказать благодарное слово. Все они поработали на благо России и внесли свои посильные вклады – каждый в своем профессиональном призвании.

Алексей Михайлович Лифанов (1907–1988) был по образованию инженер, организатор производства новейших самолетов, начинал свой жизненный путь на Константиновской шерстопрядильной фабрике. В 1929 году он поступил на курсы авиационных техников в Москве, после окончания которых был командирован в город Батайск в летную школу в качестве инструктора авиационных техников. В предвоенные 30-е годы он работал в ЦААМЕ, где занимался испытанием авиационных двигателей. В годы Великой Отечественной войны он работал на авиационном заводе, а в послевоенные годы работал на заводе, принимал активное участие в изготовлении и испытании ракетной техники.

Сергей Михайлович Лифанов (1909–1941) – летчик-пилот, кончил Воронежское военное летное училище. В 1940 году в звании старшего лейтенанта участвует в войне

с белофиннами, за подвиг в боях награжден орденом Красной звезды. С начала Великой Отечественной войны С.М. Лифанов на фронте, летал на самолетах ТБ-2 и ТБ-3. Он участвовал в налетах на Берлин и Кенигсберг. За боевые подвиги С.М. Лифанов был награжден в 1941 году орденом Боевого Красного знамени. Старший лейтенант С.М. Лифанов погиб в ноябре 1941 года под Москвой, после бомбежки Кенигсберга при возвращении на московский аэродром самолет был атакован мессершмиттами. Штурман спасся на парашюте, а командир самолета пилот С.М. Лифанов погиб. В Воронеже осталась жена с маленькой дочкой.

Михаил Михайлович Лифанов (1911 – 1986) – военный врач, участник Великой Отечественной войны, подполковник медицинской службы. Он начал работать на Подольском механическом заводе, кончил рабфак, а потом 1-й Московский медицинский институт. С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны на фронте. После войны М.М. Лифанов работал в медицинских учреждениях города Подольска. 2 августа 1986 года газета «Подольский рабочий» опубликовала некролог о кончине М.М. Лифанова.

Самый младший из братьев Лифановых, Виктор Михайлович (1917–1994), жил и трудился до последних своих дней на малой родине, в деревне Редькино. Он был участником Великой Отечественной войны, артиллеристом-зенитчиком, охранял в 1941 году Москву и дошел до Кенигсберга.

Пристально вглядываясь в советское прошлое родины, я думаю о том, какие удивительные возможности открылись для простого человека на примере только одной крестьянской семьи Лифановых из деревни Редькино.

Отец Лифановых рано умер, оставив на попечение безграмотной супруги Аграфены Ивановны восемь детей. Семья Лифановых выжила и в гражданскую войну, и в послереволюционные годы, все дети окончили школу, а сыновья – военные школы, рабфаки и трое из них – высшие учебные заведения.

У Николая Михайловича Лифанова – трое детей. Дочь Галина Николаевна окончила институт иностранных языков, работала преподавателем английского языка в МГУ и переводчицей. Старший сын, Михаил Николаевич, – инженер. Младший, Василий Николаевич, – музыкант.

В деревне Редькино, на родовой усадьбе Лифановых, крепко врос в землю своими корнями дом, который построил в середине 20-х годов Николай Михайлович Лифанов и две его старшие сестры, Екатерина Михайловна и Евдокия Михайловна.

Будем хранителями нашей русской истории, сохраним в памяти имя нашего земляка Чрезвычайного и Полномочного Посла Николая Михайловича Лифанова, сделавшего заметный вклад на ниве дипломатической службы! Сохраним в памяти имена и его родных братьев, оставивших заметный след на нашей земле!

УЧЕБНЫЙ МАСТЕР МИФИ

Очерк посвящен памяти моего отца
Чулкова Александра Степановича
(1902–1967)

*О дом отеческий! О край всегда любимый!
Родные небеса!..*

Е.А. Баратынский

На склоне лет часто вспоминаются детские, довоенные мои годы... Папа, мама, бабушка Катя – дорогие, ушедшие в мир иной, мои родные. Наш деревенский дом на большой чудесной усадьбе. Прекрасный Чулковский пруд, созданный трудами моих предков, с аллеей красивых плакучих ив, числом восемнадцать! (Остались они только на фотографии, сделанной мною.) В пруду купались, брали воду для поливки огородов, полоскали белье и даже ловили карасей. На усадьбе позади дома большой сарай для сена, в котором был погреб, а далее заброшенное гумно, где цепями молотили рожь да пшеницу в доколхозные годы, и место, где когда-то стоял амбар.

Луг усадьбы в разноцветье: гвоздички, васильки, ромашки, душистый красный клеверок. В саду старые полудикие яблоньки, вишняк, малинник, крыжовник.

Отец косил траву. Мы дети: я и сестра Зоя, сушили сено (для нас были изготовлены маленькие грабли). А потом родители носили сено на носилках в сарай.

Отец очень хорошо умел отбивать косы. Металлист, он знал качество металла косы и владел искусством правки кос превосходно. Многие земляки несли ему косы, чтобы он их отбил и наточил.

Из самого раннего детства запомнилось: я сижу на плечах у отца, идем мимо вишневого сада в красных плодах вишни. Необыкновенная радость наполняет мою душу.

В предвоенные годы отец всегда брал меня на демонстрации, чтобы я смог побыть на праздничной Красной площади. Его завод проходил во второй колонне от мавзолея, и мне было все видно с плеч отца на трибунах.

Мой отец был заботливым семьянином, добрым, внимательным, он воспитывал детей своей жизнью, своими примерами и поступками. Еще дошкольнику купил мне «конструктор», из деталей которого я собирал десятки различных изделий, а потом – шашки.

До войны он был чемпионом по шашкам в различных турнирах, занимал призовые места, выигрывал у мастеров спорта.

Когда я кончил на «отлично» третий класс, отец купил мне русскую гармошку, на которой я играл в юности. Всякий мой успех в учебе отец всегда поощрял чем-либо –

это у него было правилом...

Но он неодобрительно относился к моему литературному творчеству: я написал еще в студенческие годы несколько рассказов, и ни один не был опубликован. Может быть, поэтому я отказался от поступления на заочный факультет Литературного института, а поступил в аспирантуру по специальности.

На долю моего отца выпали трудные годы Первой мировой и гражданской войн, когда он уже стоял у токарного станка. Затем было трудное время предвоенных и военных лет: болезнь, инвалидность. Работа в годы войны сказалась на здоровье отца (работал, ночуя на заводе). Помня свои молодые годы, вступление в трудовую жизнь, отец всячески старался помогать своим детям – сыну и дочери. Благодаря заботам отца я смог учиться и в средней школе, и в институте...

Вести домашнее хозяйство в довоенные, военные и первые послевоенные годы было трудно, все лежало на плечах отца и матери. Были трудности в заготовке сена (приходилось ездить за травой на коляске в лес), в заготовке дров на зиму.

Родителям отдыхать не приходилось. Работа, работа созидательная – вот жизненная судьба, выпавшая моему отцу. Это была судьба поколения, к которому отец принадлежал. Это было поколение победителей, отстоявших независимость своей Отчизны.

Отец внес определенный вклад в укрепление обороноспособности страны. Пусть маленькая толика, но и она легла в государственную копилку, в потенциал Родины.

Древо рода – это древо истории. Знать, помнить и продолжать свой род – это священная обязанность каждого русского человека. Корнем слова «народ» является «род». Фамильная принадлежность определенной ветви народа идет из глубин истории. Как много затеряно русских родословных, особенно крестьянских, в этих глубинах!

В старину в подмосковных русских деревнях и селах было много родственников различных колён: родные, двоюродные, троюродные братья и сестры. Были деревни и села буквально однофамильцев. И это близкое и дальнее родство служило скрепляющим цементом жизни любой русской общины. Родословная рода Чулковых – это одна из миллионных ветвей великого русского народа.

У моего прадеда Ивана Гавриловича Чулкова, родившегося в деревне Заборье и жившего в ней, было четверо родных братьев: Василий, Тимофей, Николай и Павел Гавриловичи. Тимофей, Николай и Павел со своими семьями купили себе усадьбы в деревне Заборье, отселились от своего отца и построили дома. Позже отселился, купив себе усадьбу, и Василий Гаврилович (уже после 1883 г., в том году на усадьбе отца жил Василий и Иван Гавриловичи Чулковы). У Ивана Гавриловича Чулкова было двое сыновей: Иван Иванович и Степан Иванович – мой дед. У Ивана Ивановича было четверо детей: Тимофей, Варвара, Полина и Марфа. Тимофей Иванович (род. в 1893 году) – участник Первой мировой войны, в 1921 – 1922 годах построил себе дом на новой усадьбе в Заборье. Старшая его сестра, Варвара Ивановна, вышла замуж в село Никитское (фамилия по мужу Мельникова), средняя – Полина Ивановна была замужем за М. Чесноковым в селе Битягово, а младшая – Марфа Ивановна – за Ф. Продуновым в селе Кутузове.

У моего деда Степана Ивановича Чулкова и моей бабушки Екатерины Михайловны (урожденной Сигачевой из деревни Заборье) было шестеро детей. Братья моего отца Иван, Николай и самая младшая сестра Александра (бабушка часто ее вспоминала и называла ласково «Шурочка») умерли еще детьми от эпидемии и детских болезней. У моего отца осталась только одна сестра – моя тетя Матрена Степановна, она родилась в 1899 году и скончалась в 1970 году.

Мой отец Александр Степанович Чулков родился 11 октября (28 сентября ст. ст.)

1902 года в день памяти мученика Александра. Ему не было еще и шести лет, когда скончался (12 июня 1908 года) его отец – мой дед.

Мой дед служил в русской армии в Польше. Он изучал грамоту: читал и писал. А бабушка была безграмотной. После службы в армии мой дед был рабочим на Металлургическом заводе в Москве, в последние годы своей жизни – мастером-литейщиком. Он жил в Москве со своим другом М. Нарышкиным и двумя сыновьями Петром и Василием, снимал квартиру на Садовнической улице, носившей с 30-х годов имя Полины Осипенко.

Мой дед Степан Иванович в начале 1908 года хозяином завода был командирован на чугунолитейный завод, где произошла авария, там он получил ожог руки и тела с левой стороны и попал в больницу. Лежал в земской больнице села Кузьминское, все шло на поправку, но от сердечного приступа скончался в возрасте 40 лет. Осталась фотография 1905 года, где на снимке мой дед со своим другом М. Нарышкиным и его сыновьями: Петром и Василием.

Вспоминается А. Т. Твардовский, пропевший:

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец сажал,
Где есть, быть может, прадедов могила,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил.

Мой прапрадед, прадед и дед, прапрабабушка и прабабушка по отцовской ветви похоронены на кладбище села Битягово, могилы которых я не знал. Но я знал с довоенных лет могилу своего деда Степана Ивановича с установленным на ней массивным чугунным крестом, который отлили ему его товарищи по работе на чугунолитейном заводе (в 1930 году Битяговское кладбище было закрыто, а открыто новое – Заборьевское на Подсавихе).

По окончании начальной трехклассной школы мой отец в 1914 году был определен моей бабушкой на завод «И. Дергачевъ, И. Гавриловъ и К», находившийся в Москве на Бутырской улице, учеником токаря. Отцу не было тогда и двенадцати лет.

В течение года отец освоил специальность токаря и был зачислен на должность токаря по решению «заводского комитета рабочих» «Дергачевъ - Гавриловъ». После революции завод стал называться «Московский государственный завод «Арматура» Московского совета народного хозяйства».

По справке, выданной отцу в 1919 году, узнаю, что он работал на заводе в качестве токаря на револьверном станке с 10 ноября 1915 года. На заводе «Арматура» отец работал по 1920 год.

С 1920 года отец стоял в течение полугода на бирже труда в городе Подольске, чтобы получить место рабочего на механическом заводе. Он был принят в 1920 году на «Механический оптический завод», находившийся с 1923 года в подчинении Орудийно-арсенального треста ВСНХ СССР, на должность станочника на револьверном станке.

В 1922 году отец был призван Подольским уездным военным комиссариатом «на военные курсы по всеобщему военному обучению», которые он окончил 5 апреля 1923 года, получив удостоверение от 13 апреля 1923 года, подписанное «пмвоенкома, начальником ВВО». Тогда же он закончил «Кавалерийские курсы младшего комсостава».

На Подольском механическом оптическом заводе отец работал по 1927 год, пройдя ряд профессиональных квалификационных разрядов, так с 1 января 1924 года переведен в IV разряд, с 1 августа 1924 года – в V разряд, а в 1926 году отцу был присвоен высший разряд токаря.

В 1924 – 1926 годах отец учился в Подольске на рабфаке, окончить который ему

не пришлось из-за семейных обстоятельств – его маме было под шестьдесят, и о ней надо было заботиться.

В 1927 году Механический оптический завод из Подольска был переведен в село Павшино, где был создан «Завод точной механики» (ныне Красногорский механический завод).

В Павшине отец работал наладчиком станков с 11 июля 1927 года, жил он там в комнате барачного типа. На Заводе точной механики в 1927 году он имел по специальности 7-й тарифный разряд.

Мои родители, получив брачное свидетельство 5 мая 1928 года, венчались в Церкви Воскресения Христова села Битягово. Отцу было 25 лет, а маме – 21 год. Моя мама Александра Васильевна (до замужества Чукова) родилась в деревне Заборье 27 апреля 1907 года.

Схожесть не только фамилий, но и детских судеб моих родителей была удивительной. Мама осталась без отца в 4 года, ее отец Чуков Василий Михайлович, работая плотником на стройке, заболел и скоропостижно умер в 1911 году. Он был похоронен на Даниловском кладбище в городе Москве.

Выйдя замуж, моя мама приехала в Павшино, где жила в маленькой комнатке в бараке.

Не «по душе» приходилось жить маме в Павшине, хотя еще в детские годы она жила «в людях», девочкой работала воспитательницей в 1919 голодном году на станции Вертуновка Саратовской железной дороги под Саратовом.

Дом у моей бабушки Екатерины Михайловны Чуковой в деревне Заборье был небольшой и старый, постройки еще моего прадеда.

Мои родители по этой причине свадьбу справляли в доме у родственников. Построить дом собирался еще мой дед в начале XX века, но его кончина прервала задуманное дело. Поэтому моя бабушка после Первой мировой и гражданской войн непременно хотела довести задуманное ее мужем строительство дома уже в 20-е годы. Она получила в Домодедовском волисполкоме «разрешение на строительство нового дома на старой усадьбе», купленной еще моим прапрадедом, размером 16x80 сажень (0,58 га).

Инициативу бабушки всячески поддерживала моя мама, и отец взялся за строительство дома весной 1929 года.

Мама приехала в Заборье, я родился в марте 1929 года в Заборьевской больнице, которая находилась на территории Серафимо-Знаменского монастыря.

Дом был построен в 1929 году, отделочные работы продолжались и в следующем году, но жить в доме было можно: сложены русская печь-лежанка и печь-голландка.

Отец работал в Павшине до апреля 1930 года. 26 апреля 1930 года отец был переведен на работу на московский завод геодезических инструментов «Геодезия», находившийся в подчинении объединения оптико-механической промышленности (ВО-ОМП) наркомата вооружений.

На заводе «Геодезия» отец работал 11 лет – до 2 сентября 1941 года – в должностях: с 26 апреля 1930 по 1933 год – установщиком, с апреля 1933 года – мастером и контролером, с 1 сентября 1938 года – контрольным мастером. На этом заводе в довоенные годы (1936 – 1939) работала и моя мама. Я помню, как отец учил маму пользоваться различными контрольно-измерительными приборами. Мне, дошкольнику, было уже известно, что такое «микрон»!

2 сентября 1941 года отец в связи с эвакуацией завода на Урал был переведен на завод оборонной промышленности на должность мастера, на котором работал до 11 октября 1941 года – до эвакуации завода на Восток. 15 октября 1941 года отец был назначен уполномоченным Подольского комитета обороны по Заборьевскому сельс-

кому совету.

В те суровые и грозные октябрьские дни 1941 года на отца была возложена ответственная работа по организации строительства оборонительных сооружений на территории Заборьевского сельского совета от станции Востряково до села Битягово.

Он вместе с председателем Заборьевского сельсовета В.П. Старцевым организовал бригады и отряды для строительства оборонительных сооружений: траншей, окопов, рвов, дотов, дзотов, противотанковых заграждений. Строительство сооружений проводилось под наблюдением кадрового военного – старшего лейтенанта, приезжавшего из Подольска.

Штаб обороны находился в одном из барakov совхоза «Одинцово-Вахромеево».

Начальник строительства оборонительных сооружений, старший лейтенант (с тремя кубарями в петлицах), вместе с отцом намечали на карте место возведения сооружений. Противотанковые рвы, траншеи и окопы рыли вдоль Подмосковского шоссе от деревни Заборья до опушки леса Юшкино. На высоких местах (огневых точках) местности ставили доты и дзоты вдоль Каширского шоссе.

Я вспоминаю то суровое, грозное и беспокойное время осени 1941 года: с 10 октября прекратились занятия в Заборьевской школе. Занятия в школе возобновились после разгрома немецких войск под Москвой – только с 23 декабря 1941 года (вынужденные каникулы оказались в два с половиной месяца).

Строительство оборонительных сооружений на территории Заборьевского сельсовета началось с середины октября. Мне особенно запомнились удивительные порядки и дисциплина на трудовом фронте. Все было подчинено разработанному плану, никаких стихийностей, каждый знал свое место, свой участок, свой объем работ. В бараке, где находился штаб, всем работающим в обед выдавали пайки ржаного хлеба.

Для изготовления противотанковых ежей в те суровые октябрьские дни были сняты рельсы 3-го пути железной дороги от станции Домодедово до станции Белые Столбы (я хорошо помню, как снимали рельсы на станции Востряково). Ежи изготовляли в Домодедове и ставили их на южной окраине поселка. Заборьевская полоса обороны была создана от станции Востряково до Юшкинского леса, на опушках Грядневского леса были созданы при завале леса противотанковые заграждения в виде высоких пней.

Несмотря на крепкие морозы и глубокие снега, оборонительные сооружения строили в ноябре и декабре 1941 г., продолжили строить в январе и даже в феврале 1942 года, так как отец был направлен тогда на строительство в Михневский район, откуда он вернулся только в конце февраля больным. Генерал К.Ф. Телегин в своих воспоминаниях писал: «Для Московской зоны обороны наступил также новый этап... закончить строительство оборонительных рубежей внешнего пояса обороны, прикрывающих Каширское и Коломенское направления...» После выздоровления и окончания строительства оборонительных сооружений отец начал работать (с 20 марта 1942 года) на Московском экспериментальном заводе токарем, работал он там до 9 июня 1942 года и был освобожден от работы ввиду ухода по инвалидности. Насколько позволяло здоровье, отец работал летом 1942 года в колхозе (в справке, имеющейся в документах отца, указан срок работы – с 20 июля по 9 сентября 1942 года).

С октября 1942 года отец стал работать на авиационном предприятии «Спецпроизводство Авиамаштехснаба» Наркомата авиационной промышленности в должности мастера токарной группы. На этом предприятии он работал все годы войны (1942 – 1945) и был освобожден от работы с 26 декабря 1945 года в связи с переходом на инвалидность. На авиационном предприятии он получал различные награды, особенно дорожил знаком Отличника социалистического соревнования НКАП, выданным наркомом авиационной промышленности А.И. Шахуриным, которого он знал лично по

Подольску в 20-е годы. В производственной характеристике, выданной отцу 18 мая 1945 года (после окончания войны), сказано, что он «работает на Спецпроизводстве Московской конторы «Авиамаштехснаба» с октября 1942 года в качестве бригадира токарной группы. За все время работы тов. Чулков А.С. относился к своим обязанностям исключительно добросовестно и все порученные задания выполняет аккуратно и в срок. За время болезни главного механика производства исполнял его обязанности». С 20 февраля 1948 года отец работал в Московском механическом институте, позже переименованном в Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Он был зачислен на должность механика по приборам, а затем работал в должности учебного мастера, в этой должности он работал полтора десятка лет – вплоть до ухода на пенсию 16 ноября 1962 года.

В газете «Инженер – физик МИФИ» за № 26 1962 года С. Бессонов писал: «Завтра на кафедре № 17 торжественный день: исполняется 60 лет учебному мастеру этой кафедры Александру Степановичу Чулкову. Скромный и отзывчивый, он много знаний и сил отдает обучению студентов. Обладая большим производственным опытом, Александр Степанович активно участвует в выполнении ряда научно-исследовательских работ.

А.С. Чулков исключительно дисциплинирован. Сотрудники кафедры подсчитали, что, живя далеко за городом, он за свои 28 лет работы в этом здании покрыл расстояние от Земли до Луны, и никто не помнит, чтобы он опоздал на работу хоть раз.

Хорошего здоровья и долгих лет жизни дорогому юбиляру».

А в преподнесенном А.С. Чулкову адресе говорится: «...своим трудолюбием Вы способствовали успешному завершению кандидатских диссертаций преподавателями кафедры, а также приобретению производственных навыков студентами института» (подписанный проректором по учебной работе МИФИ Гусевым И.Т. и сотрудниками кафедры).

Приведу полностью Приказ по МИФИ № 409 от 24 сентября 1962 года:

«28 сентября с. г. исполняется 60 лет со дня рождения старейшего работника нашего института учебного мастера кафедры № 17 Чулкова Александра Степановича. Тов. Чулков А.С. работает в институте со дня его основания, выполняя большую работу по качественному обслуживанию учебного процесса и активно участвуя в проведении важнейших научных исследований коллектива кафедры: являясь примером коммунистического отношения к труду, тов. Чулков А.С. снискал большое уважение и заслуженный авторитет среди сотрудников института.

В связи с 60-летием со дня рождения тов. Чулкова А.С. и отличая его заслуги перед институтом объявить учебному мастеру кафедры № 17 Чулкову А.С. благодарность.

Желаю Вам, Александр Степанович, доброго здоровья и долгой жизни».

Ректор института В. Кириллов-Угрюмов.

Просматривая трудовую книжку А.С. Чулкова, в разделе «Сведения о поощрениях и награждениях» я читаю записи начиная с февраля 1937 года – это денежные премии в 30-е годы на заводе «Геодезия», награда Наркомата авиационной промышленности в военные годы и благодарности Московского механического института (в 50-е годы – МИФИ) в послевоенные годы.

За годы работы в МИФИ отец обучал студентов практическому делу на кафедре, помогал проведению научно-исследовательских работ многим аспирантам кафедры. МИФИ за годы работы отца (40 – 50-е и начало 60-х) окончили многие выпускники, ставшие потом видными и знаменитыми учеными и руководителями предприятий. Отец работал в МИФИ при трех заведующих кафедрой профессорах: М.Н. Ларине, Е.Н. Маслове, И.Т. Гусеве.

Когда я был аспирантом, отец помогал мне в создании лабораторной установки для проведения научных исследований методом электрогидродинамических аналогий (ЭГДА).

Отец ушел на пенсию 16 ноября 1962 года. Через два с половиной года, находясь на пенсии, отец тяжело заболел. Более двух лет он был болен. Скончался отец 21 ноября 1967 года, ему было 65 лет.

На пенсии отец пробовал писать воспоминания, но не закончил их. Он мог многое рассказать, его трудовой стаж составлял 50 лет!

Мама пережила отца на семь лет, скончалась 67 лет в 1974 году.

У моего отца были голубые, небесного цвета, глаза. Походка была твердая, уверенная – походка кавалериста. В молодости он был красив, физически крепок, среднего роста, хорошего сложения.

А у мамы глаза были синие, цвета морской волны. Она в молодости была красавицей, обладала прекрасным голосом, в последние годы жизни пела на клиросе в Никольском храме села Ермолино.

Память! Она очень многое запечатлела. Поэт К.Н. Батюшков с чувством сказал:

О память сердца!
Ты сильней
рассудка памяти
печальной...

НАСТАВНИК МОЛОДЕЖИ

Николай Петрович Каманин
(1908–1982)

Николай Петрович Каманин – один из семи первых Героев Советского Союза, летчиков, спасавших челюскинцев со льдины после того, как затонул ледокольный пароход «Челюскин».

Вспомним имена первых героев Советского Союза по номерам золотых звезд, полученных за спасение челюскинцев: 1-й – А.В. Ляпидевский, 2-й – С.А. Леваневский, 3-й – В.С. Молоков, 4-й – Н.П. Каманин, 5-й – М.Т. Слепнев, 6-й – И.В. Доронин и 7-й – М.В. Водопьянов.

О Николае Петровиче Каманине я услышал еще до войны, а увидел его в 1948 году, когда он начал строить себе дачу на домодеровской земле в Самойловском лесу.

В конце 40 – начале 50-х годов я видел Н.П. Каманина и в генеральской форме, и в гражданском одеянии. Невысокого роста и небогатого сложения генерал в свои 40 с небольшим лет выглядел тогда прекрасно: мужественное строгое лицо, высокий лоб, ясный взгляд, в движениях энергичный, деятельный. Он оставлял сильное впечатление.

Вспоминается такой случай, это было в начале 50-х годов. Я делал на лыжах по кругу пробежку: Заборье – Саввинский овраг – берег реки Рожайи – Сукромский овраг – лес Юшкино – Заборье. И вдруг при выходе из Сукромского оврага я увидел идущего за мной на лыжах Н.П. Каманина. Я прибавил ходу, прибавил ходу и Николай Петрович, а на выходе из Юшкинского леса Н.П. Каманин повернул к своей даче, показывая отличные спортивные навыки и любовь к физической культуре.

В 70-е – начале 80-х годов я часто видел Н.П. Каманина, стоявшего в очередях в заборьевском продовольственном магазине. Как Герой Советского Союза он не позволял себе покупать вне очереди, этим он вызывал к себе чувство глубокого уважения.

Осенью 1981 года я последний раз видел Н.П. Каманина. Он приехал в заборьевский магазин. Недалеко от магазина я встретил председателя Оudinцовского сельского совета А.М. Комова, мы стояли и разговаривали. Вдруг Анатолий Михайлович обратил мое внимание на Н.П. Каманина, выходящего из магазина и идущего к автома-

шине. Мы оба проводили его глазами, и А.М. Комов тепло отозвался о нем, зная близкого генерала.

Николай Петрович Каманин родился 5 (18) октября 1908 года в городе Меленки на Владимирщине. Дед его происходил из купеческого рода. Отец был сапожником, а мать ткачихой. Маленький Коля в детстве был предоставлен самому себе, так как мать-ткачиха работала на фабрике три смены. Каманин учился очень хорошо. Однажды в школе появился плакат, на котором красовался самолет, а под ним призыв вступать в общество друзей воздушного флота (ОДВФ). Коля Каманин в качестве вступительного взноса отдал серебряный полтинник, полученный от матери на обед. Он стал членом ОДВФ, которое было преобразовано в Осоавиахим, а позднее в ДОСААФ. Через два с лишним десятка лет, уже после войны, Н.П. Каманин станет Председателем Центрального Совета ДОСААФ.

Когда Коле Каманину было 16 лет, он собрал все необходимые документы и послал их в отделение ОДВФ с просьбой направить его в летную школу, но ответа не получил, так как ему не было еще 18 лет. Каманин снова послал документы, и ему пришел вызов из города Муром.

Коля Каманин, чтобы стать летчиком, много и сильно занимался спортом: гимнастикой, много плавал, ходил на лыжах и обтирался холодной водой. После удачно пройденной медицинской комиссии Коля Каманин был зачислен в Ленинградскую летно-теоретическую школу. В школе был такой случай. Каманин как-то рано встал и пошел умываться. Курсовой командир остановил его вопросом: «Что это вы в такую рань поднялись?.. Ложитесь и ждите общего подъема». Николай очень скоро привык к четкому распорядку дня воинской школы, дисциплина в школе организовывала и приучала к собранности, точности, рациональному использованию времени. Эти качества оченьгодились в жизни летчику-офицеру, позднее генералу Николаю Петровичу Каманину. И сам Н.П. Каманин требовал от своих подчиненных дисциплины во всем.

М.В. Водопьянов писал: «Каманин всю жизнь был занят, и всегда у него времени хватало на все. Николай Петрович живет и работает по расписанию, всегда планирует предстоящие дела, заседания, встречи. Сколько раз, позвонишь ему по телефону, чтобы договориться о встрече, и услышишь в ответ: «Подожди минутку, сейчас посмотрю. Да, приезжай завтра в тринадцать тридцать...» Близкие товарищи Каманина рассказывали, что его трудно оторвать от книги. Он «вечно» что-нибудь прорабатывает, делает выписки из книг. Другими словами – ведет целое хозяйство нужных хороших мыслей. Еще в молодости, будучи курсантом, он записал в дневник афоризм известного теоретика военного дела Клаузевица: «Маленький прыжок легче сделать, чем большой. Однако, желая перепрыгнуть через широкую канаву, мы не начнем с того, чтобы половинным прыжком вскочить на ее дно». Каманин взял себе за жизненное правило не делать половинных прыжков».

По окончании летно-теоретической школы в Ленинграде Н.П. Каманина направляют на учебу в Борисоглебскую летную школу. В 19 лет Н.П. Каманин стал военным летчиком и, отказавшись от положенного отпуска, уезжает на Дальний Восток. Николай Каманина с двумя выпускниками Борисоглебской летной школы назначили в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию. Каманин начал служить в знаменитой эскадрилье, командиром которой был И.И. Карклин. Он учится летать и днем и ночью, в одиночку и строем. Каманин налетал 1200 часов, из которых 300 – ночью, участвовал в дальних ночных перелетах.

Однажды поздним вечером к Каманину домой явился вестовой из штаба, его назначили для участия в спасении челюскинцев. Каманин, захватив с собой дорожный чемоданчик, прибыл в штаб.

Началась экспедиция спасения челюскинцев, высадившихся в середине февраля 1934 года на льдину. В лагере О.Ю. Шмидта ожидали летчиков 104 челюскинца, из них 10 женщин и двое детей. Добраться до Ванкарема – такая ставилась задача летчикам, задача трудная: только немногие летчики добрались. А дальше предстояло курсировать по маршруту: Ванкарем – лагерь Шмидта – Ванкарем.

Н.П. Каманин был назначен командиром отряда военных летчиков, направленных для спасения челюскинцев. Самолеты были погружены в разобранном виде на платформы и доставлены во Владивосток. Там летчиков ожидал пароход «Смоленск», который должен был пробиться как можно дальше на север.

Командир отряда Н.П. Каманин получил правительственную телеграмму от В.В. Куйбышева: «Прикомандировать к отряду трех гражданских летчиков, в том числе Молокова...»

В.С. Молоков был известным полярным летчиком. Каманин вспоминал: «Молоков! Никогда его не видел, но знаю хорошо. Когда мне было семь лет, Молоков уже летал. Инструктор, обучавший меня летать, сам учился у инструкторов, которых обучал Молоков. Признаюсь, не очень-то мне быть над ним начальником».

В.С. Молоков был старше Н.П. Каманина на тринадцать лет, но должен был находиться под командованием военного летчика.

На пароходе «Смоленск» летчики добрались до мыса Олюторского. Разобранные самолеты на берег доставили на плоскодонных лодках. Самолеты были собраны и подготовлены к полетам. Маршрут полета был намечен по прямой: Олюторка – Майна-Пыльгин, через Анадырский залив в бухту Провидения и оттуда на Уэллен. Пять самолетов Р-5 и пятнадцать летчиков 21 марта 1934 года вылетели из Олюторки. Самолеты пролетали над Корякским хребтом. Бензина у каждого летчика было на десять часов полета. Каждый летчик имел с собой спальный мешок, лыжи, паяльную лампу для обогрева мотора, запасной винт для самолета, примус и полуторамесячный запас продовольствия.

Из Олюторки вылетели пять самолетов Р-5, летели клином. Головной самолет Н.П. Каманина, два самолета справа, два самолета слева. В авиационный отряд входили летчики: Николай Каманин, Борис Пивенштейн, Василий Молоков, Иван Демиров, Борис Бастанжиев, Матвей Шельганов, Герман Грибакин, Петр Пилотов, Леонид Осипов, Анатолий Разин, Константин Анисимов, Петр Кулыгин, Иван Девятников, Сергей Астахов, Юрий Романовский.

Пять летчиков, один штурман, восемь техников, один корреспондент.

У Н.П. Каманина был замечательный штурман Матвей Петрович Шельганов – близкий друг, друг до конца его жизни, который и дачку маленькую построил возле дачи Каманина.

Генерал-майор М.П. Шельганов переживает своего друга Н.П. Каманина всего на два месяца и отойдет в мир иной в мае 1982 года.

Каманин добрался из Олюторки до Майны-Пыльчина за шесть часов вместо запланированных трех: дул сильный боковой ветер. Когда приземлились в небольшое чукотское селение, Молоков, опытный полярный летчик, спокойный, немногословный, закаленный человек, тихо сказал: «За все время я не видел ни одного клочка земли, где бы можно было сесть так, чтобы не поломать машину и не разбиться».

В Майне-Пыльгине летчики узнали, что базу спасательной экспедиции перевели из Уэллен в Ванкарем, менялся маршрут – надо было лететь над горами Пальпальского хребта. В поселке заправили самолеты бензином, хотя и не того сорта, которым управляют самолеты. На одном самолете испортилось пусковое приспособление. Над горами полетели только четыре самолета, и только три из них долетели до Анадыря. Лететь пришлось вслепую, по приборам над каменными вершинами. Когда вышли из

облаков и под крылом забелела ровная тундра, Каманин увидел, что за ним летели только два самолета: Молокова и Пивенштейна, самолета Демирова не было. Штурман М. П. Шельганов сообщил, что через сорок пять минут будет Анадырь.

Н.П. Каманин писал: «Засек время. Прошло 45 минут. Почти под самолетом увидел на снегу темные точки. Они становились все более отчетливыми. Наконец я различил толпу людей. Под крылом Анадырь – чукотская столица».

В Анадыре летчиков застала пурга. Пять дней бесновалась лютая вьюга, и только на утро шестого дня, 26 марта, ветер стал утихать. Летчики стали готовить самолеты к полету.

Воспользовавшись попутным ветром, отряд Каманина 28 марта пошел на штурм Анадырского хребта, а через час замела жестокая пурга, гор не было видно. На какой высоте лететь – неизвестно: об их высоте карта сведений не имела. Было решено сесть вблизи чукотских яранг (это было селение Кайнергин). Чукчи помогли закрепить самолеты и пригласили в ярангу. Заночевали в спальнях мешках в остане яранги, покрытой моржовыми шкурами. Когда Каманин проснулся и высунул голову из мешка, то увидел, что все занесло снегом. На месте самолетов – снежные холмы.

Шельганов вычислил и сообщил, что до Анадыря 220 километров. Было 1 апреля 1934 года. Утром погода была идеальная. Летчики вылетели, поднялись на высоту 2800 метров. Но погода резко ухудшилась: сплошная облачность. До Ванкарема оставалось 60 километров, но Н.П. Каманин не стал рисковать, дал команду вернуться в Кайнергин. Так прошли несколько часов бесплодного полета.

В баках самолетов бензина оставалось мало. Каманин поставил вопрос перед Молоковым: «Возвращаться за бензином в Анадырь или лететь вперед?..»

Молоков отвечал: «Тут двух мнений быть не может – только вперед. А если с бензином будет плохо – так долетим до какой-нибудь точки, а там из трех машин перевезем в две или одну, чтобы хоть одна долетела...»

Продолжали путь. На самолете Каманина лопнул амортизационный шатун. Ремонт не очень сложный, но требует времени. Пивенштейн был оставлен с самолетом Каманина. Продолжали полет два летчика: Каманин и Молоков, заправились по дороге в бухте Провидения. Каманин и Молоков прилетели в Уэллен 3 апреля, оттуда до Ванкарема рукой подать. Два самолета долетели до Ванкарема, а через час после посадки летчики снова поднялись в воздух. Наступило 7 апреля 1934 года. Самолеты взяли курс на льдину в лагерь Шмидта, до которой было 55 минут полета. Самолеты шли над Чукотским морем, внизу движущиеся льдины, громоздящиеся одна на другую.

«Время вышло, – сообщил по телефону штурман, – лагерь не вижу». Каманин развернул самолет на посадку, и тогда Шельганов увидел столб черного дыма, десяток палаток, барак, на вышке красный флаг и фигуры людей, приветственно махавших руками.

После третьего захода самолет Каманина сел на крохотную площадку, затем сел самолет Молокова.

Отряд Каманина отплыл на «Смоленске» 2 марта 1934 года, а в Уэллен прилетел только 3 апреля.

Первую партию людей из лагеря Шмидта вывез А.В. Ляпидевский: десять женщин и двоих детей.

Н.П. Каманин совершил девять раз рискованные посадки и взлеты со льдины, дрейфовавшей в Чукотском море, и вывез на Большую землю 34 челюскинца.

В своем дневнике Каманин записал: «...В Ванкареме все ликовали, а мне вдруг стало грустно. Я спросил себя: «Как ты, товарищ Каманин, выполнил приказ?..»

Рядом с большой победой я увидел поражения. Ведь мне дали звено из пяти ма-

шин, а в лагерь пришли две. В армии мы выполняли более сложные задачи. Своим ребятам я совершенно серьезно сказал: «Ну, влетит же мне за этот полет».

Н.П. Каманин в своей известной книге «Летчики и космонавты» (М. Политиздат, 1971 г.) писал: «Итак, авиация сделала, казалось, невозможное: все 104 пленника были вывезены на материк. Итоги работы наших экипажей таковы: Анатолий Ляпидевский сделал один рейс и вывез 12 человек; Василий Молоков за девять рейсов – 39 человек; я за девять рейсов – 34 человека; Михаил Водопьянов совершил три рейса и вывез 10 человек; Маврикий Слепнев за один рейс – 5 человек; Иван Доронин и Михаил Бабушкин сделали по одному рейсу и вывезли по два человека.

Из Ванкарема мы стали перебрасывать челюскинцев в Уэллен. В адрес правительственной комиссии в Москву отправили такую радиограмму: «Счастливы сообщить, что труднейший этап переброски спасенных челюскинцев из Ванкарема в Уэллен заканчивается...»

Молоков, Каманин, Водопьянов, Доронин, Слепнев, Ляпидевский, Леваневский». Н.П. Каманин особо отметил подвиг М.Т. Слепнева, который вывез тяжело больного О.Ю. Шмидта в госпиталь, в Ном на Американский континент.

Н.П. Каманин 23 января 1935 года стал слушателем командного факультета Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, которую он окончил в 1939 году.

В 1937 году Н.П. Каманин был избран депутатом Верховного совета Союза ССР первого созыва, на его плечи легла огромная работа, потекла обширная почта. Каманина спасала супруга Мария Михайловна, которая разбирала почту. Однажды она сказала: «Сегодня получено семьдесят писем». Почта растет.

Николай Петрович Каманин с довоенных лет жил в «доме на Набережной» рядом с кинотеатром «Ударник».

По окончании Академии им. Н.Е. Жуковского Н.П. Каманин был назначен в Харьковский авиагарнизон на должность командира авиабригады, в которой было 102 самолета. В конце 1940 года Н.П. Каманин стал командовать вновь сформированной авиадивизией в Средней Азии, где его застала Великая Отечественная война.

Приказом заместителя наркома обороны Союза ССР полковника Н.П. Каманина 20 июля 1942 года назначили командиром 292-й штурмовой авиадивизии, которая формировалась в Москве. Дивизия была укомплектована в сентябре 1942 года, в нее вошли три штурмовых авиационных полка и истребительный полк, имеющий новые самолеты – штурмовики Ил-2 и Як-1.

Авиадивизия Н.П. Каманина была введена в бой 29 октября 1942 года на фронте на участках Смоленск – Вязьма, Ржевск – Великие Луки (Калининский фронт).

Н.П. Каманин писал: «28 декабря я произвел свой первый боевой вылет. Группой из штурмовиков, которых сопровождало шесть истребителей, мы бомбили скопления врага на станции Великие Луки. Все самолеты благополучно вернулись на свой аэродром».

В марте 1943 года 292-й авиадивизией (позже ставшей 9-й гвардейской) стал командовать генерал Ф.А. Агальцов, а Н.П. Каманин был назначен командующим авиационным корпусом САК, что означало «смешанный авиационный корпус».

18 марта 1943 года Н.П. Каманину было присвоено звание генерал-майора, и в тот же день он получил телеграмму, что его семья вылетела из Ташкента в Москву.

В корпусе были две штурмовые авиационные дивизии (ШАД), одной из них (212-й ШАД) командовал Герой Советского Союза полковник Георгий Филиппович Байдуков – известный летчик из экипажа АНТ-25 В.П. Чкалова, ставший в войну генералом.

Третьей дивизией в корпусе была истребительная (256-я ИАД), имевшая самолеты Як-7.

22 мая 1943 года корпус, которым командовал Н.П. Каманин, перебазировали под Воронеж и влили в 5-ю воздушную армию (Степной фронт). В начале июля 1943 года корпус получил приказ Ставки о переходе в подчинение 2-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант С.А. Красовский.

В это время Н.П. Каманин был на приеме у командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина. Каманин писал: «Во время нашей беседы в кабинет вошел маршал Г.Н. Жуков. Мы встали. Генерал Ватутин официально доложил ему и представил меня.

– Садитесь, – сказал маршал Жуков, – А вы, Каманин, не изменились, даже помолодели. Как ваш корпус? Новиков докладывал, что он к бою вполне готов. Так это?

– Готов, товарищ маршал.

– Это хорошо. Нам сейчас штурмовики очень нужны. Сделано много, но главное впереди...

Из штаба генерала Н.Ф. Ватутина я уехал, имея четкие задачи на перебазирование корпуса в район предстоящих боев.

Корпусу предоставили шесть полевых аэродромов в районе Оскол-Тим... Началась боевая работа нашего штурмового корпуса в жаркие дни боев на Курской дуге».

А потом у Н.П. Каманина были воздушные бои за Харьков и на Днестре. 2-я воздушная армия взаимодействовала с 3-й танковой армией генерала П.С. Рыбалко.

В конце 1943 года авиационный корпус Н.П. Каманина находился на правобережной Украине, а в начале 1944 года – в войсках 1-го Украинского фронта: в районах Проскурова, Тернополя, Винницы.

В 1943 году Каманин взял своего 14-летнего сына Аркадия на фронт, сам выучил сына летать на самолете По-2, а потом на штурмовике.

В конце января 1944 года состоялась сессия Верховного совета СССР. Н.П. Каманин был вызван с фронта как депутат в Москву. На самолете По-2 Каманин со своей супругой Марией Михайловной, которая работала в штабе корпуса, вылетели в Москву. Пятнадцатилетний Аркадий, старший сын Николая Петровича, оставался на фронте, он выполнял обязанности летчика в эскадрилье связи, а младший сын Лева учился в третьем классе.

Сессия Верховного совета СССР открылась 28 января, повестка дня – утверждение бюджета на 1944 год. Были у Н.П. Каманина в те дни встречи с И.В. Сталиным. А К.Е. Ворошилов вручил Каманину орден Суворова.

Через два дня Н.П. Каманин был снова на фронте, заканчивалась Корсунь-Шевченковская операция, в которой летчики корпуса уничтожили около 70 самолетов противника, сотни танков и автомашин, сорвали около 20 танковых атак.

Летчик Аркадий Каманин летал на самолетах По-2, за боевые заслуги во время Великой Отечественной войны был награжден орденом Боевого Красного знамени и двумя орденами Красной звезды. Аркадий Каманин после войны в 1948 году стал слушателем Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. Ему было всего 19 лет, когда он заболел гриппом и вскоре умер. Мне рассказывали о переживаниях, выпавших на долю Николая Петровича в связи с потерей сына.

Воздушный корпус Н.П. Каманина летом 1944 года участвовал во Львовско-Сандомирской операции.

В первый день осени 1944 года был получен приказ Ставки: авиационному корпусу Каманина перейти в подчинение 5-й воздушной армии, которой командовал генерал С.К. Горюнов, входящей во 2-й Украинский фронт.

Дальнейшие операции авиационного корпуса Каманина продолжались за Дунаем, в Венгрии, Трансильвании и в Чехословакии. Ежедневно летчики корпуса совершали по 350 самолетовылетов, а за весь 1944 год летчики совершили 49 тысяч самолето-

товылетов.

В 1945 году продолжались бои по ликвидации окруженной группировки немцев в Будапеште. Авиаторы корпуса в 1945 году содействовали наступлению наших войск в Чехословакии.

За боевые успехи и достижения корпус Н.П. Каманина стал именоваться «5-й штурмовой авиационный винницкий Краснознаменный Орден Кутузова и Богдана Хмельницкого корпус».

За годы войны 76 летчикам корпуса было присвоено звание Героя Советского Союза, летчики получили 3536 орденов и 1370 медалей. А летчик корпуса Герой Советского Союза капитан Г.Т. Береговой, получивший Золотую звезду в декабре 1944 года, спустя почти четверть века, в октябре 1968 года, стартовал на космическом корабле «Союз-3», став дважды Героем Советского Союза.

Два первых послевоенных года Н.П. Каманин был заместителем начальника Главного управления Гражданского воздушного флота СССР, налаживал работу гражданской авиации. Затем он стал Председателем Центрального Совета Добровольного общества содействия авиации, позднее реорганизованного в ДОСААФ.

В послевоенные годы Н.П. Каманин становится неистовым наставником молодежи. В 1947 – 1952 годах в деревне Заборье жил бывший летчик из авиационного корпуса Н.П. Каманина капитан Александр Петрович Голубков. В 1950 – 1951 годах Н.П. Каманин организовал для молодежи деревни Заборье парашютный кружок, по линии ДОСААФ подарил самолет По-2 для изучения материальной части. Работу в деревне возглавил капитан в запасе А.П. Голубков. Группа молодежи тренировалась по укладке парашютов и совершала прыжки с самолета. Кинодокументалисты, побывавшие в те годы в Заборье, отсняли киноленты о парашютистах (где-то лежат они в архивах и уже стали достоянием истории). О кружке парашютистов из деревни Заборье писала тогда газета «Комсомольская правда».

Затем у Н.П. Каманина были годы учебы в Академии Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова, которую он окончил в 1956 году. После окончания Академии Генерального штаба Н.П. Каманин назначается командующим авиацией Среднеазиатского военного округа.

С 1958 года гвардии генерал-лейтенант Н.П. Каманин – заместитель начальника Главного штаба ВВС.

Главкомандующий Военно-воздушными Силами СССР главный маршал авиации К.А. Вершинин назначил в 1960 году Н.П. Каманина на работу по созданию и организации Центра подготовки космонавтов. Ставилась задача подбора и подготовки космонавтов из числа первоклассных летчиков.

С 1960 по 1972 год Николай Петрович Каманин – наставник космонавтов, главный руководитель подготовки.

В 1967 году Н.П. Каманину было присвоено воинское звание генерал-полковника авиации.

Двенадцатилетие (1960–1972) жизни Н.П. Каманина – это до предела насыщенный героический период, отданный служению советской космонавтике. Это подбор летчиков-ассов в космонавты, обучение их в Центре подготовки. Это поездки и полеты, это встречи и работа с выдающимися русскими учеными-гениями, с академиками С.П. Королевым, А.Н. Несмеяновым, М.В. Келдышем.

После триумфального полета в космос Ю.А. Гагарина много было полетов и поездок космонавта №1 по зарубежным странам в сопровождении Н.П. Каманина.

Известно, что Н.П. Каманин всю свою жизнь вел дневник. Вот что писал он 22 октября 1961 года: «После полета Гагарина я уговорил маршала Вершинина, Королева и Келдыша дать согласие на набор небольшой группы женщин для подготовки к

космическим полетам... Но Королев категорически против, министр обороны Малиновский категорически против. Я Вершинину говорю: «Давайте затащим Малиновского в Центр космонавтов!»

Министр все-таки потом приехал, но выступил против идеи подготовки к полету женщин.

Вершинин меня поддержал, но говорит: «Что я сделаю, если все против! Сами знаете, как начальство уговаривать!»

Тогда я предлагаю: «Разрешите, я поеду к Хрущеву!»

«Пожалуйста, – согласился Вершинин, – только по своей инициативе. Что и как будете говорить – я не знаю».

С Хрущевым мне встретиться было нетрудно – я часто бывал в ЦК КПСС. Однажды, до войны еще, мне довелось даже пройти с ним от станции метро «Площадь Революции» до «Комсомольской площади». Прямо под землей. Во время войны приходилось часто с ним встречаться – он был членом Военного совета...

Хрущев тут же позвонил Устинову, который курировал космические проблемы: «Знаешь что? Есть такая идея: надо готовить к полету женщин. Нельзя допустить, чтобы американцы нас опередили. А они готовят. Тут у меня Каманин был – говорил на эту тему. Имей в виду, что и я поддерживаю эту идею!»

И повесил трубку...

К этому времени я уже 400 женщин отобрал из аэроклубов на местах. Из них выбрали 30, а в Москве уже отобрали 5 человек.

После небольшой подготовки было решено: полетит Терешкова, а дублерами стали Пономарева и Соловьева».

Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Красного знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Красной звезды и многими медалями; он был награжден также и многими иностранными орденами.

С 1972 года генерал-полковник Н.П. Каманин в отставке. Наступило последнее десятилетие жизни прославленного героя (1972 – 1982).

Николай Петрович Каманин в эти годы много времени проводил на даче. Здесь, на домодедовской земле, Н.П. Каманина приглашают выступить в школах, пионерлагерях, домах отдыха, пансионатах. Николай Петрович увлекательно и охотно делился своими воспоминаниями с молодежью. Его встречают в Заборьевской средней школе, в Востряковской средней школе, в доме отдыха «Елочка» и во многих других школах и домах отдыха.

Николай Петрович Каманин скончался в марте 1982 года на 74-м году жизни.

В Москве в доме, где многие годы жил Н.П. Каманин, открыта памятная доска: «Н.П. Каманину – первому руководителю группы подготовки космонавтов».

Газета «Подмосковные известия» 27 февраля 1997 года сообщила, что прославленный соотечественник жил в здании, известном по роману Ю. Трифонова как «Дом на набережной», присутствовал на открытии памятной доски сын Николая Петровича Лев Николаевич Каманин. После митинга гости осмотрели музей дома, где собраны книги его знаменитых жильцов.

Так будем хранить память о Великом гражданине России, прославленном Герое Советского Союза, генерале Николае Петровиче Каманине.

ВОЗДУШНЫЙ ПЕРВОПРОХОДЕЦ АРКТИКИ

Василий Сергеевич Молоков
(1895–1982)

Василий Сергеевич Молоков – Герой Советского Союза с Золотой Звездой № 3 – в течение 35 лет, с 1948 по 1982 год, проводил дни и месяцы на своей даче, находящейся на домодедовской земле.

Уголок земли на опушке Самойловского леса вблизи реки Рожайи генерал Василий Сергеевич Молоков облюбовал после войны.

Родное село В.С. Молокова – Ирнинское – находилось совсем близко, и когда он проезжал по Каширскому шоссе на дачу, то всегда вспоминал свою юность: у Горок Ленинских отходила влево дорога с указателем «Молоково».

Подъезд к даче многие годы был по грунтовой дороге, отходящей от деревни Заборье, но зато воистину экзотической; мимо священной четырехстолетней сосны с крутым спуском к реке Рожайе, чистеньким лесом с полянами, благоухающими от разноцветья. А на реке Рожайе – мельница с плотиной, домик мельника и кувшинки в тихих речных заводях.

Летчик, прошедший многие годы в суровых условиях Севера и Арктики, отдыхал душою, будучи на пенсии, в своем родном Подмосковье.

Василий Сергеевич Молоков родился 1 февраля 1895 года в селе Ирнинское Подольского уезда Московской губернии.

В XVII веке село Ирнинское было приселком дворцового села Острова Московского уезда. В 1646 году в селе было 29 крестьянских дворов, по тем временам село считалось большим. Церковь Иоанна Богослова в Ирнинском в 1680 году была деревянной. В 1765 году село пожаловано по именному указу графу Алексею Григорьевичу Орлову. С 1929 года село Ирнинское входило в Ленинский район Московской области, ныне село называется Молоково в честь Героя Советского Союза В.С. Молокова.

Василий Молоков был старшим сыном у родителей. Грамоте Молокову долго учиться не пришлось, после кончины отца мать устроила сына на работу в Москву, в слесарно-кузнечную мастерскую.

В своей книге «Родное небо» Василий Сергеевич писал: «...Хмурый осенний день 1915 года, станция Подольск. Отсюда нас, призывников подмосковного села Ирнинское, отправляют в Петроград».

Молокову дали назначение на призывном пункте Подольска на флот.

Прибывшего на побережье Балтики Молокова направляют в пункт назначения – город Гапсель (Хаапсалу), где началась солдатская служба. В июле 1916 года всех призывников 1915 года посадили на пароход и отправили в Ревель (Таллин), там всех распределили по отдаленным объектам.

Молокова с группой товарищей назначили в морскую авиацию и направили на остров Дегербю в Финляндии строить авиастанцию.

В.С. Молоков писал: «Суровой, дикой показалась мне северная природа. Куда ни глянешь – темные дремучие леса: сосна да ель, мшистые гранитные холмы, скудная земля, усыпанная обломками скал – валунами. Отвесной стеной поднимались гранитные утесы над узкими, глубокими заливами, бесчисленными озерами с пустынными каменистыми островками. Красиво – ничего не скажешь. И все же с грустью вспоминал я близкие сердцу родные места, веселые березовые рощи, светлые просторы наших полей».

В годы гражданской войны В.С. Молоков на фронте, он вступил в 1918 году добровольцем в Красную армию. Молоков прошел боевой путь от красноармейца до генерал-майора авиации.

В 1921 году В.С. Молоков окончил школу морских летчиков, а в 1927 году – курсы усовершенствования при Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского.

Молоков начал летать в те годы, когда летчик был сам и столяр, и маляр, и механик. Летчик обслуживал и ремонтировал свою машину, содержал ее и лелеял, потому что от надежности ее в полете зависела его жизнь.

Первых летчиков в годы гражданской войны называли красными военлетами. Красным военлетом был и Василий Сергеевич Молоков. Ветеранами советской авиации, летавшими в годы Гражданской войны, были В.А. Матвеев, В.И. Чулков, Н.П. Шебанов и многие другие.

В.С. Молоков, начав служить в царской русской армии, был и пехотинцем, и моряком. Находясь на острове Дегербю в Финляндии на строительстве ангара для аэропланов, Молоков стал помощником у авиационного механика.

Василий Сергеевич писал: «И вот однажды судьба, как говорится улыбнулась мне. Командир взвода объявил перед строем: – Кто хочет идти в помощники к бортмеханикам? Нужны четыре человека. Из строя вместе со мной шагнули вперед двадцать человек».

Из двадцати человек начали отбирать четверых. Экзаменовали три офицера. Когда подошла очередь Молокова, остался экзаменовать один офицер. Офицер-экзаменатор показал Молокову три детали: железную, ледяную, деревянную, и спросил его: как они называются? Молоков ответил правильно. На вопрос об образовании В.С. Молоков ответил: «Три класса церковно-приходской школы», – хотя школу-то не окончил.

Офицер-экзаменатор попыток: «Слесарное дело, значит, знаешь... Ну, иди... принят».

В.С. Молоков писал: «На другой день сообщили итоги отбора. И представляете: попал в число четверых! Вот она – судьба!»

Василий Молоков попал в помощники к очень хорошему механику и довольно быстро изучил мотор. На всю жизнь Молоков запомнил фамилию своего учителя-бортмеханика – Петрова.

В мастерской коллектив был дружный. Техник, окончивший училище в Кронштадте, стал обучать Молокова грамоте.

Шел 1917 год. На острове Дегербю военнотруженики узнали о событиях в России от матросов корабля, зашедшего в гавань на остров.

Осенью 1917 года В.С. Молокова направили учиться в школу авиамехаников при авиационной станции Або (Турку). Школа авиамехаников находилась в трех километрах от города.

О Великой Октябрьской социалистической революции Молоков узнал в авиашколе. Красным авиачастям были нужны механики, и Молоков старался основательно изучить самолет и теорию. Упорство, с каким работал и учился Молоков, давало свои плоды.

Но учиться Молокову долго не пришлось. В мае 1918 года авиационную станцию с острова Дегербю и из города Або перебазировали на Волгу, в Самару. Как только военнотруженики прибыли в Самару, на город стали наступать белочехи. Чехословацкий корпус, сформированный в царской армии из пленных чехов, поднял контрреволюционный мятеж. Первый бой В.С. Молоков принял в числе ста пятидесяти моряков и красноармейцев, и ополченцев в численном составе полторы тысячи бойцов.

Из Самары почти всех моряков отправили пароходом в Нижний Новгород.

А Молокова командировали в Петроград, в Красное село. С Молоковым приехал и его друг Гриша Побежимов. В.С. Молоков стал бортмехаником сухопутного самолета марки «Сопвич».

Как опытный механик В.С. Молоков собирает самолеты «Сопвичи», «Ньюпоры» и другие машины для фронта.

Когда на Петроград наступал генерал Юденич, механик-военлет Молоков садится в самолет и летит бомбить.

Авиаотряд, в котором служил Молоков, перебрасывают на Север, под Котлас – на борьбу с английскими интервентами. Шел февраль 1919 года. В авиаотряде все пилоты были бывшие офицеры. В.С. Молоков был назначен бортмехаником на самолет М-5 – гидроплан, пилотом которого был офицер Шлаттер.

Летом 1919 года из Управления морской авиации пришла телеграмма о выделении двух наиболее способных механиков на учебу в школу летчиков. Собрание военлетов решило послать в школу В.С. Молокова.

– Из Молокова летчик выйдет! – уверенно сказал летчик Шлаттер.

В.С. Молоков через несколько дней выехал в школу морских летчиков, в Нижний Новгород.

Из Нижнего Новгорода школу морских летчиков в 1920 году переводят в Самару.

«Первый самостоятельный полет! Словно именно в этот день стал ты вольной птицей, слившись с машиной в единое целое. Взлетел ввысь – простор, свобода!» – писал В.С. Молоков».

Летом 1921 года В.С. Молоков получил аттестат красного морского летчика и был направлен в Ораниенбаум в гидроотряд Б.Г. Чухновского, а оттуда в гидроотряд в Петроград. В клубе на Фонтанке В.С. Молоков познакомился с девушкой Надей, своей будущей женой. Весной 1923 года В.С. Молоков женился и с молодой женой уехал в город Севастополь в Военную школу морских летчиков. Это была Самарская школа, переведенная с Волги на Черное море.

В Севастопольской школе стажер В.С. Молоков летал на машинах М-20, М-24, Р-1; на самолетах иностранных марок «Савойя», «Дорнье-Валь». В Севастополе В.С. Молоков добивается направления в Качинскую авиашколу, там он научился выполнять фигуры высшего пилотажа: бочку, штопор, петлю Нестерова.

В.С. Молоков в своей книге «Родное небо» писал: «Когда я вторично попал в што-

пор, но уже на «Савойе» (не лодка, а целый катер), то сумел выйти из него, потому что знал законы высшего пилотажа». В Севастополе В.С. Молоков обучает молодых летчиков высшему пилотажу.

«Много прекрасных летчиков вышло из Севастопольской школы, – писал В.С. Молоков, – среди них были и мои ученики, например, Ляпидевский, Леваневский, Доронин, Куканов, Конкин. Первые трое стали Героями Советского Союза. Всего я подготовил около тридцати пилотов».

В Севастополе В.С. Молоков прекрасно знал любой самолет, мог собрать, починить мотор, он хорошо летает и – учится и учится: наверстывает упущенное в юности.

М.В. Водопьянов писал: «Инструктор из Молокова вышел отличный. На редкость спокойный, уравновешенный, он никогда не ругал своих подопечных, а добивался, чтобы каждый сам замечал свои ошибки и исправлял недостатки. Достаточно сказать, что из семи первых героев Советского Союза трое – Леваневский, Ляпидевский и Доронин – ученики Василия Сергеевича Молокова. Он учил их, как и всех своих воздушных питомцев, не просто уметь летать легко и четко, не «волновать» машину грубыми тяжелыми движениями, а обращаться с ней осторожно и мягко. Инструктор требовал от учеников хорошего знания, материальной части». «Машину нужно знать, как самого себя, – говорил он и советовал, – Копайся побольше в нутре машины, ближе познаешь ее, и она тебя не подведет».

В Севастополе В.С. Молоков с семьей: женой и сыном Валерием, живет в одной большой комнате; стол, стулья и две кровати – вся обстановка. Много времени по вечерам Василий Сергеевич посвящает образованию, засиживаясь за книгами. На очередной медкомиссии врачи признали у Молокова истощение нервной системы и отстранили от полетов. Послали на лечение в Кисловодск, продлили лечение в санатории на две недели. После лечения медкомиссия признала Молокова здоровым, допустила к полетам.

В 1927 году Молокова направили на учебу в Военно-воздушную академию Н.Е. Жуковского, на курсы усовершенствования командного состава. По окончании академических курсов и возвращении в Севастополь Молоков был назначен командиром отряда.

В 1931 году Молоков обратился в Главное управление ВВС с просьбой перевести его на дальние рейсы. В это время из военной авиации часть летчиков направили в Гражданский военный флот, получил направление и В.С. Молоков для работы на авиалинии Новосибирск – Омск – Свердловск. Сначала семья Молокова поселилась в Новосибирске, а потом в Омске. Василий Сергеевич стал работать линейным летчиком.

Работая в авиаотряде, Молоков увидел, что самолеты были безличными: летчики не были прикреплены к определенной машине, а потому за пилотом не было ответственности за содержание самолета. Молоков стал требовать, чтобы каждый пилот сообщал о состоянии самолета.

Однажды при полете ночью из Новосибирска в Свердловск на самолете АНТ-9 произошла авария: отказал один мотор. Самолет стремительно пошел вниз и с грохотом упал на землю. У Молокова была смята грудь, повреждено плечо, пассажиры остались целы, но получили серьезные травмы. Молоков попал в больницу.

После выздоровления Молоков выехал в Москву за новым самолетом. Неожиданно в Москве Молоков встретил своего старого друга Гришу Побежимова. Оказалось, Побежимов работает в полярной авиации. Не откладывая ни дня, Молоков спешит в управление ГВФ, делает запрос в Новосибирск. Пришла телеграмма: «Не возражаем».

Молоков на новом самолете вылетает в Новосибирск, сдает машину и докладывает начальству, что переходит работать в полярную авиацию Главного управления Се-

верного морского пути (ГУСМП). Оказывается, в телеграмме напутали: вместо «возражаем» отправили «не возражаем».

База полярной авиации находилась в Красноярске. В Заполярье прокладывали из Красноярска воздушные линии вдоль Енисея к Игарке и далее к Северному Ледовитому океану. Первый полет был совершен с известным полярным летчиком Б.Г. Чухновским. Потом начались самостоятельные полеты на Игарку, Енисейск, Тунгуску, Турханск, Дудинку, Норильск. Молоков перевозил геологов, строителей, врачей, учителей, инженеров; он перевозил грузы, необходимые зимовщикам в отдельных уголках Родины, летал за пушниной. Молоков вживается в Север. В Карском море Молоков сопровождал суда, когда караван судов, застрявших во льдах, шел из Новой Земли. В.С. Молоков и А.Д. Алексеев производили разведку, кружили над судами. Оба они, спустя четыре года, полетели на Северный полюс. Базой летчиков была зимовка на мысе Челюскина, где имелись маленький домик, сарай, баня да радиомачта. На Енисее появится потом «Остров Молокова».

СПАСЕНИЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

В сентябре 1933 года В.С. Молоков был на мысе Челюскина, когда пароход «Челюскин» подошел к мысу. Здесь Василий Сергеевич увидел челюскинцев и, конечно, О.Ю. Шмидта. «Челюскин» приходил к зимовщикам по своим делам.

Пройдет чуть более полугодя, когда произойдет новая встреча Молокова и Шмидта при трагических обстоятельствах уже на льдине.

В.С. Молоков в условиях порывистого ветра и сильнейшего снегопада совершал перелет по маршруту Красноярск – Игарка – Москва, когда в Игарке ему вручили телеграмму: «Срочно возвращайтесь в Красноярск».

В Игарке Молокова окружили летчики, которые сообщили ему, что «Челюскин» затонул в Ледовитом океане, а челюскинцы высадились на льдину. Это было 13 февраля 1934 года.

Скорее в Красноярск! В Красноярске новый приказ: «Немедленно прибыть во Владивосток». В.С. Молоков понял: его посылают спасать челюскинцев.

Во Владивостоке Молоков впервые встретился с молодым военным летчиком Н.П. Каманиным, руководителем звена из пяти самолетов. На включение Молокова в состав летного отряда Каманин смотрел неодобрительно, потому что руководствовался исключительно интересами дела, веря в своих военных летчиков.

Об этом Каманин высказался в беседе с Молоковым. Самолеты были уже погружены в трюм парохода «Смоленск», который был готов к отправлению на Камчатку.

Молоков оставался во Владивостоке. Самолета для него у Каманина не было. Но Молокову хотелось спасти челюскинцев, которых он видел полгодя назад. Но как? В.С. Молоков шлет в Москву, в Правительственную комиссию, телеграмму, в которой он сообщает о том, что из-за отсутствия самолета не может принять участие в спасательной экспедиции и просит, учитывая его опыт в полярной авиации, знания и твердую уверенность в успехе, дать распоряжение о выделении ему самолета. Пароход «Смоленск» держал путь на Камчатку.

Из Москвы был получен ответ: «Дано указание о выделении вам самолета, догоняйте пароход».

Догонять пришлось на катере, четыре часа гонки – и Молоков на пароходе «Смоленск». На «Смоленск» на имя Каманина пришла телеграмма: «Выделить Молокову самолет». Николаю Петровичу Каманину пришлось передать Молокову один из своих самолетов. Механик Петр Пилютков повел Молокова в трюм показать машину. Это был самолет Р-5 под номером два, выведенным голубой краской.

В историю челюскинской эпопеи самолет Молокова войдет под названием «Голубая двойка».

В.С. Молоков в своем дневнике записал:

«Сегодня мне показали машину, на которой я должен лететь. Она очень старенькая и, говорят, мотор уже имеет 108 часов налета. Но это ничего. Я рад, что мне дали хоть такую машину. Мы уж с ней по-стариковски поработаем. В общем, все, что от меня зависит, сделаю и до лагеря долечу».

Но после того как В.С. Молоков полетал на самолете, он изменил свое прежнее мнение, записав в дневнике: «Я с ним познакомился по-настоящему и проникся к нему уважением – честь и хвала самолету Р-5. Он оказался очень прочным и допускает возможность работы при наличии неблагоустроенных аэродромов. В пилотажном отношении машина также обладает прекрасным качеством».

У Молокова был отличный бортмеханик, который бережно заботился о самолете...

Пять самолетов Р-5, поднявшись со льда замерзшего озера, взяли курс на лагерь Шмидта в Ледовитом океане, от Олюторки до лагеря было 2500 км. Старт взяли 5 самолетов, но прибыли на льдину челюскинцев только два летчика: Каманин и Молоков.

В.С. Молоков хранил в своем архиве карты всех своих многочисленных полетов, и главной из них была карта пути в лагерь челюскинцев.

М.В. Водопьянов вспоминал: «На карте не было, разумеется, следов пурги, туманов, поломок, вынужденных посадок, переживаний. А в действительности всего этого было в избытке. Василий Сергеевич разворачивал при мне эту старую карту и, всматриваясь в нее, вспоминал один за другим эпизоды этого, поистине героического полета».

В арктическом полете по спасению челюскинцев В.С. Молоков налетал 76 часов, а за всю свою летную биографию – несколько десятков тысяч часов!

В.С. Молоков в дневнике, когда они вдвоем с Каманиным прилетели в Ванкарем, писал: «Полетело 5 машин, долетело 2. И то победа! Мне Север в привычку, летел спокойно... Какие люди растут у нас в военной авиации – бесстрашные, решительные!» Это он о Каманине. Чукчи звали Каманина молодым человеком, а Молокова стариком. Каманину было тогда 25 лет, а Молокову – 38.

Когда Молоков прилетел в лагерь челюскинцев, к нему подошел О.Ю. Шмидт и сказал: «Где-то я вас видел?» Молоков ответил: «На мысе Челюскина, ночью, когда вы приходили... только там я был с бородой, а теперь бритый...»

Кабина самолета Р-5 рассчитана на одного пассажира, но Молоков ухитрился сажать в нее 4 человека. За 9 рейсов Молоков перевез 39 человек. На свою «Голубую двойку» Молоков брал даже по шесть человек: четверо – в кабине, а двое – в футлярах для грузовых парашютов: пассажиров привязывали веревками под крыльями самолета.

Молоков рисковал, но этот риск осозанный; летчик все просчитывал в зависимости от погодных условий. Он проводил испытания самолета – загружал его бидонами с бензином. Проведя такие испытания, Молоков убедился в надежности самолета.

Утром 13 апреля 1934 года на ледяной аэродром вылетели крыло в крыло: Молоков, Каманин и Водопьянов. У Каманина опытный штурман М.П. Шельганов, он учел погодные условия, рассчитал снос самолетов и привел самолеты точно к ледяному лагерю.

В последний рейс Молоков посадил в самолет капитана Воронина и коменданта ледяного аэродрома Погосова, Каманин – боцмана Загорского, Водопьянов – радиста Кренделя, Иванова и заместителя Шмидта Боброва.

Все три самолета через 40 минут приземлились в Ванкареме.

М.В. Водопьянов писал: «Понятие подвига и героизма – понятие историческое, оно меняется вместе с жизнью общества. Когда на смену умирающей морали капиталистического мира с ее неписанным законом «Человек человеку волк» пришла новая, социалистическая мораль, провозгласившая: «Человек человеку друг», подвигом стало самоотверженное служение народу, высокой идее беспредельной любви к людям».

Продолжая рассказ о героях, М.В. Водопьянов писал: «Весной 1934 года нас было семеро. А осенью того же года стало восемь. Золотая Звезда засияла на груди Михаила Громова, который в мировой авиации признан летчиком №1. Затем Валерий Чкалов, Георгий Байдуков, Александр Беляев, Владимир Коккинаки».

Из 18 самолетов, вылетевших для спасения челюскинцев, до лагеря на льдине долетели только 7. А.В. Ляпидевский прилетел первым на тяжелом самолете с экипажем из 4 человек, он вывез из лагеря 10 женщин и двоих детей. Для спасения челюскинцев из Америки прилетели летчики С.А. Леваневский и М.Т. Слепнев на ярко-красных самолетах: на самолете Леваневского стояли буквы «СЛ», а на самолете Слепнева – «МС». Летчики М.В. Водопьянов, И.В. Доронин, В.В. Гальшев вылетели на Ванкарем из Хабаровска, которым предстояло пролететь пять тысяч километров. Долетели только Водопьянов и Доронин. А из отряда Каманина долетели только двое: Каманин и Молоков.

По завершении челюскинской эпопеи В.С. Молоков снова в Арктике.

На самолете «СССР Н-2» Василий Сергеевич Молоков налетал более 40 тысяч километров. В 1935 году В.С. Молоков побывал вновь там, где год назад произошла катастрофа «Челюскина». В.С. Молоков – первопроходчик многих заполярных, арктических трасс. Он изучал трассу Якутск – Алдан – Колыма в течение двух с половиной месяцев.

В 1936 году Молоков пролетел над всей советской Арктикой – от самой восточной части до самой западной. Перелет начался 22 июля 1936 года из города Красноярска, проходил в тяжелых погодных условиях. Когда из Петропавловска самолет взял курс на Командорские острова, погода была хорошая, а через два часа поднялся туман. Молоков повернул обратно, но получил радиограмму, что садиться нельзя – город в тумане, нулевая видимость. Светлого времени оставалось минут двадцать, день клонился к вечеру. Молоков решил посадить самолет на море, просил штурмана Ритсланда и бортмеханика Побежимова следить, когда покажется вода. Молоков вспоминал: «Альтиметр остановился на нуле, а воды нет. Как узнать, что делается там, внизу, на море? Молоков посадил самолет на море, а потом 7 часов рулил к берегу, оказались в маленькой бухте у рыбаков. В этом полете участвовал писатель Борис Горбатов».

В.С. Молоков в 1937 году принимал участие в поисках С.А. Леваневского, самолет которого пропал во льдах Арктики.

В феврале 1938 года В.С. Молоков был назначен начальником Главного управления Гражданского флота СССР и возглавлял его до 1942 года.

При руководстве В.С. Молоковым Гражданским воздушным флотом СССР был отпразднован его 15-летний юбилей.

С начала Великой Отечественной войны Гражданский воздушный флот занят перевозкой оружия и боеприпасов, а также продовольствия и медикаментов. Самолеты Ли-2, Р-5, У-2 использовались для связи штабов с воинскими частями, а также партизанскими отрядами.

В годы войны в военную авиацию ушли многие гражданские летчики. В.С. Молоков писал: «Мы передали много прекрасных летчиков в военную авиацию. Среди них были А.Е. Голованов, В.И. Чулков, Н.И. Новиков».

Александр Евгеньевич Голованов на моих глазах вырос из рядового летчика в

крупного военачальника, стал маршалом! С февраля 1942 года Голованов возглавил авиацию дальнего действия.

Хорошо зная летчиков ГВФ, он отобрал лучших из них и представил мне список на восемьдесят человек. Но я всячески отстаивал передачу этих пилотов. Ведь количество заданой гражданской авиации не уменьшилось, а становилось все больше и сложнее.

Наконец А.Е. Голованов не выдержал и пожаловался на меня И.В. Сталину. Вызывают меня ночью в Кремль. Голованов уже там. Сталин обратился ко мне: «Что же вы не даете летчиков Голованову? Почему задерживаете исполнение приказа?» Я объяснил, что уже передал 30 человек, а остальных собираю. Не вдаваясь в подробности, Сталин оторвал листок из блокнота и быстро написал карандашом: «Т-шу Молокову. 50 экипажей (кроме 30) передать т. Голованову в течение 10 дней (т.е. к 30 апреля) И. Сталин 20. 04. 42». Я, конечно, выполнил приказ».

В.С. Молоков писал, что с мая 1942 года Гражданский воздушный флот был, по существу, полностью передан в ведение Военно-воздушных Сил.

В июне 1942 года В.С. Молоков был назначен уполномоченным Государственного комитета обороны в Красноярске и освобожден по его просьбе от должности начальника ГВФ.

В январе 1943 года генерал-майор В.С. Молоков был назначен командиром авиационной дивизией, в которой были самолеты По-2.

Дивизией Молоков начал командовать в Сухиничах. В июле 1943 года дивизия принимала участие в Курской битве. Летчики на самолетах По-2 бесшумно на бреющем полете появлялись над позициями противника, сбрасывая бомбы. В октябре 1943 года В.С. Молоков стал командовать 213-й бомбардировочной дивизией, в которой были самолеты Р-5, Ли-2, У-2 (с 1944 года У-2 назывались По-2). В последующие годы Великой Отечественной войны В.С. Молоков командовал Дальнебомбардировочной авиационной дивизией на Западном и 3-м Белорусском фронтах, дошел до Восточной Пруссии.

В послевоенные годы В.С. Молоков был назначен заместителем начальника Гидрометеослужбы при Совете министров СССР.

В 1947 году генерал В.С. Молоков ушел в запас. Но вскоре он возвратился на работу в Аэрофлот, возглавил Высшую аттестационную комиссию Гражданского воздушного флота СССР, проработав в этой должности до 1955 года, и уже окончательно в 60-летнем возрасте ушел на заслуженный отдых.

После эпопеи по спасению челюскинцев в июне 1934 года В.С. Молоков и С.А. Леваневский были командированы в Лондон для изучения современной английской авиации. Там В.С. Молоков рассказывал и расхваливал качество самолета Р-5. Когда Молоков начал говорить, его отозвал в сторону скромный и тихий человек и пожал ему руку. Это был конструктор самолета Р-5 Н.Н. Поликарпов. Это была удивительная встреча, о которой вспоминал Василий Сергеевич.

Н.П. Каманин о Молокове писал: «Василий Молоков молчалив. Говорит не спеша, обдуманно. О многом он может рассказать, но менее всего о себе. Человек он интересный, самобытный и яркой судьбы... В годы первой пятилетки Василий Молоков водил пассажирские самолеты на Север. Под крылом его машины искрились Енисей, Иртыш, Лена. Летал в Норильск, Дудинку, Игарку».

А М.В. Водопьянов о Молокове сказал так: «Василий Молоков летал, пожалуй, больше нас всех, удивляя особой выдержкой, умением выжидать, большим пилотским мастерством. Терпение и упорство дали ему очень много».

Герой Советского Союза генерал-майор авиации В.С. Молоков был награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й

степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной звезды и многими медалями.

Я встретился и беседовал с Валерием Васильевичем Молоковым – сыном В.С. Молокова. Наша беседа шла о Василии Сергеевиче как о летчике и человеке, о родственниках, которые жили в селе Молоково, о бабушке Валерия Васильевича.

Я рассказал Валерию Васильевичу, что часто видел Василия Сергеевича, когда он на «Победе» приезжал в Заборье, в продуктовый магазин. Сам Валерий Васильевич Молоков – участник Великой Отечественной войны, прошел боевой фронтовой путь и кончил МВТУ им. Баумана уже после войны. Теперь В.В. Молоков на заслуженном отдыхе.

Василий Сергеевич Молоков скоропостижно скончался 29 декабря 1982 года 87-ми лет. Он был великим воздушным первопроходцем Арктики, освоению которой отдал многие годы жизни, он внес большой вклад в освоение Северного морского пути.

Его имя золотыми буквами вписано в историю советской авиации.

Так будем помнить, что Василий Сергеевич Молоков являлся сыном московской земли и более трех десятков лет прожил на домodedовской земле.

ГЕРОЙ БИТВЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Дмитрий Сергеевич Фоломеев
(1913–1954)

*Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград...
Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.
Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.*

А. Т. Твардовский

Маршал В.И. Чуйков Сталинградскую битву назвал «сражением века». Именно под Сталинградом была одержана величайшая победа Советской армии в Великой Отечественной войне. Эту победу добыли солдаты, офицеры и генералы Советской армии. Эту победу добыл весь советский народ. Эту победу добыл и Герой Советского Союза танкист лейтенант Дмитрий Сергеевич Фоломеев, живший с 1946 года и до конца своих дней в городе Домодедове.

Вспомним жизненную биографию, фронтовые дороги и подвиги Д.С. Фоломеева. Дмитрий Сергеевич Фоломеев родился 18 сентября 1913 года в деревне Ивановке Муровлянского уезда Рязанской губернии (ныне Сараевского района Рязанской области) в простой крестьянской семье. После окончания сельской школы восемнадцатилетний комсомолец Дмитрий Фоломеев приезжает в Москву и начинает работать на строительстве здания Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1932 году Дмитрий Фоломеев уезжает по комсомольской путевке на Дальний Восток – в Приморье, в Хабаровск. Сначала он работает строителем на Хабаровском заводе сельскохозяйственного машиностроения, а затем механиком на том же заводе (ныне завод «Даль-

дизель»). В 1934 – 1936 гг. Д.С. Фоломеев проходит действительную службу в Красной армии, а потом после демобилизации возвращается на свой завод. Имя Д.С. Фоломеева как Героя Советского Союза увековечено на мемориальной доске завода «Дальдизель».

В конце 1940 года Д.С. Фоломеев командирован на Украину в город Винницу, где его и застает начало Великой Отечественной войны. Город Винница подвергается ожесточенной бомбардировке немецкой авиацией. Немецкие войска захватывают украинские города.

В июле 1941 года Д.С. Фоломеев добровольно уходит в армию. Его направляют в 34-й запасный учебный танковый полк, где он проходит службу с июля по октябрь 1941 года как командир отделения, и по окончании курсов он получает первое офицерское звание – младший лейтенант.

В октябре 1941 года Д.С. Фоломеев командует танковым взводом в 4-й танковой бригаде, сражаясь под Орлом и Мценском, тогда же 4-я танковая бригада за успешные боевые действия была переименована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

А в ноябре – декабре 1941 года Д.С. Фоломеев принимает участие в битве за Москву в должности командира танкового взвода в 1-й танковой бригаде полковника М.Е. Катукова, входящей в состав 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского (Западный фронт), сражаясь на Ленинградском шоссе и в районе Крюкова.

Во второй половине декабря 1941 года, по данным Центрального архива Министерства обороны, он находится на лечении по болезни в госпитале (станция Курган, Наманганская область). В госпитале Д.С. Фоломеев находится до апреля 1942 года. По выходе из госпиталя Д.С. Фоломеев направляется на Ленинградские бронетанковые курсы в город Магнитогорск, где проходит учебу с апреля до июля 1942 года. В июле 1942 года Д.С. Фоломеев в звании лейтенанта назначается заместителем командира танковой роты в 19-й учебный танковый полк (город Нижний Тагил). С конца июля 1942 года лейтенант Д.С. Фоломеев на передовой. Он назначается командиром танкового взвода 106-й танковой бригады (Западный, позже Юго-Западный фронт).

Командиром танкового взвода 306-го танкового батальона 106-й танковой бригады 12-го танкового корпуса лейтенант Д.С. Фоломеев участвует в Сталинградской битве с июля 1942 по февраль 1943 года. В битве под Сталинградом Д.С. Фоломеев за проявленные в боях доблесть и отвагу, за подвиги стал Героем Советского Союза.

Под Сталинградом развернулось строительство оборонительных рубежей. В состав Сталинградского фронта входило 38 дивизий численностью 187 тысяч человек, которые развернулись на 530-километровом фронте. Немцы против Сталинградского фронта сосредоточили 250 тысяч человек.

За восемьдесят лет до Сталинградской битвы великий русский поэт Ф.И. Тютчев пророчески восклицал:

О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

По приказу Ставки, возглавляемой И.В. Сталиным, в бой немедленно были введены 1-я и 4-я танковые армии и две стрелковые дивизии.

Ставка 5 августа 1942 года Сталинградский фронт разделила на два: Сталинградский и Юго-Восточный. Сталинградское сражение военные историки разделили на два периода: первый (17 июля – 18 ноября 1942 года) и второй (19 ноября 1942 года – 2 февраля 1943 года).

В последний 70-суточный период группировка немецких армий в составе 22 дивизий 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса и основных сил 4-й танковой армии

Гота общей численностью более 330 тысяч человек находилась в окружении с 23 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года.

В сентябре 1942 года Сталинградский фронт был переименован в Донской, а Юго-Восточный – в Сталинградский. А 29 октября 1942 года был создан Юго-Западный фронт, командующим которого был назначен генерал Н.Ф. Ватутин.

В контрнаступлении в районе Сталинграда участвовали три фронта, план наступления трех фронтов разработали Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб.

23 ноября в 16 часов немецкая группировка войск в Сталинграде была окружена – кольцо окружения замкнулось у хутора Советский (Калач).

Маршал В.И. Чуйков писал: «Попытка деблокировать армию Паулюса была сорвана, новая группировка немецких армий «Дон» потерпела поражение. Кольцо окружения теперь уж прочно замкнулось».

Советские войска начали создавать внешний фронт окружения. Немецкую группировку в кольце окружения держали семь советских армий: генералов В.И. Чуйкова, М.С. Шумилова, П.И. Батова, Ф.И. Толбухина, И.М. Чистякова, А.С. Жадова и И.В. Галанина.

16 декабря 1942 года началось наступление войск Юго-Западного фронта и 6-й армии, переданной в состав фронта из Воронежского фронта с целью разгрома гитлеровцев в районе Среднего Дона, где действовали основные силы немецкой группировки армий «Б», насчитывающей более миллиона солдат и имеющей 675 танков и более 10 тысяч орудий и минометов.

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов сорвали план Манштейна по деблокированию войск Паулюса, окруженных в Сталинграде.

31 января 1943 года была окончательно разгромлена южная группа немецких войск в Сталинграде и взяты в плен генерал-фельдмаршал Паулюс и весь его штаб. А 2 февраля 1943 года сдались остатки северной группировки немецкой армии.

Сто восемьдесят дней и ночей длилась Сталинградская битва, в которой советские солдаты проявили мужество и героизм, стойкость и выносливость, храбрость и волю к победе.

Лейтенант Д.С. Фоломеев командовал танковым взводом 306-го танкового батальона 106-й танковой бригады полковника И.Е. Алексеева.

106-я танковая бригада 12-го танкового корпуса входила в состав танковой армии Юго-Западного фронта, которой командовал генерал П.С. Рыбалко. Танковая бригада полковника И.Е. Алексеева вела успешные боевые действия в юго-восточных районах Воронежской области против немецкой группы армий «Б», стремящейся деблокировать немецкую армию Паулюса в Сталинграде.

Острогожск, Алексеевка, Россось – вот опорные пункты фашистов, которые предстояло освободить танкистам 106-й бригады полковника И.Е. Алексеева.

Окруженная армия Паулюса оседлала железные дороги Сталинград – Каменка, Воронеж – Миллерово, где на участке Лиски – Кантемировка железная дорога оставалась в руках противника. С целью восстановить свободное движение железной дороги Лиски – Кантемировка была поставлена задача: разгромить острогожско-россошанскую группировку противника.

В середине дня 6 января 1943 года в Кантемировку, где находился штаб 3-й танковой армии, прибыли Г.К. Жуков, А.М. Василевский и командующий Воронежским фронтом генерал Ф.И. Голиков. С 7 по 13 января шла подготовка к наступлению и к концу дня 13 января войска заняли исходное положение. Намеченному на утро 14 января наступлению помешал сильнейший снегопад, и оно началось только в 10 часов 15 минут, когда снегопад кончился.

После очередного напряженного боя 106-я бригада, форсировав реку Дон, 9 января 1943 года расположилась в освобожденной Кантемировке, имеющей железнодорожную станцию и пути в Миллерово на Сталинград. Танкисты бригады время короткого отдыха использовали для приведения в боевую готовность поврежденные в боях танки Т-34, 14 января 1943 года 106-я танковая бригада вступила снова в бой. Военные историки назовут потом эти бои Острогожско-Россошанской операцией. В 14.00 бригада по установленному сигналу начала выдвижение на боевые позиции. Танки шли по местности, только недавно являвшейся передним краем немецкой обороны: кругом почерневшие снежные поля от разрывов бомб, снарядов и мин, разбитые танки и орудия, трупы солдат противника.

Враг, отступая, минировал дороги, взрывал мосты и сжигал села и деревни.

Танковая бригада двигалась в направлении совхоза «Красный молот». Вечерело. В ранних зимних вечерних сумерках на горизонте полыхало зарево пожара. Горели подожженные гитлеровцами дома совхоза. Танки прибавили скорость. Когда передние танки перемахнули через бугор и въехали на поле, разведка донесла командованию бригады, что впереди минное поле. Наспех установленные внаброс мины надо было, маневрируя, объехать. Передний танк, вырвавшийся на поле, подорвался и загорелся. Танки остановились. Перед колонной танков встала задача: решительным и смелым броском прорваться в совхоз и уничтожить противника, тем самым проложив путь бригаде. Начальник штаба 306-го танкового батальона старший лейтенант Е.А. Мудрик подал команду: «Вперед!».

Как только танки Т-34 приблизились к совхозу, заработали немецкие противотанковые батареи и открыли огонь автоматчики. Гитлеровцы для прикрытия своего отхода оставили батареи и группу автоматчиков в совхозе.

Первыми, пройдя минное поле, ворвались в совхоз танки лейтенанта Фоломеева, младшего лейтенанта Кузнецова и старшего лейтенанта Мудрика. За ними последовали остальные. Противник не успел опомниться, как из наступившей темноты выскочил танк лейтенанта Д.С. Фоломеева и стремительно обрушился на батареи противника. Немцы разбежались, попав под огонь танкистов. А три противотанковых орудия были уничтожены. Лейтенант Фоломеев во время боя вдруг почувствовал, что танк приподнялся – это механик-водитель сержант Аксенов умело навел танк на вражескую пушку. Уничтожив три батареи и дзоты противника, Т-34 Фоломеева устремился на противоположную окраину совхоза. За ним следовали другие танки. Возле крайнего дома совхоза танкисты заметили немецких автоматчиков, поспешно грузившихся на автомашину. Мчавшийся танк Т-34 с ходу врезался в автомобиль. Автоматчики, успевшие соскочить с автомашины, были расстреляны в упор автоматчиками старшего лейтенанта Рыжко, сидевшими на следовавших за Фоломеевым танках.

Уничтожив противника в совхозе «Красный молот», танкисты продолжали наступление. Впереди был город и железнодорожный узел Россошь.

В танковой бригаде оставалось всего 20 танков. Пехота отстала. Идти на штурм занятого противником города сил было недостаточно, но и ждать подхода главных сил нельзя. Надо стремительно преследовать отступающего врага. Командир бригады полковник Алексеев принимает решение: продолжить движение вперед. Выслав разведку и походное охранение, танки продолжают движение вперед. Зимняя вьюга и ночная темнота были попутчиками советских танков.

На рассвете 15 января в город Россошь ворвались краснозвездные «тридцатьчетверки» полковника Алексева. Город был разбужен грохотом орудийных выстрелов, пулеметной стрельбой и гулом моторов. Фашисты были в панике. Хотя противник по численности превосходил в несколько раз наших танкистов, но победа была полная: на нашей стороне была внезапность, доблесть и воинское мастерство. В городе в раз-

ных местах шли отдельные скоротечные схватки, танкисты огнем и гусеницами уничтожали растерявшегося врага. Немногие уцелевшие гитлеровцы покидали город.

Командир бригады отдал приказ побатальонно выйти танкам в назначенное место сбора. Над городом появились «юнкерсы», начали рваться авиационные бомбы.

Танк лейтенанта Фоломеева при выходе из совхоза «Красный молот» застрял в занесенном снегом овраге. Лейтенант Фоломеев получил приказ полковника Алексева: прибыть в район деревни Михайловки и не пропустить через мост рвущихся в Россошь подкреплений противника. А в это время механик-водитель и стрелок-радист, притащив бревна, укладывали их под гусеницы. Расчистив снег и уложив бревна, танкисты вызволили танк из западни – занесенного снегом оврага. Взревел мотор, и танк, выполняя приказ полковника Алексева, устремился в деревню Михайловку на мост. Пройдя горящую деревню, танк Фоломеева остановился у моста. Было тихо, лишь пронзительный и всепроникающий ветер выл и кружил вокруг танка, от мороза и холода коченели руки и ноги. Ждали недолго. К мосту подошла колонна вражеских грузовиков, переполненных солдатами. «Тридцатьчетверка» Фоломеева на большой скорости врезалась в колонну, ведя огонь на ходу. Стремительное и внезапное нападение принесло успех танкистам: груды поломанных автомобилей и группы убегающих гитлеровцев в пространство глубоких снегов, по которым танкисты вели огонь из пулемета. В опрокинутом штабном автобусе лейтенант Д.С. Фоломеев обнаружил убитых фашистских офицеров, оперативные документы и знамена 156-й итальянской пехотной дивизии. Трофеи – штабные документы и знамена дивизии – перекочевали в танк (на Нюрнбергском процессе документы из автобуса стали свидетельством о злодеяниях гитлеровцев на советской земле).

В конце дня 15 января в критический момент в атаку пошел сам комбриг полковник И. Е. Алексеев, его танк ворвался на станцию, вражеский снаряд угодил в него. Танк загорелся, полковник погиб.

За умелое командование бригадой и личное мужество указом Президиума Верховного совета СССР полковнику И.Е. Алексееву 24 января 1943 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

День и ночь, и еще день советский танк оборонял мост. К исходу второго дня – 16 января – в город подошли главные силы армии, и танк лейтенанта Фоломеева получил приказ: прибыть в расположение своего батальона.

Возвращаясь в ночь с 16 на 17 января в свое подразделение, танк лейтенанта Фоломеева проходил через село Татарино (Каменский район Воронежской области), в котором оказался противник. Завязался неравный и горячий бой. Против экипажа Т-34 сражался батальон пехоты с артиллерией и минометами. Танк Т-34 был подбит. Будучи окруженными, танкисты не покинули машину и продолжали сражаться, нанося противнику большой урон. Танкисты-герои в течение двадцати часов сражались в осажденном танке. За время боя экипаж лейтенанта Фоломеева уничтожил 4 противотанковых орудия, 8 пулеметов, 15 автомашин и более 100 солдат и офицеров врага. За неделю боев экипаж праздновал третью победу.

Победа как бы Божиим промыслом приурочена ко дню Святого Богоявления и Крещения Господня.

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, проявленные при этом мужество и героизм указом Президиума Верховного совета СССР от 21.04.1943 года лейтенанту Фоломееву Дмитрию Сергеевичу присвоено звание Героя Советского Союза, а члены его экипажа удостоены высоких правительственных наград.

Присвоение звания Героя Советского Союза застало лейтенанта Д.С. Фоломеева в госпитале, в городе Моршанске, а воинское звание «старший лейтенант» Д.С. Фо-

Фоломееву присвоено приказом 4 мая 1943 года.

В осажденном танке Д.С. Фоломеев обморозил ноги, пришлось долго лечиться. В военном госпитале Д.С. Фоломеев находился с апреля по октябрь 1943 года. По выписке из госпиталя Д.С. Фоломеев направляется на учебу в Высшую офицерскую школу танкистов в город Магнитогорск, где является курсантом с октября 1943 года по апрель 1944 года. По окончании Высшей офицерской школы Д.С. Фоломееву присвоено звание «капитан».

Пока Д.С. Фоломеев находился в госпитале и на учебе в Высшей офицерской школе, его гвардейская танковая бригада прошла боевой путь от Росоши до Проскурова. Прибыв на фронт в свою бригаду, Д.С. Фоломеев получил назначение на должность заместителя командира танкового батальона.

Боевой путь 106-й (позже 53-й гвардейской) танковой бригады, в которой капитан Д.С. Фоломеев командовал 3-м танковым батальоном, лежал через города Киев, Львов (Украина), Перемышль, Ченстохов (Польша), через города немецкой Силезии, Берлин и Прагу (Чехословакия). 53-я гвардейская танковая бригада участвовала в освобождении более пятидесяти городов Советского Союза и городов Польши, Германии и Чехословакии.

За боевые действия 53-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Ленина, Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого, получила 298 благодарностей от Ставки Верховного главнокомандования.

Капитан Д.С. Фоломеев имел за Великую Отечественную войну награды: Золотую Звезду Героя, орден Ленина, орден Боевого Красного Знамени и многие медали.

Командующим 3-й танковой армии, в составе которой была 106-я (53-я гвардейская) танковая бригада, был с октября 1943 года генерал П.С. Рыбалко. С мая 1943 года 3-я танковая армия – гвардейская. На счету армии П.С. Рыбалко фронтовые операции: Острогжско-Росошанская, Харьковская, Орловская, Курская, Киевская, Житомир-Бердичевская, Проскуровско-Черновицкая, Львовско-Сандомирская, Нижнесилезская, Берлинская и Пражская.

Маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко прожил недолгую жизнь (1894 – 1948 гг.).

Супруга Д.С. Фоломеева Александра Александровна рассказала мне, как был опечален ее муж, узнав о кончине своего командующего П.С. Рыбалко, которого он хорошо знал; показала мне фотографию П.С. Рыбалко, подаренную маршалом ее супругу.

В послевоенные годы капитан Д.С. Фоломеев оставался в армии кадровым офицером.

В 1946 году капитан Д.С. Фоломеев Управлением военно-строительных работ (УВСР) командирован по службе в поселок Домодедово как специалист по автотранспорту. Здесь он работает на строительстве 342-го механического завода. В декабре 1946 года он назначается начальником транспортного отдела УВСР.

В служебной характеристике, выданной в 1947 году начальником УВСР на начальника транспортного отдела, отмечаются его положительные трудовые и профессиональные качества.

В городе Домодедове Дмитрий Сергеевич Фоломеев знакомится с Александрой Александровной Росихиной – своей будущей женой, экономистом УВСР-48. Она была землячкой Д.С. Фоломеева, уроженкой Рязанской земли.

В 1947 году они сыграли свадьбу, а в 1948 году у супругов появляется сын Геннадий. Семья Фоломеевых в городе Домодедове строит себе дом возле домодедовской средней школы №3. Д.С. Фоломеев продолжает служить. В 1950 году капитан Д.С. Фоломеев окончил Высшую офицерскую автомобильную школу. Ему присваивают

звание «майор».

В мае 1954 года майора Д.С. Фоломеева по состоянию здоровья демобилизуют из армии.

После демобилизации Дмитрий Сергеевич Фоломеев прожил недолго, он скончался в сорокалетнем возрасте от полученных во время Великой Отечественной войны ран и болезней 4 июля 1954 года и похоронен на Введенском кладбище города Москвы.

А.А. Фоломеева рано овдовела – ей было всего 34 года, на руках остался шестилетний сын. Ей пришлось одной растить и воспитывать сына. Геннадий Фоломеев учился в Суворовском военном училище, ныне он – старший лейтенант запаса.

Слушая Александру Александровну Фоломееву, я думал о судьбе и жизни вдов, потерявших мужей уже после войны, в первые годы после окончания Великой Отечественной войны.

Маршал Г.К. Жуков писал: «Битва в районе Сталинграда была исключительно жесточечной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за Москву. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было уничтожено 32 дивизии и 3 бригады, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 70 процентов личного состава. Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек...»

В победу под Сталинградом вложил свою лепту и Герой Советского Союза Дмитрий Сергеевич Фоломеев.

НЕБЕСНЫЙ ТАРАН НАД ДОМОДЕДОВСКОЙ ЗЕМЛЕЙ

Виктор Васильевич Талалихин
(1918—1941)

«Виктор Талалихин не дожил до наших дней, не стал свидетелем величайших побед советского народа и его Вооруженных Сил. Но слава героя не умирает. Герои бессмертны. Они вечно будут жить в памяти боевых друзей и всего советского народа».

Трижды Герой Советского Союза И. Кожедуб.

Август 1941 года был тяжелым и напряженным месяцем в обороне столицы Советского Союза – города Москвы. Мне, как очевидцу, вспоминаются бои в московском небе. Лавинами наплывали на Москву немецкие «юнкеры», «хейнкели» и «мессершмитты». В августе участились бомбежки Москвы, ее пригорода и ближайшего Подмосковья, бомбили днем и ночью. Самолеты-разведчики на бреющем полете бороздили Южное Подмосковье, летали над железнодорожными станциями, поселками и селами; с воздуха расстреливали работающих на полях людей, а вечерами, когда наступали сумерки, в домodedовском небе слышались характерные звуки работающих авиадвигателей фашистских «юнкеров» и «хейнкелей». Мы, мальчишки, научились их отличать, мы знали: фашисты летят бомбить Москву. Московское ночное небо просвечивалось и перекрещивалось яркими лучами прожекторов, слышались артиллерийские раскаты зениток. На подступах к Москве шли воздушные бои.

До сих пор и в моей памяти живут картины полета немецких бомбардировщиков на станцию Востряково, бомбежка пассажирского поезда, ночная бомбежка деревни Заборье при горящих и освещающих местность, зависших над землей ракетах.

Подвиг Виктора Талалихина по прошествии более полувека с его совершения видится мне особенно значимым, особенно героическим.

Виктор Талалихин предотвратил сброс смертоносного груза «хейнкеля-111» на Москву, спас от верной гибели многих москвичей.

Легендарный летчик Герой Советского Союза Виктор Талалихин родился в небольшой приволжской деревеньке с поэтическим названием Тепловка, что расположена вблизи города Вольск на Саратовщине.

Волга-Волга! Сколько возмужала приволжская земля замечательных русских лю-

дей: героев, воинов, патриотов, поэтов, писателей, артистов, ученых, промышленников, купцов!

(Отец В.В. Талалихина Василий Иванович – участник Первой мировой войны, вернувшись с фронта, работал в артели штукатуром.

Он уходил из дому в отхожие промыслы, побывал во многих приволжских городах на заработках. Мать В.В. Талалихина – Вера Ивановна часто и подолгу оставалась одна с детьми. У Талалихиных была большая семья – четверо сыновей: Павел, Александр, Николай и Виктор. Старший из сыновей, Павел, в годы гражданской войны вступил в Красную гвардию, в сентябре 1918 года во время разведки был захвачен белогвардейцами и расстрелян.)

Виктор Талалихин родился 18 сентября 1918 года. Он рос смелым, энергичным и смышленным мальчуганом, рано познал крестьянский труд в деревне. Слушая рассказы о дореволюционной жизни крестьян и гражданской войне, Виктор переживал гибель своего старшего брата Павла.

В 1924-м, когда Виктору было шесть лет, семья Талалихиных переехала из Тепловки в Вольск Саратовской губернии.)

Вольск – город цементников. В 20-е годы шло интенсивное строительство цементного завода. Цемент – хлеб индустрии. На цементном заводе стал работать штукатуром отец Виктора Талалихина Василий Иванович.

Поселились Талалихины на берегу Волги, в домике, окруженном деревьями и курстарниками, а перед домом лужайка. Красивые места! Братья Талалихины в летнее время купались на Волге, загорали, играли в детские игры. А кругом приволье – недаром город назван Вольском. По Волге проплывали пароходы, а над Волгой летали и кричали чайки. Улица, на которой стоял домик Талалихиных, называлась Ленинской.

Учился Виктор Талалихин в городской школе №1. Близким другом Виктора в школьные годы был Женя Лазарев, живший по соседству, в доме через дорогу.

В Вольске прошли детские годы Виктора Талалихина. Это были героические годы в Советском Союзе: развивалась советская авиация, летчики совершали подвиги, осваивали Арктику, Заполярье, Дальний Восток.

Еще осенью 1928 года на улицах Вольска появились юноши с голубыми петлицами на гимнастерках – курсанты военной авиационно-технической школы, с 1932 года школа называлась именем Ленинского комсомола.

Виктор Талалихин с братьями и друзьями стал строить планер. Подвижной, жизнерадостный Виктор был заводилой в любом деле: пристроил к крыше голубятню, любил играть в футбол.

Братья Талалихины жили дружно, помогали отцу в его работе. Все трое: Александр, Николай и Виктор, рано утром вставали и шли с отцом на работу, помогали ему. А дома все помогали матери, готовили дрова, запасали сено для коровы.

Виктор учился в школе хорошо.

В 1933 году, когда Виктору еще не было и пятнадцати лет, Талалихины переехали на новое местожительство – в Москву.

Вера Ивановна была против переезда, не хотела бросать насиженное место в Вольске на Волге – неизвестность тяготила, но Василий Иванович настоял на своем.

В.И. Талалихин приехал в Москву сначала один, он начал работать на строительстве Московского мясокомбината.

Семья Талалихиных появилась в Москве несколько позже, поселилась в бараке, стоящем в Михайловском проезде. Вся местность, примыкавшая к мясокомбинату, называлась Калитниками: старое Калитниковское кладбище у пруда. Калитниковский птичий рынок, улицы Большая и Средняя Калитниковские, Конная площадь,

война. На митинге выступил командир полка М.И. Королев и объявил приказ: полк перебазирован на другой аэродром.

Недели за две до начала войны Виктор по приглашению Шуры был у нее дома. Его хорошо приняли родители Шуры. Было решено, что в конце 1941 года Виктор с Шурой пойдут в ЗАГС.

Полк М.И. Королева держал оборону Юго-Западной Москвы.

В ночь на 22 июля 1941 года был первый вражеский налет самолетов на Москву, а в июле – августе налеты немецкой авиации участились. 25 июля летчики полка открыли счет, капитан Иван Самсонов сбил «юнкерс-88». В последних числах июля 1941 года Виктора Талалихина назначили заместителем командира первой эскадрильи, а потом он стал исполнять обязанности командира.

Талалихин часто думал о Шуре, и наконец Виктор получил от нее письмо, в котором она сообщила, что поступила работать на завод. Надо было работать на оборону Родины.

Первый бомбардировщик Виктор Талалихин сбил в ночь с 5 на 6 августа – это был немецкий бомбардировщик «юнкерс-88».)

Под Москвой август 1941 года – это беспокойное, тревожное и грозное военное время. Бесконечные ночные бомбежки немецкими самолетами Москвы и ее пригородов. Мне, пережившему те тяжелые летние и осенние месяцы первого года войны, бывавшему под бомбежками и обстрелами из пулеметов, запомнилось обостренное чувство опасности, и победа советских летчиков и зенитчиков в московском небе всеяла надежду.

О ночном таране летчиком-истребителем Виктором Талалихиным немецкого самолета «хейнкель-111» мы узнали 8 августа 1941 года.)

С самого раннего утра 6 августа авиационные техники и авиамеханики Сергей Борзов, Филипп Усатюк и Владимир Цветков готовили истребители к полетам.

«Ястребок» Талалихина был подготовлен к полету. Борзов доложил инженеру полка А.М. Меньшову о выполнении задания: опробован мотор, заправлены бензобаки, произведен предварительный осмотр самолета.

В. Талалихин должен вылететь на ночное дежурство, он подошел к самолету. Виктор в кожаном реглане, пилотке и хромовых сапожках, с планшетом. Он все досконально проверил и попросил переставить педали ножного управления, укоротив их. Виктор Талалихин сел в кабину самолета и подготовился к боевому дежурству. Ночь с 6 на 7 августа была теплой, тихой, звездной. В московском небе заработали прожектора. Множество ярких лучей пронзали темное небо, ища неприятельские самолеты.

Истребители стояли в укрытии на опушке небольшого леса, вблизи поселка, ожидая боевого сигнала. Самолеты Виктора Талалихина, Петра Фунтова, Александра Печенева, Ивана Тяпина, Александра Богданова, Григория Финогенова получили сообщение: «Самолеты противника появились в квадрате 82 на высоте 4 тысяч метров. Командир полка вызвал 1-ю эскадрилью в 22 часа 55 минут. Талалихин услышал команду: «Воздух!» «Ястребок» Талалихина поднялся в небо и набрал высоту. Внизу железнодорожные станции Львовская, Столбовая. Талалихин заметил блестящую точку, от которой шли зелено-красные вспышки. Это от моторов вражеского самолета.

Талалихин стремительно вел «ястребок» к цели – бомбардировщику «хейнкель-111». Он шел на высоте 4,5 км. Бомбардировщик вооружен семью пулеметами и одной пушкой. Талалихин зашел бомбардировщику в хвост, стал ловить «хейнкеля» в свой прицел, нажал гашетку. Правый мотор фашистского бомбардировщика задымил, «хейнкель-111» вздрогнул. Талалихин вновь атаковал, целясь в кабину самолета. Немецкий самолет изменил курс, повернув на запад. Талалихин снова и снова ата-

кует, выпускает несколько огненных очередей. Увеличив скорость, «хейнкель-111» пошел на снижение, но «ястребок» преследовал его.

Продолжался воздушный ночной поединок. Подбитый, но недобитый фашистский бомбардировщик продолжал лететь, снова атака – шестая. Талалихин жмет на гашетку, но пулемет молчит – кончились патроны.

«Хейнкель-111» уходит в темь ночи. Талалихин мгновенно принимает решение – идти на таран, информирует на землю – кончились боеприпасы. Талалихин догоняет «хейнкеля-111», приближается к нему, пристраивается мастерски к хвосту самолета, из «хейнкеля-111» сверкнула пулеметная очередь, обожгло правую руку Талалихину – рука прострелена. Но «ястребок» у цели – осталось 10 метров. Всей своей машиной Талалихин протаранил бомбардировщик, «ястребок» перевернулся в воздухе, летчик покидает самолет и около тысячи метров летит затычным прыжком, а потом раскрывает парашют.

Фашистский бомбардировщик «хейнкель-111» падает у березовой рощи между селами Добрыниха и Щеглятево.

Это был первый в истории войны ночной таран, героический подвиг Виктора Талалихина. Таран – это наивысшая степень героизма, когда на весах жизнь летчика, когда впереди неизвестность: можно ли выпрыгнуть из смятого и поврежденного самолета? Таран – это особая смелость летчика. Таран – это на грани самопожертвования. Советские летчики совершили дневной таран в первый день войны под Ленинградом, а за годы войны советские летчики совершили сотни таранов. Были летчики, которые таранили дважды и трижды. Немецкие летчики на таран в войну не шли.

Выбросившись из самолета, Талалихин приземлился на дно неглубокой речки Северки у окраины деревни Мансурово. Выбравшись на берег, Виктор Талалихин почувствовал боль в ногах, в пояснице, особенно сильно беспокоила рана на руке.

Часы Талалихина остановились в 23 часа 28 минут (именно в этот момент произошел таран). Летчик в полете находился 33 минуты. Обнаружили летчика на берегу реки Северки мансуровцы. К нему отнеслись осторожно – не знали, кто это. Талалихина первыми увидели и подошли к нему И.М. Буралкин, В.Д. Заелкин и В.Г. Ларионов, колхозники из Мансурова.

Летчик сказал: «Я свой», – и, преодолевая боль, встал. Раненого Виктора Талалихина колхозники осторожно повели к крайнему дому деревни, в котором жил Е.И. Ларионов. Марфа Ивановна Ларинова сразу перевязала Виктору руку, принесла белье, напоила молоком и уложила отдыхать.

Виктор, проснувшись на рассвете, выглянул из окна, недалеко виднелась опушка леса. Утром Виктора напоили чаем, и Егор Иванович Ларионов проводил Талалихина к месту падения самолета. Осмотрев остатки самолета, они вернулись в дом. Дома у Ларионовых уже стояла подвода по распоряжению председателя колхоза Н.И. Заелкина. Все мансуровцы проводили Виктора Талалихина в деревню Степыгино.

В ту августовскую ночь на аэродроме ждали летчика В. Талалихина, а его все не было и не было. Все спрашивали: «Где же Талалихин, что же с ним?» Друг Виктора летчик Александр Печеневский переживал, время уже третий час, а товарища все нет и нет...

Утро: 9 часов 45 минут... над Подольском показался самолет У-2, летевший к аэродрому... Из самолета вышел Талалихин с перевязанной рукой. Виктора окружают однопольчане.

Командир полка Королев срочно сообщил в штаб авиасоединения о подвиге Талалихина. Командир авиационного корпуса И.Д. Климов дал указания майору Королеву лично выехать на место падения фашистского бомбардировщика и представить материалы к присвоению летчику Виктору Талалихину звания Героя Советского Со-

юза. К сбиту самолету «хейнкель-111» майор Королев выехал вместе с Талалихиным. Четверо фашистов лежали неподвижно в десятке метров. Находясь у сбита самолета, М.И. Королев и В.В. Талалихин увидели прибывших из Москвы корреспондентов и фотожурналистов. На снимке Виктор Талалихин стоит у протараненного им фашистского бомбардировщика в длинном плаще. Правая рука Талалихина на перевязи.

О героическом подвиге Виктора родители его узнали из сообщения по радио. В тот же день вечером Виктор Талалихин приедет в Москву.

8 августа 1941 года все центральные газеты рассказали о боевом подвиге летчика-истребителя В. Талалихина, поместив «указ Президиума Верховного совета СССР», в котором говорилось «...за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением орденов Ленина и медали «Золотая звезда» летчику-истребителю младшему лейтенанту Талалихину Виктору Васильевичу.»

Прочитала в газете о присвоении звания Героя и невеста Виктора Шура. Она поехала в Москву к родителям Виктора, а в это время Виктор спешил к своей невесте. Разминулись. Поздно вечером Виктор возвратился домой, где его ждала Шура. В доме у Талалихиных собралось застолье.

Братья Виктора были на фронте: Александр летал на боевых самолетах под Ленинградом, а старший лейтенант Николай, морской летчик, – защищал Мурманск. Братья регулярно переписывались, сообщали друг другу новости. Александр и Николай Талалихины узнали о присвоении Виктору звания Героя из газет. В сентябре 1941 года Николай Талалихин погиб в воздушном бою под Мурманском. Рано утром в один из сентябрьских дней Виктор Талалихин был в Москве. Приехал, получив извещение о гибели брата Николая. Вот и Абельмановская застава, а рядом родной дом. С родителями Виктора жила жена Николая Таисия Дмитриевна с дочкой... В доме траур, скорбь по погибшему Николаю. Гибель брата особенно переживал Виктор. К вечеру он возвращался в свой полк. Аэродром находился в 40 км от Москвы.

В Колонном зале Дома союзов 28 сентября 1941 года состоялся антифашистский митинг, на котором с яркой речью выступил Виктор Талалихин, призывая встать на защиту чести и свободы нашей родины. Наступили грозные октябрьские дни 1941 года. Москва на осадном положении. Фашисты захватили подмосковные города Волоколамск, Малый Ярославец, Клин. Немецкие танковые колонны рвутся к Туле, к Кашире, к Дмитрову. Советские армии Белова, Говорова, Рокоссовского ведут оборону Москвы.

Раннее утро 27 октября, холодное, ясное. К середине дня появились тучи, задул пронзительный холодный ветер. Фашисты рвутся к Москве, колонны танков движутся по Варшавскому шоссе, бомбардировщики волнами налетают на пригород.

Эскадрилья «ястребков» под командованием Виктора Талалихина утром 27 октября вылетела в сторону деревни Каменки, шла на бреющем полете. Каменки расположены на 85-м км Варшавского шоссе. Сюда днем и ночью залетают фашистские разведчики. Эскадрилья подлетела к Каменке к 11 часам утра. В сплошных облаках шестерка «ястребков» обнаружила шестерку «мессершмиттов».

– «Мессеры» слева! Атакуют! Действовать смело и решительно! – приказал по радио Талалихин.

И первым ринулся в бой. За ним ведомые. От огня В. Талалихина и А. Богданова рухнул вниз один «мессершмитт». Остальные ушли. Боевым заданием эскадрильи Талалихина было обнаружить полевой аэродром противника, откуда «юнкерсы» и «хейнкели» вылетали бомбить наши боевые позиции. Но вдруг из облаков вынырнула боль-

шая эскадрилья «мессершмиттов» и направила огонь на самолет Талалихина. Сбит один «мессершмитт», но в тот же момент самолет Талалихина стал снижаться. «Товарищ командир!», – зывали ведомые, но Виктор Талалихин молчал. «Ястребок» Талалихина был изрешечен пулями трех «мессершмиттов». Командир эскадрильи погиб героической смертью. Самолет врезался в густой лес. Виктор Талалихин не отклонился от боя, он смело шел на врага в те нависшие над страной тяжелые октябрьские дни 1941 года. Надо было победить, надо было спасти Россию, но погибают и герои. На место гибели вылетел на самолете У-2 начальник штаба полка. В чаще леса нашли останки самолета и погибшего Героя Советского Союза Виктора Талалихина. Похороны Виктора состоялись в Москве в клубе мяскокомбината.

На домодедовской земле была организована сельскохозяйственная артель имени Героя Советского Союза В.В. Талалихина. В колхоз входили села и деревни: Бортнево, Ведищево, Максимки, Щеглятьево и другие. В 60-е годы колхоз был реорганизован в колхоз «Повадино».

23 февраля 1959 года урна с прахом В.В. Талалихина была перенесена из крематория на Новодевичье кладбище. На мраморной доске надпись: «Герой Советского Союза В.В. Талалихин (1918–1941)».

Рядом могилы прославленных героев боев за Москву – генералов И.В. Панфилова и Л.М. Доватора.

Виктор Талалихин прожил 23 года и 40 дней. Его имя овеяно славой, до конца своей жизни он приближал победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. Вечная память герою!

В честь героя в городе Домодедово названа улица. На месте совершения подвига поставлен памятник.

В городе Вольске одна из улиц названа именем Виктора Талалихина, а в школе №1, в которой герой учился, открыт его музей. Из окончивших школу №1 города Вольска героями Советского Союза стали семеро выпускников, а друг Виктора Евгений Лазарев стал Героем Советского Союза в бою на Халхин-Голе. Потом командир танковой роты Евгений Лазарев сражался на Волге, под Сталинградом, где погиб на хуторе Перелазовском.

26 июня 1960 года в городском парке Подольска на берегу реки Пахры установлен бронзовый памятник Герою Советского Союза В.В. Талалихину с надписью «Виктору Талалихину». В Москве в школе №480 открыта комната-музей «В.В. Талалихин».

Комната-музей В.В. Талалихина открыта в школе ФЗУ при Московском мяскокомбинате. А 27 октября 1958 года у главного здания Московского мяскокомбината открыта мемориальная доска в память о В.В. Талалихине.

В филиале Домодедовского историко-художественного музея «В заре Подмосковья» организована экспозиция, посвященная В.В. Талалихину. В музее хранится книга писателя Сергея Георгиевича Утехина «Виктор Талалихин» с дарственной надписью автора Марфе Ивановне Ларионовой, оказавшей раненому летчику первую медицинскую помощь.

Николай Григорьевич с внучкой.

КОМСОМОЛЕЦ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Николай Григорьевич Чупин
(1905–1987)

Комсомол – это восьмидесятилетняя история молодежного движения в России. Через комсомол прошли многие поколения молодежи: школьники, студенты, рабочие, крестьяне, служащие в возрасте от 15 до 28 лет. Каждому поколению комсомольцев выпала своя судьба в исторической миссии России: это гражданская война, довоенные пятилетки, защита Родины в годы Великой Отечественной войны, восстановление народного хозяйства в послевоенные годы, освоение целины, строительство БАМа, космос и многое-многое...

О судьбе одного из комсомольцев первого поколения я хочу рассказать: это рассказ о комсомольце двадцатых годов Николае Григорьевиче Чупине.

Директора совхоза «Кленово-Чегодаево» Н.Г. Чупина я знал с юности. О нем много рассказывала моя тетька Анна Васильевна: «Чупин Николай Григорьевич на праздник приехал...», «Чупин сказал...», «Чупин, Чупин...».

День Святой Троицы – Пятидесятница – престольный праздник в деревне Киселиха: воскресный день светлый, веселый, с березовыми веточками, с пением, с плясками, со звучными переливами русских гармошек. Н.Г. Чупин на Троицу приезжал в Киселиху к своей сестре Антонине Григорьевне. 1952 год, вижу Николая Григорьевича в белой сорочке, лежащего на зеленой травке у дома. Июньская жара. Празднично одетые люди собрались на берегу Пахры. Это картина полувековой давности. На рубеже пятидесятых-шестидесятых годов Н.Г. Чупин был директором совхоза «Одинцово-Вахромеево», тогда я узнал Николая Григорьевича ближе – были встречи и были простые человеческие взаимоотношения, когда человека узнаешь по его делам.

Род Чупиных – крестьянский, своими корнями уходит в древность Руси. Увы, нет крестьянских родословных, они затеряны в вековых глубинах России, но и то, что записано в церковных книгах, сокрыто в архивах.

Николай Григорьевич Чупин родился 22 мая 1905 года в деревне Киселиха Домодедовской волости Подольского уезда.

Его отец, Чупин Григорий Иванович, имел большую семью – двенадцать детей, во втором браке с Чупиной Марией Федоровной были дети: Анна – 1904 года рождения, Николай – 1905, Михаил – 1907, Антонина – 1909, Алексей – 1912 годов рождения.

Сын Н.Г. Чупина Евгений Николаевич сообщает: «От первого брака деда я по-

мню одного брата отца, Александра Григорьевича, 1887 года рождения, остальные братья погибли в первую мировую или в гражданскую войну. В первые годы советской власти семья была еще достаточно большая. Во дворе были две лошади, корова, овцы, птица. Дед Григорий Иванович охотился на зайцев в собственном саду. Пахра в те годы была полноводной, а в весенний нерест рыба шла вверх по течению сплошными косяками, судак в Пахре считался обычной рыбой. Дед бывало скажет: «Пойду рыбки принесу», – и через полчаса идет назад, неся на плече громадную щуку. Река с тех пор заилена и загрязнена. Уже в 1960 году дядя мой по материнской линии Семен Максимович жаловался, что «сидишь часами на реке и ничего не поймаешь».

У старшего брата Н.Г. Чупина, Александра Григорьевича, была большая семья: четверо сыновей и две дочери. Сыновья: Константин, Николай, Борис и Владимир. Дочери: Анна и Клавдия. Все племянники Николая Григорьевича были участниками Великой Отечественной войны. Константин Александрович защищал осенью 1941 года Москву, в декабре он погиб в заснеженных полях Подмосковья. Я его хорошо помню – осталась довоенная фотография Константина, подаренная моей маме. Брат моей мамы Сергей Васильевич Чуков был женат на Анне Александровне, сестре Константина. На фронте пал в сражениях и Владимир Александрович. Николай и Борис прошли всю войну и вернулись с фронта, Борис был офицером Советской Армии.

У другого старшего брата Н.Г. Чупина, Федора Григорьевича, также была большая семья.

Старший сын его Николай Федорович – племянник Николая Григорьевича – работал в сельском хозяйстве, в пятидесятые годы был секретарем парторганизации, а затем председателем объединенного колхоза имени Горького, в который входили село Ям, деревни Камкино и Киселиха. Позже он стал председателем колхоза «Новый путь» в Подольском районе. Я знал младшего брата Н.Ф. Чупина – Ивана Федоровича, который жил и работал в Москве, и его сестер: Нину и Александру.

Николай Григорьевич Чупин учился в церковно-приходской школе в селе Пахрино при Пахринской церкви. Окончил полный курс школы, считался в деревне грамотным, потому и был принят в комсомольцы.

В 1920–1922 годах в Подольском уезде создаются комсомольские организации во многих селах и деревнях, которые с 1969 года находятся в Домодедовском районе. В 1922 году была создана комсомольская организация деревень Киселиха и Камкино, находящиеся недалеко от Горок Ленинских. Секретарем ячейки комсомола стал Николай Чупин. Так начиналась комсомольская и партийная биография Николая Григорьевича Чупина.

В двадцатые годы моя мама хорошо знала Николая Григорьевича, тогда еще молодого человека. Она приезжала в Киселиху к своей тете.

У ГРОБА ЛЕНИНА.

21 января 1924 года в Горках умер Председатель Совнаркома СССР Владимир Ильич Ленин (Ульянов).

23 января 1924 года в почетном траурном карауле у гроба В. И. Ленина стояли комсомольцы из окрестных сел и деревень. Здесь был и секретарь комсомольской организации деревень Киселиха и Камкино Николай Чупин.

Комсомольцу Чупину запомнились на всю жизнь те январские дни 1924 года... Серебристый лес и белый дворец в морозной дымке. Стоят крепкие январские морозы. Круглая лестница вверх, проходная комната. На диване сидит и скорбит Надежда Константиновна. А Мария Ильинична все ходит и ходит твердой походкой по этажам и комнатам.

Внизу на диване руководители партии большевиков, руководители государства,

руководители правительства, руководители государственных учреждений.

Наступил новый день – двадцать четвертое января 1924 года. Сумерки, светает поздно... Похоронная процессия двинулась по лесной аллее. Красный гроб медленно несут вниз по лестнице, вынесли на улицу. Гроб опустили на поставленные скамьи. Минуты прощания...

Над гробом Ленина наклонился И. В. Сталин...

Гроб накрывают стеклянной крышкой. Плачут большевики.

Похоронная процессия двинулась по лесной аллее. За гробом Ленина идут родные, руководители партии и правительства, крестьяне, идут комсомольцы, и среди них – Николай Чупин.

Провожаящие крестьяне, годами постарше, осеняют себя крестами. Три версты до железнодорожной станции Герасимово... Река Пахра... Узкий мост через реку. Слева – село Ям, справа – деревня Горки.

Впереди едет в санях-розвальнях крестьянин, он покрывает дорогу ельником. Большевики несут гроб Ленина на руках... Вдоль дороги кругом – крестьяне, женщины, дети из окрестных сел и деревень.

Гроб Ленина несут к желтому станционному домику – станции Герасимово...

На железнодорожном пути стоит траурный поезд. Он отправляется с гробом Ленина к Павелецкому вокзалу, дальнейший путь: Дом союзов, Мавзолей на Красной площади.

Такими были дни траура января 1924 года, как запечатлелись они в памяти Николая Григорьевича Чупина, такими он донес свои воспоминания до меня.

История нашего двадцатого века с атеистическим воспитанием в школах, в вузах, да и в семьях наложила свой отпечаток на духовность личности. А с другой стороны, патристическое воспитание через комсомол, когда формой организации были класс, группа, курс, коллектив, давало положительные результаты в жизни. Комсомольцы были зачинателями, застрельщиками разнообразных мероприятий. Комсомольцы стойко боролись с захватчиками в годы Великой Отечественной войны, становились Героями Советского Союза. Комсомольцы восстанавливали народное хозяйство в послевоенные годы, осваивали целину, строили гидроэлектростанции, Байкало-Амурскую магистраль, проникали в космос...

Русский мыслитель И.А. Ильин в трех речах «О России» (1926–1933 годы) писал: «Вот оно – русское мечтание о полноте и всецелости: это всенародное христосование на Пасху; это собиранье всех людей, всех сословий и всех земель русских под единую руку; это кафоличность веры: это юношеские грезы о безусловной справедливости; эти наивные мечты о преждевременном и непосильном братстве всех народов... Вот она, эта склонность русского народа возвращать те общественные формы, которые покоятся на братстве или жидутся жертвою и любовию: приход, артель, землячество; монастыри; человеколюбивые учреждения, рождающиеся из жертвы; монархический уклад, немыслимый без жертвенной любви к родине и к царю...».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА.

Николай Чупин с двенадцати лет уже работал на земле: пахал, ездил на лошадаках в поля за сеном, за собранным картофелем, капустой и перевозил снопы на гумно.

В двадцатые годы Николай Чупин работал в крестьянском хозяйстве отца. В 1928 году он был избран секретарем Домодедовского волостного комитета комсомола и одновременно был избран членом Домодедовского волысполкома. Домодедовский волысполком территориально находился в то время в селе Ям, в здании недалеко от храма Фрола и Лавра. С 1928 года Н.Г. Чупин – член ВКП(б).

В эти годы у Н.Г. Чупина появилась семья, супругой стала односельчанка Надеж-

да Максимовна. В 1928 году родился первый сын – Николай, второй сын – Леонид – родился в 1934 году, а третий, младший, – Евгений – родился в 1940 году, уже когда Н.Г. Чупин работал в совхозе «Кленово-Чегодаево».

С начала коллективизации и с созданием колхоза деревень Камкино и Киселиха Н.Г. Чупин избрали председателем колхоза «Камкино-Киселиха». В 1933 году Н.Г. Чупин стал возглавлять колхоз деревень Старое- и Ново-Сьяново.

Моя тетя Анна Васильевна, колхозница деревни Киселиха, рассказывала о председателе колхоза Чупине, каким он был строгим и взыскательным, заботливым и внимательным, и еще просто человеческим.

Молодым человеком в свои двадцать пять лет Н.Г. Чупин стал председателем колхоза «Камкино-Киселиха». Это была дань уважения, доверия односельчан за личные добродетели Николая Григорьевича.

ДИРЕКТОР СОВХОЗА «КЛЕНОВО-ЧЕГОДАЕВО».

Н.Г. Чупин был замечен районным начальством и в 1937 году был назначен директором совхоза «Кленово-Чегодаево» в Подольском районе, который был отстающим. Когда Николай Григорьевич приехал в правление совхоза и встретился с руководящим составом и рабочими на собрании, то понял трудности, которые стояли перед ним. Рабочие три месяца не получали зарплату, в кассе совхоза было пусто.

А кроме того, со стороны руководителей хозяйства вновь назначенному директору было оказано явное сопротивление, даже со стороны секретаря парторганизации Коршунова А.Н.

Но пройдет время и, когда из Московского обкома партии запросят Н.Г. Чупина о рекомендации на пост секретаря Зарайского райкома партии, он назовет имя: А.Н. Коршунов. Но будет это десять лет спустя. Кадры в совхозе в 1937 году пришлось все-таки менять: были освобождены главный агроном и главный бухгалтер.

С чего начать? – такой вопрос стоял перед молодым директором. Чупин поехал в Москву, пошел на прием прямо к секретарю МК ВКП(б) Н. С. Хрущеву. Состоялся полезный и важный разговор. Директор совхоза просил помочь с кредитом. И кредит ему дали через Наркомзем.

Для вывода совхоза из тяжелого экономического положения требовалось время. Н.Г. Чупин начал вести хозяйство по-новому: закупил поросят, создал в совхозе ферму для откорма свиней, закрепил за каждой дояркой коров, ввел социалистическое соревнование, отменил материально каждый месяц победителя или победительницу.

В совхозе изменилось отношение к труду. Свиноводство быстро принесло свои плоды: заимели своих свиноматок, увеличилось поголовье свиней, стал больше приплод молодняка. От реализации свинины появились в совхозе деньги. Рабочие совхоза регулярно стали получать зарплату, повысился интерес у рабочих и работниц к трудовой деятельности.

Государству вернули взятый ранее кредит. Совхоз «Кленово-Чегодаево» через несколько лет стал показательным. В совхоз стали приезжать делегации учиться хозяйствовать. Совхоз посещал министр сельского хозяйства С.В.Смирнов, ему нравился стиль работы директора Н.Г. Чупина.

Совхоз многие годы занимался репродукцией свиней – выращиванием молодых поросят.

Николай Григорьевич Чупин работал с самого раннего утра и до позднего вечера. Требовалась полная отдача сил, постоянная каждодневная работа.

В совхозе работали замечательные специалисты: агрономы и зоотехники. Главным зоотехником был А.А. Барбашов. В совхозе был построен новый коровник с доильной установкой ДА-3, а для свиноматок – летние лагеря на берегу реки Мочи.

Животноводство в совхозе стало ведущей и прибыльной отраслью. Совхоз «Кленово-Чегодаево» занимал по итогам соцсоревнования 4-е место в стране. В совхозе в 1951 году был надой молока от каждой коровы 5515 кг, а в 1952 году – 6500 кг.

В совхозе были коровы-рекордистки Лента и Камелия, которые давали: первая – 12400 кг, а вторая – 11800 кг. Доярки М.Акколайнен и В.Бухарина имели награды – ордена Ленина.

В 1948 году совхоз имел 1013 свиней, а в 1951 году – 3105 свиней.

В совхозе «Кленово-Чегодаево» в 1953 году (год ухода Н.Г. Чупина с поста директора) было 869 гектаров пашни, 235 голов скота, 4390 голов свиней. В совхозе работали в 1953 году 327 человек. Совхоз имел в хозяйстве 11 тракторов.

Развитие свиноводства, начатое в совхозе в 1937 году, принесло свои плоды: в 1953 году свиней в совхозе насчитывалось 4390 голов! Эта заслуга принадлежала Николаю Григорьевичу Чупину.

В 1954 году Н.Г. Чупин был направлен на работу председателем объединенного колхоза, состоящего из бывших колхозов, сел и деревень: Буяково, Лямцино, Кутузово, Пушкино, Ловцово и других. Потом колхоз будет назван «Заветы Ильича», а ныне агрофирма «Русь».

Семнадцать лет директорствовал в совхозе «Кленово-Чегодаево» Николай Григорьевич Чупин. Это были грозные и незабываемые 1937–1953 годы, наполненные решающими событиями в жизни страны.

В 1959 году Николай Григорьевич Чупин был назначен директором совхоза «Одинцово-Вахромеево», на посту которого он проработал до 1962 года. В начале 1962 года совхоз «Одинцово-Вахромеево» был реорганизован: крепкое и преуспевающее хозяйство было присоединено к вновь организованному совхозу «Заря коммунизма». Николай Григорьевич Чупин в пятьдесят семь лет стал персональным пенсионером.

Николай Григорьевич рассказывал мне, что объединение совхозов исходило от Подольского горкома КПСС и лично от первого секретаря В.С. Папутина. Именно в начале шестидесятых годов началось укрупнение совхозов и продолжалось укрупнение колхозов.

У Николая Григорьевича рано умерла супруга Надежда Максимовна Чупина (1907–1966), похоронена она на кладбище села Ям.

Все сыновья Николая Григорьевича избрали себе сельскохозяйственные специальности.

Старший сын Николая Григорьевича – Николай Николаевич Чупин (1928–1986) – в пятидесятые годы был главным инженером совхоза «Кленово-Чегодаево», а затем был главным инженером сельскохозяйственного управления Подольского района. В последующие годы он работал начальником Главного управления механизации Союзсельхозтехники СССР, а потом был ответственным сотрудником Союзмашимпорта.

Средний сын Николая Григорьевича – Леонид Николаевич – работает трактористом в госплемзаводе «Заря Подмосковья».

Младший сын Николая Григорьевича – Евгений Николаевич – работает инженером по механизации животноводства.

Будучи персональным пенсионером республиканского значения, Н.Г. Чупин жил в селе Одинцово в домике с печным отоплением, и ему приходилось запасать на зиму уголь и дрова.

Вспоминается один из дней середины семидесятых годов, когда, ожидая привоза угля на топливный склад в Домодедове, мы – это Н.Г. Чупин и я – ходили в течение двух часов и Николай Григорьевич рассказывал и рассказывал мне о своей жизни и своей судьбе.

Некоторое время после ухода на пенсию Н.Г. Чупин работал заместителем директора дома отдыха.

В последние годы жизни Н.Г. Чупин жил в городе Жуковском. Я встречался с ним летом 1980 года в Жуковском. Николаю Григорьевичу было тогда семьдесят пять лет, ходил он прихрамывая – болела нога.

Высокий, стройный, седовласый старик, он вызывал к себе чувство глубокого уважения. Это была наша последняя встреча.

В общении с людьми Николай Григорьевич был прост, он обладал одним удивительным свойством – давать точную характеристику человеку. Я убедился в этом впоследствии.

Доброжелательность, правдивость, простота, внимание к человеку были свойствами его души. В нем была, судя по его поступкам, православность, унаследованная от предков-христиан и полученная при воспитании в детстве (он учился в церковно-приходской школе при храме Троицы Живоначальной в Пахрине), несмотря на его позднейшие коммунистические воззрения. Это был его жизненный компромисс.

Я помню его отзывчивость, когда позвонил ему по телефону в город Жуковский и изложил свою просьбу, которую он выполнил.

С грустью думаю о том, что древний и большой род Чупиных поредел. Опустели родовые усадьбы, разлетелись потомки по разным уголкам земли. Живет еще в Камкине племянница Н.Г. Чупина Клавдия Александровна Горохова (Чупина).

Николай Григорьевич Чупин ушел из земной жизни 7 октября 1987 года. Ушел человек, отдавший всю свою жизнь сельскому хозяйству, становлению совхозов на московской земле. Похоронен Н.Г. Чупин на кладбище села Ям.

Олег Степанович Кузнецов
(1923–1997)

«ГДЕ ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ БЕРЕГУТ»

Как-то неожиданно-негаданно отлетела в мир иной его прекрасная, совестливая и добрая душа, душа воина-танкиста, педагога, краеведа, геральдиста, знатока военного дела, удивительно талантливого человека.

Олега Степановича Кузнецова я знал с 1946 года, когда он стал преподавателем военного дела в домодедовской средней школе №3. Молодой офицер, демобилизованный после окончания Великой Отечественной войны из армии, несмотря на многие перспективные должности, которые ему предлагались, выбрал скромную и спокойную должность педагога. И в этом выборе сказалось благородство его души.

Пятьдесят лет своей жизни Олег Степанович отдал обучению и воспитанию молодого поколения домодедовцев. Среди его выпускников многие избрали путь служения Родине, защиты Отечества в рядах Советской армии и Военно-Морского флота, его ученики стали офицерами, дослужились до полковников и даже вышли в адмиралы.

Шли годы, уходили школьники во взрослую жизнь, но на этом дружба не кончалась. Олег Степанович внимательно следил за выпускниками, его волновала их судьба, их вхождение в трудовую жизнь: радовался, когда у человека все хорошо устраивалось, огорчался, узнавая о неудачах своих питомцев.

У него была точная память на имена и события. По прошествии пятидесяти лет он хорошо помнил моих одноклассников из 10 «б» класса по 1946–1947 учебному году.

А про Михаила Максимова, агронома по специальности, уехавшего на освоение целины в Казахстан, Олег Степанович писал в статье, опубликованной в газете «Призыв».

В 1988 году в связи с 50-летием домодедовской средней школы №3 О.С. Кузнецов разыскивает и приглашает в школу выпускников 1941 года, своих одногродков – 1923 года рождения. Из первого выпуска 10-летку закончил 51 школьник.

Молодые люди, окончившие школу в 1941 году, поступили в военные училища, институты, сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Из них офицер-артиллерист Николай Орлов погиб в 1943 году на Прохоровском поле под Курском, вернулись с фронта Николай Селиванов, Леонид Зебанин и многие другие, окончившие институты после войны.

О.С. Кузнецов обо всех событиях школы, района общался в своих статьях в газете «Призыв». Им опубликованы десятки материалов по краеведению, истории Домодедовской земли.

Олег Степанович Кузнецов родился в день Бородинского сражения – 7 сентября

1923 года в селе Больше-Окинское Братского района Иркутской области в семье рабочего. В 1937 году Кузнецов окончил семь классов Оломской средней школы Кировского (Боханского) района Иркутской области, а в 1939 году прослушал полный курс школы средних медицинских работников в городе Усолье-Сибирское. С 1939 по 1940 год Олег Кузнецов работал монтером в Оломской конторе связи. В 1940 он году был призван в военизированную Иркутскую областную школу связи, которую окончил в 1941 году. После – с 3 июля 1941 года – работал морзистом в конторе связи.

В справке, выданной О.С. Кузнецову как офицеру запаса Подольским военкоматом, о военной службе сказано, что «он проходил службу в рядах Советской армии с 17 сентября 1940 по 30 мая 1946 года».

С 23 сентября 1941 года Олег Степанович находился в действующих частях 122-й танковой бригады на Северо-Западном, Ленинградском, Волховском и 3-м Прибалтийском фронтах в должности командира танкового взвода.

122-я танковая бригада входила в состав 54-й армии Ленинградского фронта, которой командовал генерал М.С. Хозин, а с 10 ноября 1941 года – генерал И.И. Федюнский.

Только с наступлением морозов 22 ноября 1941 года была проложена ледовая трасса через Ладожское озеро, получившая название «Дорога жизни», – для связи с Ленинградом.

Тяжелые воспоминания остались у танкиста О.С. Кузнецова, когда он рассказывал мне о боевых действиях зимой 1942 года, о ранении и контузии в марте того же года.

После ранения в 1942 году О.С. Кузнецов четыре месяца лечился в госпитале.

Главная задача, которая стояла перед советскими войсками, – деблокировать Ленинград, разгромить немецкую группировку армий «Север». Войска двух фронтов: Ленинградского и Волховского, проводили Любаньскую наступательную операцию с января по апрель 1942 года. О зимних боях на фронте была сложена песня, в которой говорилось:

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился за Ладогу, бился под Волховом,
Не отступал ни на шаг!

В конце лета 1942 года О.С. Кузнецов снова был на фронте, теперь уже во 2-й ударной армии.

Войска Волховского и Ленинградского фронтов разделяла полоса в 16 километров, сильно укрепленная противником, неудобная для наступления: непроходимые леса, болотистые топи, торфяники, бездорожье. Нельзя было рыть окопы, артиллерию надо было ставить на деревянные платформы, для автомашин и танков строить бревенчатые настилы и гати. Летом и осенью 1942 года в этом районе шли ожесточенные бои.

Немцы, хозяйничавшие на Синявинских высотах, расположенных на полтора десятка метров выше окружающих их мест, за многие месяцы сделали Шлиссельбургско-Синявский выступ неприступным, размещались в прочных блиндажах, прикрытых колючей проволокой и минными заграждениями.

Наступательная операция наших войск началась 27 августа 1942 года. В тяжелых природных условиях сражались танкисты 122-й танковой бригады. В одном из боев на Новгородской земле наш танковый взвод был окружен противником. О.С. Кузнецов, спасая положение, принял на себя командование танковым взводом, прорвался из окружения, при этом приходилось действовать даже врукопашную. За этот подвиг многие танкисты были награждены орденами и медалями, а О.С. Кузнецову было присвоено офицерское звание лейтенанта.

Блокада Ленинграда была прорвана 18 января 1943 года, войска Ленинградского

и Волховского фронтов соединились.

С января по декабрь 1943 года боевые действия наших войск на Волховском фронте после прорыва Ленинградской блокады проходили в трудных условиях. Ожесточенные бои шли за Мгу. Мгинская операция началась 22 июня 1943 года и длилась целый месяц. Она сковывала многие немецкие дивизии и не давала немцам снять их для битвы на Орловско-Курской дуге.

Именно в этих битвах участвовал командир танкового взвода лейтенант О.С. Кузнецов. Здесь же, под Мгой, О.С. Кузнецов встречался с командиром танкового взвода лейтенантом В.К. Мерцковым, сыном Маршала Советского Союза К.А. Мерцкова, как вспоминал, рассказывая мне, Олег Степанович. Под Мгой были уничтожены немецкие части из десяти стоявших там дивизий и из одиннадцати дивизий с других участков фронта.

Важная роль войскам Волховского фронта отводилась в 1944 году: надо было прорвать оборону под Новгородом и достигнуть Луги. 20 января 1944 года был освобожден Новгород. Усиленные полками самоходной артиллерии, танковые бригады и полки прорыва бронированным тараном нацелились на Лугу и Псков.

После снятия блокады 27 января 1944 года в феврале из армий Ленинградского фронта был сформирован новый, 3-й Прибалтийский фронт, в войсках которого О.С. Кузнецов освобождал Прибалтику, где он и закончил Великую Отечественную войну.

Я описал здесь основные этапы фронтового пути, которым шел в течение всей войны командир танкового взвода лейтенант О.С. Кузнецов. Это был путь боевых сражений под вражеским огнем, где «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага», как пропел поэт А.А. Сурков. И только обладая воинским умением, отвагой и героизмом, можно было выйти победителем.

Среди друзей Олега Степановича Кузнецова, офицера-танкиста, прошедшего с боями всю Великую Отечественную войну, были и поэты-фронтовики Сергей Орлов и Михаил Луконин.

Олег Кузнецов вместе с Сергеем Орловым, тоже танкистом, поэтом-фронтовиком, сражался под Ленинградом и Псковом, Новгородом и Мгой, Печорами и многими поселками и селами на северо-западе России. В топких и болотистых местах, в непогоду осенней порою и в снежные заносы при крепких морозах зимой шли боевые будни Олега Кузнецова и Сергея Орлова. Велись танковые сражения и, когда кончались снаряды, шли своими Т-34-ми на таран, гнали с Русской земли врага. В одном из танковых сражений Олег Кузнецов был ранен в голову, контужен, четыре месяца лежал на излечении в госпитале. А Сергей Орлов дважды горел в танке: под Мгой и Новгородом.

Фронтная дружба однополчан – сколько воспоминаний у Олега Степановича Кузнецова (как жаль, что они не выплеснулись на бумагу)! Почему Олег Степанович не писал о боевых сражениях в Великой Отечественной войне? И даже в 50-летний юбилей Победы не написал ни строчки. Я нахожу ответ в его военной биографии. Он рассказал мне столько эпизодов из своей фронтовой жизни, что материала хватило бы на целый автобиографический роман! Эта тема для Олега Степановича была слишком ранимой. Его переживания при воспоминаниях о боевых действиях на фронте были глубоко личными и не могли лечь на бумагу, так как все это волновало, тревожило и ранило душу.

Вспомним, что на фронте О.С. Кузнецов стал коммунистом, что за боевые подвиги был произведен в офицеры без прохождения обязательных для присвоения звания офицерских школ и курсов и что на него была получена с фронта его матерью похоронка.

В 1943 году Олегу Кузнецову двадцать лет, а Сергею Орлову – двадцать два.

Сергей Орлов – это знаменитый поэт, написавший такие строки:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Своему командиру-лейтенанту Сергей Орлов посвятил стихотворение «Мой лейтенант»:

...Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю ту же
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету.
Только вся Россия за спиной –
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.

День Победы, 9 мая, 1945 года О.С. Кузнецов встретил в Прибалтике. Вскоре после окончания войны с Германией лейтенант О.С. Кузнецов направляется на курсы ОКММ МВО, которые закончит в сентябре 1945 года в свои 22 года, сдав государственные экзамены.

После сдачи экзаменов и окончания Высшей офицерской школы лейтенант О.С. Кузнецов направляется для прохождения службы во 2-ю Гвардейскую Таманскую дивизию, в которой служил с конца 1945 по 30 мая 1946 года.

Проходя службу в элитной Таманской дивизии, О.С. Кузнецов мог стать кадровым офицером, дослужиться, не исключено, и до полковника: при его дисциплинированности, целеустремленности, знаниях и активной жизненной позиции – всю жизнь он вставал в шесть утра, и в последние годы, живя в доме санатория «Подмосковье», он уезжал в Домодедово семичасовым автобусом. Из поколения одногодков 1923 года рождения, немногих оставшихся в живых фронтовиков вышли многие генералы и даже два Маршала Советского Союза.

Находясь на службе в Москве, офицер О.С. Кузнецов знакомится с Александрой Алексеевной Пошехоновой, своей будущей женой – коренной жительницей поселка Домодедово. Пошехоновы – старожилы Домодедова, многие из них работали на железной дороге почти с пуском ее, являлись работниками станции Домодедово. А некоторые представители из рода Пошехоновых работали и жили в Москве.

В июне 1946 года О.С. Кузнецов был демобилизован из действующей армии в запас, а 15 августа 1946 года был назначен на должность военрука домодедовской средней школы №3. С 1946 года Олег Степанович после женитьбы живет в Домодедове, в том же году у Кузнецовых появилась дочь Людмила; сын, получивший имя отца, появится на свет в 1950 году.

Пятнадцать лет О.С. Кузнецов преподает в школе военное дело. А с 1961 года, когда преподавание военного дела прекратилось, он назначается преподавателем физкультуры.

В связи с производственной необходимостью О.С. Кузнецов поступает в техникум физической культуры, который успешно оканчивает в 1965 году в возрасте 42 лет. Ему присваивают квалификацию «преподаватель физической культуры».

Преподавая военное дело, Олег Степанович постоянно совершенствовал учебный процесс, сам лично конструировал приборы, изобретал, вносил много нового в свою дисциплину. Кузнецов создает 9 приборов и приспособлений для улучшения обучения (три прибора комиссия по изобретениям и рационализации УБП МВО приняла на вооружение и рекомендовала для использования). Опыт учебной работы по военной подготовке школьников был освещен в двух сборниках МВО по внеурочной

подготовке в 1959 и 1960 годах.

В журнале «Военные знания» печатаются материалы, освещающие опыт работы и созданные О.С. Кузнецовым приборы для улучшения обучения практической стрельбе (за 1959 год №3 и 5, за 1971 год №1 и за 1979 год №3).

О.С. Кузнецов прекрасно знал все современное оружие, биографии изобретателей. Большое внимание он уделял истории военного искусства, изучал военную деятельность великих русских полководцев, к 250-летию юбилею М.И. Кутузова пишет статью. Он много публикует статей о военно-патриотическом воспитании молодежи, по краеведению. О.С. Кузнецов в течение многих лет проводит экскурсии и походы с группами школьников по музеям, местам боевой славы, выезжает на Куликово поле, Бородинское поле, изучает все памятные места Бородина, посещает со школьниками столичный музей «Панорама Бородинской битвы», составляет карту-схему движения русских войск в 1812 году по Домодедовской земле. Особая любовь у него была к изучению родословной и наследия фельдмаршала М.И. Кутузова.

Совсем не случайно в 1996 году он был избран председателем Домодедовского отделения Русского исторического общества.

У Олега Степановича была огромная страсть, неисчерпаемая потребность в поиске предметов культуры и истории, их коллекционировании. Он создает музей в домодедовской средней школе №3, прилагает огромные усилия для создания городского Историко-краеведческого музея в Домодедове, именно краеведческого (хотя музей был назван Историко-художественным).

О.С. Кузнецов вел большую общественную работу в школе: много лет возглавлял местный комитет домодедовской средней школы №3. В 50-е годы он был уполномоченным Подольского РК партии в колхозе имени С. М. Буденного, депутатом Домодедовского городского совета пяти созывов, два раза избирался заседателем Домодедовского народного суда. Он всюду успевал, ко всей работе относился серьезно, выполнял множество поручений.

Если бы меня спросили: «Когда О.С. Кузнецов стал краеведом?», – я ответил бы: «С рождения». Он бережно хранил все, что было связано с детством и юностью, писал на родину брату, чтобы тот ему выслал то-то и то-то, и брат высылал именно то, что просил Олег Степанович. Он бережно хранил все, что у него было в личном пользовании на фронте и многое связанное с фронтом, даже осколок от снаряда, которым он был ранен.

По прошествии полутора десятка лет после окончания войны Олег Степанович собрал уже значительную коллекцию историко-краеведческих экспонатов и ценностей, о которых так благодарно и пронзительно напишет поэт Михаил Луконин. 7 сентября 1961 года в день рождения О.С. Кузнецова его посетил друг, поэт-фронтовик Михаил Луконин. Он посвятил Олегу Степановичу следующее экспромтом написанное 7 сентября 1961 года стихотворение:

Не во дворце царя палата,
Не государственный музей,
А содержанием богато
Убранство комнаты твоей.
Знамена, ордена, медали,
Значки, жетоны, полки книг,
Клинки из доброй русской стали
Заворожить всех могут в миг.
И счастлив я, что был я тут,
Где память предков берсуг.

При небольшой зарплате О.С. Кузнецов тратил деньги на приобретение экспона-

тов своей коллекции. При этом надо было жить семье: жена и двое детей (дочь и сын), но удержаться от той или иной покупки, когда предметы завораживали, было невозможно. Сначала были предметы военной специфики: солдатские фляжки, каски, поясные ремни с пряжками, календари военных и послевоенных лет, наставления и военные уставы разных времен.

Много путешествуя по городам-героям, О.С. Кузнецов привозил гильзы с землей, сначала в школьный музей домодедовской школы №3, многие из которых перекочевали потом в городской Историко-художественный музей.

Затем началось коллекционирование старых денег, марок, значков, холодного оружия. Большое внимание Олег Степанович уделял коллекционированию минералов, найденных на домодедовской земле, он встречается с археологами Московской области, в музей поступают экспонаты из найденных при раскопках древних могильников: женские украшения, предметы древнего быта и многое-многое другое собрано для музея Олегом Степановичем Кузнецовым.

В годы, когда не так легко было приобрести полные православные календари, он их достает для своей коллекции.

О.С. Кузнецов изучает географию Домодедовского района. Собирает коллекцию топографических карт и схем, составляет краеведческие маршруты экскурсий для школьников по домодедовской земле, достает материалы по пещерным выработкам и каменоломням по рекам Пахре и Рожайе. Он составляет список всех сел, деревень и других поселений Домодедовского района, список достопримечательностей домодедовской земли. В его коллекции фотографии церквей, памятных мест, обелисков.

Особое внимание О.С. Кузнецов уделяет геральдике, принимает участие в выпуске справочника-журнала «Гербовед», становится заслуженным геральдистом России, получает звание члена-корреспондента ВГО. Он принимает участие в комиссии по созданию герба города Домодедова.

Со дня основания Историко-художественного музея в городе Домодедове Олег Степанович – хранитель фондов музея, ведет учет музейных экспонатов.

Изучая работу О.С. Кузнецова по музееведению, его труды и коллекции, я с полным основанием могу сказать, что О.С. Кузнецов – основатель Домодедовского историко-художественного музея.

Олег Степанович Кузнецов за свою трудовую деятельность получает почетные звания и награды профессиональной значимости:

1. Кавалер четырех почетных знаков ЦК ДОСААФ, от 30 июня 1970 года, 12 января 1977 года, 20 августа 1981 года и 12 октября 1982 года;
2. Кавалер Почетного знака Московского комитета защиты мира, от 22 декабря 1976 года;
3. Почетный первокурсник, от 9 мая 1975 года;
4. Золотая медаль ВООПиК, от 10 марта 1978 года;
5. Отличник Гражданской обороны СССР, от 19 октября 1970 года;
6. Отличник физической культуры СССР, от 21 октября 1957 года;
7. Отличник народного просвещения, от 2 октября 1968 года;
8. Отличник просвещения СССР, от 27 сентября 1985 года;
9. Почетный гражданин города Домодедова, от 27 июня 1987 года.

Кузнецов Олег Степанович был председателем совета ветеранов спорта Домодедовского района, капитаном сборной «Спартака» по пулевой стрельбе, чемпионом Московской области, тренером по стрелковому спорту. В 1995 году Московским советом ветеранов физкультуры и спорта Кузнецов Олег Степанович был награжден знаком и почетным дипломом.

Он постоянно пишет статьи по краеведению в газету «Призыв» на протяжении

многих лет. Тематика их разнообразна. Но он не только пишет, но и собирает все краеведческие статьи (из газет и журналов), в вопросах краеведения он был энциклопедистом, собирал книги с автографами (это также было его страстью).

Особо хотелось сказать об отношении Олега Степановича к своим предкам. Он показывал мне составленную им свою родословную: есть в ней казаки, декабристы, дворяне. Его прабабушка красавица чеченка была родственницей Имама Шамиля. Родословная Кузнецова представляет несомненный интерес.

Олег Степанович Кузнецов был отличным семьянином. Когда ухудшилось здоровье его супруги Александры Алексеевны, Олег Степанович старался облегчить ей жизнь, перевел на легкую работу, всячески помогал по дому. Александра Алексеевна скончалась в 1984 году.

Но жизнь продолжалась... В 1986 году О.С. Кузнецов обрел вторую семью. Супругой Олега Степановича стала Прасковья Ивановна Гусева, у которой трагически погиб сын Александр и скончался супруг Анатолий Георгиевич. Двое одиноких известных в Домодедове людей нашли друг друга. Судьба отпустила Олегу Степановичу еще десяток лет семейного благополучия, которым он очень дорожил.

Но всему приходит конец. Жизнь коротка. Олег Степанович Кузнецов скончался 9 мая 1997 года в день праздника Победы в Великой Отечественной войне на 74-м году жизни.

Многое из того, что О.С. Кузнецов коллекционировал, находится в музее и представляет интерес для посетителей.

Сын Олега Степановича Олег Олегович Кузнецов пополнил фонд музея различными материалами, находившимися в личном архиве его отца: это книги, записки, статьи, значки, копии исторических документов и газетный материал.

Уход из жизни О.С. Кузнецова, замечательного человека, – огромная утрата для его земляков-домодедовцев, которых он любил великой любовью. Память о нем остается у домодедовцев на долгие годы. Таких людей не забывают.

Для меня было большим счастьем общаться в течение трех лет по работе в музее с удивительным человеком, каким был Олег Степанович Кузнецов. На память осталась последняя фотография Олега Степановича, сделанная в декабре 1996 года.

Олег Степанович Кузнецов похоронен на домодедовском кладбище рядом с Александрой Алексеевной. Вечная ему память!

ПРОФЕССОР РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Виктор Иванович Буганов
(1928–1996)

*История не терпит суесловья,
Трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью
И не любить без памяти нельзя.*

Я.В. Смеляков

(Надпись на «Истории России» Соловьева).

С мировым именем русский историк В.И. Буганов – наш домодедовский земляк – ушел из земной жизни 23 февраля 1996 года. О человеке – благородном, доброжелательном, искреннем, которого я знал со школьной скамьи на протяжении пяти десятков лет, – писать трудно. Горечь потери особо ошутима теперь.

Для меня Виктор Иванович Буганов был идеалом ученого. Казалось, совсем недавно В.И. Буганов поставил свою подпись под некрологом о кончине 16 июля 1990 года В.С. Пикуля, творчество которого высоко ценил.

В одной из бесед о значении в жизни родной истории В.С. Пикуль сказал: «Память – тоже оружие. А знание прошлого Отечества делает людей богаче духом, тверже характером, зорче разумом». Вот таким оружием великолепно владел Виктор Иванович Буганов.

Перед его взором прошла история России, запечатленная в его многочисленных трудах: статьях и книгах. Им написаны более пятисот статей и более двадцати монографий. На жизненный путь В.И. Буганова оказал большое влияние школьный преподаватель истории Алексей Иванович Назарец (совместно с которым В.И. Бугановым впоследствии написано учебное пособие для школьников). В своих научных трудах В.И. Буганов, по его словам, следовал за своим учителем, знаменитым историком М.Н. Тихомировым, прилежно применяя его творческий опыт.

Многие годы В.И. Буганов являлся ученым секретарем Института истории СССР Академии наук СССР, а затем заместителем директора этого института, одновремен-

но заведующим сектором источниковедения дооктябрьского периода.

В.И. Буганов – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН и РАО, действительный член Нью-Йоркской академии наук, академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. До самых последних дней жизни В.И. Буганов возглавлял Центр по изучению и публикации источников Института российской истории РАН.

Виктор Иванович родился 16 октября 1928 года в деревне Машеново Серебряно-Прудского района Московской области. В 1938 году родители Виктора Ивановича Иван Кириллович и Мария Федоровна Бугановы переехали в поселок Домодедово, где построили дом. В 1946 году В.И. Буганов окончил домодедовскую среднюю школу № 3 и в том же году поступил в Московский историко-архивный институт.

Я помню Виктора Буганова еще учеником школы, он выглядел всегда деловитым, опрятным; он запомнился мне в аккуратном пиджачке, в брюках-галифе и хромовых сапожках. В нем рано проявилась зрелость, уже в те школьные годы наметилась у него сутуловатость – признак огромной усидчивой работы за столом над книгой.

В 1951 году В.И. Буганов окончил институт и поступил в аспирантуру. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1955 году. А докторскую диссертацию В.И. Буганов защитил в 1969 году на тему «Московские восстания XVII века».

В пятидесятые годы я часто встречал Виктора Буганова, он работал с сентября 1955 г. в Институте истории СССР Академии наук СССР, располагавшемся тогда в здании на Волхонке (недалеко от Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). А я работал также в институте, который помещался в здании, расположенном на углу Волхонки и улицы Грицевца. Естественно, наши встречи часто носили случайный характер, но тем не менее эти встречи нас сближали. Мы встречались и у метро «Кропоткинская», и в вагонах поездов на Павелецкой железной дороге. Виктор хотя после женитьбы и жил в Москве, но не терял связи с малой родиной, не рвал своих земных корней, навещал постоянно на протяжении всей своей жизни родной дом в городе Домодедове, где жили его родители, а после кончины отца жила его мать.

Вспоминаются многие детали наших встреч: не забуду, как однажды он с радостью объявил мне, что у него родился сын (жил тогда Виктор на проспекте Мира).

Виктор Буганов – любитель велосипедного спорта – регулярно с юношеских лет ездил на велосипеде по домодедовским окрестностям, особенно по Каширскому шоссе; мы встречались иногда на таких прогулках.

Все наши встречи, дружеские беседы и поездки откладывались в сознании, накапливались в памяти за многие годы. В отдельные периоды времени я знал его личные переживания, его заботы, состояние его души и проблемы со здоровьем.

Виктор в общении был прост, в суждениях иногда категоричен, в отдельные моменты немногословен, – чувствовалась постоянная умственная работа. Он всегда был любознателен. Его интересы были обширны. С ним легко было беседовать. Он отвечал на многие мои вопросы, касающиеся истории России, судьбоносных эпох и времен Российского государства. Зная мой интерес к истории техники, Виктор настоятельно рекомендовал мне писать докторскую диссертацию по истории (приводил примеры защиты кандидатами физико-математических наук докторских диссертаций и получения ученой степени доктора исторических наук).

Вспоминается один эпизод. Известно, что войска И.И. Болотникова, засевшие в Заборье, дали бой в заборьевском овраге. Виктор Иванович пытался уточнить: не тот ли овраг, который тянется от деревни Заборье к реке Рожайке. А я после этой нашей беседы все пытался проникнуть в смутное время начала XVII века, в события, происходившие на домодедовской земле, и в частности на берегах Рожайки и Пахры, пути

движения войск Болотникова (Даниловский монастырь, Котлы, Коломенское, Заборье).

В.И. Буганов в быту был всегда скромно и просто одет: летом – обыкновенный костюмчик, осенью – плащ или демисезонное пальто, зимой – пальто с большим карманом серым воротником. Однажды летом я встретил Виктора в прекрасном легком костюме, и на мой вопрос он ответил, что был в командировке в Югославии – там и приобрел этот костюм.

При наших встречах Виктор Иванович рассказывал о своей работе в определенный период времени. Вспоминаю жаркий июльский день в одну из наших встреч в поезде, когда сама атмосфера заставляет уходить на природу, подальше от города. На мой вопрос, куда он держит путь в такую жару, Виктор ответил: «В «Ленинку» (он ехал в библиотеку, он спешил жить, непрестанно работал, не давая себе даже дня отдыха).

В.И. Буганов обладал удивительным трудолюбием и работоспособностью, не тратил время впустую (с годами сложилось у меня о нем такое представление).

Мудрость гласит: «Человек знает настолько, насколько он работает». В.И. Буганов постоянно работал, потому много знал и много написал. Но мало написать – надо было сказать свое собственное слово, иметь свое собственное видение на поставленный вопрос или поставленную проблему.

Надо было по-своему написать, опираясь на архивные материалы, жизненную биографию Пугачева, о котором до Буганова было столь много написано. Надо было по-своему взглянуть на личность Степана Разина, на личность Кондратия Булавина. Надо было по-своему взглянуть на деяния русских полководцев XVII-XVIII веков (книга о полководцах написана Виктором Ивановичем совместно с сыном – А.В. Бугановым, кандидатом исторических наук).

В середине восьмидесятых годов, когда Виктор Иванович работал над книгой «Булавин», в одну из наших встреч он сказал мне, что скоро уезжает на Дон, к своим друзьям в казачьи станицы, чтобы собрать дополнительные материалы о предводителе крестьянской войны начала XVIII века Кондратии Афанасьевиче Булавине.

Год спустя книга «Булавин» вышла из печати в серии «Жизнь замечательных людей», а 24 сентября 1988 года Виктор Иванович приехал на велосипеде ко мне домой и привез книгу с дарственной надписью.

Храню эту прекрасно написанную книгу о Булавине – бесценный дар моего друга.

Моя статья – не биография В.И. Буганова и не исследование научных работ профессора В.И. Буганова. Об этом напишут его коллеги-историки, его ученики и последователи.

Я пишу о человеке, которого знал многие годы, я пишу о земляке под живым впечатлением невосполнимой утраты замечательного человека.

В течение многих лет Виктор подогревал мой интерес к русской истории, исподволь, ненавязчиво, но в итоге этот интерес перешел в любовь к истории. Я с необыкновенным желанием и упорством приобретал книги многих русских историков и, конечно, выдающихся историков: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова.

Запомнились суждения Буганова об историках. О В.О. Ключевском Буганов говорил, что он историк-лирик. О С.М. Соловьеве – как о труженике, который так много написал, не дожив и до шестидесяти лет.

В.И. Бугановым создано удивительно много, надо сказать: колоссально много.

В работе В.И. Буганова важнейшим делом явилось изучение и публикация исторических памятников России феодального периода – это разрядные книги XV-XVII веков, это источниковедение и историография русского летописания, это источник-

ведение и историография классовой борьбы в России XVII–XVIII веков. Большую научную творческую разработку В.И. Буганов провел по истории русских городов, по военной истории и по изучению биографий русских полководцев XVII–XVIII веков, много времени уделил Петровской эпохе и деяниям царя Петра I.

Титаническая работа проведена В.И. Бугановым по созданию исторических биографий предводителей крестьянских войн в России: С.Т. Разина, К.А. Булавина, Е.И. Пугачева.

Главная тема работ В.И. Буганова – народные восстания и движения XI–XVIII веков в России (книги «Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков, 1976 г.»; «Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII веков», 1986 г.).

Народные движения в России в XVII и XVIII веках приобретают невиданный для предыдущих столетий размах и остроту. «Век классовых противоречий» – так назвал В.И. Буганов семнадцатый век в России, в эпоху создания централизованного государства.

В.И. Буганов написал замечательную книгу «Страницы летописи Москвы», изданную в 1986 году. Эта книга повествует об истории развития города Москвы на протяжении 850-летнего существования. Здесь собраны в концентрированном виде история московских улиц, история русских князей, бояр, дворян и простолюдинов. Здесь рассказывается о народных московских восстаниях XIV–XVIII веков, начиная с открытого восстания городских низов Москвы в 1382 году и кончая народным движением в 1771 году во время чумного бунта и Пугачевским восстанием 1773–1775 годов.

В.И. Буганов в заключении этой книги пишет: «Народные выступления против социального гнета, несправедливости феодалов и властей наполнены большим историческим смыслом. Они оказывали непосредственное воздействие на политику правящих верхов. Например, приводили к смене правительства или замене некоторых его членов; так было в 1547, 1584 годах, в бурные годы Смуты начала XVII века, в 1648, 1662 и 1682 годах. Правительство в ряде случаев отменяло свои непопулярные распоряжения, например: отмена медных денег после выступления 1662 года, удовлетворение требования восставших в 1682 году и т. д.

Главное же состоит в том, что движения, происходящие в столице, показывали правящим верхам, всему классу феодалов силу и ярость восставшего народа, воздействовали на умы и настроения всех слоев общества: они умножали, накапливали освободительные традиции народных масс, толкали их на продолжение и усиление борьбы с феодально-крепостнической системой, подводили к тому же лучших представителей класса феодалов и нарождающейся буржуазии, которые со второй половины XVIII века начинали (в рамках просветительского – Н.И. Новиков и другие, и дворянско-революционного – А.Н. Радищев и радищевцы – течений) критику существующего строя с его ужасами крепостничества и даже, как это сделал Радищев, призывали к его свержению...»

На своем велосипеде В.И. Буганов посетил родовое село Н.И. Новикова Авдотьино, находящееся недалеко от станции Барыбино. Делился со мною своими впечатлениями об этой поездке.

Громадную работу В.И. Буганов провел по собиранию малоизвестных исторических фактов к биографиям предводителей крестьянских движений: И. И. Болотникова, С.Т. Разина, К.А. Булавина, Е.И. Пугачева.

В своих книгах «Пугачев» (1984 г.) и «Булавин» (1988 г.), изданных в серии «Жизнь замечательных людей», В.И. Буганов показал проникновенные и яркие картины жизни крестьянства и казачества в XVIII веке.

Сколько романтики и лирики разлито в описаниях жизни Булавина в книге В.И.

Буганова. Образ Кондратия Булавина нарисован живыми красками: «Он стал истинным сыном вольного Дона и борцом с теми, кто эту вольность рушил.

Воспоминания казаков, их предания и легенды, песни и сказки волновали душу, заставляли тревожно и сладко биться сердце юноши, воспаляли кровь, воображение. Оживали картины былых походов и сражений, смелых нападений и схваток «рыцарей степей» с врагами...

Кого не тронут таинственные легенды о прошлом, дедах и пращурах, сражениях и подвигах?! Если и найдется такой, то – не настоящий казак. А настоящий казак – человек романтической складки, пылкий и дерзкий.

Песни о походах, сражениях, возвращении к родному дому измлада сопровождали казака. Их пели дома, на улице; старики передавали их сыновьям и внукам. Рассказывали и пели о взятии донцами Азова и «Азовском сидении» (1637–1642 гг.), подвигах Степана Разина и его казаков, чигиринских и азовских походах (70-е и 90-е гг.), участии казаков в войнах России с Пруссией и Турцией, Польшей и Швецией».

Прекрасно описаны В.И. Бугановым картины сватовства и свадьбы К.А. Булавина с Л.П. Провоторовой, а также показана решительность атамана К.А. Булавина при приезде московского дьяка за отписанием казачьих земель.

Оценка деятельности атамана К.А. Булавина на донской земле дана самим казачеством, о нем сложили песню, в которой есть такие слова: «Булавин не простака, он лихой донской казак».

«Образ лихого и храброго казака, смелого и независимого, выглядит в этой песне как олицетворение народного идеала, – пишет В.И. Буганов, – Булавинское восстание стоит в одном ряду с таким движением, как Разинское».

В заключительной главе книги «Булавин» В.И. Буганов дает оценку всем авторам, которые писали о К.А. Булавине, со своих позиций, и в частности пишет: «Знаменитый историк Соловьев, собравший большое число архивных данных о Булавинском восстании, видел в нем, как и в других казачьих бунтах, анархическое, разрушительное начало, направленное против государства, его установления. А государство он считал двигателем истории прогресса. Булавина называл «новым Разиным»».

Буганов сообщает, что нелепая версия о сообщничестве Булавина и Мазепы нашла отражение даже в пушкинской «Полтаве»:

Повсюду тайно сеют яд

Его подосланные слуги:

Там на Дону казачьи круги

Они с Булавиным мутят.

Царь Петр Первый «считал необходимым включить данные о Булавине в историю своего правления»: «Тут же написать, где удобно, о бунте Булавина, как он начал, и о том справитца, и как отпущен господин Долгорукой!».

С любовью написана В.И. Бугановым книга «Пугачев», изданная в серии «Жизнь замечательных людей» (1984 г.) издательством «Просвещение» под названием «Емельян Пугачев» (1990 г.) для учащихся средних и старших классов. В книге рассказано о жизни крестьянства в правление императрицы Екатерины II. Крестьянство, составлявшее 96% населения России, находилось в бедственном экономическом положении: крепостных среди крестьян было более половины (за годы 1741–1761 крепостных крестьян увеличилось на 343 тысячи, а за следующее двадцатилетие (1761–1781 годы) крепостных крестьян увеличилось на 2 млн. 768 тысяч). Более половины крепостных крестьян находилось на барщине.

Крестьянская война в России под водительством Е.И. Пугачева предопределена плачевным социальным состоянием крестьянства во второй половине XVIII века.

Восставшие казаки и крестьяне вливались в войска Е.И. Пугачева, создавали по местам свои органы власти на основе традиций самоуправления.

В своей книге В.И. Буганов пишет: «Власти мстили Пугачеву, предводителю народной войны, так их пугавшей, и принимали все меры к тому, чтобы побыстрее расправиться с ее участниками. Они уже понимали, что их подняла на борьбу общая ненависть угнетенных к господам-помещикам, чиновникам... Эту мысль дворян российских... хорошо выразил их полномочный представитель главнокомандующий А.И. Бибииков: «Не Пугачев важен, важно всеобщее негодование».

В.И. Буганов в своих научных исследованиях досконально изучил положение крестьян в XVII–XVIII веках и события четырех великих крестьянских войн под водительством: И. И. Болотникова (1606–1607 гг.), С.Т. Разина (1670–1671 гг.), К.А. Булавина (1705–1708 гг.) и Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.).

Он создает историко-литературные портреты Разина, Пугачева, Булавина, Болотникова, Петра Великого («Петр Великий и его время». М. Наука. 1989), а также монографические очерки о представителях Дома Романовых.

Читая книги В.И. Буганова, познаешь жизнь русского народа в критические и смутные периоды его существования, умение преодолевать русскими возникающие трудности. И веришь, глядя на современность, что великий русский народ способен преодолеть все внутренние смуты и внешние атаки врагов и идти по своей, указанной Богом дороге так же, как шли с незапамятных времен предки.

В.И. Буганов, будучи учеником академика М.Н. Тихомирова, сам стал учителем. Он подготовил замечательную плеяду ученых: пять докторов и пятнадцать кандидатов исторических наук.

Имя Виктора Ивановича Буганова должно быть известно каждому домодедовцу. Каждый домодедовец, школьник или взрослый, читая книги В.И. Буганова, должен помнить, что профессор Буганов – наш земляк.

В.И. Буганов – автор учебника для 10-го класса общеобразовательных школ (А.Н. Сахаров, В.И. Буганов. «История России с древнейших времен до конца XVII века», I книга, 1995 г. и В.И. Буганов, А.Н. Сахаров «История России. Конец XVII–XIX век.», II книга, 1995 г.).

В.И. Буганов, возросший и живший на домодедовской земле, нашел себе и упокое на домодедовской земле – на домодедовском кладбище. И по христианскому обычаю надо пропеть ему: «Вечная память».

ЗНАМЕНИТЫЙ ДОМОДЕДОВСКИЙ ХИРУРГ

Георгий Иванович Мамонов
(1911–1983)

Жизнь Георгия Ивановича Мамонова можно разделить на две добрые половины: одна – это жизнь в родной деревеньке на Смоленщине, учеба в Белорусском медицинском институте, служба врачом-хирургом в Советской армии в годы Великой Отечественной войны; вторая – это жизнь и работа на домодедовской земле, которую он полюбил великой любовью.

О главном враче Домодедовской больницы я услышал в начале 50-х годов. Домодедовцы рассказывали были о чудесном хирурге, замечательном хирурге, талантливом хирурге, рассказывали люди разных возрастов, которые были пациентами Г.И. Мамонова. Это были восхищения, восхваления и почитания. Народная молва необманчива. А потом я слышал рассказы о главном враче как о мужественном человеке, перенесшем тяжелую болезнь. Это было сочувствие и сопереживание о добром, внимательном и бескорыстном докторе, каким был, по рассказам очевидцев, Георгий Иванович Мамонов.

Все это и укрепило мое желание рассказать о заслуженном враче России Георгии Ивановиче Мамонове, написать о нем, оставить о нем память потомкам. Слава пережила его. Я хотел только подтвердить это.

Георгий Иванович Мамонов родился 18 апреля 1911 года в деревне Алексейково Дорогобужского уезда Смоленской губернии в простой крестьянской семье. Отец его Иван Сергеевич был рабочий-плотник, состоял в строительной артели, которая работала в различных уголках Смоленской губернии. Мать Мария Павловна – крестьянка, работала в сельском хозяйстве.

В 1920 году И.С. Мамонов, работая в строительной артели и находясь далеко от дома, заболел сыпным тифом и умер. Георгию Мамонову было девять лет, когда он остался без отца. Гражданская война, сиротство наложили свой отпечаток на жизнь мальчика. Георгий учился в Бизюковской начальной школе. Одиннадцатилетнего Георгия в 1922 году забрал к себе в Москву его дядя, который учился в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Георгий продолжал обучение в школе, бывшей гимназии Головачевой. Однако Георгий в Москве проучился всего один год. Дяде было трудно материально, и Георгий снова стал учиться в Бизюковской школе.

В 1922 году маленький Георгий был на празднике-параде на Красной площади и

увидел на трибуне В.И. Ленина. Это ему запомнилось на всю жизнь, и он не раз рассказывал своей дочери Алле: «Я видел живого Ленина».

В 1926 году Георгий Мамонов стал пионером, в 1928 – комсомольцем, коммунистом – в 1943 году.

В 1928 году после окончания школы Георгий пошел по отцовским стопам: стал работать плотником, а потом столяром в городе Можайске, где строил железнодорожный клуб. В 1929 году Георгий Мамонов уехал в город Минск к дяде, где стал работать на строительстве Белорусской сельскохозяйственной выставки.

После окончания строительства Георгию Мамонову была выдана путевка от Центрального союза строительных рабочих на вечерние курсы по подготовке в вуз при Белорусском медицинском институте. В 1931 году Георгий Мамонов, сдав экзамены на подготовительных курсах, был зачислен студентом Белорусского медицинского института. Учась в мединституте, Георгию Мамонову приходилось подрабатывать себе на жизнь на различных работах, включая разгрузку железнодорожных вагонов. На каникулы Георгий Мамонов приезжал в Алексейково к своей маме Марии Павловне, где помогал ей в крестьянском хозяйстве.

В 1936 году Г.И. Мамонов окончил Белорусский медицинский институт. Как успешно окончивший медицинский институт Г.И. Мамонов был рекомендован в аспирантуру, но от продолжения учебы отказался, и ему выдали направление в 13-й погранотряд, располагавшийся в поселке Березино на реке Березине, для работы по специальности. Он стал заведовать медздравпунктом.

В Березине Г.И. Мамонов знакомится с 19-летней девушкой-белоруской Марией Романовной Жигалкович из деревни Могильное. Получив благословение от мамы, Георгий Мамонов женится. Состоялась семья, семья с высокими нравственными началами, с любовью и дружбой на всю жизнь. В 1938 году родилась в Березине дочь Алла.

В конце ноября 1938 года Г.И. Мамонов по болезни был демобилизован из погранотряда, направлен по предписанию в Москву (Дзержинский райвоенкомат), и он с семьей уезжает из Березина.

В декабре 1938 года Г.И. Мамонов по конкурсу поступает в клиническую ординатуру Московского областного научно-исследовательского клинического института (МОНИКИ) на кафедру госпитальной хирургии.

Семья Г.И. Мамонова в то время живет в домике санатория «Мицыри», что близ станции Фирсановка.

Окончание ординатуры Г.И. Мамоновым совпадает с началом Великой Отечественной войны.

26 июня 1941 года хирург Г.И. Мамонов был направлен в 586-й полевой хирургический госпиталь 30-й армии генерала В.А. Хоменко.

В середине июля 1941 года на подступах к Смоленску был создан новый фронт из шести резервных армий под командованием генерал-лейтенанта И.А. Богданова. В эту группу армий входила и 30-я армия.

Вечером 23 июля 1941 года 586-й госпиталь 30-й армии прибыл на станцию Каниютино, что в Смоленской области недалеко от родной деревни Г.И. Мамонова, и был размещен в лесу в одном километре от станции. В июле – августе 1941 года 30-я армия сражалась с наступающими немецкими войсками. Шли тяжелые оборонительные бои. Отдельные части и 586-й военный госпиталь 30-й армии оказались в окружении. Части армии с боями выходят из окружения, госпиталь сохраняет только часть своего медперсонала и работает в тяжелых боевых условиях.

В сентябре – октябре 1941 года 30-я армия сражается с гитлеровцами, госпиталь армии оказывает помощь раненым красноармейцам и гражданским: взрослым и де-

тям, отступавшим из оккупированных районов вместе с армейскими частями и попадавшим под бомбежки и артиллерийские обстрелы. Выходящие из окружения медработники пополняют кадры госпиталя, находящегося в это время в районе Сычевки.

29 октября 1941 года в трудное и грозное время московской битвы Г.И. Мамонов назначается главным хирургом 359-го медсанбата 215-й стрелковой дивизии Западного фронта.

Семья Мамоновых: Мария Романовна с двумя маленькими дочками Аллой (1938 года рождения) и Ларисой (1941 года рождения), уезжает в эвакуацию в город Первоуральск, где живет сестра Марии Романовны Вера Романовна, которая была направлена на работу в уральский город после окончания пищевого техникума. Семья Мамоновых вернется в Московскую область только в 1944 году.

Главным хирургом 359-го медсанбата 215-й стрелковой дивизии Г.И. Мамонов прошел путь в Великую Отечественную войну от Москвы до Витебска.

На Смоленщине, на Дорогобужской земле Георгию Мамонову вспомнились стихи А.Т. Твардовского:

Ой родная, отцовская,
Что на свете одна,
Сторона приднепровская,
Смоленская сторона,
Здравствуй!

Георгий Иванович Мамонов оперировал раненых солдат и офицеров во фронтовой обстановке под Ржевом и Сычевкой, Ярцевым и Смоленском, Рудней и Витебском, оперировал под бомбежками и артиллерийскими обстрелами.

Сколько спас жизней Г.И. Мамонов за годы Великой Отечественной войны, сколько вернул в строй солдат и офицеров! Сотни и сотни. Много раненых были благодарны ему за успешно проведенные операции. В Советской армии 85 процентов раненых возвращались в строй. В этом была заслуга и военного хирурга Георгия Ивановича Мамонова.

После прорыва линии немецкой обороны в Белоруссии под городом Витебском Г.И. Мамонов оказывал врачебную помощь раненым солдатам, партизанам и гражданскому населению в полевом госпитале.

26 июня 1944 года Г.И. Мамонов, оперируя раненого солдата и находясь за операционным столом, в начавшейся бомбежке сам был тяжело ранен в брюшную полость. Г.И. Мамонов был доставлен в медсанбат на операцию, затем эвакуирован в город Смоленск самолетом, а далее в Москву по просьбе Георгия Ивановича в МОНИКИ к своему учителю профессору Никите Ивановичу Махову. В клинике Георгий Иванович Мамонов перенес 10 операций на кишечнике, следовавших одна за другой. Оперировал Георгия Ивановича профессор Н.И. Махов. В МОНИКИ Георгий Иванович пролежал полтора года – с июля 1944 по январь 1946 года. Профессор Н.И. Махов вернул Г.И. Мамонова к жизни. Потом всю жизнь продолжалась дружба Н.И. Махова и Г.И. Мамонова.

Георгий Иванович Мамонов за боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной звезды и многими медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За доблестный труд» и др.

По выписке из клиники Георгий Иванович Мамонов работает врачом-хирургом Химкинской больницы с 1946 по 1947 год.

В январе 1948 года Г.И. Мамонов назначается главным врачом Домодедовской больницы и приезжает с семьей в Константиново, где тогда находилась больница.

Георгию Ивановичу Мамонову 36 лет.

Всю вторую половину жизни Г.И. Мамонов прожил на Домодедовской земле. Главным врачом Домодедовской объединенной больницы Г.И. Мамонов проработал более 20 лет. В Константинове семья Мамоновых прожила полтора десятка лет. Здесь, в Константинове, у Мамоновых родилась в 1948 году третья дочь, Татьяна. В городе Домодедове Георгий Иванович начал строить Домодедовскую больницу, именно он положил в основание главного здания больницы первый камень.

Сколько было многочисленных забот и хлопот! Сколько было затрачено энергии и здоровья для создания больничного комплекса, об этом рассказывали старейшие сотрудники больницы. Стараниями Георгия Ивановича Мамонова Домодедовская больница создавалась в течение нескольких лет. Все высказывания врачей сводились к главному: Домодедовская больница – детище Г.И. Мамонова.

В 1965 году Георгий Иванович перенес тяжелую болезнь – инфаркт миокарда сердца. Его лечили врачи Домодедовской больницы. У постели больного проводила дни и ночи супруга Георгия Ивановича Мария Романовна.

Болезнь отступила, но микроинфаркты продолжались в последующие годы. В связи с заболеванием Г.И. Мамонов вынужден был оставить работу главного врача больницы в 1970 году.

Некоторое время в последующие годы Георгий Иванович работал врачом в санатории «Барыбино».

Г.И. Мамонов вел в Домодедове большую общественную работу. С 1950 года он избирался депутатом Подольского и Домодедовского горсоветов. В 1966 году Г.И. Мамонову было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

Я встретился, беседовал и слышал рассказы и отзывы многих врачей и медицинских сестер, которые работали с Георгием Ивановичем Мамоновым в послевоенные годы в Константинове и в Домодедове.

После окончания 2-го московского медицинского института пришла на работу в Константиново молодой врач Зоя Ивановна Максимова (в 1948 году), где главным врачом был Г.И. Мамонов. Почти четверть века бок о бок проработала Зоя Ивановна с Г.И. Мамоновым. Начинала участковым врачом: принимала больных в амбулатории, делала обходы больных в больнице и ездила на лошадке по вызовам в села и деревни. В Константиновской больнице были тогда отделения: терапевтическое, хирургическое, родильное, инфекционное и гинекологическое.

Больница в Константинове была при фабрике, но она обслуживала весь куст ближайших сел и деревень и город Домодедово, райздравотдел находился в городе Подольске. Все совещания и курсы усовершенствования проводились в Подольске и в Москве, в МОНИКИ, куда часто приходилось ездить. Зоя Ивановна вспоминает о Георгии Ивановиче Мамонове как о главном враче больницы: «Он был великим организатором, все видел, всюду успевал, за все спрашивал с подчиненных, по характеру он был человек добрый, внимательный, поддерживал дух медицинских работников в трудные минуты, он умел сплачивать коллектив – это было его отличительной чертой, ведь я сама проработала в Домодедове всю свою жизнь». Дисциплина в больнице при нем была идеальной. Зоя Ивановна Максимова получила в Домодедове звание «Заслуженный врач РСФСР», была награждена знаком «Отличник здравоохранения», она Почетный гражданин города Домодедова. В 1998 году 11 декабря у Зои Ивановны был юбилей – ей исполнилось 75 лет.

С Мариной Васильевной Крайновой я беседовал в больнице, в ее кабинете – кабинете ЭКГ, который она возглавляет. М.В. Крайнова работает в Домодедовской больнице с 1957 года, вот уже более сорока лет. Она врач-фронтоничка, окончив Кубанский медицинский институт, стала работать в военном госпитале. М.В. Крайнова с мужем-летчиком поехала по всей России и в 1957 году оказалась в городе Домодедово.

По приезде в Домодедово Крайнова пришла к главному врачу Домодедовской больницы Г.И. Мамонову поговорить об устройстве на работу. Георгий Иванович тут же оформил ее на должность врача в терапевтическое отделение, потом М.В. Крайнова стала заведующей терапевтическим отделением. Марина Васильевна вспоминает: «Георгий Иванович при появлении в больнице всегда сиял как солнышко, всегда аккуратно одет, приветливый, радушный. И работа в его руках кипела. При обходах больных Георгий Иванович внимательно изучал истории болезни и давал точные указания о продолжении лечения больных. Накрахмаленный халат, чистое полотенце – все гигиенически обработано». М.В. Крайнова многие годы работала заместителем главного врача по лечебной части и, естественно, видела и знала Георгия Ивановича Мамонова в работе как главного врача. Она продолжала: «Г.И. Мамонов был хирургом широкого профиля, можно сказать, он был универсал, сказались практика фронтальных госпиталей.

В начале 60-х годов Г.И. Мамонов приступил к строительству больницы в городе Домодедове: выбирал участок для больницы, добивался финансирования строительства больницы, составления проекта. Георгий Иванович в бесконечных поездках: в Москву – в Министерство здравоохранения РСФСР, в Подольск – в райсовет и во многие организации, от которых необходимо было получить различные документы. Г.И. Мамонов ездил сам и посылает своих сотрудников в организации, добивается финансирования и строительства Домодедовской больницы».

Медицинская сестра Валентина Ульяновна Скороспелова, в 60 – 70-е годы работавшая в хирургическом отделении Домодедовской больницы под непосредственным руководством хирурга Георгия Ивановича Мамонова, вспоминает: «С Георгием Ивановичем работать было интересно, ответственно и, я сказала бы, трудно. Он был требовательный в исполнении его указаний, операции проводил блестяще, причем хирургом он был широкого профиля – оперировал на разных органах и всегда очень успешно. А вообще работать с ним было одно удовольствие. Я заметила тогда, что на больного при подготовке к операции Георгий Иванович воздействовал всегда положительно, вселял бодрость и надежду, и тем самым успех операции был предопределен. Больные в хирургической палате часто просили, чтобы их оперировал Мамонов, и даже настаивали, чтобы оперировал он. Г.И. Мамонова, проще сказать, любили. Удивительно было и то, что часто больные просили сестру ассистировать при операции. Ну а как главный врач, как руководитель, как просто хозяйственник Г.И. Мамонов был безукоризненный. Его все побаивались, но и уважали. Дисциплина при нем была на высоком уровне, каждый исполнял свои обязанности ответственно. А после операций он всегда благодарил всех сестер».

Все три дочери Мамоновых Алла, Лариса и Татьяна, окончили медицинские институты, все пошли по стопам родителей: отец – врач-хирург, мать – врач-стоматолог.

Старшая Алла Георгиевна Максимова – врач-педиатр, ее муж Валерий Алексеевич – профессор, доктор медицинских наук. Средняя Лариса Георгиевна Мамонова (она оставила и после замужества фамилию отца из любви к нему) – врач-педиатр. И самая младшая, любимая родителями дочь, родившаяся в Домодедове, Татьяна Георгиевна – врач-педиатр.

Разлетелись дочки по различным уголкам земли, остались Георгий Иванович и Мария Романовна вдвоем, жили вблизи станции Домодедово. Георгию Ивановичу пришлось переехать из любимого Константинова в город Домодедово: дочери учились в Москве, и им приходилось тратить много времени на поездку в Константиново.

Мария Романовна неожиданно скончалась 4 мая 1981 года на 64-м году жизни.

Георгию Ивановичу оставалось жить еще два года. Два года – какими они были тяжелыми для Георгия Ивановича.

Здоровье с каждым днем и годом ухудшалось. Мужественный человек – врач-хирург, выдавший множество смертей и на фронте, и после войны в больнице, крепился. Навещала дочки. А после их отъезда опять один со своими заботами и думами. Начал писать воспоминания, многое написано, кое-что записано на магнитофоне.

Георгий Иванович вспоминал о родных и близких, уже ушедших из жизни. Вспоминал с болью в душе о Михаиле Романовиче Жигалковиче – брате жены, белорусском партизане, расстрелянном гитлеровцами во время окружения партизанского отряда.

В августе 1983 года Георгий Иванович Мамонов заболел, и ему пришлось лечь в больницу. Знакомые и родные стены.

Опять больница!
Все горше невзгоды,
Все чаще не спится
Из-за непогоды.

Домодедовскую больницу Г.И. Мамонов строил и оборудовал в течение многих лет. Кабинеты, лаборатории, палаты, операционная, где каждый рабочий день и даже случалось, выходной Георгий Иванович оперировал пациентов. Врачи – все как родные. Многим он дал путевки в жизнь, многие пришли к нему работать со студенческой скамьи, получили врачебную практику под его непосредственным руководством. Вот они, пришедшие к нему на работу и проводшие с ним два десятка лет: З.И. Максимова, М.В. Крайнова, В.Г. Безуглова, А.В. Широчин, А.И. Янова, А.И. Новоселова и многие другие.

27 августа должна прилететь в Москву самолетом любимая дочь Татьяна. День кончается. Он ждет, а ее все нет и нет... Он так и не узнал, что самолет запоздал. Наступил новый день – 28 августа 1983 года. Георгию Ивановичу плохо, начался отек легких. Врач, он знал о своем исходе из жизни. Георгий Иванович скончался 28 августа в день праздника Успения Божией Матери.

Дочки поспешили, приехали в тот же день...

На Домодедовском кладбище покоится знаменитый хирург – главный врач Домодедовской больницы Георгий Иванович Мамонов.

Его знали многие жители города Домодедова, его любили, его боготворили. Он был врачом-терапевтом – таким он остался в памяти домодедовцев. Памятником ему является Домодедовская больница, которая по праву должна носить имя Г.И. Мамонова.

УЧАСТНИК БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Василий Федорович Желудков
(1913–1990)

С Василием Федоровичем Желудковым я познакомился в восьмидесятые годы, когда он был ответственным секретарем президиума совета Домодедовского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. По характеру Василий Федорович был человек спокойный, внимательный, мягкий – в нем ярко был выражен талант педагога, выработанный в течение многих лет.

Танкист – механик-водитель танка, а потом политрук, прошедший Великую Отечественную войну с первого дня ее, с 4 часов 30 минут 22 июня 1941 года, был смелым бойцом и способным, мудрым командиром, был гвардейцем-победителем.

Но война не ожесточила этого нравственно воспитанного человека. Высокие свойства его души были заметны при первом знакомстве сразу и, пожалуй, всем.

Я иногда заходил в комнату на втором этаже Домодедовского горсовета, чтобы купить очередную книгу альманаха Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Памятники Отечества». Внимание, любезность, педагогический такт и щедрость души были у Желудкова постоянны.

Василий Федорович Желудков родился 11 августа 1913 года в селе Константиново Шиловского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. Он учился в школе, работал в хозяйстве отца, а с 1929 г. в колхозе.

В 1931 году В.Ф. Желудков окончил среднюю школу и с 1 сентября того же года стал учителем начальной школы в селе Гулынки Спасского района Рязанской области. Учителем он работал до 10 апреля 1934 года, до назначения заведующим учебной частью школы крестьянской молодежи (ШКМ) при детском доме в Старой Рязани, где проработал один год.

2 апреля 1935 года В.Ф. Желудков был призван на военную службу в РККА (Рабоче-крестьянскую Красную Армию). В рядах Советской Армии он прослужил 25 лет – с 1935 по 1960 год. В.Ф. Желудков являлся участником сражений в Испании с немецкими и итальянскими фашистами и с мятежниками генерала Франко в 1937–38 годах,

сражался на реке Халхин-Гол с японскими самураями в 1939 году, с немецкими фашистами с первого дня Великой Отечественной войны, участвовал в боях против империалистической Японии в августе 1945 года.

После успешного окончания Калужского военного танкового училища В.Ф. Желудков, как профессиональный танкист, принимает участие в боевых действиях в составе танковой бригады в Испании.

Маршал К.А. Мерещков, бывший советником в Испании, в своей книге «На службе народу» писал: «В Мадриде меня ждало приятное известие: прибыли советские танкисты во главе с С.М. Кривошеиным. В.М. Симаков, которого я всегда оставлял за себя, сообщил, что одна танковая рота уже приняла участие в бою... Когда я нашел танковую роту, первый, кого я увидел, был майор Грейзе (командир из нашей мотомехбригады в Белорусском военном округе П.М. Арман). Он-то и командовал этой ротой...».

После возвращения из Испании В.Ф. Желудков принимает участие в боях с японцами на реке Халхин-Гол в составе 11-й танковой бригады под командованием комбрига М.П. Яковлева. Один из 150 танков бригады водил в бой В.Ф. Желудков. Здесь, на реке Халхин-Гол, Василий Федорович увидел командующего группой войск генерала Г.К. Жукова, который, пожимая руку Желудкову В.Ф., благодарил отличившегося в боях танкиста и подарил ему именные наручные часы.

Маршал Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» писал: «Все это в целом дало весьма эффективные результаты в подготовке и боевой готовности войск. Не случайно соединения, находившиеся в 1939–1940 годах в Монголии, будучи переброшенными в 1941 году в район Подмосковья, дрались с немецкими войсками выше всяких похвал».

Танкист В.Ф. Желудков после боевых действий у реки Халхин-Гол нес воинскую службу на монгольской границе, на 77 разъезде за Читой. В марте 1940 года, будучи в отпуске на родине, он женился на Ольге Петровне Просвириной, с которой познакомился еще в школе перед отъездом в Калужское танковое училище. И на заставу под Читой Желудков вернулся с молодой женой. Жизнь на границе необустроенная, на военном пайке. Часто слушали песню «Три танкиста, три веселых друга...». Время тревожное. Ольга Петровна жила на границе недолго, В.Ф. Желудкову предстояло служить на новом месте. Муж отправил жену домой, в Рязанскую область. Только один год молодожены пожил вместе. Новым местом службы Желудкова оказалась западная граница Советского Союза.

В январе 1941 года у Желудковых родилась дочь, ей дали имя Валентина. Василий Федорович обрадован, шлет письмо отцу Федору Васильевичу в поселок Востряково, где его отец построил в 1938 году маленький домик.

Великая Отечественная война началась для Василия Федоровича Желудкова 22 июня 1941 года в 4 часа 30 минут. Желудков, находясь в передовой части на границе, в составе танковой дивизии вступил в бой с фашистами, перешедшими советскую границу. Это был жестокий бой с танковой колонной гитлеровцев. Задача стояла одна: задержать врага и уничтожить. Танковая дивизия сдерживала напор фашистов в течение нескольких суток. А затем, отступая, выводила из строя немецкие танки, сражаясь в тяжелейших условиях. Однако крупные группировки бронетанковых и моторизованных войск гитлеровцев прорывались на ряде участков, обходя наши войска, так как на танковую дивизию приходилась защита до полутора десятков километров границы.

В.Ф. Желудков участвовал в ожесточенных боях с немецкими захватчиками в июне-июле 1941 года. Под натиском превосходящих сил противника советские танкисты отступали, сдерживая фашистов, вели перегруппировку войск и снова вступали в бой

с наседавшим врагом.

Под Смоленском В.Ф. Желудков был тяжело ранен и контужен. Из подбитой машины механика-водителя Желудкова вытащили друзья-танкисты и отправили в госпиталь. Лечился Василий Федорович в городе Мичуринске, откуда написал письмо жене, прося ее приехать. Ольга Петровна собралась быстро, приехала в госпиталь, где вдоволь наплакалась, видя израненного мужа.

По выходе из госпиталя В.Ф. Желудков снова на фронте, он сражается в частях 4-й танковой бригады. В октябрьские дни 1941 года танкисты 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катукова показали высокое воинское мастерство и героизм. Как только 4-я бригада 4 октября 1941 года разгрузилась в Мценске, полковник М. Е. Катуков выслал в сторону Орла разведывательные танковые группы капитана В.Гусева и старшего лейтенанта А.Бурды. Танковые взводы младшего лейтенанта Г.Овчинникова и старшего лейтенанта В.Рябова из группы В.Гусева прорвались в город Орел и в трехчасовом бою уничтожили много гитлеровцев и техники, на Болховском шоссе танковые группы уничтожили десять танков и бронетранспортеров, 2 тягача с орудиями, 5 автомашин с пехотой и 90 солдат и офицеров противника.

6 октября 4-я танковая бригада заняла оборону на рубеже Нарышкино, Первый Воин. В результате коротких атак танкисты бригады уничтожили более трех десятков немецких танков и машин и до роты пехоты.

9 октября противник предпринял решительную атаку на рубеже Ильино, Шенино; сотни танков двинулись к Мценску. Танкисты полковника М.Е. Катукова встали на пути гитлеровцев.

11 октября 4-я танковая бригада прикрывала отход советских войск на восточный берег реки Зуши в районе Мценска. Танкисты бригады последними, сдерживая натиск фашистов, под обстрелом перешли железнодорожный мост через Зушу.

Немецкая армия Гудериана в этих боях потеряла 133 танка.

Танковое сражение под Мценском... Здесь танкисты из 4-й танковой бригады героически сражались против танкистов Гудериана. Танк Желудкова вступил в бой прямо у железной дороги. Немецким снарядом его танк был подожжен, экипажу удалось погасить огонь. Желудков поставил подбитую машину в укрытие и сдерживал огнем из нее немецкие танки. Экипаж уничтожил два немецких танка, орудие и до полутора десятков гитлеровцев. Только после боя по приказу командира батальона поздним вечером танк Желудкова был увезен с поля боя и отремонтирован.

Дальнейшие сражения 4-я танковая бригада, переименованная в 1-ю гвардейскую, удостоенная высокой чести за боевые заслуги под Орлом и Мценском, вела в ноябре-декабре 1941 года под Москвой на западном направлении, на Ленинградском шоссе, в районе станции Крюково, в составе 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского.

Танковые соединения фашистов 15 ноября перешли в наступление на Москву. 16-я армия генерала К. К. Рокоссовского стойко держалась и вела активные оборонительные бои. Редели ряды 16-й армии, в 1-й гвардейской танковой бригаде оставалось 15 танков. Командующий 16-й армией К.К. Рокоссовский писал: «Как и следовало ожидать, частный контрудар, начатый 16 ноября по приказу фронта, принес мало пользы».

17 ноября противник несколько раз атаковал воинские части 316-й дивизии генерала И.В. Панфилова. В тот день И.В. Панфилов героически погиб. 18 ноября 1941 года 316 дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую, командующим дивизией стал В.А. Ревякин.

Танкисты 1-й гвардейской танковой бригады, увлекая за собой пехоту, в коротком бою подбили 7 танков противника, ворвались в Лысцово и выбили оттуда фашистов, а потом, организовав засаду, встретили противника внезапным огнем и уничто-

жили еще 6 немецких танков. Но понесли потери и гвардейцы-танкисты.

В ходе ожесточенных боев немцы так и не смогли прорвать первую полосу обороны 16-й армии. Сражения продолжались с 18 по 23 ноября. По приказу К.К. Рокоссовского для успешной обороны на Ленинградском шоссе была создана южнее Пешки сводная группа из подразделений 1-й гвардейской танковой бригады, 1077 стрелкового полка и 126-го танкового батальона для задержания фашистов. В ночь на 3 декабря 1-я гвардейская танковая бригада полковника М.Е. Катукова после артподготовки атаковала немцев в Крюкове, бои продолжались несколько дней, вплоть до перехода в контрнаступление фронта.

За героизм, проявленное в боях под Москвой, В.Ф. Желудков был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В рядах 1-й гвардейской танковой бригады В.Ф. Желудков прошел боевой путь, участвуя во многих сражениях.

Фронтная газета так описала подвиг политрука В.Ф. Желудкова в бою: «Этот боевой эпизод вызвал в душе молодого политрука, танкиста Василия Желудкова двойственное чувство. Вначале досаду за то, что такая послушная современная и трудноуязвимая машина как Т-34 вдруг перестала слушаться механика-водителя – остановилась буквально на ровном месте, а батальон вел бой с превосходящими силами противника. А затем чувство огромного облегчения – не только уцелели сами и сохранили танк, но в конце боя в часть доставили небольшой трофей. С места танк вел огонь по вражеским точкам.

События развивались дальше так: на небольшом поле, где шли бои, немецкие танки наступали. Огонь пришлось из танка прекратить, так как враг из артиллерии открыл по нам огонь, чтобы уничтожить, тем более танк стоял и в него легко можно попасть и уничтожить. Танк заглох, двигатель не подавал признаков жизни. Пробовал даже завести двигатель ручным способом, но безрезультатно – отказали аккумуляторы. Бой ушел в сторону, рядом горели 2 немецких танка и один наш. Экипаж, видно, погиб. Выходить из танка было небезопасно – могла сразить автоматная очередь спрятавшегося где-нибудь фашиста. Желудков принял решение: будем ждать темноты... Как на грех, вышла из строя рация. В вечерних сумерках с немецкой стороны услышали шум приближавшегося мотора. К подбитому нашему танку подкатил вражеский тягач. Механик-водитель был молодой и малоопытный. Желудков сам садится за рычаги танка, надеясь осуществить свой дерзкий последний план, чтобы уйти от врага. Двое фашистов быстро выпрыгнули из тягача. Предварительно на ломаном русском языке прокричали: «Русс, сдавайся». Ответа не последовало, экипаж молчал. Фашисты быстро накинута трос на крюки танка, сели в тягач и начали движение из стороны врага.

– Ну нет, сволочи, так просто вы нас к себе не доставите! – громко сказал Василий Желудков. Включил 1-ю скорость, и его танк с ходу завелся. Танк свой поставил на тормоза, немецкий тягач заглох. Желудков включил заднюю скорость и на больших оборотах мотора потащил немецкий тягач с экипажем в свою сторону. Фашисты, когда поняли, что произошло, начали выпрыгивать из тягача, но очередь из пулемета тут же их прикончила. До расположения своих частей добрались без приключений, тем более наш танк стал спускаться с небольшой возвышенности и немецкая артиллерия не могла его поразить. На другой день на этом же танке снова в бой, а немецкий тягач пригодился для наших частей. И вот в бою танк подбит немецким снарядом, машина загорелась, механик-водитель и Желудков тяжело ранены, но заряжающий был невредим. Он быстро вытащил экипаж из горящего танка, а на поле боя раненых подобрали санитары и отправили в госпиталь. Шесть месяцев на госпитальной койке, краткий отдых и снова в часть, и новые бои.

Где только не воевал Василий Желудков. В боях за свободу и независимость нашей Родины проявлял героизм и беззаветную преданность социалистическому отечеству и коммунистической партии.

Сражался под Смоленском, защищал родную столицу, летом 1942 г. на Северном Кавказе под Моздоком, Ростовом, на других фронтах».

В одном из боев политрука В.Ф. Желудкова спасла случайность. Это был бой за мост через реку Терек возле города Моздок в 1943 году. В полевой сумке у В.Ф. Желудкова был «Политический словарь», изданный в 1940 году. В то время В.Ф. Желудков – комиссар отряда по борьбе с десантами, старший политрук.

Во время боя полевая сумка с «Политическим словарем» в 670 страниц была пробита осколком от немецкого снаряда на глубину 410 страниц. Вот так «Политический словарь» спас жизнь В.Ф. Желудкову.

Дочь В.Ф. Желудкова Валентина Васильевна любезно показала мне этот «Политический словарь», семейную реликвию, как память об отце, участнике Великой Отечественной войны.

В 1944 году В.Ф. Желудков был ранен третий раз. Снова госпитальная койка, а потом снова фронт.

Василий Федорович Желудков за годы Великой Отечественной войны был трижды ранен, трижды горел в танке и был контужен. Но всегда после лечения в госпиталях возвращался в строй, снова принимал участие в боях. Он участвовал во многих главных сражениях Великой Отечественной войны: на границе в июне 1941 года, под Смоленском, под Орлом и Миенском в августе-октябре 1941 года, под Москвой в ноябре-декабре 1941 года, на Северном Кавказе под Моздоком и Ростовом летом 1942 года и во многих других сражениях.

После войны служба в военном городке под Омском в должности начальника политотдела полка, затем – зам. начальника политотдела в Омском танковом училище. Летом 1954 года закончена Военно-политическая академия им. В.И. Ленина.

Летом 1955 года В.Ф. Желудков был назначен заместителем начальника политотдела танковой дивизии, дислоцированной в Германской Демократической Республике, и служил там до сентября 1960 года.

В рядах Советской Армии В.Ф. Желудков прослужил до сентября 1960 года и уволился в запас в звании подполковника.

За подвиги и героизм в годы Великой Отечественной войны гвардии подполковник В.Ф. Желудков был награжден орденом Боевого Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, тремя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За освобождение Праги», «За победу над Японией» и другими, всего 18 медалей. Гвардейцем В.Ф. Желудков стал в октябре 1941 года.

После увольнения в запас подполковник В.Ф. Желудков приезжает в поселок Востряково, в дом своего отца. Василию Федоровичу – сорок семь лет. Насколько хватает сил и энергии, он начинает трудиться педагогом в школах.

Весной 1961 года В.Ф. Желудков временно работает преподавателем истории во 2-й школе города Домодедово. С 5 июня 1961 года он – учитель истории 82-й средней школы рабочей молодежи Куйбышевского района города Москвы, в которой с 1 июля 1961 года он назначается директором и работает там до 1967 года. С 1 сентября 1967 года В.Ф. Желудков – учитель истории в домодеевской средней школе № 2, и трудится там до 1 сентября 1977 года.

Сохранились воспоминания учеников тех лет о хорошем преподавании истории В.Ф. Желудковым, квалификация его была на высоком уровне. В 1977 году Василию Федоровичу исполнилось шестьдесят четыре года; ему, учитывая его ранения, физи-

чески все труднее становилось работать педагогом, и он с 1 сентября уходит из школы по собственному желанию.

С сентября 1977 года В.Ф. Желудков работает ответственным секретарем президиума совета Домодедовского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В этой должности В.Ф. Желудков трудится двенадцать лет, вплоть до 10 апреля 1989 года, когда по состоянию здоровья он был вынужден оставить эту работу. В.Ф. Желудков выполняет огромную и очень нужную для Домодедовского района работу по охране памятников истории и культуры. Он ведет очень большую просветительскую работу среди учащихся школ, работников многих предприятий района, распространяет литературу по охране памятников истории и культуры. В.Ф. Желудков в большой дружбе с краеведом О.С. Кузнецовым, с которым у него много общего – они оба участники Великой Отечественной войны, танкисты. Василий Федорович увлеченно и интересно рассказывал о памятниках истории и культуры Домодедовского района, более двадцати лет он лектор общества «Знание», он выступает с воспоминаниями о Великой Отечественной войне, рассказывает о маршале Г.К. Жукове, которого он знал по военным событиям на реке Халхин-Гол. Центральный комитет защиты мира наградил В.Ф. Желудкова нагрудным знаком за активную работу в борьбе за мир.

В.Ф. Желудков являлся депутатом Домодедовского городского Совета, членом комитета содействия офицерам запаса и в отставке при Домодедовском объединенном городском военном комиссариате в течение многих лет.

Василий Федорович серьезно заболел в 1987 году, но, даже болея, не оставлял свою работу и уволился только тогда, когда ходить уже не мог: сказалась сильная контузия, полученная в войну. 10 апреля 1989 года – последний день его работы в штате Домодедовского горсовета. Ему оставалось жить еще один год. Василий Федорович скончался в ночь на 9 мая 1990 года, накануне своего любимого праздника – Дня Победы.

Праздник Победы жена Василия Федоровича Ольга Петровна и дочь Валентина Васильевна всегда отмечают дома. В этот день они посещают кладбище: память – великое чувство.

Ольга Петровна всю жизнь шла бок о бок с супругом Василием Федоровичем, поддерживая его в трудные и кризисные времена.

К 50-летию Победы В.К. Беев писал: «Это благодаря им, умевшим любить и ждать, прошедшим по жизни рядом с мужьями-воителями, состоялась наша Победа, ее 50-летний юбилей. Не забудьте об этом! В их жизни – осень. Пусть она будет золотой!».

Дочь Василия Федоровича – врач, кандидат медицинских наук, унаследовала от отца высокие нравственные качества, любовь к людям, трудолюбие, понимание мудрости жизни. Цель жизни – быть врачом – досталась ей нелегко, это был трудный путь учебы и работы. Она излучает доброту, внимательность – она ведь лечит больных детей.

И еще мне хотелось привести слова В.К. Беева о Василии Федоровиче Желудкове, сказанные в канун 50-летия Победы: «Я пришел к своим соседям по подъезду не случайно. Еще раньше, когда узнал о непростой судьбе Василия Федоровича, о болезни, – хотел написать, рассказать другим, поддержать его. Не успел. Нам ведь всегда некогда. Принес букет тюльпанов восьмого мая, поздравил с праздником. Он уже не вставал, не разговаривал. Благодарил взглядом усталых, измученно-задумчивых всепрошающих глаз. Не предполагал, что это был последний подаренный мне взгляд прошедшего крошечный ад ратоборца, отдавшего все, что было, на алтарь Отечества. И не только своего».

Это свидетельство человека, посетившего В.Ф. Желудкова накануне кончины, осо-

бенно ценно.

На письменном столе В.Ф. Желудкова остался лежать «Православный церковный календарь» на 1990 год – подарок священника Анатолия, настоятеля Никольского храма села Домодедово.

В один из дней лета 1989 года я зашел в горсовет, открыл дверь кабинета, где работал В.Ф. Желудков, и, не увидев его, спросил о нем. Мне ответили, что Василий Федорович уже не работает. Я попытался найти его преемника, но, увы, его не было, новые попытки ни к чему не привели...

Энтузиаста по охране памятников истории и культуры района, каким был Василий Федорович, не нашлось.

Василий Федорович – это личность, о которой благодарно вспоминали все, кто общался с ним.

Так вспомним о мужественном воине, офицере Советской Армии, о человеке, встретившем лицом к лицу врага в первый день Великой Отечественной войны, сражавшемся за город Смоленск и принявшем участие в главном сражении войны – битве под Москвой – в тяжелейшие дни для Родины – ноябре–декабре 1941 года в составе 1-й гвардейской танковой бригады М.Е. Катукова.

Маршал Г.К. Жуков о героях-танкистах 1-й гвардейской танковой бригады писал: «Теперь в ноябре, защищая подступы к Москве, гвардейцы-танкисты новыми подвигами еще выше подняли свою славную боевую репутацию».

Василий Федорович Желудков своими ратными подвигами приближал нашу Победу в Великой Отечественной войне.

ЛЕЙТЕНАНТ СРАЖАЛСЯ НА РУБЕЖЕ РЖЕВ – СЫЧЕВКА – ВЯЗЬМА

Василий Васильевич Виноградов
(1924–1998)

Добрую половину своей жизни из отпущенных ему 74 лет Василий Васильевич Виноградов прожил в городе Домодедове, работая на ответственных постах: директора Домодедовского известкового завода, позже Завода строительных материалов и конструкций; заместителя директора Домодедовского завода металлоконструкций.

Василий Васильевич Виноградов родился 20 марта 1924 года в деревне Орлица Смоленской губернии в большой крестьянской семье. Семья Виноградовых была многодетной: восемь детей – пять братьев и три сестры.

Глава семьи имел профессию портного. Для содержания семьи ему приходилось всю зиму заниматься портняжым промыслом. Но заработок был небольшой и негарантированный, а потому в поисках лучшей жизни, прослышав, что в Волоколамске требуются рабочие на кирпичный завод, В.М. Виноградов, забрав семью, переезжает из деревни в город Волоколамск. Семья селится в бараке при кирпичном заводе.

В Волоколамске Вася Виноградов учится в неполной средней школе; закончив семилетку, поступает в техникум, где проучился три года.

22 июня 1941 года немецкие фашистские войска вторгаются на территорию Советского Союза – началась Великая Отечественная война. Из большой семьи Виноградовых четверо братьев пошли защищать свою Родину. Григорий Виноградов сражался под Смоленском, оборонял свой областной город, под стенами Смоленска он пал в жестоких боях с гитлеровцами. Сергей Виноградов сражался под Ржевом, в тяжелейших оборонительных боях, отражая натиск гитлеровцев, он гибнет в одном из боев. С фронтов Великой Отечественной войны вернулись домой только два брата Виноградовых: Иван и Василий.

Василий Виноградов на фронте с 1942 года, когда ему исполнилось 18 лет. Его зачислили пехотинцем в 1106-й полк 331-й стрелковой дивизии, которой командовал в то время полковник П.Ф. Берестов.

Первый бой для Василия Виноградова состоялся летом 1942 года в наступательной операции на Ржевско-Сычевском рубеже в районе Погорелое Городище.

Именно там, на ответственном участке Западного фронта, в Погорелом Городище, находился в это время Г.К. Жуков, который написал: «27 августа 1942 года, когда

я находился в районе Погорелое Городище, где мы проводили наступательную операцию, мне позвонил А.Н. Поскребышев...»

Г.К. Жуков 26 августа 1942 года был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего и по приказу И.В. Сталина отбыл в Москву.

Сохранился рассказ В.В. Виноградова о первом своем бое. Вот как это было: «После массовой артподготовки минут 30 – 40 продолжительностью мы поднялись в атаку и стали приближаться к траншеям противника. Но вдруг траншея «заговорила» – один из дзотов начал поливать нас огнем. Мы залегли. Непрерывный пулеметный огонь мог запросто покосить ряды наших бойцов.

И тогда командир роты старший лейтенант Рембровский приказал мне обойти пулеметную точку и уничтожить ее. Подозвав сержанта Орлова и бойца Гусева, я направил их выполнить приказ. Остальные бойцы прикрывали ребят пулеметным огнем. Через некоторое время пулемет замолчал, и по моей команде бойцы ворвались во вражескую траншею, уничтожая врукопашную оставшихся в живых немцев.

В это же время сюда подошли остатки роты. Исход был предрешен – мы выиграли бой в первой траншее, не останавливаясь, мы бросились дальше, в следующие траншеи. Но злобно огрызнулся противник – пули свистели над нами, с фланга строчил вражеский пулемет, ему вторили автоматы. Сержант Орлов с четырьмя красноармейцами по-пластунски подобрался к пулемету. Однажды немцы обнаружили смельчаков и начали забрасывать гранатами. Одна из гранат волчком закружилась в смертельном танце у ног отважного сержанта. Орлов не растерялся – схватил гранату и молниеносно швырнул ее назад во вражеское укрепление.

Пулемет замолчал, а сержант Орлов был ранен, были и другие потери с нашей стороны – слишком хорошо закрепился враг, ему удалось отбить все наши атаки. В этих боях нам не удалось освободить ни Ржев, ни Сычевку, часть вынуждена была перейти к обороне...»

Грамотного, храброго и энергичного командира Василия Виноградова в октябре 1942 года направляют в город Щелково на офицерские курсы, рассчитанные на трехмесячную подготовку. В.В. Виноградов окончил офицерские курсы с отличием, и ему присваивают звание лейтенанта.

В январе 1943 года Василий Виноградов снова на фронте и опять на рубеже Ржев – Сычевка – Вязьма. Он был назначен командиром взвода в 331-й стрелковой дивизии, которая входила в состав 20-й армии.

Об одном сражении – «разведке боем» – В.В. Виноградов рассказал так: «Помню, в один из дней получил приказ готовить взвод для разведки боем вместе с батальоном. Мы высмотрели оборону противника – траншеи были обнесены проволочным заграждением, укреплены огневыми точками. Попробуй подступись! Ночью, скрытно, по глубокому оврагу подползли к ограждению, впереди саперы перерезали проволоку, и в образовавшиеся проходы подразделение бесшумно рассредоточилось в западных направлениях, сжимая, беря траншею врага в плотное кольцо. Каждая рота выделила свою группу захвата для снятия вражеских часовых-ракетчиков и дежурных. Наша группа захвата во главе со старшиной Завьяловым бесшумно сняла часовых, а мы по сигналу заняли свой участок и блиндаж, где безмятежно спали немцы. Часть из них была уничтожена, часть взята в плен.

Противник по всему фронту открыл стрельбу, но было поздно. И когда полусонные немцы выскакивали из блиндажей, их расстреливали из автоматов или пленяли. Очистив траншею, мы закрепились в ней. А в это время немцы открыли ураганный огонь. Им ответила наша артиллерия.

Продолжая наступление, мы сели десантом на танк, но вдруг сержант Харистонов заметил расчет противотанковой пушки, который готовился к обстрелу. Соско-

чив с танков, мы успели скрыться от ураганного огня, унесшего жизни нескольких наших товарищей. В этом бою я тоже получил ранение и был отправлен в госпиталь».

На рубеже Ржев – Сычевка – Вязьма фашисты создали сильно укрепленные узлы, состоящие из лабиринта траншей, дотов и огневых точек на стратегически важном выступе в двухстах километрах от Москвы. Это были неприступные узлы сопротивления немцев.

Наша артподготовка, казалось, не оставляла ни одного живого места в обороне немцев, но наступление наших войск встречалось шквалом огня, и каждый раз новая атака захлебывалась. Оказалось, немцы применяли хитрую тактику: как только начиналась артподготовка по первым рядам траншей, немцы убегали в задние траншеи, а при переброске огня на задние траншеи немцы поступали наоборот и встречали наши атакующие цепи огнем.

Взводу лейтенанта Виноградова опять и опять приходилось идти в атаку, теряя своих солдат. Но пуще всего лейтенант Виноградов боялся за своих людей – как бы они не вышли из строя из-за простуды: стояли сильнейшие морозы. Периодически командование дивизии отводило части с передовой в ближайший тыл, чтобы солдаты отогрелись у печурок в оборудованных землянках. Настала очередь и взводу Виноградова побывать в теплых землянках, отогреться, отдохнуть, набраться новых сил.

По прошествии более пяти десятков лет со дня окончания войны лейтенанту В.В. Виноградову особо запомнился бой за станцию Сычевка. Лейтенант посадил свой взвод автоматчиков на танки, которые ворвались в Сычевку. Спрыгнувший с танка Виноградов увлек за собой взвод. Немцы ожесточенно били по танкам и пехоте из зданий и укреплений. Взвод вступил в рукопашный бой, немцы не выдерживали, убегали и гибли под огнем автоматчиков. Но Виноградову победы увидеть не удалось: он был ранен осколками от снаряда и контужен. Лейтенант Виноградов очнулся в брезентовой палатке, где ему сделали операцию. После операции раненого Виноградова вместе с другими ранеными направили в село и разместили в избах. А несколько дней спустя их вывезли и доставили в госпиталь, в Волоколамск. Госпиталь находился в здании его родной школы.

Василий Васильевич Виноградов дал знать о себе родителям. Отец и мать Виноградовы навестили раненого сына Василия в школе, и эта встреча доставила Василию Васильевичу тяжелые переживания. Родители сообщили ему о горе, которое постигло их семью: на фронте погибли два его родных брата: Григорий и Сергей.

В госпитале города Волоколамска лейтенант Виноградов находился несколько месяцев, операция следовала за операцией. Были извлечены осколки от снаряда из поясницы и бедра, но те, у позвоночника, хирург трогать не стал – их Виноградову пришлось носить всю свою жизнь. Иногда эти осколки тревожили Василия Васильевича, и тогда ему приходилось ложиться в госпиталь.

По выписке из госпиталя В.В. Виноградов снова на фронте. Военными дорогами он прошел по Смоленщине, Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии. Были снова ожесточенные бои, было много боев. Но лейтенант Виноградов шел и вел свой взвод на Запад, к победе. Бои были тяжелые, кровопролитные. Много фронтовых друзей Виноградова пали на военных дорогах Великой Отечественной. Оставшиеся в живых стали друзьями на всю жизнь.

За годы войны лейтенант В.В. Виноградов был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной звезды, а также многими медалями.

День Победы, 9 мая, 1945 года В.В. Виноградов встретил в Кенигсберге.

Но военная служба В.В. Виноградова продолжалась еще два года. Старший лейтенант Виноградов служил командиром роты до 1947 года, демобилизовавшись, Василий Васильевич возвратился в город Волоколамск, будучи инвалидом из-за после-

дного ранения.

В.В. Виноградов был коммунистом военного призыва, по демобилизации он сразу включился в трудовую деятельность.

Город Волоколамск за годы войны практически был весь разрушен – надо было восстанавливать город.

Василий Васильевич Виноградов в Волоколамске начал трудиться в 1947 году на восстановлении кирпичного завода. Изготовление кирпича – дело, очень знакомое для Виноградова: еще мальчишкой, приходя на завод к отцу, он побывал во всех его уголках. Еще до войны он изучил технологию производства кирпича, наблюдая многие часы за обжигом кирпича. После войны династия Виноградовых на заводе увеличилась: стал работать младший из Виноградовых, брат Николай, стала трудиться сестра Полина.

От завода В.В. Виноградов поехал учиться в Мытищи на курсы горных мастеров. По окончании их Виноградов был назначен начальником карьера завода.

Вести разработку на карьере надо уметь – это не только снять растительный слой, это надо организовать работу экскаватора, это надо было доставить глину на склад, да так, чтобы технологию соблюсти. Склад старый с дырявой крышей – надо заделать крышу и утеплить склад.

По соседству с кирпичным заводом находился льнозавод с горами отходов. Виноградов решил использовать отходы для отопления карьера: накрывали пласти мешками, а поверх раскладывали острвы. Эффект был колоссальный.

На кирпичном заводе В.В. Виноградов последовательно занимал должности: начальника производства, главного инженера...

За годы работы Виноградова на Волоколамском кирпичном заводе была завершена реконструкция завода: отремонтированы печи, внедрена механизация. Восемь лет отработал Виноградов на Волоколамском заводе, ему исполнился 31 год.

В 1955 году его направили учиться в Подольск на двухгодичные курсы руководящих работников Министерства промстройматериалов. Он окончил курсы с отличием в 1957 году. В том же году в Московской области создаются Главки: Главмособлстройрой, Главмособлстройматериалы. В.В. Виноградова назначают главным инженером огнеупорного завода в Щербинке, а через год – Подольского известкового завода. Пять лет Виноградов трудился на подольских заводах.

В 1962 году коммуниста В. В. Виноградова приглашают в Подольский горком партии, первый секретарь В.С. Папутин предложил ему возглавить Домодедовский известковый завод, который находился в подчинении Главмособлстройматериалов. Василий Васильевич приезжает в Домодедово и знакомится с Домодедовским известковым заводом: допотопная технология, кольцевая печь и карьер в Рыбушкине овраге. Рабочие живут в бараках. Дороги нет, забора нет. Передвигаться по заводу можно только в сапогах. Рабочие с ломами, кувалдами, лопатами...

Виноградов в горкоме партии доложил: «Не поеду!» Но его не спрашивали. Его назначили.

Виноградов завод принял. Стал наводить там порядок. О, сколько было вложено труда в реконструкцию завода! Для Виноградова это был второй фронт. Всякий раз он переживал, когда, наблюдая за работой людей в цехе обжига, видел, как при высадке брали они горяченькие камни и накладывали в тачки.

Виноградов видел и чувствовал, как с каждым годом улучшается работа на заводе, как благодарно относятся к нему рабочие. По характеру Василий Васильевич – человек спокойный, внимательный, добрый, он стал пользоваться на заводе уважением. О нем хорошо отзываются, его любят.

На заводе расширяется производство, растет производительность. В 1962 году

известковый завод приобретает дизельные экскаваторы, а потом – электрические. На заводе появляются бульдозеры, современный автотранспорт. В 1963 году завод передан Главцентрострою Минстроя РСФСР. В 1964 году на заводе введен цех сантехкабин, а в декабре 1964 года – цех известковой муки. В декабре 1965 года появляется новый цех – гипсобетонных прокатных панелей.

В июне 1965 года известковый завод, который вел свою историю с 1898 года, стал называться Заводом строительных материалов и конструкций. В 1966 году расширен цех известковой муки, мощность увеличивается в 5 раз.

С 1967 года завод снова в подчинении Главмособлстройматериалов. В это время на заводе строятся две известковые обжигальные шахтные печи производительностью по 100 тонн извести в сутки.

В 60-е годы завод строит для своих работников несколько жилых зданий, оказывает содействие в строительстве многих индивидуальных домов.

Пятнадцать лет своей жизни отдал Василий Васильевич Виноградов Заводу строительных материалов и конструкций – с 1962 по 1977 год.

На заводе работал Герой социалистического труда С.Б. Дронов. Он был начальником гипсобетонного цеха, шлакоблочного, обжига, транспорта, сантехкабин. Именно при директоре В.В. Виноградове Сергей Борисович Дронов прошел путь от экскаваторщика до начальника цеха и стал потом директором Белостолбовского кирпичного завода.

За время работы на заводе В.В. Виноградова в должности директора изменилась культура труда, завод стал предприятием высокой культуры производства.

Заводу строительных материалов и конструкций первому из домодедовских предприятий было присвоено почетное звание «Предприятие высокой культуры и организации труда». Директор завода В.В. Виноградов за свою трудовую деятельность был награжден орденами Трудового Красного знамени и знаком Почета.

В.В. Виноградов, уйдя с завода, более трех месяцев пролежал в Боткинской больнице, а потом полмесяца лечился в городской больнице.

С 1977 по 1987 год В.В. Виноградов работал заместителем директора Завода металлоконструкций по строительству. За эти годы при его непосредственном участии возводятся в городе Домодедове музыкальная школа, пожарное депо, аптека и многие жилые здания в микрорайоне «Елочка».

В.В. Виноградов избирался депутатом Домодедовского городского совета в течение многих созывов.

Он активно участвовал в общественной жизни района, в ветеранской организации, находился всегда на переднем рубеже деятельности.

Мне часто приходилось встречаться в последние годы с Василием Васильевичем Виноградовым. Его простота общения, теплота, исходящая из доброго сердца, притягивали, очаровывали...

Мы встретились в холодный ненастный день на улице города, постояли, побеседовали – я не думал, что это будет последняя моя встреча с Василием Васильевичем.

В субботу 13 июня 1998 года после тяжелой болезни ушел из жизни Василий Васильевич Виноградов – фронтовик, сражавшийся на важном рубеже Ржев – Сычевка – Вязьма в 1942 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Н. Татищев. История Российская. Собрание сочинений в восьми томах. М. Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994 – 1996.
2. Н.М. Карамзин. История государства Российского. М. Изд-во «Книжный сад», 1993 – 1994.
3. С.М. Соловьев. История России с древнейших времен, книги VI – IX. М. Изд-во «Мысль», 1991–1993.
4. Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В трех книгах. М.: «Книга», 1-я книга – 1990, 2-я книга – 1991, 3-я книга – 1992.
5. Знаменитые Россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий». СПб. Лениздат, 1996.
6. Дворянские роды Российской империи. Том первый: князья, 1993; том второй: князья, 1995. СПб.
7. Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1995.
8. Русский торгово-промышленный мир. М. Изд-во «Планета», 1993.
9. Тысяча лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М. Изд-во «Современник», 1995.
10. Н.П. Каманин. Летчики и космонавты. М. Политиздат, 1971.
11. В.С. Волоков. Родное небо. М. Военное изд-во, 1987.
12. М.В. Водошняков. Повесть о первых героях. М. Изд-во ДОСААФ, 1968.
13. 3-я гвардейская танковая. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. Под редакцией генерал-полковника А.М. Зварцева. М. Военное изд-во, 1982.
14. С.Г. Утехин. Виктор Талалихин. М. Московский рабочий, 1965.
15. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. Госизд-во «Искусство». Л. - М., 1961.
16. С.Ю. Витте. Избранные воспоминания. М. Изд-во «Мысль», 1991.
17. Н.Ф. Дубровин. Н.М. Пржевальский. Биографический очерк. С.-Пб., 1890.
18. Я.В. Зеленин (составитель). Всемирный путешественник. Путешествия Н.М. Пржевальского. Издание П.П. Сойкина, I том – 1899, II том – 1900.
19. Н.К. Попель. Танки повернули на Запад. М. Военное изд-во, 1960.
20. С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. 1-я книга – 1985, 2-я книга – 1985. М. Военное изд-во.
21. Егор Яковлев. Пять историй из пяти стран. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1968 (очерк «Секрет старика»).
22. Дипломатический словарь, том II. М. Изд-во «Наука», 1985.
23. Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США во время Великой Отечественной войны. М. Госполитиздат. Том II, 1957.
24. Александр Боханов. Николай II. М. Изд-во «Молодая гвардия». ЖЗЛ. Русское слово, 1997.

25. **Сергей Марков.** Люди великой цели. Н. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай. М. Изд-во «Советский писатель», 1944.
26. **Анна Ахматова.** Стихотворения. М. Изд-во «Советская Россия», 1977.
27. **А. К. Кучушев.** Домодедовскому заводу строительных материалов и конструкций 100 лет. М., 1998.
28. **Ф. Н. Глинка.** Письма русского офицера, 1815.
29. **Ф. Н. Глинка.** Очерки Бородинского сражения, 1839.
30. **Николай Васильевич Мещерин.** 1864–1916. Живопись. Каталог выставки. М. Изд-во «Советский художник», 1987.
31. Журнал «Смена», №8, апрель 1988 г. «Космос начинается с Земли» (из дневников Н. П. Каманина). Публикация Н. Хлебодарова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Федор Алексеевич Романов	7
Восводы домодедовской земли XVI–XVII вв.	14
Василий Васильевич Голицын	21
Александр Данилович Меншиков	26
Федор Юрьевич Ромодановский	33
Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский	37
Маргарита Михайловна Тучкова и Михаил Михайлович Нарышкин	43
Борис Владимирович Полуектов	49
Анна Алексеевна Орлова-Чесменская	53
Николай Михайлович Пржевальский	57
Сергей Юльевич Витте	73
Савва Тимофеевич Морозов	81
Антон Павлович Чехов	90
Николай Васильевич Мещерин	97
Схиигумения Фамарь	101
Епископ Арсений	107
Павел Николаевич Орленев	112
Пелагея Семеновна Хромова	120
Анна Андреевна Ахматова	124
Федор Иванович Никонов	129
Алексей Петрович Прусаков	133
Николай Михайлович Лифанов	140
Александр Степанович Чулков	145
Николай Петрович Каманин	152
Василий Сергеевич Молоков	160
Дмитрий Сергеевич Фоломеев	169
Виктор Васильевич Талалихин	176
Николай Григорьевич Чупин	184
Олег Степанович Кузнецов	190
Виктор Иванович Буганов	197
Георгий Иванович Мамонов	203
Василий Федорович Желудков	209
Василий Васильевич Виноградов	216
Литература	221

Николай Александрович Чулков

ДОМОДЕДОВО
история края в лицах

**Издание комитета по культуре, делам молодежи и спорту
администрации Домодедовского района,
издательства «Компания «БМС».**

Лицензия Госкомитета РФ по печати
ЛР № 065777 от 01. 04. 1998 г.

Редактор М.И. Панферов
Технический редактор А.Ю. Абатуров
Корректор Л.Ю. Андреева

Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 5 000 экз.
Бумага офсетная № 1. Подписано к печати 15. 03. 1999 г.
Отпечатано на Домодедовском производственном комплексе ДПК.
142040, г. Домодедово, ул. Пионерская, 18. Заказ № 3960.

Николай Чулков

ДОМОДЕДОВО

история края в лицах

